

Б А С Т А Р Д Ы

Б А С А

***

Пролог

Наступила полночь. Среди недели было не много народу в поздний час, как по выходным дням. Я зябко поежилась, прячась в вороте кожаной куртки, которая плохо согревала, а скорее служила красивым дополнением к облику. Как же холодно было. Контраст с теплым помещением сделал свое дело или последствия стресса. Очередная ссора.

В следующий раз не буду слушать людей, которые предложили кидать машину дома, ведь они будут за рулем. Ага. А потом взяли и сбежали едва встреча выпускников началась. Нет. Мне определенно надо было такси вызвать. Дрожала с такой силы, что если бы кто-то задал вопрос, из моего рта не единого слова не вырвалось бы, разве что непонятливые звуки. Я в короткой юбке, кофте шелковой, кожаной куртке и на каблуках. Не подходил облик под пешую прогулку в ночи.

В этой темной ловушке, как мы прозвали небольшую дубовую рощицу, по которой я передвигалась была тишина и абсолютный мрак. Кроны деревьев летом закрывали проходящих людей от солнечного света.

Прекрасное место — для романтических прогулок. Ниодной живой души, кроме изредка летающих птиц и дрожащих листьев на ветру. А так — полное молчание, гнетущее, сковывающее не хуже холода.

Слышала стук своих каблуков о камень, вымостивший тротуар. По бокам дороги были припаркованы машины разных марок и габаритов. Свет почти не пробивался сквозь ловушку. Все-таки не стоило адреналин попить медленными глотками. Я люблю его в меру. Темнота — страшнее запредельной скорости, развитой в машине.

В грудь словно ударили неожиданно. Странная смесь ощущений окутала — предчувствие, опасение, страх.

Горло сжало ледяными пальцами, от которых мурашки распространились по коже. В ночной темноте уловила что-то впереди на тротуаре. Большое и еле подрагивающее. Похожее на кучу тряпья, валяющуюся без движения. Никаких признаков активности, но я остановилась настороженно.

Перевела дух и вновь пошла. Выхода нет. Либо вперед, либо назад. Похлопав по карманам куртки и юбки, удостоверилась, что телефон остался в машине Шмонта.

Сглотнув горькую слюну в горле, пошла ровным отточенным шагом. Про себя уговаривала — не бояться. Но мыслей о том, кто это или что не было.

По масштабам смахивало на тело, может кто-то пьяный как и я возвращался со встречи выпускников и замерз по середине дороги? Сарказм — моё всё.

Оставалось несколько шагов, я стала замедляться. Но это не спасло. Резко остановилась на месте.

Груда непонятной одежды поднялась во весь рост, напоминая животное массивными четырьмя лапами. Крупная фигура. Рык зверя и немедленный рывок в мою сторону. Несколько прыжков.

Из груди вырвали дыхание, повалив на лопатки. Собака — большой волкодав под шестьдесят килограмм веса стоял на моей груди передними лапами, откуда разливалась боль. Яркая, частая.

Сильно давил весом, блокируя воздух в горле и во всем теле. Когти с непонятным

шаркающим звуком царапали по кожанной куртке. Успела глухо простонать, прежде чем услышала голос:

— Кончай с Бастардом.

Не понадобилось рассматривать того, кому принадлежала речь. ПБ — против Бастардов. Целая незаконная организация, считающая Бастардов — ничтожеством, не имеющим права жить. Хриплый мужской голос. Не видела лиц, но ощущала чужое присутствие.

Сзади донесся шорох шагов, шелест одежды, и я оглянулась, с трудом заставив себя убрать взгляд от пылающих ледянисто-серых зрачков, с угрозой сверкнувших в темноте. Белые клыки заострились, предупреждая о расправе в случае не послушания.

Почему сразу горло не разорвет псина? Боковым зрением засекала фиолетовое яркое сияние, красиво вспыхнувшее в темноте и стремящееся в моем направлении. Задержала дыхание будто в один миг зажали и нос, и рот. Больше не предпринимала попыток пошевелиться. Сердце подскочило и замерло в районе груди, а там также, как и воздух, заблокировалось от страха.

Подняла машинально руки, прячась то ли от света, сверкающего в темноте, то ли от клыков, едва не касающихся острием шеи.

Две секунды хватило бы волкодаву, чтобы разорвать горло сопернику, вцепиться в шею, вырвать жилы и связки без особых усилий. На то они и волкодавы — специально обученные твари.

Свобода, руки двигались. Пропало давление на грудную клетку, не было боли, и я могла дышать, а не урывками красть кислород из воздуха. Я стояла, а не лежала на прохладных камнях мостовой дороги.

Открыла глаза, обегая взглядом окружающие предметы и людей. Я переместилась на несколько метров за спины людей. Спасена.

Три ПБ-ка в военной форме грязно-коричневого цвета в высоких сапогах ботфортах на шнуровке, автомат на перевес. Волкодав на привязи — чистокровный огромный массивный зверь в высоту в холке, наверное, достигал моего бедра. Лица каждого человека были скрыты черной маской с прорезью для глаз, рта и носа.

ПБ — ники копировали облик не безызвестных КМЗ-ников — команда мгновенной зачистки: смесь охранников, военных, блюстителей порядка и закона. Только они ходили без масок и при появлении в первую очередь имели обычай представляться перед человеком, раскрывая документ о военном положении, а не тыча автоматом в горло.

Пока секундная заминка и с их, и с моей стороны, хоть небольшая передышка, но я окончательно поняла, что пришли по мою душу. А вон неподалеку та груда, из которой выпрыгнул волкодав, это человек — и судя по обездвиженному телу он либо мертв, либо без сознания.

Отсюда не выбраться, это тоже стало понятно. Прежде чем сделала первый шаг, переходящий в бег на каблуках, почувствовала за собой мгновенный рывок зверя. Агрессивный рык и сжавшиеся зубы, стукнувшие в процессе движения друг об друга. Хриплое, тяжелое дыхание зверя приближалось, не давало опомниться или придумать план по спасению от троих мужчин и одного животного.

Звук выстрела автомата прозвучал рядом. Почти физически ощущала перемещение пули за спиной, словно та ожила и летела дыша в затылок.

Свет ослепил яркостью глаза. Пули нет. Рык, скорее рев зверя раздался сзади. Туша

свалилась на тротуар с тяжелым вздохом.

Повернулась и с облегчением увидела два внедорожника, загородившие дорогу на выход, откуда пришла. Вновь скрип тормозов, с другой стороны — еще одна машина черного цвета. Они полностью заблокировали выходы и входы. Стало чуть светлее в ночной темноте, благодаря фарам от трех машин. Двери открылись, явив знакомые лица и преподнеся невероятное бесконечное чувство радости. Спасена. Еще один звук пули вывел из прострации, всколыхнул разум. Инстинктивно не осознавая опасности тело отреагировало — присело и над головой проскочил ветерок, по которому распознала выстрел.

— Аня, в машину! — скомандовал знакомый голос. Его хозяин был одет похоже на ПБ-ников в военную форму, но с открытым лицом, не спрятанным за маской, держал дверь машины.

— Папа, — выдохнула запоздало, слыша ровные удары сердца о грудь изнутри. Прикрыла глаза, восстанавливая дыхание. Позади проблемы, здесь я находилась в безопасности.

— У меня к тебе задание, — я сразу подняла уставшие веки.

И должно быть столько страха прочитал отец в моих глазах, что голос поменял с привычно-приказного на более мягкую форму.

— Не смотри так. Как только Кирилл закончит очистку местности, убегаешь через Лесье, сквозь Гробницу напрямик к Страдовцам. На границе не попадайся. Помнишь, где раньше мост был через Гробницу? — я посмотрела в лобовое стекло.

Большого предложения не требовалось. В рекордные сроки залезла в машину, бойко вскочив несмотря на длину юбки и высоту бортов внедорожника. Кирилл захлопнул дверцу и все погрузилось во мрак, только по дыханию и еле заметному очертанию рассмотрела человека сбоку.

— Как ты меня нашел? — единственное, что выговорила чуть заплетающимся языком сбивчиво, но отец понял.

— Шмонт позвонил — не смог тебя найти. Один... — я сразу поняла, что отец отсчитывал. Поглядела в сторону окна. Кирилл одним молниеносным движением перерезал горло ПБ-ку.

— Два, — поцеловала папу в щеку, чуть жестковатую от грубой щетины, запомнив известный одеколон, которым отец всегда пользовался. Свежий, даже порой через чур, но запах стал родным и привычным. Нужны были силы, приходилось черпать подобным образом.

— Три, — как только тело рухнуло под ноги Кирилла, я раскрыла дверцу, скинула туфли с уставших за целый день ног и пустила всю мощь своего тела на дальнейший бег.

У ПБ — ников ни шанса, те задавлены количеством, да и опытом работников специальной службы. Двое нападавших кое-как стояли на ногах, пытались убежать, только ускорив конец.

Я кивнула отцу вместо ответа, зубы стучали друг об друга и боялась, что правильно не выговорю слова.

— В детстве вы там часто гуляли с ребятами, а я запрещал всегда. Вот теперь беги туда — затеряйся. Тебя нет. Ты — это не ты. Запомни. И не влезай никуда по возможности, только в крайней необходимости.

Не было времени удивляться, и я только кивнула. Опять. Сглотнула.

В одних колготках нырнула сквозь рожицу, благо мои габариты позволяли протиснуться

сквозь дубы, листья и корявые ветви. По ногам почувствовала болезненные стежки. И бежала, не помня себя, прокручивая в голове только приказ отца. Бежать и бежать к Гробнице.

Сначала путь пролегал сквозь поле пшеницы засеянное. Сбоку справа возвышаясь на многие километры отсюда — то место, в которое я возвращалась но так и не вернулась. Родные стены. Дом каменный. Прохладный летом, защищенный высоким забором под напряжением, огромным количеством КМЗ-ников и современной техникой слежения.

Я и представить не могла в тот момент, сколько пролетит времени и как сильно изменюсь по поведению, прежде чем вновь вступлю на территорию своего любимого замка — дома.

Глава 1. «Ночной побег»

Глава 1. «Ночной побег»

Это была глубокая ночь, когда почти весь народ северной части Гнета спал крепким сном. Его малая часть бодрствовала — медики и военные, ну и возможно малое число молодежи.

Страх гнал серым голодным волком, наступая по пятам, а я бежала по полю. Царапая ступни о землю, корешки растений, иногда спотыкалась, но не падала, это было бы слишком большой роскошью, на моем счету нет лишней минуты. Щеки полыхали огнем, в горле чувствовалась тяжесть, которая не пропадала, а с каждым шагом становилась объемнее и крепче.

Тени от одиноких лачуг преследовали — это был район «Лесья», который располагался по кругу леса. Через пять километров стоял пропускной пункт. Я могла бы пройти сквозь него, но отец дал другой указ. Я должна скрываться от людей, только зачем и почему так внезапно, вовремя нападения ПБ-ников? Что он хотел добиться, скрывая меня, может кого-то подозревал в нападении?

Пришлось не задолго до границы свернуть вправо. Как только над головой сомкнулись деревья, стало жутко. Захотелось повернуть в диаметрально противоположное направление домой — под семейный покров.

Сбавила шаг, чувствуя как резали под ребрами сотни мечей плоть, и, задыхаясь от недостатка воздуха, прислушивалась к звукам. Тишина. Оглушающая.

Дальше начиналась Страда. Некогда мы две страны Гнета и Страда были объединенным государством. Миролюбивым и дружным народом (Немийцами), разделенными между собой полноводной рекой, которую в последствии называли Гробницей. Название река получила благодаря тому, что пятьсот лет назад в ней схоронили множество трупов Бастардов. Она служила их личным кладбищем. Тела сжигали и бросали в реку. С тех пор вода значительно обмелела и была больше похожа на болото, сплошь заросшее тиной.

Пятьсот лет назад — Бастарды занимали около половины населения страны. Сейчас их осталось приблизительно пятьсот человек в сравнении с Аристократами, которые на данный момент времени составляли три миллиарда представителей человечества.

Тысячу лет назад в рассвет Немийцев людей в общей сложности проживало более восьми миллиардов. В те века не существовало понятия, как Бастард и Аристократ.

Они были людьми — обыкновенными людьми, чувствующими потоки энергии. Которые били фонтаном ото всюду: из воздуха, из воды, из солнца. Немийцы пользовались всем, что давала земля в целом, не имея понятия, что такое болезнь — вирус, пожирающий изнутри. Они имели понятие о смерти от устаревших органов. Но никак не медленное мучительное отмирание инфицированных клеток.

Где-то две с половиной тысячи лет назад Немийцы разделились на два соперничающих государства. Между ними никогда не было войн. Лишь разделение во всём: в политике, заботе, здоровье, в правилах поведения, торговле, бизнесе, рождении и, наконец, смерти.

Они словно на разных языках говорили, что и послужило официальной версией деления государств. Но поговаривают, что точкой разделения и главными инициаторами разрыва всегда были Вильмонт и Хаски, образованные семьи примерно в те же века на границе разлома Немийцев.

А в последний раз столкновение между нашими странами достигло невиданных ранее высот. На заседании стран по урегулированию военных конфликтов.

Я только со слов отца и брата вкратце знала суть истории. В день собрания три страны обязаны соблюдать мировое соглашение, но в наших Гнета и Страды произошли два одновременных взрыва самых высоких зданий. Пострадало уйма народу, в результате чего председатель объединенного собрания Френ Мерси чуть из своей почти лысой головы не сделал лысую полностью. Сколько было разборок, сколько грязи полилось на две наши страны и через год нам в приказном порядке велели складывать оружие и объединяться. Мир сошел с ума. Они что совсем головой сильно приложились на том собрании или через чур много выпили сивухи? Что за бред? Как можно двух врагов объединить под одну территорию? Не говоря о том, что у нас разная культура, разный статус и совершенно отличное поведение.

Да элементарно даже я, привыкшая к зиме за свои восемнадцать лет, а Страдовцы вечно теплились под лучами яркого солнца. У них минус десять — всё капут. Учебные заведения закрывались по причине холодов. Экие цветочки. А законы — это отдельная строка в моем списке причин ненависти. У них разрешена смертная казнь и знаете за что? Убийства я не считаю, ладно как-то могу смириться с мыслью. Убил, будь добр ответить своей жизнью. Но Бастард подери расстрел жены за измену мужу. Это полный...финиш.

Завтра в 501 год нашего тысячелетия двадцать седьмого августа вступал в силу закон объединения — Страды и Гнета. Границы между нами сотрутся.

Всегда ненавидела слышать тишину вокруг себя и видеть кромешную тьму, нападало подозрительное ощущение, словно за мной по пятам кто-то крался. Прекрасно понимала, что мнительность, но в спину подгонял адреналин и приходилось прибавлять шаг быстрее и быстрее.

Минут через пять бега лес расступился, выгоняя из своей обители темноты чужака. Спутник нашей планеты на противоположной стороне реки излучал сизо-голубой свет, который радушно орошал близлежащие земли. А рядом находился последний оплот, преграждающий путь к Страдовцам — Гробница. Под ногами мешались высокие кусты, приходилось высоко задирать ноги по пути к реке. Казалось, что меня преследовали по пятам, дыша в макушку. Рефлекторно обернулась назад в сторону леса, так что длинные пряди смольно-черных волос хлестнули по лицу. Присмотрелась. Не заметила подозрительного шороха веток. Только легкий ветер трепал листья.

Выдохнула, прогоняя из легких напряжение.

Я в жизни так не боялась, только наверное, один раз когда неизвестный Бастард, встретил меня, или я — его в темное время суток недалеко от дома. Он оставил навсегда прощальный подарок перед тем как я потеряла рассудок и окунулась в обморочное состояние, которое испытала единственный раз в жизни. Четырьмя шипами не длинными несколько миллиметров в длину и столько же в ширину оставил автограф под грудью — на левой стороне под сердцем. Четыре небольшие дырочки от соприкосновения стали с плотью в последствии заросли, и теперь почти не были видны.

Совсем чуть-чуть не дошла до того места, где раньше был мост. Хотя, его трудно так назвать, скорее хилый мостик и то — в последнее посещение мы его догадались поджечь. Отец конечно, подумал, что я его приказа послушалась — не лазать по болоту, нет — больше некуда было ходить. Не вплавь же переплывать это стоячее болото.

Плохо помню, как вскарабкалась по грязному илу и поднялась чуть повыше к траве на

ослабевших конечностях и рухнула, просто рухнула грузным камнем и всё. Меня еще некоторое время штормило с закрытыми глазами и, наконец, полный штиль. Убаюкало. Нет сил. Хоть убейте.

Потом поднялась обреченно и пошла в неизвестном направлении сквозь сплошную тьму. Прямо и прямо по неизвестной траве. Долго-долго шла, скорее ползла.

Чуть ли не впервые в жизни не было дела до внешности, ни грязь на юбке, видневшаяся невооруженным глазом, ни ощущение слипшихся волос на щеках и шее, ни что не имело значения. Блуждала бесконечно по полю.

На горизонте забрезжил рассвет. Пол ночи брела, не видя намека на какие-либо здания. Бесконечное открытое пространство. Сколько у Страдовцев земли пропадало не задействованной — проскользнули мысли моего папани. Уж он бы здесь предпринимательскую деятельность развернул. С размахом. К Бастардам скопил плантации и полезные минералы вытащили из-под семьи. Жадный до денег папочка. Не судите строго.

Больше не могла. Уселась на прохладную землю лицом к своей стране родной, скрывающейся за лесом вдалеке, — спиной к этой новой неизвестной. Ветер скользил по открытым участкам кожи: по рукам, лицу и шее. Солнце начало светить в затылок, но жара не чувствовалась сильно. Небольшое тепло. Ветер подталкивал в спину сильно, будто прогоняя обратно туда в лес, откуда пришла.

Раздирало внутри — одна часть хотела сбежать, спрятаться ото всех, пойти наперекор условностям, обязанностям. Устала от постоянного вранья.

Жизнь — одно большое недоразумение, которому приходилось подыгрывать. Говорили сделать то — как послушная девочка делала. Говорить так — говорила. Надоело. Но вторая часть, скованная ответственностью, страхом за родных, висела на плечах, уравновешивая.

Как бы не раздирали разные половины — был дан приказ отца. Бежать. Бежать без оглядки к Страдовцам — на их территорию. А отец приказами никогда не разбрасывался. Встаем, Вильмонт.

Приподняла левую руку — немного тяжело. Мышцы нитями растянулись и не желали больше работать.

Смешно стало, вероятно нервное. Растеряша. Левая рука, безымянный палец пустовал. Лет с десяти носила кольцо везде и всюду с бордовым камнем, и купалась, и бегала, оно сидело как вторая кожа. Ниразу не потеряла, а сегодня какой-то неудачный день, хотя нет, скорее неудачная неделя.

Застонала во все имеющиеся силы. Заломило мышцы рук и в особенности ног. Давно пробежками на длинные дистанции не занималась. Встала на колени, пытаюсь сосредоточить взгляд на чем-то важном. Не время расклеиваться, я не хрустальная ваза, которая может разбиться. Вперед.

Отвратное состояние. Был бы кто-нибудь рядом не отказалась понюхать кому-то на ухо, о том как мне жарко, болела голова не ела целый день и парилась на солнцепеке. Мечтала помыть слипшиеся волосы слипшиеся от грязи и пыли волосы.

Помню брела долго, пока, наверное, не начались галлюцинации. От недостатка воды в организме подобное случалось.

Различила черную постройку. Глаза заблестели, как при виде огромных алмазов, валяющихся нетронутыми перед мной. Постройка, люди, цивилизация. Еда. Вода.

Молитвы услышаны. Вся усталость рассыпалась не заметно, испарилась в земле, по которой я побежала, обрешая внезапно крылья, чтобы перелететь разделяющее

пространство меня и сарая. Неужели я спасена?

Постройка медленно приближалась, темно-коричневые доски создавали некий сарайчик, просвечивающийся с двух противоположных сторон, без дверей и окон. Помещение было высоким метра четыре в высоту и будучи почти возле входа расслышала лошадиное ржание. Не фанат я скакунов.

Зашла под крышу и чуть от усталости не рухнула на колени. Дышала глубоко и часто, восстанавливая дыхание в норму. Осмотрела пространство — повернула голову влево. В загонах и правда стояли лошади — высокие, и немного испуганные внезапным появлением чужака, отбивали копытом по деревянной балке в стойле. Три лошади, две черных и одна прекрасно-белая, а справа...

По коже прошелся холодок от ветра. Рядом движение и плеча через ткань футболки коснулось что-то теплое, мягкое.

Заорала во всю полноту легких. Будь загон соломенным, то непременно разлетелся бы от визга. А голос у меня сильный и звонкий, не быть мне певицей, да я и не претендовала.

Вновь пришлось убежать в обратном направлении. Спустя минуту поняла, что не слышно погони. В спину не летели палки или охранные амулеты. Кто их знает, чем они в стране Страды баловались.

Развернулась и прислушалась, от загонов доносился едва заметный звук, тихий приглушенный, словно кто-то сдавленно посмеивался. Точно будто кто-то боялся разразиться истеричным смехом и специально закрыл рот рукой, чтобы оттуда не донеслось ни звука. Что там происходило, было до жути интересно узнать. Червячок любопытства изгрыз вдоль и поперек, поэтому не стала больше противиться и позволила взять надо мной власть.

От здания отсоединилась тень и обрела очертания девушки. Я прищурилась, пытаюсь разглядеть ее. Она прижималась спиной к стене, одной рукой перехватила себя поперек живота, другой прикрывала рот. А потом незнакомка и вовсе сползла по стеночке и уселась на корточки.

Может ей плохо? Подошла к ней, присела рядом. Какие красивые рыжие волосы. Девушка подняла на меня глаза зеленые-зеленые, как у самой настоящей ведьмы в сказках и по небольшим морщинкам возле глаз стало понятно, что она действительно смеялась.

А я переживала. Девушка отняла руку ото рта:

— Ты трусишка!

А то я не в курсе. Захотелось блеснуть сарказмом и предложить поменяться местами — я бы ее напугала...

— А ты не подкрадывайся, и возможно доживу до старости, — ответила вместо сарказма. Девушка перестала смеяться и медленно приподнялась. Сейчас начнется допрос с пристрастиями. Чужак на территории.

— Ты откуда такая красивая появилась? — спросила новая знакомая, оглядев мой наряд сверху донизу и, видимо, придя к определенным выводам. Лицо ее стало спокойным, равнодушным или скорее немного любопытным. Страх она не испытывала.

— Из дому сбежала, — смысла врать не было, как и нет. Она удивленно посмотрела на меня, изучая как некий любопытный неопознанный объект и... и начала падать. Будто у нее силы закончились стала заваливаться на меня. Я вовремя успела подставить руки и подхватить ее подмышками.

— Эй. Ты! Дамочка, просыпайся. Не время спать! — поняв, что та не реагировала и

закатила глаза, заорала не знаю кому.

— Помогите! — кричала громко насколько позволяли голосовые связки. Медленно опустила девушку перед собой. перевернула спиной на траву возле загона.

— На помощь! — тишина только отвечала. Повертела лицо девушки из стороны в сторону, прислушалась к легкому дыханию. Дышала — уже хорошо. Пульс? Прощупывался. В чем дело? Глаза полуприкрылись. Что с ней?

Надо кого-то найти, может она больна чем-то? Судя по внешности — Бастард стопроцентный. Рыжие волосы, лицо усыпано веснушками, а это изъяны внешности, которые Аристократки считали за таковые и стремились искоренить в себе. Нет ни одного Аристократа с веснушками.

Я вскочила и побежала сквозь загон, слушая топот ног о деревянные балки. Кони или кобылицы, увидев стремительный бег, вставали на дыбы. Одни копытами ударяли по двери, другие ржали, словно прогоняя, пытаясь напугать. Хорошо двери выдерживали удары разъяренных парнокопытных.

Как только вновь выбежала на солнце передо мной предстал бревенчатый черный домик, как в деревнях, хотя о чем я говорю это судя по всему деревня Червы на окраине Страды. Здесь в основном вели хозяйство фермеры и где-то неподалеку одна из пяти имеющихся в данный отрезок времени школа для Бастардов.

Едва ребенку исполнялся месяц, и когда врачи удостоверились в жизнеспособности новорожденного, малыша отдавали в школу для Бастардов, которую они не имели права покидать до наступления восемнадцати лет. Это я подчёрпнула от знакомых Бастардов, которых не так много раз встречала за свою жизнь. Изгой по жизни. Их всегда старались скрыть, спрятать от обычных людей.

Продавщица в ближайшем супермаркете от загородной дачи, откуда вчера сбежала, была излишне вежливой и добродушной девушкой двадцати лет. Кстати, это я у нее курить научилась. Было любопытно, что за гадость она ко рту подносила. Да и прикольно смотрелось со стороны.

Говорила, у них в школе и не такими вещами увлекались подрастающие Бастарды. За пределы территории их не выпускали.

При наступлении совершеннолетия возвращали право вести жизнь как, они того желали.

С тех пор продавщица с подружкой проживали и работали в стране Гнета. Нашли домик у одной доброй женщины Аристократки, которая отживала последние полгода жизни. Тело стало покрываться морщинами и умирать. Длился процесс примерно полгода. Одна в тишине и одиночестве жила и ей было за радость увидеть живые лица и вдохнуть полной грудью немного молодости. Девочкам повезло оказаться в нужном месте и в нужное время. Квартиру женщина подарила Бастардам, наследников не имелось. Пыталась один раз с мужем еще на тот момент живым, но не выносила. На вторую попытку средства не позволили, слишком дорогостоящая процедура.

Девочки — Бастарды пришлись мне по душе. Я и бегала к ним курить из вредности. Показать, что не такая, как все. Отец, узнав о моем времяпрепровождении, чуть мозг весь не съел. Его лекция тогда длилась два долгих и нудных часа. Готова была заснуть, тогда папа изредка начинал кричать, чтобы взбодрить сонную тушку.

Так вот, увидев бревенчатый домик, а потом, разглядев спускающегося парня по лесенке, вздохнула с облегчением.

— Там девушка, — указала пальцем в сторону загонов. — В обморок кажется упала.

Посмотрел очень серьезно, едва не сжег взглядом кожицу, словно это я причина бед. Юноша побежал в сторону черного загона, а я следом. Дверь из дома стукнулась громко о перила лестницы, я заметила как новое действующее лицо появилось на улице. Женщина шла медленно, пока мы бежали через загон.

Парень присел возле рыжей девушки. Наклонился, провел те же манипуляции, что и я. Хотелось прикрикнуть на него, что толку от его ощупываний мало и пусть действует или позовет кого-то.

— Что ты сделала? — он сильно прищурил и без того узкие глаза. Они словно в одну щелочку сузились, я бы при большом желании не смогла понять какого они цвета.

В чем обвинял? Буря закипала в груди, но я смолчала. Сбоку к нам подбежала женщина — Аристократка. Не знаю как, но глядя на человека могла определить, Аристократ он или Бастард. Нюх на них.

У женщины искривились идеальные черты лица. Но красота тела не исчезла. Стройная, высокая, гордая осанка. Присела над девушкой и медленно ощупала. Более осознанно со знанием дела не то, что мы.

— Что произошло? — вопрос был предназначен определенно мне.

— Я только что ее встретила. Девушка упала в обморок. Энергетическое воздействие не применяла, — отчиталась строго, стараясь без эмоций и без оправданий. Это излишне.

Если бы применяла энергетическое воздействие в месте вхождения энергии кожа человека приобрела бы фиолетовую капиллярную сетку, похожую на паутину. Кровь перенасыщалась кислородом, от этого и происходили изменения цвета на некоторое время. Женщина кивнула и замерла что-то рассматривая. Что там произошло? Выглянула из-за плеча.

Женщина прислонила пальцы к шее девушки, надавила на жилу. Так и задушить можно. Потом показала нам ладони лежащего без сознания Бастарда. Красные точки стали отчетливыми. Когда я проверяла их вроде не было.

— Это яд от растения джимпи-джимпи. Оно единственное ядовитое на ближайшие километры, — затем показала на ворот у рубашки девушки, на шее тоже красные пятна пошши. — У нее анафилактический шок, у нас врача нет в ближайших десяти километрах. Пульс еле заметный. Вы двое — где-нибудь чешется? Покраснения? Прикасались к ней?

Я вздрогнула. Прикасалась, ощупывала. Не помню касалась шеи или рук, но трогала точно. Мы с парнем синхронно осмотрели тела, прислушались к ощущениям на теле:

— Не чешется, — ответила за двоих.

— Следите за состоянием, как только зачесется, скажите. Мазь от ожогов есть, а вот в случае с Аней... — и она посмотрела на рыжую девушку, лежащую точно ледяная замороженная статуя. Цвет лица стал холоднее, как у Аристократки голубовато-белый. Женщина опять прощупала пульс.

— Не дышит, — спокойно сказала она, приподнимаясь с коленей. Холодно, без эмоций. Нормально?

Глава 2. «День объединения»

Глава 2. «День объединения»

День объединения двадцать седьмого августа мы провели, готовясь к похоронам. Тело девушки не заносили в дом, так и лежало оно на улице. К вечеру приехал врач, подписал бумагу о смерти и со спокойной душой уехал.

Устала от постоянных эмоций и непонятных событий.

Мы с Иваном, это оказался тот злющий волкодав рыли могилу для Ани под деревом неподалеку. Хоронить решили на закате дня.

В короткой юбке старательно помогала, но усталость звенела на нервах и в костях. Хотелось упасть лицом вниз, и плевать что под носом могила, вырытая для Ани. Иван со мной начал разговаривать, после того, как врач объявил о смерти от анафилактического шока. Реально думал, что я ее убила? Иван задавал вопросы по типу, откуда пришла. Предположил, что я сбежала из интерната и за мной ведется охота? Сбежавших не возвращают в интернат, это я узнала от продавщиц-бастардов из нашего магазинчика, их вычисляли и вводили насильственный Ик — вирус инфицирования крови. Мгновенная смерть, которой пользовались пятьсот лет назад для очистки земли от Бастардов. Оставили лишь немногих на тот момент.

Иван рассказывал о своем прошлом, когда мы расслышали хрипловатый мужской голос. Смутно знакомый. Стояла с лопатой врытой в землю, руками держась за древко. Подняла глаза, которые в последствии чуть не выпрыгнули на Кирилла — моего охранника личного, ну того который мне вчера дверь в машину открывал. А что это был он я поняла не смотря на тулуп утепленный меховой, созданный для холодных времен года. А этот неумный человек оделся в двадцати градусное тепло. Идиот.

Я на вопросы Ивана только кивала головой и соглашалась. Конечно, Иван. Да, Иван. Интересно, сарказм он разгадал? Парень был типичным представителем Бастардов. Рост невысокий, вширь немного раздался, глаза узенькие, нос обычный — стандартный, не большой и не маленький, а губы — тонкие, лицо округлое и кудрявые волосы. Вряд ли по прошествии некоторого времени вспомню его лицо подробно. Таких много и они для меня похожие. Взгляд Ивана изредка на себе ловила, чуть заинтересованный, но мгновенно избегающий. Стыдно за свой интерес перед Аней. Еще бы! В день смерти подружки пялиться на другую.

Как оказалось они с Анной Ананиной выросли в одной школе и, когда им исполнилось восемнадцать лет оба покинули родные стены. Одинокая женщина их приютила. Тяжело вести хозяйство без мужской рабочей силы.

— Молодые люди, не пожалейте тепла и уюта хоть на один денек. Еду С Черкинской заставы сил нет. Бессовские разбойники обворовали прямо на магистрале еще и лошадь хотели поджечь. Помогите, не пройдите стороной, — с акцентом заговорил Кирилл со своей огромной кучерявой бородой и усами.

И как мне с этим неандертальцем общаться? Но на меня Кирилл предпочитал не смотреть, значит разыгрываем сценарий. Я — не я и никого не знаю. Изучала медленно могилу, вырытую в земле.

— Конечно, — подскочил Иван, отряхивая грязь о джинсы. Протянул грязноватую руку. — Будьте гостем. Правда у нас горе сегодня случилось. Пройдем-те я вас познакомлю с

хозяйкой.

Иван кивнул мужчине. И они пошли в сторону дома, а я спустя некоторое время последовала их примеру. Что здесь разыгрывалось? Спектакль?

Похороны прошли спокойно и без слез. Я находилась в какой-то иной реальности. В той одежде, в которой Аня и была, чуть бледноватая и холодная, в таком виде ее и положили аккуратно в вырытое углубление в земле. Прикоснулись к ней на прощание и молча закапали, едва засыпали земелькой. Никто не всплакнул. Странные люди. Им что не жалко Аню?

Понимаю, я — левый человек не знала девушку, но они совсем не жалели? Мне немного жалко. Молодая девочка недавно выпустилась из школы. Впереди целая жизнь. Любовь, Иван, семья. Может чудо беременности.

А домочадцы спокойны. Или дело в том, что Аня — Бастард и каждый был готов к смерти другого? Странные эти люди. Хотя и не родные, но все же... Думала я — черствое создание, не способное сострадать и сопереживать.

Морально выжатая чередой не прекращающихся событий наблюдала как Кирилл из себя невесту знает кого. Седого старичка с большой бородкой, говорящего с акцентом. Таких стариков давно нет. Плохой из него актер. Подпирала рукой подбородок, мечтала помыться и переодеться.

Одежда представляла собой грязное пятно, хорошо шлепанцы выдали. Стопы опухли сильно и ломило от напряжения. Одним ухом прислушивалась к разговору, краем глаза спала, мечтая доползти до коврика в коридоре.

— Я еду в Мангалку, — начал Кирилл издалека.

— Ты Ванюша, — что за слащавое обращение? Закатила я глаза к лампочке на потолке, одиноко мерцавшей и освещавшей меня, Ивана, Кирилла и тетюшку, приютившую незнакомых людей. Насколько люди бывают добрые. Кирилл был бесподобен, похож на местного бомжа, неотесанного грубого мужика, матерящегося через слово, — говорил поедешь в Арзонт. Могу подвезти. Завтра отъезжаю, если хочешь возьму вас с невестой?

С кем? Весь сон рукой сняло. Подняла уставшие слипающиеся веки на Кирилла, и он впервые за все время твердо поглядел на меня взглядом, уверенным, целеустремленным и отдающим приказ. Докатилась. Мой личный охранник отдавал приказ. Мне.

Иван замялся, усмехнулся, почесал шею нервно, будто прогоняя чужие пальцы с кожи.

— Вы не так поняли. Аня мне не невеста. Мы просто... — он стал подбирать выражение.

И тут я почесала голову машинально, по всему черепу, словно стадо муравьев пробежалось, маленькие колкие ощущения, больше смахивающие на щекотку почувствовали скорее всего все. Кирилл... Смотри не переусердствуй.

Не всегда его убеждения приносили нам пользу. Вспоминается, как он убедил, по вредности наверное, официанта в кафе, что в моей тарелке нашли черный пречерный волос, как у коня грива. После убеждения, нас вылизали с ног до головы и достали до такой степени, что хотелось их грохнуть причем прилюдно. Официанты через каждые пять минут прибегали вытирали влажными салфетками столы, стулья прямо перед нашими носами. Отвлекали всячески, не давая спокойно пообедать. А когда Кирилл начинал курить, рядом с ним стоял официант и подставлял пепельницу для смахивания пепла. Мы сбежали отсюда быстро.

Так что, Кирилл, в этот раз постарайся не переборщить, а то Ванюша отправит меня

завтра под венец не успею проснуться. Стоп. Стоп... Ты что хочешь, чтобы эта деревенщина — Бастард взяла меня в Арзонт?! В Арзонт!? Столицу Страдовцев? В это место крутого бамонда!? Прикольно. Ниразу там не была. Райское местечко поговаривают. Там самая низкая температура в январе феврале достигает пяти градусов это был абсолютный минимум лет пятьсот назад. В основном десять-двенадцать — это у них зима. Да...не сравнимо с нашим климатом. У нас зима с бурями снежными и не возможностью проехать по дорогам в силу полного не видения трассы.

— Мы просто... друзья хорошие, — договорил Иван.

Ура! Иван улыбнулся. Фух... Кирилл прокатило. Наверное, чуть ли не впервые на моей памяти. Хотелось подколоть, но пришлось смолчать. Хорошо, Иван не воспытал неожиданной любовью.

Это территория начинающегося северного округа Страдовцев. Более или менее цивилизация, жилые многоэтажные дома, дороги, машины, а не лошади вместо них.

— Тсссс, — зашипел мужской голос. Поняла, что Ивана и за долю секунды остановила локоть, благо и Иван сообразил увернуться. Зашептал почти на ухо. — Спокойно, Аня. Уезжаем...

Что? Я так и вскочила, свесив ноги с дивана. К чему такая спешка?

— Пойдем ко мне с Аней в комнату, — в голосе я различила пьяные нотки. Мммм... Странно, когда парень приглашает в комнату, может все-таки Кирилл опять переборщил? Не знала, что ответить, только помалкивала. Иван расценил мой жест как неуверенность или стеснение и, взяв твердо за руку, повел вглубь дома.

Зашли в одну из комнат, как всех не перебудили оставалось загадкой. Путник ступал очень не твердо. Мысленно сравнила его походку с желе. Кирилл его споил до полного столба.

— Ты сказала у тебя украли регистрацию... — это вид документов для Бастардов, обычная пластиковая карточка, с датой, местом рождения, и порядковым номером. Как у поголовья скота. Жаль клеймо на заднице не ставили. Как это омерзительно.

Я не говорила, что у меня украли регистрацию. Сказала закончила Гнетовскую школу — интернат и только. Кирилл, опять твоих рук дела. Мозги паренюку скрутишь в пружинку, и они больше никогда не примут первоначальный вид.

— Возьми Анины документы. Она зачислена в вышку, поехали туда со мной... — к..к..куда она зачислена? Эта рыжая зачислена в вышку? А я...я... меня с моими деньгами и связями не приняли в институт? Мир сошел с ума. Я так отказываюсь, жизнь не справедлива.

Иван покопался в тумбочке и выудил оттуда пакет прозрачный с документами.

— Ты же знаешь с этого года пробные потоки Бастардов направлены в три школы. Общее количество принятых сто пятьдесят штук в общей сложности. Меня не приняли, Аню приняли. Ты можешь занять ее место, — Иван уверенно взглядом трезвенника посмотрел мне в глаза и вложил в ладонь маленькую карточку. Я посмотрела на крупные заглавные буквы на бело-сером фоне. «Анна Ананина» и аккуратно положила ее в карман джинсовой юбки.

— У Ани есть немного вещей возьми, что нужно и через пять минут выезжаем, — скомандовал он и, покачиваясь, словно ветка на ветру удалился из комнаты.

Ночью мне нашли местечко в зале на диване. С грязными копытами улеглась без задних и передних ног. Хотела отключиться от проблем и отдохнуть, но почувствовала тепло тела рядом с собой. Вскочила, приготовилась с разворота бить с локтя в нос, рефлекс к

неожиданным появлениям чужаков.

— Аня, ты поедешь со мной в Арзонт? — я лишь на секунду усомнилась, но кивнула. Мило улыбнувшись, чтобы во мне не заподозрили точного расчета. Пора тоже начинать играть.

***

Взяла пакет на кровати, любезно оставленный Иваном, и быстро перебрала тумбочку на предмет вещей. Время сравнивать размеры не было, поэтому покидала все и вышла из комнаты.

На крыльце ждали Иван и вполне трезвый Кирилл. И зачем мы едим среди ночи, хоть поспать бы дали? Записку оставили на столе для женщины, которая приютила и помогла в трудную минуту. Я подписала и от себя короткое «спасибо».

Я иногда делала вид, что сплю, чтобы избежать вопросов Ивана, слишком напрягал, проявляя не прикрытый интерес. Особенно читался он в его глазах, передвигающихся по моим ногам, обтянутым в джинсы свободного покроя, и простую рубашку в голубую клетку. Хоть я и переоделась в туалете автобусной станции, но помыться негде было и шикарные лохмы превратились просто в лохмы. Как кудрявый баран. Голову постоянно хотелось почесать. Надеюсь, в гробнице я вшей не подхватила? От меня, вероятно, живьем воняет отнюдь не духами. Как я хочу помыться. Как хочу. Не привыкла два дня не мыться и не переодеваться.

Ночью въехали в Арзонт, остановившись почти на границе. Здесь начинались серые кирпичные многоэтажки под десять этажей. Довольно высокие здания. У нас предпочитали одинокие дома, конечно есть и многоэтажки, но достаточно мало только в центральном городе — в Герберте. Иван отвел нас к своим друзьям, вместе учились в интернате, поддерживали связь по телефону. Вот его сюда и пригласили.

Весь следующий день я отмокала под душем и отсыпалась за несколько дней. К вечеру подумывала отправиться в университет. Согласно документам, Бастардам предоставлялось бесплатное общежитие на территории Вышки. Иван зашел ближе к вечеру, боясь разбудить и застал за сборами.

— Куда-то собираешься? — услышала упрек в голосе, но продолжила сборы, невзирая на глаза, которые следили за спиной. Кирилл ну только не это. Сломал. Сломал мозг. Охранничек мнимый. Вечно приходится выпутываться из сложных ситуаций.

Кинула в пакет пачку с документами и, оставляя на лице самую заискивающую улыбку, от которой мало кто мог спастись, развернулась.

— Да. Планировала в университет собираться. Написано, что прием студентов проводится с двадцать седьмого числа, необходимо провести медицинское обследование, боюсь не успею, — скулы заболели от натянутости улыбки. Запоздало снизила эффективность улыбки, сдвинув линию рта поменьше, а то мог подумать, что соблазняю.

— Тебе нет смысла учиться пять лет, я смогу обеспечить нас, — «нас» — о нет. Только не это. Улыбку держала в полной боевой готовности. Только бы она не сползла ненароком.

— Понимаешь, Вань, — пришлось делать театральный вздох, наконец, расслабляя губы. — Вышка — великолепный шанс в жизни. Мы сможем позволить себе квартиру. С третьего курса смогу пойти работать на нормальную высокооплачиваемую работу. Вышка гарантирует трудоустройство. Тебе ли не понять, сколько перспектив. Это великолепный шанс.

— Ты права, Аня, пойдем провожу, — с облегчением вздохнула, едва дверь за ним

прикрылась. С боем прорвалась, что называется.

До северного округа добрались с рассветом. В половину седьмого утра прибыли на станцию. Последние тридцать километров на нас, путешествующих на лошади, автомобилисты смотрели, как на цирк идиотов. Я мысленно согласилась с ними и старалась прятаться головой в стоге сена. Меня здесь нет и это не я путешествую, как бомж. Какой позор, если меня кто-нибудь такой увидит, я себе лично глаза выцарапаю.

Наконец-то, спасибо всевышним силам, мы высадились из «транспортного средства» и, попрощавшись, пошли на станцию покупать билеты. Я едва заметно обернулась назад, глядя на Кирилла на одном конце перекрестка. Мы же покидали улицу, входя внутрь вокзала. Восемнадцать лет сколько себя помню он был со мной. А теперь едва заметно правой ладонью стукнул по левому плечу, желая удачи. Теперь я сама по себе.

В пакете обнаружила тысячу кредитов. Откуда взялись деньги не потребовалось особых усилий догадаться. Прощальный подарок от Кирилла. Поеду в Арзонт — столицу зазнавшихся Аристократов, они там прогнили еще сильнее, чем наши. С деньгами, на которые вряд ли самостоятельно выживу и, к тому же, с парнем, от которого не знала чего ожидать после вмешательства Кирилла в его голову. Слишком много улыбался по дороге. Подозрительно.

Ехали сутки. В три утра прибыли в столицу Арзонта. Вся дорога пролегла сквозь лес. Асфальт был хороший, ровный, но путешествовать сквозь непрекращающиеся деревья показалось немного страшным.

Иван продолжал стоять в проходе, глядя на меня. Я так и не поняла, о чем он думал и к какому выводу пришел, больно затянувшимся было молчание. Как будто временно выбыл из сознания, а потом вернулся.

Хозяев квартиры почти не запомнила, вряд ли мы когда-либо еще увидимся. Иван, как и обещал, проводил до автобусной станции. Поблагодарила его от всей души, а парень оставил на бумажке свой номер телефона. И сдался он мне?

Улыбаться не забывала. Так, Кирилл, все-таки сломал мозг пареньку. Плохо, очень плохо. Теперь мне надо избавиться от надоедливого микроба. Он — единственное звено, которое меня связывало в новой жизни с прошлой Аней — Аристократкой.

Глава 3. "X"

Сбоку лестницы толпа народа перед входом в здание. Могут стоять до потери сознания, амбалы перед Раем захотят пропустят, если понравится лицо, захотят прогонят. Толпа гудела, как туча муравьев, переминалась с ноги на ногу. И откуда в них столько терпения стоять битый час и ждать манны с неба? Он этого не понимал и не понимал этих людей, хотя в принципе как и они его. Смотрели настороженно, придирчиво оглядывали и прекрасно осознавали, что перед ними не простой молодой человек.

Его рост был замечен издали, разве что амбалы были выше. Спортсмен? Первая мысль озаряла людей, судя по запястьям, твердым бугристым мышцам. Нет. Не спортсмен. Часы из платины, самого дорогостоящего материала опровергали этот вариант. Спортсмены столько не зарабатывали.

В костюме черном, кто появляется в увеселительных заведениях? Это тоже не похоже на обыкновенных людей. А взгляд? Разве могут люди смотреть с волнами презрения настолько высокими и мощными. Опрокинут при желании на лопатки.

Возможно некая волшебная аура, или просто уверенный взгляд, но заставлял людей расступаться послушно. Лестница будто расширилась перед ним.

А эти лица с завистью во взгляде сжирали его, мысленно протягивали щупальцы к нему, но притронуться не смели. Смотрели из-под бровей, боясь твердо взглянуть в глаза. Один на один? Как равный равному? Нет. Они покорно стояли внизу, в трясине зависти, погружаясь в нее с головой. Нет. Они не пытались спастись. Легче взирать на него с завистливой мордой и тонуть от его успехов. Жалеть себя и свою ничемную жизнь. Сидеть или стоять без движения проще, чем рыпнуться на него... Трусливые создания. Мелкие пешки.

Над ухом прозвучал вновь мужской голос. Ровно держа телефон продолжал идти по каменной лестнице, одну руку оставив в кармане брюк, другой — придерживал удобный вид связи на данный момент.

— Как твои дела с Вильмонт? — без лишних слов отец на том конце связи перешел от холодного здравствуй непосредственно к мучающему его вопросу.

— Всё в порядке, — в той же манере отчитался и он, слушая только стук собственных каблуков, и легкий гомон молодежи неподалеку.

— Детали проекта обговорили? Подписали?

— Конечно, — недоверие отца и сомнение в успеха проекта жутко раздражали.

На улице невероятно жарко, в костюме черном, как в тюрьме тепловой, находился всю дорогу.

— И что никаких проблем не возникло? — голос мужчины по-прежнему был недоверчив.

— Почему? Как обычно, — в очередной раз уверил отца в том, что всё сделано. Шаг замедлил. Лестница кончалась и становилось слишком шумно возле входа в помещение, мерцающего ярко-розовым цветом на всю округу.

— Поразительно, Дмитрий. Ты вновь превзошел все ожидания. Я в первый раз, когда работал с Сергеем, думал договор ему в глотку запихну.

Хоть какое-то проявление эмоций со стороны молодого мужчины. Губы раздвинулись в

довольной ухмылке. Отец редко разбрасывался комплиментами, тем более в сторону семьи.

— С трудом тебя таким представляю, — недоверие теперь слышалось в молодом голосе. Ему пришлось остановиться, заставив амбала на входе почтенно поклониться и отнять цепочку.

Дмитрий повернулся спиной к амбалам. Закурил. Бегло оглядел перед зданием небольшую многолюдную улицу, мигающие светофоры и разъезжающие такси. Вечер пятницы многолюден в поздний час. Внутри здания разговор не представлялось возможным закончить. Слишком шумно.

— Мне было чуть больше твоего. Может Вильмонт теряет сноровку и теперь не способен довести до точки кипения? — подал голос отец.

— Нет. В этом он специалист. Уверяю тебя, но тратить нервы не вижу смысла. Кроме меня никто не заключит договор.

— Да... Что насчет Кристины? — решил сменить тему. Что-то его сегодня расперло на общение. Никак оторвался от нынешней любовниц? Или наскучила спустя полгода, у них только сын родился. Очередной брат, в глаза не видел и видеть не желал.

— А что насчет Кристины? — как будто не понимал, о чем его спрашивали. Дар игры у них в крови.

— Свадьба когда?

— Следующим летом... — сарказм все-таки проскользнул в его словах. — А если тебя интересует конкретная дата, то пока не могу озвучить.

— Я серьезно. Долго будешь ходить вокруг да около. Тебе наследник нужен... — отец попытался напором подавить сына властью и угрозой показать, кто правил балом, а кто на подтанцовке.

— Я сам пока наследник, — резким тоном отрезал молодой мужчина, выдыхая дым из легких. — Мне двадцать один, а не тридцать... как тебе было, когда меня зачали.

— Ты сам прекрасно знаешь, как необходимо занять наследника. Какая разница, чем раньше, тем быстрее от тебя отстанут и продолжишь заниматься своими делами. И Мерси будет доволен, и Кристина слезет с тебя, да и я с твоей матерью успокоюсь.

— Дети в ближайшие несколько лет не входят в мои планы. Как решу — так сообщу, — нажал Дмитрий на кнопку отмена на сотовом серебристом телефоне со значком X внизу панели.

Не стоило без толку тратить время на ссору. Посмотрел на часы, отливающие серебром при свете неоновых ламп, быстро шмыгнул в открытый проход с любезно растянувшимся в улыбке перед ним Бастардом-амбалом, шириной в три проема. Он несколько минут стоял с оттянутой цепочкой? С удивление оглянулся Дмитрий.

Августовская ночь была теплая, впрочем, как и обычно летом. При входе работали кондиционеры, хвала небесам в кои-то веке, ему не пришлось устраивать разгоняй в начале вечера, вечно обленятся не хотят работать. Управляющий с кодовым именем Тифон не отличался твердой рукой и молчаливым одобрением коллектива. Давно пора его в зашей гнать. Сколько ему лет, уже за сорок с лишним, и не важно, что проработал пятнадцать лет. Молодежь больше знает о современных развлечениях, нежели этот хлыщ, косящий под молодого.

Дмитрий тем временем довольно бодро спустился по лестнице вниз и вошел в круг танцующих. Попетляв немного по темному мерцающему пространству, добрался до лестницы, трижды обматерился, когда какая-то кобыла едва ногу не отдала. А вон и

Вансек. Амбал загораживал лестницу. Пришлось подходить. Тот почтительно кивнул и повернул голову, понимая что к нему желают обратиться.

Тихо отдал приказ на ухо амбалу. Мордovorот кивнул и покинул место охраны. Приказ принят к исполнению, что его исполнят не было сомнений. Надо смотреть, кому наступаешь на ногу шпилькой.

Без пятнадцати двенадцать обозначили две стрелки на часах. Отец, как с цепи сорвался, со своей работенкой, не лето, а персональный ад, загонял до адских коллик в ногах. Трясло от грязи, с которой приходилось каждый день встречаться. Хотя...

Власть — это что-то... величава с ней под руку легко пройти везде. Она грациозна. Высоко поднимала голову и расправляла плечи. Остальных заставляла покаянно кланяться вниз и исполнять желания, без раздумий, без капризов. Любое желание — подруга власть безприкословно исполняла. Это лучшее существо женского пола. Она всегда прекрасна в своем послушании, неизменно горда и величественна. Ради нее — он сделает всё. Наступит любому на горло, если понадобится. Не существовало преград в виде смерти, жизни или совести.

Это то, что определял он и его лучшая подруга — власть.

К тому же, юные девушки, стоящие по бокам лестницы, норовили улыбнуться и оценить заинтересованным взглядом благодаря прекрасной власти, а ему оставалось довольствоваться благами людскими.

Второй этаж состоял из нескольких вип-помещений, в которых не было ничего особенного. Стол небольшой стеклянный. Диван и несколько кресел. Вниз уходили пять небольших порожков, которые были застелены подушками и мягкими одеялами. На них можно развалиться с удобством и наблюдать за толпой сверху.

Четвертое помещение занимали друзья.

— Здорово, Диман! — заголосили парни в большинстве. — Тебя как будто пороли.

Один голос можно выделить из толпы. Это лучший друг Санек, вечный энтузиаст.

— Адская неделька, — подтвердил. Не стал здороваться вопреки обычному поведению. Улегся в самый низ на подушки, выставив ноги едва не до самих перил, откуда свысока можно наблюдать за толпой сверху. Иногда там происходили весьма впечатляющие зрелища. Шоу стриптиза или женские танцы, или мордобои тоже бывали интересными.

Через час веселая компания смогла поднять настроение Дмитрию и помочь улыбнуться впервые за вечер. Плечи перестали ныть от усталости, ноги не такие ватные. Алкоголь расслабил тело, а прекрасная блондинка очень кстати развлекала болтовней о последних слухах в мире Аристократов. А голые длинные ножки, виднеющиеся из-под коротенького платья очень удобно располагались непосредственно перед его глазами. Пожалуй, самая красивая часть тела у девушек — ноги, ну конечно после груди и задницы. Красиво, когда они прямые, а не иксом.

На телефоне высветился звонок от Виталика — брата, следующего по старшинству. Поговорить нормально позволяла музыка не надолго чуть притихшая. Сейчас должны начаться выступления развлекательные.

— Алло, — лениво потягивая сигарету, ответил Дмитрий. — Ты что не спишь, мелкий?

— Я возле клуба, скажи Федору чтобы пустил. Мне нужно нажраться, — слушая брата, молодой человек усмехнулся.

— Давай трубку. Он там?

— Алло? — послышался голос мало знакомый, искаженный волнами. Этот кажется тот

что ждал его с поднятой цепочкой. Исполнительный песик-Бастард.

— Федор, не тупи, пропусти пацана ко мне, — звонок завершился. Ни тебе спасибо, ни привет, ни пока. В прочем, это, наверное, фамильная черта. Никто не стоит их благодарности.

Через две минуты сквозь шторку просунулся наглый световолосый пацан, на голову ниже брата. Вид всклокоченный. И это при условии, что Виталик подстригся почти налысо.

— А с тобой что? — заржал Польски, который друг-Санек. — Вас по-семейному выпороли?

Посмотрел на друга таким взглядом, что любой другой побежал подписывать завещание на случай скорейшей гибели, но Санек скрыл усмешку и замолчал.

Брат плюхнулся на кресло — одиноко стоящее.

— Чертовы бабы, — странно слышать из уст шестнадцатилетнего пацаненка. Дима улыбнулся. Думает взрослый. — Вот сучка Вильмонтская, — Виталик оглядел бутылку алкоголя темно-коричневого цвета потрогал пальцами стекло. Скорее всего на предмет прохлады, и налил в свободный стакан напиток. Дмитрий махнул указательным пальцем к себе, создавая энергетические волны. Стакан выпорхнул из рук брата.

— У нас пока цензура. Несовершеннолетним запрещено. Попей соку, — со смешком выпил прилетевший стакан одним махом. Раздраженный брат нервно схватил упаковку сока и принялся жадно лакать. — Тебе отказали?

Весело наблюдать за мучениями брата, а то мелкий думает, что в жизни все легко дается.

— Нет. Ну это надо! Официальное заявление Вильмонт прислал, — взорвался Виталик жестикулируя нервно. Кому-нибудь глаз может выколоть пальцем. Санек периодически от локтя мелкого вораичвался.

— Как унизительно, — скривился Виталик. А потом передразнил голос старшего Вильмонт. — Ваше предложение о брачном договоре не представляется возможным к исполнению. У Ани на данный момент имеются отношения долговременного характера и в ближайшее время она не хочет быть связанной никакими обязательствами.

Лицо Виталика в момент переменялось. Стало опять недовольным, но не комичным:

— Что за бред? — спросил он у старшего брата. — Тупее отмаза не слышал. С каких пор отношения и брак связаны между собой? Вообще не мое это желание. Меня тоже заставляют.

— Эх, Виталик... — пожалел Дима брата больше наигранно нежели от сердца, пряча улыбку. — Почему расстраиваешься? Оно тебе надо связываться? Вот и мне не надо было. Не хотят как хотят и без них неплохо живется.

— Короче, послала меня с моим галантным предложением, — поведал огорченный Виталик, подведя итог.

— Симпатичная хоть моська? — спросил Макс Трески. Второй сын семейства Трески, не наследник. Благодаря этому жил, пользуясь благами семейства и на акции компании неплохо поживал. Тоже блондин, но немного меньше в габаритах по сравнению с двумя друзьями.

— Анна Вильмонт, — передразнил Виталик и сделал вид, что сплюнул вниз на пол.

— Это мне должно о чем-то сказать? — непонимающе скрыл усмешку Макс. — Я из Вильмонт только Пашка знаю. Нормальный чувак, пару раз виделся — добродушный такой, как будто не от семейки на папашку совсем не похож. Не знаю, как будет бизнес семейный

тянуть, его живьем съедят, особенно твой братец.

Дмитрий молчаливо кивнул, соглашаясь с мнением. Вернулся к изучению сцены, на которую вышел дид-жей, громко вещающий в микрофон. Краем уха продолжал слушать разговор о Вильмонт.

Семейку особенно не знал, разве что отца, ну и конечно единственного пацана наследника, и правда слишком добрый. Ему на шею сядут.

— Третья по старшинству, на год меня старше, Аня — тройка прозвище. Год наверное, как в свет выходит. Мужиков за ней, как за ежиком иголок.

— Как старшую сестру описываешь... — заметил Дима. После его речи послышались подтверждающие смешки.

— Сашку в этом младшая вряд ли переплюнет, — поддакнул еще один парень — второй друг Дмитрия — Виталик Дорадо. Темноволосый короткостриженный, любил волосы ставить торчком вверх. Намазывался гелем и ходил как баба. Его всегда обзывали в шутку.

— Сашку разве что слепой не трахал, — поддержал Польски. — У вашего отца какой-то фетиш на Вильмонт... — брат резко перебил Санька и стал продолжать жаловаться на нелегкую судьбу быть опозоренным.

— Ладно, Анька, прикольная. Там как это говорится. Губки бантиком, бровки домиком, глазки голубые, кудрявый милаш-милаш. Прямо ангелок во плоти, — а потом Виталик замолчал и подумал вслух. — Правда, когда рот открывает там такой отборный мат, что хочется забиться в уголок и не вылезать. Меня в такой ужас разве, что брат с похмелья вводил, — кивнул он головой в сторону Димы, тот поймал кивок и опять улыбнулся.

На сцене тем временем стало шумно, музыка раздалась на помещение клуба, басы громко ухали в ушах. На сцену и по периметру танцпола вышли девушки — около пятнадцати штук.

Под известную современную песню группы Жижа — исполняющей рок, девушки — Бастарды, что это были именно они не составляло труда догадаться. Танцы направления «камон» исполнялись в основном только ими, потому что считались через чур эротичными и пластичными. Девушки одевались откровенно и, как следствие, танец иногда заканчивался стриптизом.

— Смотри только не влюбись, Виталик, а то... — подкол прозвучал со стороны Макса Трески. Но его речь оборвалась, едва углядел морозящий до костей взгляд из-под бровей от Дмитрия. Плотно сжатые скулы и четко очерченный твердый подбородок, массивный.

Всем видом Хаски показал предупреждение, а уж воспользоваться им или нет дело Макса и, видимо, тот предпочел не махать красной тряпкой возле быка.

Противоборство X vs W уходило корнями вглубь истории с момента зарождения Немии. Это два самых старейших семейства на весь мир. Но подколы насчет их личных отношений что одни, что вторые редко когда обсуждали прилюдно и не любили, когда об этом мусолили в газетах. За две с половиной тысячи лет они ниразу не смешали кровь, это было до смешного не вообразимо.

Молчание повисло в комнате в предвкушении выступления, необычного не успевшего надоесть зрелища. Дмитрий не был фанатом танцев камон, ну подумаешь потрясет девушка телом перед ним, вот если — на нем? Другое дело. Девушки танцевали откровенно с задором, трясли выпирающими частями тела. Позднее разошлись по разным концам клуба.

В помещение номер четыре не забыли заглянуть две. Без лишних слов танцевали под эротичную музыку, звучащую из динамиков. Разговоры мигом стихли, девушки которые

находились здесь в виде гостей не оценили танцев, но помалкивали. Мужчины молчаливо взирали за пластичными движениями девушек-Бастардов.

Не так много в своей жизни видел Дима Бастардов. Не стремился к общению с ними, а тут в такой близости. Что сказать о их внешности?

Ничем особенным не отличались от обыкновенных девушек, чуть ниже и то не все, смуглее пожалуй, да и фигуристее. У одной из них грудь размер четвертый, зад круглее. Не все Бастарды с большим бюстом, есть слишком полные или наоборот худые, но Бастарды склонны к полноте, Аристократки — к худобе.

Девушки оголились до неприличия откровенно. Одна уселась сверху под плавные движения бедрами к нему на колени.

— Эээ! Нет, Бастард! — усмехнулся и посадил танцовщицу, вынуждая ее приподняться. — Я предпочитаю иметь дело с Аристократками.

Улыбнулся натянуто, чуть с издевкой, и пальцем поманил сидящую неподалеку Имину. Прекрасную блондинку, которая весь вечер развлекала разговором. Та надменно приподнялась, взглядом показывая девушке, что ее услуги здесь не уместны. Перекинула ногу через колени Димы, повторила движение волны бедрами.

— И что за тупой эксперимент с Бастардами? — послышался сзади голос Санька.

— Что за эксперимент? — повторил Макс, кажется отвергнутая дамочка возжелала побывать на нем. А он и не против. Любил безотказных девочек-давалочек.

— К нам с этого года подсылают на первый курс полтинник Бастардов. Ты прикинь, что за бред? — покрутил пальцем возле виска Польски. — И зачем этот акт доброй воли Мерси понадобился, не понятно?

— Имеется информация, что его прабабка Бастардом была, поэтому пол жизни пытался протащить изменения в законах о них. Много поправочек ввел, — Дима провел по аккуратным белым волосам, обрамляющим красивое лицо, сидящей на нем девушке. — А Вильмонт ему подмастил нынче, вот и больше полсотни процентов на созыве.

— Везет, личные эскорт. Услуги прямо в институте и бесплатно. Не то, что сейчас. Приходится цветочки, свидания устраивать, а тут поманил пальчиком — и готово. Бесплатная игрушка. Правда предохраняться все же стоит, а то кто знает сколько в них микробов, — Макс с выражением крайнего удовлетворения повертел небольшим прозрачным пакетиком перед глазами девушки-Бастарда и кивнул в сторону выхода, намекая на уединение в коридоре или же туалетной комнате. Вечер продолжался в более интимной обстановке у каждого из мужчин.

Глава 4. «Вышка»

Глава 4. «Вышка»

Тридцатое августа. Трясло знатно, особенно учитывая, что я с поддельными документами путешествовала одна в неизвестной стране и без денег. Для Бастардов существовала определенная форма личных документов — пластиковая карточка с именем, фамилией и отчеством. Отсутствие фотографии меня спасало.

Миру давно нет дела до бастардов. Это железо, из которого можно слепить что угодно, или использовать за основу для создания чего-либо колоссального. А нет его — заменим другим металлом. Бастардов слишком мало на сегодняшний день. Редкость в наше время. Всего пятьсот человек.

А еще больше затрясло в автобусе. Яркие лучи солнца, крадучись залезали в окна автобуса, на котором я сегодня путешествовала. Из окраины города, именуемой Нетлетка, где в основном и проживали Бастарды, в противоположный край Арзонта. В двадцати километрах от центра города, за небольшим лесом. А неподалеку от Вышки должно было находиться море, насколько я разобралась в карте, которая была свернута и засунута в карман кресла ккпередо мной.

В десять утра желающих посидеть рядом не оказалось, чему я несказанно обрадовалась. Как только въехали в центр города, я застыла с открытой картой в руках.

Бесконечные дороги, множественный полосы во всех направлениях, пути уходили по спирали вверх, возвышаясь над автобусом. Отбрасывали тень и заставляли опасаться, как бы не треснула эстакада над нами.

Надеюсь, Хаски достаточно качественно ремонтируют дороги, хотелось бы избежать участи быть погребенной под дорожным покрытием.

Какой-то бред с утра пораньше лез в голову, и я решила понаблюдать пейзаж за окном нижней дороги. Особо не на что смотреть. Нескончаемые линии электропередач, фонарные столбы и рекламные щиты, ну и небольшое количество деревьев метров пять в высоту не больше.

Не отрываясь смотрела в окно, подперев подбородок рукой, старалась не думать о том, что оставила позади себя за спиной. Нет. Не Ивана и Аню. А семью. Про них старалась не думать. Пока что есть намного посерьезнее проблемы. Я в незнакомом городе с поддельной фамилией, без денег, и без какой-либо цели существования.

Моя мечта растворилась в воздухе, как если бы сейчас выпал снег в тридцатиградусную жару и не успев долететь до земли исчезал, словно его никогда и не было.

Так и моя мечта теперь казалась чем-то далеки. Не приняли в Военку. Два года готовилась к поступлению, сдавала экзамены, училась, впервые трепетно изучала предметы для поступления. Оказалось не достаточно знаний и умений. Этот год я никуда и не поступила — огромный позор для семьи.

Показатели физической подготовки не достаточно для военнообязанного человека. Чуть-чуть ведь не дотягивала, мне итак надо было флаг при жизни поставить — 5s по защите. Чтобы меня ранить или зацепить придется как минимум выпустить двадцать пуль и возможно хоть одна из них достигнет цели. А в Военке нет, не достаточно. Скорость бега на пять секунд ниже положенного, и левый глаз не единица, а ноль целых пять десятых, сила сжатия на правой руке меньше допустимого значения. Я что собралась одной правой рукой

выдавливает глаза? Они там монстров обучают?

Расстроил папа. Не мог переубедить дружков своих. Куда-нибудь позвонить, что-нибудь пообещать. Мне порой кажется, что отец особенно не настаивал.

На одном из рекламных щитов заметила бегущую строку. Привлекли внимание очертания людей в черном. Повнимательнее всмотрелась, и на каждом рекламном щите повторялся видео-ролик или это новость. И я замерла, перестала дышать.

Фотография на фоне заката ярко-оранжевого теплого, намекающего на жаркое начало следующего дня. В профиль девушка восемнадцати лет, с развевающимися на ветру темными волосами, лезущими в глаза и рот. Держась пальцами на уровне губ за непослушную прядь, собиралась ее, видимо, отбросить назад. От яркости заката, лицо девушки темнее, чем обычная кожа и, в результате, чтобы разглядеть надо было сильно присматриваться.

Фотографию сменила диктор одного из новостных каналов, женщина сидела за столом и говорила заученную речь. Но из автобуса не могла слышать чисто физически голос, поэтому приходилось читать запоздало бегущую строку, часть информации упустила.

«... на двадцать седьмое погибла в возрасте восемнадцати лет. Прощальная церемония прошла сегодня в восемь часов утра на местном кладбище. С девушкой прощались только самые близкие члены семьи». Картинка сменилась новым кадром.

На видео шел дождь. В руках каждого человека была роза красная, белая, желтая, самых разных оттенков. Я смотрела на застывшие маски на лицах, опущенные глаза вниз на землю и избегающие фотокамер. Ни один не посмотрел напрямую в камеру, словно был мыслями в себе. Около двадцати человек, не больше находились возле вырытой могилы, которую показали крупным планом. Остальное осталось за кадром.

«Сергей Андреевич не возвещал СМИ о случившихся событиях, и только не давно стали известны события трехдневной давности. Его дочь возвращалась ночью домой в районе двенадцати и стала случайным свидетелем жестокой расправы группировки ПБ над проходившей в тот час девушкой — Бастардом. Анне удалось спугнуть нападавших и та сбежала следов Бастарда обнаружить не удалось. А вот тело Анны обнаружил ее жених Шмонт Леонид Иосифович — наследник фамилии...»- в глазах померк свет, стало темно, словно черную паранжу надели на лицо.

Зачем отец меня убил? К чему этот цирк? И моя семья, Шмонт они в этом замешаны?

Я вновь отвлеклась на бегущую строку, уловив часть фразы. «... обнаружено фамильное кольцо с красным рубином...»

Усмехнулась. Ну отец, ну продуман. Так это он успел вытащить у кольцо, а я не заметила снятия металла с пальца. Настолько находилась в шоке от испуга, вцепившегося корнями и прижавшего к сидению в машине. Отец обвел всех вокруг пальца в очередной раз и в особенности меня. Только вот, семья знала ли правду или, как и я, находилась на должности временно исполняющего обязанности актера театра имени Сергея Андреевича Вильмонт?

Мимолетом оглянулась по автобусу. В ранний час в воскресенье путешествовали не более десяти человек. Две женщины, молодая пара лет шестнадцати. Мама с детьми и пожилые люди, изуродованные морщинами — видимо скоро их время наступит. Зря, я распустила волосы, пришлось собрать в хвост и за не имением резинки засунуть за шиворот рубашки. Хорошую фотографию отец подобрал для СМИ — имею ввиду, где я почти в тени, и с левой стороны. С правой — у меня имелась очень яркая особенность — родинка под глазом.

Необходимо сделать что-то с лицом и волосами. Могли узнать, хотя откуда. Я не часто встречавшаяся по телевидению особь женского пола, ничего выдающегося во мне нет. В показах мод не участвовала как сестра, и не пела как вторая, и как брат не являлась наследницей фамилии.

Папа, ты знал, что творишь, посылая в Арзонт? Точно обдумал решение, потому что я пока не понимаю твоих замыслов? И, наконец, последний главный вопрос — существует ли возможность выиграть партию, которую мы начали?

***

Приехала на остановку, гордо именуемую Вышка. Звучало на столбу с табличкой. Не долго напрягались с названием градостроители. Повсюду находился лес. Довольно странное место расположение университета для Страдовцев.

Крыши строений были видны с возвышения на коем я находилась на остановке. Путь пролегал по длинной асфальтированной дорожке, раскрашенной как надо. Аккуратно виднелись белой краской разлиновка и знаки. Не то что у нас, разметка на дорогах — это дорогое удовольствие. Его наносили исключительно один раз в год, а дальше водители могли сфотографировать на телефон дорогу, чтобы помнить, где кончалась твоя полоса, а где вылетал на встречное движение.

Я шла в удобных балетках, одолженных у Ани. В руках сжимала пакет с вещами и топала по солнцепеку, который заявил в двенадцать дня о полном правном владении Арзонтом и в особенности университетом — Вышкой. Никогда не предполагала, что окажусь в этом месте. Я, вообще, не планировала оказаться в Арзонте в главном логове змей, в целом террариуме для рептилий.

Мимо меня проехала бело-серебристая авганка — о! Не ожидала у Страдовцев увидеть в обиходе продукцию W-ек. Я думала они истинные приверженцы X-овой продукции. Чувак, ты мне уже нравишься, только зачем было сигналить в спину?

С испуга чуть за пределы дороги не выскочила прямо в объятия холодного журчащего ручейка. А этот кудрявый остолоп в темных очках засмеялся, показал пальцем своей соседке на мое тело. Девушка не нашла ничего умнее, как только покрутить пальцем указательным возле виска, намекая на не совсем адекватное реагирование на гудок машины.

Ты бы не так отреагировала, когда тебя на каждом шагу преследовали убийцы и спятившие от внезапной любви жОнихи. Газ в пол, мотор зарычал. Шла приличное расстояние и все время вниз, в углубление. Университет находился в низине, под защитой многовековых деревьев, судя по их массивным стволам и огромным корням, разрыхляющим землю.

Я похожа на ЧМО (Чрезмерно Отсталая). Выдала вердикт своему состоянию без капли косметики с жуткими синяками под глазами. В старой неброской одежде, висящей безразмерной тряпкой, и особенно следовало отметить джинсы, которые пришлось подворачивать несколько раз. Что поделать, если я довольно мелкая. Метр семьдесят для Бастарда. Для Аристократки таких цифр нет. У них все с ногами от ушей, начиная с метра восемьдесят и плюс сантиметров десять, если позволяли гены. Для Бастарда мой рост — ниже среднего, но не критично.

Уже не один автомобилист с открытым верхом проехался обдал заинтересованным взглядом и пренебрежительно фыркнул. Кто поднял большой палец вверх, на полном ходу не сбавляя скорости, и переворачивал вниз, намекая что я полный отстой.

Вздохнула. Похоже, не понадобится гримироваться. Кто спутает с Аристократкой?

И, наконец, оказавшись в самой низине, дорога расширилась. Ослепило огромное количество припаркованных автомобилей. На вскидку могу сказать, самые дешевые от миллиона кредитов, а чтобы было понятно — однокомнатная квартира у нас стоила в районе пятисот тысяч кредитов.

Вот это...да... Я резко остановилась, проходя одно из парковочных мест. Чтоб мне горло перегрыз белый медведь в Арзонте. Retz 6 серия. Последняя модель, на черном капоте золотой краской изображен знак X. Никогда в живую не видела это чудо природы. У нас таких нет, вот бы разок на ней прокатиться. Скользнула взглядом по тонированному стеклу спереди, и как водитель там хоть что-то различает. С ужасом поняла, что дверь на водительском месте открыта и оттуда высовывались ноги. Однозначно мужские, но не видно тела за открытой черной дверью. Перед этим представителем богатых водителей стоял тот чувак, который управлял Авганкой бело-серебристой, кучерявый в очках и белой футболке, облокачивался о борты машины и чему-то радовался.

Пока не привлекла внимания отвернула взгляд от дорогой машины и пошла быстрее и увереннее в направлении парковки, которая когда-нибудь закончится.

В самом конце увидела высокие ворота узкие, но высокие. Видно чтобы прошли только люди, для машин проход закрыт. А рядом стояли два дяди в голубых рубашках по локоть и белых штанах — трико. И обязательное условие — очки. У них мода на очки? Я заблаговременно порыскала в кармане штанов в поисках карточки. Мужчина слева протянул молча руку ладонью вверх.

— Добрый день! — каверзно улыбнулась я, намекая на их невоспитанность. Протянула карточку, вытянутую из кармана переднего джинс. Меня скептически оглядели сквозь очки. Спросите откуда я знаю несмотря на черноту в их глазах? Так вот знаю, словно лазером оглядели с ног до головы и разобрали на каждый микробик тела. А мужчина номер два с правой стороны с лысой головой протянул одну щупальцу по направлению ко мне и провел не спеша сверху вниз, как будто просканировал.

Ответного приветствия не услышала. Вернули карточку в руки и молча встали, сложив руки на груди и дав понять, что меня не задерживали. Никаких манер. Я только вопросительно приподняла бровь, и опустила уголок губ вниз. Искренне оскорбили в самых добрых намерениях. Я с тяжелым вздохом более театральным, чем хотела, вошла в тень маленького тоннеля и почти сразу вышла в глубине университета. В первую очередь окутал нежный аромат цветов, я не особенно разбираюсь в их видах, но от сладчайшего запаха едва не замурлыкала. Слева обнаружился источник прекрасного аромата. Деревья в высоту нескольких метров образовывали небольшую рощицу или сад. Редкостная красота, некоторые лепестки отцвели и спадали нежным пушистым покрывалом на землю. За деревьями- высокие пики забора.

Впереди, если пройти не больше ста метров, здание из обычного красного кирпича трехэтажное с массивными двухстворчатыми окнами, крыши сужались кверху. Посередине проход вырезан сквозной. Сбоку отдельное здание из того же материала, не плотно прилегающее первому, которое я заметила и между ними опять проход — вправо. И куда пойти? Решила пойти прямо.

Народу мало, но те, кого встречала прожигали взглядом глубоко задумчивым, и я бы сказала слегка ошарашенным. Взгляды любопытных приходилось игнорировать, потому что не знала, чего ожидать, опасности или простого любопытства, ничем не грозящим.

Плутала очень долго. Здесь столько построек, что за день наверное не обойдешь или

кругами блуждала? Куча двухэтажных построек длинных, но безликих. Копия друг друга, неужели таблички нельзя было нигде повесить перед входом, я проверяла, бесполезно. Неужели заходить в каждое здание? А вдруг нарвусь на чье-нибудь общежитие. Вот лица будут у господ Аристократов. Усмехнулась про себя, да и не только про себя, на лицо напознала эта прекрасная леди и может быть именно из-за этого на меня обратила внимание небольшая группа парней и девушек, стоявших посередине газона.

Тема общения была веселая, но даже она не спасла молодежь от мгновенного перевоплощения. Лица стерли любой намек на смех — будь то улыбки, морщинки под глазами, или веселящиеся глаза. Ничего. Нахмуренные брови и тишина мерзким пауком засосала в паутину. Я слишком страшная? Угроза от них веяла не хуже аромата цветов. Они словно приготовились в паутину запутать и меня, но я проигнорировала враждебный вид и подошла.

Четверо молодых людей, не запомнила их внешности. Аристократы одним словом. Идеальные лица и безупречная худощавая фигура.

— Административный блок, не подскажите где? — попыталась улыбнуться, но впервые в жизни это было настолько затруднительно. Подсознательно не желала им нравиться, слишком много вражды было направлено. Как будто они мигом стали пополнять запасы энергии вокруг, из-за чего по воздуху прошла ледяная вибрация. Предупреждение вновь?

После длительных перегибков между собой и оценивания моей нарисованной улыбки показали пальцем на здание сбоку молча. Поблагодарила.

Забралась по небольшой лесенке в ступенек десять, открыла темно-коричневую дверь с резьбой в виде непонятного узора и остановилась при входе. Успела увидеть огромный зал и кучу мельтешащих тел. Повсюду искрились всполохи энергии, на противоположной стороне помещения загорелось что-то ярко-розового цвета и всё.

Розовая энергия, искрилась вихрем, то в одну то в другую сторону. Тело безвольной ношей взмыло в воздух. Вылетела с лестницы, чудом не задев перила головой или спиной. Приземление пришлось на газон и меня продолжало крутить, вертеть кубарем. Ноги поджала к груди, сгруппировавшись, и, наконец, рванное торнадо розового цвета приостановилось. А я вдохнула с облегчением, отпустила руки и ноги в свободном странствии. Раскинулась звездой на траве, переводя дух.

Сзади раздался такой смех, будто как минимум только что личный клоун выступил с лучшим номером. Юмор однако у них особенный — чуть-чуть на грани идиотизма. Приподняла туловище и постаралась встать. Ноги подкосились, голова закружилась, и я вновь рухнула на колени. В груди зажгло. Маленькие искры энергии попали на кожу.

Растопырила ткань рубашки на груди, но чтобы в пределах допустимой нормы приличия. Фиолетовая капиллярная сетка обозначилась в центре. Место, куда вошла энергия было отмечено особо жирной точкой, от нее исходила паутина вен, распространяясь во всех направлениях. Рисунок не особенно большой, но заметный. Поправила рубашку и попыталась вновь встать, а потом передумала. Четверо подошли ко мне впритык сзади со спины и только одна девушка — спереди.

Ее волосы каштановые ниже плеч спадали до лопаток, украшая девушку некой изюминкой. Хорошие густые волосы для Аристократки. Она чуть присела, учитывая что я стояла на коленях, руками уперлась в колени и заулыбалась, как звезда мирового масштаба, Только вот улыбка у нее неискренняя, заверсту чую змею. Глаза необычные, крупные. Огромные, самые огромные на всем лице, все остальное маленькое аккуратненькое, а разрез

глаз половину лица занимал. Жуть... и это считалось эталоном красоты? Мне и с моими глазами неплохо живется, но я естественно промолчала. Смутно знакома откуда-то эта девушка. Сарафан легкий в цветах, волосы, развевающиеся на ветру.

— Добро пожаловать в Вышку, Бастард, — похлопала она по плечу тонкой белоснежной ручкой, и как только осмелилась притронуться? Не боялась, что ее чистое тело замарается вирусами и микробами? Кажется, до девушки дошло. Перестала улыбаться и резко оторвала руку, глядя на ладонь как на нечто инородное, не принадлежащее телу.

— Пойдемте, отсюда! — глядя на растопыренные пальцы поспешила в неизвестном направлении.

— Олесь, ты что? — вторая девушка с таким же цветом волос вприпрыжку побежала за подругой. А вот двое юношей не спеша побрели за ними, не удосужив Бастарда взглядом.

Вспомнила, где я ее видела. На Афганке сегодня развезжала с кучерявым перцем за рулем. Ну с тем, который потом оказался знакомым владельца б — ого Retz. Как много народу я сегодня узнала. Лучше поменьше встреч в дальнейшей жизни здесь в шкуре Бастарда.

Со второй попытки поднялась во весь рост и вновь стала блуждать. То здание, в которое я попыталась проникнуть, являлось тренировочным помещением для боев. Еще минут десять побродила и набрела на высокое одиночное строение, в котором и обитал педагогический и иной важный состав университета — командный пункт. Административный блок, как значилось на двери при входе. Вот, так бы и сразу.

Встретил кондиционер над входом. Прохлада живительная — ты моё спасение. И вот тут я поняла, что попала куда надо.

Раскинулся холл с тремя застекленными рабочими местами, в каждом из которых сидел человек. Одно окошко было открыто и возле него образовалась небольшая очередь в семь человек, я заняла место и поинтересовалась у парня передо мной.

— Не подскажешь, это на оформление документов? — постучала его легко пальцами по плечу. Он обернулся. Естественно выше меня и, чуть подумав, ответил односложно «да». Эх. Еще один неразговорчивый. Пришлось самой знакомиться. Улыбнулась заискивающе, как пациентка дантиста, которой только что вставили зубы, и она ходила гордо демонстрировала качество.

— Я — Аня, — ткнула себя в грудь большим пальцем правой руки, а потом протянула конечность для пожатия. Он удивился, опять подумал потормозил. Стеснялся что ли? И чего стесняться? Я съем его? Может теперь предстояло учиться в одной группе?

— Захар, — представился и пожал руку. Хоть смеяться не стал, а то иногда парни считали ниже своего достоинства жать руку женщине.

— Ты не в курсе тут можно уснуть в очереди или терпимо? — пошутила я, кивнув в сторону тетеньки в очках, сидящей в окошке. Парень впервые немного расслабился и улыбнулся.

— Терпимо.

Разговор усталых шестерых Бастардов перед нами не начинался. Молчали, как в склепе, между собой не контактировали.

Им совсем не скучно в одиночестве? Отшельники? Я по натуре активист, хлебом не корми, дай потрещать с кем-нибудь. Иногда народ считал меня утомительной, я себя тоже иногда считаю утомительной, а то — попробуйте трещать постоянно без умолку. Захар оказался на разговор словоохотлив и поддержал словарный ливень. За полчаса преодолели

очередь.

Прикольный он парень, немного замкнут, но дружелюбен. Шевелюра густая длинная, челка вечно налезала на глаза, а он ее поправлял при ходьбе, нос длинный с горбинкой, подбородок заостренный, и худощав. Зато у него пирсинг на нижней губе. Круто! О чем я не преминула ему сообщить в полнейшем восторге. Обожаю, всё необычное.

Последнее, что отметила про Захара — его хриплый голос, либо заболел, либо дефект. Нет, не похож он на больного: глаза не красные, не слезились, улыбчивый, признаков плохого самочувствия не наблюдала. Об этом тактично промолчала. Мало ли что у него с голосом. У Бастардов и не такие дефекты встречались в жизни.

Общежитие оказалось одним из первых кирпичных зданий, которое располагалось справа напротив прекрасной рощицы. Прекрасно. Буду спать с открытым окном и нюхать чарующие ароматы деревьев, а не застоявшуюся пыль и грязь с дорог, как у нас дома. Везде нужно искать плюсы.

Расстались с Захаром на первом этаже. Он направо, а я прямо — сквозь грозную на вид женщину короткостриженную светловолосую и с едва заметными морщинками на лице.

Неспеша поднялась по ступенькам — каменные, не покрытые ни паркетом ни ломинатом. А ковер не судьба постелить? Пусто. Краской разрисовали голубой и желтой ступеньки. Что за безвкусица? Наморщила нос. Окна заложены мозаикой стеклянной, через нее света почти не видно. По крайней мере, чисто под ногами. Поднялась на третий этаж, где краской на стене — было написано двадцать — двадцать девять. Не понадобилось иметь грандиозного ума, чтобы понять, что это номера комнат. Народа мало, или сейчас обед?

Зал при входе с телевизором допотопным, оттуда выход на балкон. Ветер играл занавесками у окна. Запах сигарет. Ковер в зале напоминал минное поле для мух, побрезговала вставить на него тапочками, поэтому решила напрямую направиться в комнату. Два прохода: налево и направо. Выбрала налево и не прогадала.

Комната двадцать два. Без стука, все-таки заходила к себе в комнату на ближайшее время. Спасибо, тебе папочка. Ворвалась танком и остановилась, почуввав крик интуиции.

Ага, поздно. Это что за...? Пугало на меня смотрели? Особенно одна — блондинка с эрокезом на голове. С настоящим эрокезом. Все волосы короткие, максимум до шеи стояли торчком на голове, как иглы дикобраза. Глаза черные, как будто углем намазала. Одежда легкая: светло-коричневого цвета бриджи на завязках и рубашка. Стильно и кожа дышала в хлопковых вещах. А вот вторая девушка сидела на кровати, и я сначала грешным делом подумала, что это парень, но нет. Тонкие длинные волосы, длиной в некоторых местах доставали до спины. Кепка на голове, капюшон сверху, широкие штаны, разорванные на коленях и бедрах, и широкая клетчатая рубашка, времен последней войны. Блондинка и брюнетка.

Мы трое переглянулись.

— Добрый день! — глухо пробурчала я и направилась к одной из кроватей рядом с выходом, единственной пустующей в комнате. Две поодаль возле окна заняты соседками.

— Добрый! — донеслось приветствие вполне нейтральное.

Что за позорная комната? Желтые стены, выкрашенные дурацкой краской, как в доме для умалишенных, где проходили реабилитацию люди с подорванной психикой. Там такие же успокоительные тона.

Три светло-коричневые кровати деревянные, тумбочки, окно во всю стену, и шкаф перпендикулярно моей кровати возле входа. Одинокая лампочка без люстры. С таким светом

только глаза зимой ломать. Папа, ты ответишь за все страдания, когда я отсюда выберусь!

Неуверенная тишина холодно пробегалась по голым стенам и мне оставалось терпеть и молча вываливать пакет с вещами на кровать. Чем я им не понравилась с одного взгляда?

Послышался осторожный голос одной из девушек. Я разогнулась, как бы спрашивая что дальше. Брюнетка, та которая сидела в кепке на кровати, ноги скрестив в позе лотоса, обращалась ко мне:

— А ты...? — замялась она все-таки, но на пару секунд. Потом посмотрела прямо в глаза и озвучила вопрос, ошарашив меня, как кувалдой по барабану. — Ты из разряда честных давалочек?

Что, простите? Мои брови дернулись, в явном намерении убежать на макушку, но остались на месте. Я нарочито медленно с ленцой разогнула спину окончательно, выпятив грудь, холодно окинула взглядом обоих соседа. На лице второй явно обозначился интерес к ответу в виде глубоко задумчивого молчания и разглядывания меня.

— Я за меньшее оскорбление окунаю головой в унитаз, — очень медленно с чувством, чтобы поняли озвучила. Надо отдать брюнетке должное — не испугалась.

— Тогда почему одеваешься откровенно? — я не чувствовала злости в ее вопросе, Если на первый — отреагировала агрессией, то теперь ощутила открытый интерес и ничего более, ни попытки оскорбить. Поэтому и ответила более расслабленно:

— Разве это откровенно? — дала себе маленькую слабинку-улыбку. — У меня видна только шея, ладони и лицо...

Вновь вернулась к вещам, вываленным на кровати. И стала перебирать содержимое хозяйства. Как себя обеспечить? У блондинки прорезался голос.

— Машка не хотела тебя обидеть, не обижайся, — махнула та рукой. Этот жест рассмотрела боковым зрением, а дальше слушала словесное выплескивание изо рта блондинки. — Просто если девушка не скрывает своего облика — это можно расценивать, как приглашение на «десерррт».

Как-то по-особенному выделила слово, прорывав букву «р» в особенности. Я, сложив все свое неказистое богатство, присела на кровать.

— Ты о чем? — выдохнула, совершенно не понимая, о чем идет речь. Соседки переглянулись опять непонятливо или удивленно.

— Ты из какой деревни вылезла? — грубость, видимо, прерогатива это самой Маши — темненькой реперши. Назовем ее так. Решила проигнорировать очередной укол-выпад и поставила блок. Я тебе еще устрою туше — брюнетка! Пообещала торжественно про себя. Не будем заранее заводить врагов, поэтому ответила честно согласно легенде.

— Червы. Росла там же, — опять переглянулись. Да хватит играть в гляделки! Мне кто-нибудь объяснит содержимое скрытого посыла, озвученного не так давно?

— Задница мира, — раскинула руки театрально блондинка. — Что и требовалось доказать. А до вас дошли песни Жижы к примеру?

Как-то слишком снисходительно поинтересовалась блондинка. Я проглотила вновь желание запихнуть снисходительность в глотку одним ударом с правой.

— Дошли, — передразнила ее, сделав чуть раздраженный голос. Пусть поймут, что мне надоел бессмысленный разговор. Надо было тумбочку разобрать и шкаф. Я и встала с намерением укомплектовать новое содержимое в предметы мебели. Раскрыла позорные деревянные ящички при желании, наверное, смогу и занозу посадить, но хоть чисто спасибо и на этом дом управлению или кто тут все лето занимался уборкой.

— Не обижайся, я не созла, — у блондинки одна тональность в голосе. Гнева или радости не замечала, только постоянное веселье и словно насмешку над собой или над всеми не понятно. — Ты не встречала Бастардов-девушек в Арзонте? Ну или в ближайшей территориальной принадлежности округах?

Какое немисливо сложное высказывание для блондинки усмехнулась, спрятав лицо внизу у тумбочки, возле которой складывала вещички первой необходимости. Белье надо было прикупить срочно, не буду в чужом ходить.

— Встречала, — коротко ответила, справившись с улыбкой.

— И что не заметила разницы между собой и ими? — я подумала немного и покачала головой отрицательно.

— Странно... Как ты думаешь почему я хожу с эрокезом на репе, а Машка, — ткнула она пальцем на соседку притихшую, но слушающую разговор. — Как Бастард с помойки?

Вновь чуть не засмеялась над замечанием. Мысленно тоже задавалась этими вопросами. Опять покачала головой, когда закончила раскладывать добро по местам. Одежду следовало купить. Не могу ходить в джинсах умершей девушки.

— У нас в Арзонтовском интернате негласное правило имелось. Девушки которые не желали быть, как бы помягче выразиться, подстилками одевались вызывающе, отвратительно, омерзительно, страшно, чтобы отпугнуть потенциальных ухажеров. Понятна, мысль? — спросила белобрысая. Я кивнула болванчиком. — Ты из разряда тех, кто не прочь раздвинуть ноги перед мужиками?

В моей голове сотни извилин начали активно отбрасывать импульсы в мозг в едином порыве. Замкнуло. Импульсы приостановилось, и в голове сформировалось одно решение проблемы, которое настойчиво мигало. Я заулыбалась искренне и радушно обоим девушкам, не натянуто как прежде, а под накатом эмоций.

— Гениально, блондинка, — рухнула я на кровать, словно камень тяжелый в гладь воды. Пружина мебели противно заскрипела, но я не обратила внимание. — Гениально. Нет. Я такого не слышала. И вас первых кого в таком виде имела честь лицезреть. Это просто гениально.

Не могла успокоиться от счастья. Решение проблемы. Вот оно. Меня не узнают в шкуре Бастарда, если я изуродуюсь окончательно.

— Что тебя привело в такой восторг? — озадаченно спросила Маша.

— Девочки, вы должны мне помочь, — я преодолела за миг все расстояние до кроватей соседок и нагло уселась на ту, что напротив сидящей Машки находилась. Взяла руки брюнетки в свои, как будто мы старые знакомые или давние хорошие подруги, по-прежнему излучая радиацию радости. Уверена она опасна в таких дозах.

Брюнетка испугалась явного любвеобильного порыва, который мог ее снести, руки дернулись в моем захвате, но она передумала. Блондинка подошла поближе.

— Всегда обращайся, — услышала сверху. — Я Кристина, кстати, — протянула она руку для пожатия.

Блондинка, ты мне нравишься. И я довольно, предварительно освободив плененные конечности другой девушки, протянула ладонь.

— Аня, приятно познакомиться.

Так и началось мое маленькое приключение в стране Страда. Поправочка в объединенной стране Немии, почти без денег, с чужой фамилией и в логове вирусных Бастардов, который каждый второй мог быть чем-то заражен, а я с ними тут за руки

здоровалась.

И сегодня тридцатого августа состоялись мои похороны. На церемонии прощания были самые близкие друзья и родственники, а я живая здоровая. Но самое главное отец меня спрятал от людей, которым мешала чем-то жить. Две попытки убийства могли быть совпадением, как пытались это преподнести. Но третьим совпадением быть не могло.

Моя жизнь — кому-то встала боком. И отец дал то, что им так надо. Моя смерть. Анны Вильмонт больше нет.

Глава 5. «Большая семерка»

Глава 5. «Большая семерка»

Из его окна на двадцать пятом этаже высотки открывался шикарный вид на широкую реку, разделяющую центр города на два отдельных «государства», ровно по середине. Двадцать мостов соединяли острова. По воде в летнюю пору передвигались круглосуточно водные суда: и катера, и лодки, и яхты и промышленные грузовозы.

Сегодня солнце было особенно ярким, слепящим глаза, раздражающим. Мужчина, прищурившись, закрыл жалюзи, чтобы ежесекундно не тереть веки, которые ощутимо горели и слезились. Плохо спал, работы много навалилось в связи с объединением Немии. Законы менялись, уточнялись один за другим, приходилось менять сложившуюся структуру поведения в бизнесе.

В особенности, сложно настроить работу с Хаски, они всегда были через чур спесивы и горды, что не по их — считали ниже своего достоинства идти на уступки. Но Сергей тоже не собирался склонять голову. Он устало читал договор на сорок с лишним листов, один за другим изучая тщательно, каждое слово выверяя. А доверить документ никому другому не посмел бы, слишком важны пункты для всего государства.

— Сергей Андреевич, — женский тонкий голос отрапортовал на весь одинокий кабинет, в котором он располагался за столом. — На встречу пришли.

— Впускайте, — устало выдохнул мужчина. Встал возле своего стола, скрестив руки под грудью, словно в защитном жесте или скорее демонстрируя натянувшийся костюм, четко удовлетворяющий его фигуре. Каштановые волосы покрылись легкой сединой, но за недостаток не считал и не скрывал

Ежемесячная встреча семи участников ветви Гнетовцев проходила в первых числах месяца.

Листы договора аккуратно поправил согласно нумерации и отложил на край стола, чтобы продолжить по окончании встречи проверку на наличие неточностей.

После короткого стука в дверь прошла женщина — секретарь, которая ни один год имела честь работать с Сергеем Андреевичем Вильмонт под его непосредственным контролем. Одета хорошо, со вкусом, стильно. Элегантная женщина уверенная в себе, и очень серьезная для своих тридцати семи лет. Вслед за ней прошли шесть мужчин, кто-то моложе, кто-то старше. Но их всех объединяло одно — они основа, ствол дерева, откуда произрастали ветви, и только благодаря им листва, плоды, цветы. На их плечи опиралась основная тяжесть ответственности, которую несли не одно поколение.

Более двух с половиной тысяч лет они, как атланты, держали неподъемный груз на шею и плечах. Тяжелый, неудобный, и его порой хотелось скинуть и распрямиться, но нет. Каждое поколение исправно несло ответственность за развитие целой страны. За бесперебойное функционирование как внутри, так и за пределами целого государства с соседями по территории.

А теперь... спустя две с половиной тысячи лет они — семь человек должны поделить контроль со второй семеркой, с которой предпочитали видеться очень редко и только при крайней необходимости. Чтобы уточнить цены или выбить скидку или по вопросам террористической организаций, командующим на побережье Немии. В остальном верхушки Гнетовцев и Страдовцев вели бизнес на бумагах без физического контакта между лицами.

Вверх дном перевернулся мир. С ног на голову перевернулись основы бытия и теперь предстояло вновь выстроить новый мир, с более плотным кольцом взаимосвязи.

— Мои соболезнования, — тон голоса заставил его очнуться от размышлений, подавая руку. — Сергей, ты не представляешь, как я тебе сочувствую.

Один из самых приближенных его людей. Шмонт старший — они учились еще в школе вместе. Протягивая руку, Сергей следил чтобы лицо выдавало истинную скорбь родителя, потерявшего ребенка. Одно за одним навалилось, но другого выхода не было. Только так мог спасти дочь.

— Здравствуй, Иосиф, — нельзя улыбаться, только грусть и обязательно печаль. Один за другим члены шестерки здоровались с мужчиной, подходя к его столу. — Мы все соболезнуем. Анечка была такая веселая девочка, — комментировал другой взрослый мужчина старше Сергея на пятнадцать лет. Пока не отходил от вопросов бизнеса, видимо не желал отдавать власть молодому сыну и чувствовать себя стариком, никчемным ненужным.

— Принимаю ваши соболезнования, — холодно прервал вдохновенные речи.

— Пройдем-те за стол, — указал рукой на черный эмалированный стол, находящийся в кольце круглого дивана, мягкого и призывающегося окунуться в его нежности.

Мужчины переглянулись между собой, но не стали давить на больное место — на открытую рану, возможно она кровоточила слишком сильно, а они имели не осторожность зацепить краешек и едва не сорвать запекающуюся кровь. Пусть, думают так.

Обстановку легкой окаменелости нарушила секретарь.

— Господа, что будем пить? — улыбнулась женщина той улыбкой, которая у нее получалась идеальной. Чуть доброты, чуть невинности от взрослой женщины и совсем капелька воодушевления и немного обожания перед сильными миром сего. Именно за манеры Ирина и держалась на месте секретаря более десяти лет. Семерка заявила о своих предпочтениях, кто газированным, кто алкогольным.

— Надеюсь все понимают, какие вопросы на посылке дня? — Вильмонт удостоверился, что дверь плотно закрылась с легким щелчком за спиной работницы. Взял со стола листы, которые мозолил не один день пальцами и глазами и поднял кипу бумаг вверх. Выразительно оглядел собравшихся и умолкнувших внезапно мужчин.

— Заключил? — подал голос Шмонт. Личные эмоции в сторону, пришел час судного дня. Здесь нет места улыбкам, смеху, радости, ненависти. Здесь полный штиль, ровная гладь, четкие указания, разъяснения и не терпящие возражений решения. Рапорт, заключения и действия.

— Десятого числа подписываем на собрании со Страдовцами. В Арзонт вылетаем девятого, — Сергей не садился за стол переговоров, бедром опираясь о свой рабочий стол. Изучал реакцию по глазам подчиненных.

— Билеты раздаст Ирина в конце собрания. Три проекта на данный период времени согласовали, осталось только смету привести в порядок, в остальном Хаски младший поработал терпимо. Хочу отметить, что именно он занимался составлением договора, удивлен толковостью парня. Немного напыщен, но толков... — над его замечанием промолчали.

Он всегда умел находить плюсы и минусы у работников. Если сотрудник поработал на славу, то заслужил похвалы от него лично. Если напортачил — то и наказание ожидало — незамедлительно.

— Хаски давно на наследника скинул обязанности и ходят слухи о том, что через год он

вступает в право наследования, но это...так... ремарка...

— Нет. Это не слухи. Я читал приказ от десятого числа прошлого месяца, — в разговор вмешался один их самых молодых представителей знатных фамилий — Илья Геронт — знаток внешней политики, мастер слухов и умения вести беседы на любом из доступных языков. Всесторонне развитый молодой человек. Два года назад принял наследование в связи со скоропостижной гибелью отца в силу несчастного случая. Вильмонт кивнул на замечание, одобряюще, подтверждая опыт и значимость слов.

— Возвращаемся к этапам договора. Остров на грани с Арзонтом мы выторговали у Мерси. Остров был под защитой государства, полезные ископаемые, редкие виды животных. Все пункты обходим. Заповедники для животных, ботанический сад для растений. Архонт, добыча — это в твоём ведении, — Сергей посмотрел внимательно на мужчину самого взрослого, с проседью светлых волос на фоне черных.

— Как предсказуемо, — едва ли не в первый раз серьезность разговора была нарушена усмешкой кривой и пренебрежительной со стороны пожилого мужчины. — Взятки Мерси не берет? В маленьких долях. Предпочитает исключительно в особо крупных размерах... эх, — покачал он недовольно головой, уткнувшись в лист белоснежный перед своим местом, и, делая на нем заметки для выполнения задачи.

— А я говорил, — поднял он ручку пишущую вверх. — Серега, нечего третьему лишнему врываться в устоявшуюся систему. Он вам с Хаски еще ни одну палку в колеса вставит.

Вильмонт молча изучил коллегу, но промолчал.

— Он мечтает объединить нас, — вдруг голос раздался от другого мужчины, тот который один из лучших друзей. Шмонт Иосиф, вальяжно откинулся на кресло. В ожидании поддержки оглядел рядом сидящих.

— Он мечтает подноправно владеть всей Немией, тебе ли не знать, Серега? — почти не затронутое годами лицо мужчины искривилось в пренебрежнии жесткими росчерками морщин под глазами и на лбу. Уродуя красивые утонченные аристократичные черты и пугая не знающих его людей холодом пренебрежния, очень зябким пробирающим до самого горла.

— Он понимал, что ни ты, ни Хаски не позволят друг другу занять пост, вот и вылез не пойми откуда — из самых трущоб. Ты его биографию видел. Там такая примесь ублюдков и Баллийцев, что жутко становится. И это ты считаешь верхом Аристократии? Почему ты ему позволил занять этот пост? — Шмонт подскочил на месте, словно внутри взорвался вулкан, и лава требовала немедленного излития и сожжения ненавистных людей.

— Я миллион раз говорил, — сухой тон ветром подул на взорвавшийся вулкан. Остужая его медленно глазами, манерами, руками сложенными под грудью. — Это мое решение и Хаски. Обсуждать не намерены. Кандидата выдвинули мы оба. Вам оставалось согласиться или нет. Вы согласились, какие теперь вопросы? — молчание на его сухой успокаивающий ветер слов. Шмонт чуть запоздало присел.

— Вернемся...к договору. Архонт — как можно быстрее добыча, работа начата ускоряем процесс. С Хаски — строй материал. От них план проекта. Геронт — от тебя реклама. Прессинг, прессинг, на всех афишах. Глаза мозоль всем, можешь начать с истории семей и побольше соплей и слюней, — молодой человек знаток внешней политики опустил глаза в лист и сделал наброски на предложенном листе бумаги.

— С меня я так понимаю охрана? — когда речь приостановилась в разговор вступил Шмонт.

— Нет. Охраной занимаются лично Хаски и я.

— Почему? — Иосиф был удивлен решением. Да, Сергей только в исключительных случаях своих псов КМЗ-ников спускал с поводка. — Ты что думаешь будут провокации?

— Не думаю. А уверен, — снисходительно ответил Вильмонт. — Этот проект поперек горлу десятой части нашего населения. С тебя — военные учения проводятся в марте следующего года на границе наших территорий возле гробницы. Там самая дикая область. Вместе с Маски проводите. Геронт, ты опять же отвечаешь за массовую информацию и позерства побольше, народ. Мы объединяемся. Улыбаемся! Две с половиной тысячи лет хотели объединения — получайте... и третий этап. Бионт, я тебя назначаю за разработку новой усовершенствованной модели Иксовой вешки. По моим заводам всю информацию имеешь, ты отличный техник, полностью тебе доверяю в этом вопросе. Со стороны Хаски занимаются Польски. Вот и все, господа, — Вильмонт хлопнул в ладоши.

— Побольше энтузиазма! — такая натянутая улыбка на его устах. Кукольная, без эмоциональная, полностью равнодушная. Вильмонт никогда не психовал, всегда был спокоен и не срывался, так как время от времени делали это все члены семи знатных фамилий. Его сложно вывести из стойкого равновесия, оно у него в одном положении — и никогда почти не отклонялось.

— А теперь отдыхаем, наслаждаемся напитками, которые... — Сергей повернул шею в сторону входа, куда с милой извиняющей улыбкой вошла женщина. — Принесла, Ирина. Проходите, мы почти закончили.

Пока секретарь с подносом в руке и напитками на нем расставляла стаканы на стол, члены совета молчали и только коротко благодарно кивали. Когда за работницей закрылась дверь опять со щелчком, Вильмонт впервые за время разговора отнял бедро от боковой деревянной поверхности рабочего стола и подошел ближе к участникам совещания. Улыбки хоть и равнодушные — прочь. Тон голоса завибрировал в каждой голове присутствующих, на столько он был грозен, как бушующий океан, играючи потопляющий одну лодку за другой, вдребезги разбивающий их о камни.

— Каждого ПБ-ника прошерстить. Всю родословную изучить от начала и до конца. Очистить местность от падали, — утробный рык, исходящий из глубины груди сменил рокошующий шепот.

— Любого без регистрации — задержать. ПБ — ников уничтожить всех. Их семьи — изучить! Это к тебе относится, Яхонт, ты ручонки свои туда запустил, теперь будешь расхлебывать. Месяц даю всем и чтобы фамилии на моем столе лежали, кто организовал, кто спонсировал. И ты, Яхонт, отвечаешь за выполнение этой задачи головой, сердцем, рукой, почками, печенью и всем остальным. Тридцать один день на уничтожение Пб-ников. Всё ясно? — и вновь спокойный голос от владельца этого здания. словно не он рычал от бессилия и бешенства несколько секунд назад.

— Сергей Андреевич, слово даю я не причем. Понятия не имею, кто дал заказ на Аню.

Вильмонт выразительно взглянул на коллегу, со смешком в глазах и задором на губах. И под молчаливыми взглядами коллег и друзей покинул место встречи. Приказы отдал, большеничего здесь не держало. Оправданий не существовало.

Глава 6. «Новые враги и знакомства»

Глава 6. «Новые враги и знакомства»

Последний день перед началом нового учебного года встретил каруселью непрерывных событий, от которой закружилась голова и хотелось завалиться в кровать и не вставать.

Да, мои соседки — это что-то. Гиена номер один — Кристина, смеялась также противно и не переставая, но признаю мое молчание, расцененное как стеснение она раскрашивала цветными фаломастерами ехидных фразочек и колких замечаний в адрес остальных людей. Настоящая гиена — она вдоль и поперек изъездила всех встречных по пути из общежития в медицинский пункт на окраине университетского городка, где нас проверяли на наличие смертельных заболеваний.

Маша подозрительно помалкивала на болтовню соседки. Серьезная дамочка эта Маша. Едва ли пару фраз сказала за всё время, но надо отдать должное — сегодня с утра она порадовала нас завтраком в виде омлета, теплого, солнечного цвета, так же согревшего пустующий желудок.

Я скоро греметь костями начну, как ходящий труп без грамма мяса на теле. Машу я, пожалуй, сравнила бы с бурым медведем, прикидывалась вечным валенком, но по сути чувствовалась от нее угроза. Интуиция редко подводила. В Марии присутствовал железный прут, который в случае чего вобьется врагу в сердце в качестве оружия, но одновременно сможет и защитить.

Пока не решила, как с ними себя вести, поэтому всю дорогу от медицинского центра до города провела в молчании. Изредка улыбалась над очередным колким замечанием Кристины в сторону безвкусицы- безделушки на одежде представительницы прекрасного пола и их жалких волосиков, погибающих во цвете лет.

Еще одна неожиданность встретила на парковке, когда мы собирались в магазин. Кристина оказалась владелицей белой Фуджи, седан довольно дешевый по сравнению с остальными автомобилями на стоянке, НО... Бастард с правами на машину и регистрацией на нее — вводил в состояние транса, когда не понимаешь, что произошло? Не мое дело.

Тоже есть, что скрывать.

Деньги пришлось потратить почти все, которые Кирилл любезно предложил. Осталось сто кредитов. Нужен источник заработка, а то состояние ходячего скелета светило в лоб.

Моим имиджем занялась Кристина довольно воодушевленно, едва не загоняла по бутикам магазина до адских коллик в ногах. Вторая соседка, как не странно, дала дельный совет, и я по прошествии нескольких часов, углядев отражение в зеркале ванной комнаты, чуть не расцеловала обоих. Да, я в таком виде могу перед лицом отца открыто пройти и перед Шмонтом, ни один знакомый не узнает меня. Даю и руку на отсечение, и голову, и на электрический стул сяду.

Я стала почти блондинкой. Я — ярая поборница за права брюнеток, лишней раз любящая пройти против шерсти блондинок о мозговой активности их извилин, о их руках, растущих не из правильного места, о их поведении — я самая прекрасная и всеми любимая. Мне что теперь надо под них косить?

Госпожа Гиена, простите, Кристина потратила мои денюжки на пряди волос песочно-белого цвета. Теперь моя основная густая копна волос была заколота на затылке в пучке. На их место прилепили кучу прядей белых волос, а под ними — настоящие длинные темные

волосы, выглядывающие на пояснице. Нарощенные пряди Гиена подстригла не ровно, на макушке короче, на лице чуть длиннее, на спине лесенкой достала до темных волос. А вообще круто! Мне нравится. Я бы такую увидела в темном парке или за углом — сбежала без оглядки.

Родинку — это была гениальная мысль Марии, залепили специальной наклейкой, идеально копирующей наколку, даже цвет. И почти на ощупь не распознавались не ровные края материала. Висок правый, под глазом над ним наклеили россыпь мелких кленовых листьев в разброс. Глаза обвели черным карандашом сильно заметно издали. От этого светло-голубые глаза стали светлее, пугая и напоминая водоворот — беспощадный поток воды, который засосет при одном взгляде. Страшная я! Страшная, но прекрасная.

А все равно у меня мордочка симпатичная, хоть на всем лице татуировку набить. Черты лица полностью устраивают, даже несмотря на то, что их я получила совершенно случайно благодаря раскладке генов. Повезло. Нет изъянов в лице видимых. Нет кривого носа, или катрошки вместо него. Аккуратный нос, без горбинок и ломанных перегородок. Это при условии сколько раз прилетало в орган, созданный для дыхания. Бородавок нет, одно родимое пятно под глазом.

Разве что кожа подвела и имела чуть темнее оттенок, чем положено у Аристократов. Я смуглее совсем немного, что сразу бросало тень на репутацию. Губы не сказать что полные, но красивой формы, нижняя чуть полнее верхней. Кристина исправила цвет лица тоналкой светлой, как трехдневный труп в гробу. Плохое сравнение, но это то, что я своими глазами видела и цвет напомнил кожу мертвеца.

Я — приведение с белой головой и черными глазами. Одежда — это был этап номер два.

— Дышать. дышать... — прохрипела я, но воздуха не становилось больше. В грудикак будто застряла дощечка и препятствовала потоку воздуха. Кристина обмотала мою грудь эластичными бинтами. Я люблю корсеты, но когда они для красоты, а не для того, чтобы убить.

— Спокойно, дыши! — скомандовала она, фиксируя завязки на моем теле. Пока девушка проделывала махинации я стояла с растопыренными руками в разные стороны и косилась на нее, желая ей гореть в аду вместо со своей бесчеловечностью и безжалостностью. Как правильно дала ей кличку. Мария старалась не мешать, сидела, поджав ноги под себя, на кровати и изредка вставляла слово.

— Круто. Ты почти плоская, — порадовала она меня, подняв большой палец правой руки кверху.

— Я рада, — опять прохрипела. Как разговаривать, если дышать с трудом удавалось. Кристина закончила свои, поправка — мои мучения, оставив мою грудь в покое и оглядела внешний вид забинтованное на половину тело и штаны черные просторные, которые успела одеть. Затем с довольным видом кивнула, одобряя действия. Подняла со своей кровати футболку черную без рукавов слегка большую по размеру, чем надо, и куртку кожаную.

Я — монстр. Нацепили кучу побрякушек: цепь повесили на бедро. Это от Жижь позаимствовала. Куртка итак была в мелких звонких колечках, болтающихся и звенящих друг об друга. На руку Кристина подарила цепь из колец, обхватывающих запястье и покачивающихся при ходьбе. Я копилка с мелочью. Также неприятно и раздраженно гремела при движении.

Невероятный энтузизм распирает изнутри, наполняет счастьем предвкушением

завтрашнего дня.

Никогда не было подобного приключения. Это совершенно новый этап в жизни. Я всегда находилась под крылом отца, под его надежным плечом, и знала что со спины восторону врагов нацелено дуло пистолета. Прямоком в смертельную зону в сердце или лоб. Но теперь я одна не считая, вот этих двух незнакомых девушек — Бастардов: Гиены и Медведицы. И я не знала могла им доверять, но больше нет вариантов.

Резко распахнула дверь из комнаты с улыбкой во все лицо. Планировала зайти в туалет. Только там располагалось самое большое зеркало на весь этаж и хотелось оценить новый облик. Услышала слабый стук, когда распахнула дверь. Шипение, но не змеи. Человеческое шипение, наполненное ядом. Его владелица, наверное, должна была скончаться от интоксикации организма.

— Бл8888888, - протяжный мат еще больше испугал. Я выглянула за дверь и увидела девушку, сидящую под нашей дверью на корточках и сжавшуюся в кольцо словно змея. Так это она шипела?

— Ты идиотка!?! — взревела, резко вставая. — Я спрашиваю идиотка?

Выше на голову, блондинка. Впервые в Бастарде не видела уродства и с первого взгляда не могла определить ее принадлежность. Да, если одеть — она стопроцентная Аристократа, с хрупкими идеальными пропорциями. Угловатое лицо, большие глаза на фоне худощавых черт, маленький нос. Мода у Аристократок нынче пошла. Молодые поколения подрастали исключительно курносые. Губы стандартной величины средние. Волосы чуть худоваты и достигали лопаток, убраны назад при помощи геля.

— Херли пялишься, мелкая, — и она это сделала. Сделала, я даже не заметила каким образом, ее клешня пробралась вперед. Взяла за ворот куртки, приподняла на носочки унизительно, как моль, которую одним пальчиком сейчас раздавит. Боевая зараза и силенок много в ее худосочных ручках.

— Под дверью не стой, — угрозы много слышала в жизни. Ну подумаешь с синяком похожу под глазом не привыкать. Один на один. Голос мой холоден, как вода в водоемах зимой, колкий и пробирающий до костей. Но шавка не поняла намека отпустить.

— Ты что пропищала? — ее красивые глаза сузились на мне фокусируя зрение, предупреждая. Опалял огонь взгляда.

— Руку убери, — максимально сжала ее запястье, держащее меня как моль унизительно. На этой ладони хватил проходного половина бала для военки? Девушка удивленно уставилась, но руку не отнимала. Я сильнее надавила, злость чуда делала с силами, увеличивала в стократ. Поморщилась Бастард и отпустила.

— Извиняйся, — приказала, словно королева верному рабу. Что-то Бастард перепутала в этой жизни.

— Под дверью не стой, — взглядом попыталась передать ей мысль. Повернулась спиной, удаляясь по коридору в сторону туалета. Змея стояла без движения, судя по отсутствию шагов. От корки до корки исследовала новый неизвестный объект. Мое лицо она запомнила надолго. Ну почему я везде и всюду нахожу приключения на свою душу? Почему не могу жить спокойно?

***

Распирало от предвкушения. Интересно с виду не опухла от этого чувства. Как же мне здесь нравится, папочка! Я в террариуме для змей!

Сегодня все утро окидывали ледяными взглядами. По идее я должна была скончаться от

воспаления легких. И это только Бастарды.

Каждый молчал, изредка двое, трое, видимо, соседи по комнатам передвигались вместе, на остальных глядели с подозрением и не особенной любовью. Аристократов пока что не имели чести лицезреть наяву, ведь вчера почти не были в университетском городке. Основная масса голубой крови прибудет сегодня на торжественное мероприятие.

Ровно в десять часов вереницей, не стовариваясь стали выходить на улицу, держась особняком от остальных. Вот теперь жизнь распустилась вместе с прекрасными цветами.

Наш путь пролегал направо от общежития мимо первого учебного блока через перегородку туда, где располагался огромный газон, созданный для пикников и отдыха между переменами.

На нас смотрели с неприязнью. Я со стальной выдержкой ежилась, желая потерять руки от озноба. Нас презирали. Хмыкали, толкали. Одного парня безошибочно двинули плечом, и он отскочил на меня, но даже не извинился.

Аристократы не видели в нас тех, с кем можно общаться. Мы ниже собак, которых можно пнуть, когда они слишком громко лают. Мелче кошек, которых можно морить голодом, когда лень дать еду, они выдержат. Мы — ничто паразиты. И это читалось на их лицах открыто без желания скрывать факт.

Опустила глаза рефлекторно, такого количества презрения я никогда не ощущала. В малых дозах употребляла, и получила антидот. Но сейчас он не срабатывал, зашкаливала предельно допустимая доля облучения ненавистью.

Остальные давно смотрели перед собой и изредка перешептывались, боялись что их услышат. Бастарды всю жизнь терпели такое отношение? Нет. Я забыла. Они до восемнадцати лет почти и не видели Аристократов, только если воспитателей в школе — интернате.

Поляна кишела народом, как тараканами. Музыкальная установка стояла поперек газона, рядом занимали места педагоги. По правую руку от них расположились студенты университета в количестве явно превышающим возможности посчитать на вскидку. От начала травы и до конца представители голубой кровистояли в одну шеренгу, а за ними еще и еще ряды.

Слева от педагогического состава место подозрительно пустовало, скорее всего для нас. Когда первый Бастард приблизился в нерешительности на пустующую половину одновременно от педагогов отсоединился один человек. женщина в бордовом свитере с высоким горлом и в черных штанах. Фигура хоть и оставалось такой же для возраста стройной, тем не менее спина немного согнулась. Возраст примерно за восемьдесят.

— Проходите, проходите, — замахала она приглашающе нам рукой. Мы чуть не трезвой походкой от нервов продвигались под любопытными взглядами, направленными со стороны Аристократии. Мышки пришли к ползучим тварям. И у этих тварей на лбу коварно образовалась надпись — предсмертный приговор.

Женщина — педагог нервно двигалась, донеслось ее глухое стенание и недовольство.

— Встань вот здесь, — резко поставила одну из девушек, схватив ее за плечи и встряхнув. Я от неожиданности уставилась непонимающим взглядом в ту сторону. Да что она себе позволяла? В момент иглы недовольства проткнули насквозь и если бы кто-то прикоснулся ко мне, клянусь вытащила бы эти иглы и воткнула в глотки, по самые гланды.

— Ровно встали! — скомандовала тетенька, второго и третьего человека встряхнув и поставив в шеренгу. — Ну мне что каждого выстраивать!?

Какой у нее надсадный голос. Ейкто-то испортил настроение с утра пораньше, а она теперь срывалась на нас. Я сжала челюсти. Моя очередь через десять человек. Если дойдет до меня, устрою ей вендету. Смотрела за ее передвижениями. Кипела от бешенства и ревущего в груди урагана.

Мне жаль этих людей, для себя обнаружила очевидный факт. Заведомо причислила себя к Бастардам и встала на их сторону. Тошнило от напыщенных взглядов Аристократов и их уверенности в своей исключительности.

Бастардов немного — думаю чуть больше пятидесяти в сравнении с остальными учащимися, которые с трудом помещались на поляне.

— Что за уроды? — громкую фразу разобрала с другой стороны — напрямую от студентов Аристократов, стоящих напротив.

Сама того не желая подняла взгляд, скользнула по рядам многочисленной толпы. Судя по смешкам — это вон та огромная компания, среди нее знакомые лица. Тот парень кудрявый блондин — огромный, спортом занимается скорее всего, под два метра, может чуть меньше. Я ему сразу дала кличку — Пудель. Смеялся громче всех и залиvistее и при этом обнимал какого-то парня за плечи и закрывал глаза пальцами. А этот еще выше — клянусь сантиметров на пять точно. Я таких верзил в своей недолгой жизни пока не встречала. И тоже блондин. У них в Арзонте — мода на них? Хотя, нет... вон парень с эрокезом на башке — он под мою Гиену косит? А рядом две брюнетки, которые меня с энтузиазмом встречали и насмехались. Олеся и подруга.

И кому принадлежала фраза? Кому угодно. Мы, конечно, не образец утонченности и элегантности, но уродами, по крайней мере, меня назвать сложно. Я смешалась идеально с толпой, потонула в океане татуировок, набитых почти на все тело, в эрокезах, в синих, зеленых и розовых волосах. На уродов не похожи, на клоунов пожалуй — необычной расцветкой и одеждой мешковатой.

Хочу заметить не все были в странном виде, девушек семь в нормальной одежде, вон и Захар прилично одет и причесан.

Внезапно получила подзатыльник от стоящей рядом Кристинки. Повернулась на соседку с жадной убийства, бурлящей в крови и капающей... капающей по оголенным коротящим нервам. Чирк. Одна искра и почти замкнуло.

Кристина округлила глаза и указала вниз под ноги. Не сразу поняла, что она имела ввиду, пока соседка не повторила движение головой вниз и не прошептала сквозь зажатую челюсть «не пялься».

Запоздало любопытство закрыла в клетке уединения одно без подруг и друзей. Пусть посидит мой одичавший зверь на привязи, а то кто знает к чему в очередной раз приведет. И мы молча, вперив взгляд в газон, слушали воодушевленную речь преподавателей.

У них плешь в газоне. Заметила некачественную работу садовника, пока втирали о правилах поведения на территории университета и пожеланиях хорошего учебного года.

После торжественной речи отвели в первый учебный блок на третий этаж и госпожа Вивич, та женщина в розовом свитере продолжила читать устав, разбивала на группы.

Тьфу. Я в разных группах с Гиеной и Медведицей. Зато в одной группе со вчерашней психопаткой, которую прибила дверью. Кстати, она сегодня заявила в нормальной одежде за исключением огромных черных разрисованных глаз.

Когда меня увидела раскрыла пасть и сделала захват челюстью, имитируя укусы зверя, и это направлялось в мою сторону.

Волчица — натуральная шавка, только чуть выше в холке и такая же худощавая и злая. Может ее плохо кормили, поэтому она голодная? О! Я с Захаром. Подсела к нему за парту, пока куратор капала на мозг кислотой информации, только уничтожая накопившуюся, а новую забывала вплести в нить памяти. Слишком много слов, черезчур монотонно и нудно.

Бастарды переглядывались между собой, как бы ища поддержки, одобрения.

Глава 7. «Аристократы vs Бастарды»

Глава 7. «Аристократы vs Бастарды»

Жизнь поплелась медленно не спеша, я отсчитывала каждый день в террариуме. На первый взгляд мне понравилось здесь, но как только началась учеба и ничего кроме занятий с утра до вечера в жизни не происходило, вздохнула разочарованно.

Ночи проводили в комнате за семью замками, боялись выйти на улицу и попасться кому-нибудь на глаза.

Это не жизнь, а существование, жалкое бесполезное существование. С Волчицей снисходительно переглядывались, орошали друг друга градом презрения. Как наши плечи не согнулись под действием силы?

Предметы, которые изучали были общепринятыми. Основное направление — пока что история. Бастардов заставляли изучать историю развития континента, с самого-самого начала. И я от скуки ручку жевала. Это детский сад на выгуле. В пятом классе изучали. Я-то в школе училась в отличие от Бастардов.

Политика, экономика, статистика, физические навыки, иностранный язык — Баллийский. Основы оказания первой медицинской помощи. Общие предметы. И что делать целый семестр? Я это все изучала. Скука предстояла смертная.

Когда нас обучали общению с компьютером, я чуть не выплюнула легкие от смеха.

Это не люди, это безрукие макаки. Молодой мужчина лет тридцати пяти — преподаватель пришел к такому же выводу.

— Быстрее... Да... Вот эту зеленую мигающую кнопку нажмите. Один раз, я сказал! — взвыл он. После того, как одна девушка слишком часто нажимала на кнопку, что привело вновь к выключению системы после того, как только начала загружаться.

Я подпирала кулаком щеку и наблюдала со стороны за этим цирком.

— Один раз! — взвизгнул мужчина. Ультразвук достиг ушей. Все удивленно дернулись. А я засмеялась, нарушив тишину среди испуганных созданий. Ближайшие соседи посмотрели вопросительно с осуждением во взгляде. А слева — Волчица в короткой джинсовой юбке на каблуках озвучила шепотом:

— Как кабыла ржешь, — у нее лицо искривилось на кучу маленьких отдельных черточек. Страшная рожа.

Я перестала улыбаться. Надменно поглядела на свой загружающийся агрегат, затем на ее темный экран и палец указательный, который завис над клавиатурой.

— А ты как макака с бананом выглядишь, но я молчу, — Волчица фыркнула. Отвернулась и тыкнула, наконец, на зеленую кнопку на клавиатуре. Свершилось. Больше в диалог она решила не вступать. Наша любовь крепчала и крепчала, корнями вращала.

***

Прошла неделя скуки смертной и тишины. Не привыкла так жить. Хотелось движения непрерывного, хаотичного, вертящего из стороны в сторону.

Наступили выходные, о которых мечтала целую неделю. С соседками договорились в субботу съездить за продуктами. Съездили у меня осталось двадцать кредитов. Хорошо, что кормили бесплатно, иначе помирать голодной смертью.

Вечером, когда вернулись с магазина, мир повернулся в другую сторону, отличную от прежней. Тащились каждая с пакетом в руке, Кристинка еще и с вещами. Зачем ей столько

одежды, если она одевала три вида одежды. Я два. Машка тоже два.

Поляна перед общежитием пестрела толпой Бастардов. Они кучковались, почти не общались между собой. Перед ними — четыре парня, один длинный супер худой, другой — чуть ниже... хотя в прочем их внешность не запоминающаяся.

В последнее время осталось впечатление, что идеальность — это тоже недостаток. Слишком Аристократы красивы. А это скучно.

На нас обратили внимание.

— Так, девочки! — актер погорелого театра номер один. Самый высокий парень. Настолько его улыбка пропахла фальшью, что я с трудом не ответила ему тем же. Раскинул руки, готовясь обнять нас всех. — Вы вовремя! А ну прочь ваши покупки!

Улыбаясь наигранно, парень махнул рукой в сторону, изображая как нужно поступить с пакетами. Мы застыли. Девчонки изумленно, я ошарашенно, с чувством что плюнули в рожу и растерли. А я теперь стояла и не знала, как стереть.

— Бегом девочки! — это новое действующее лицо. Голос не был таким же насмешливым, как у первого. Чуть ниже по росту и тоньше.

Я стояла ближе всего к крыльцу. Сделала шаг неспешный. Хотела поставить где-нибудь в уголке перед лестницей. Девочки не шевелились.

Резко выдернули из рук пакет, едва плечо не вывихнули из сустава. Покупки отправились высоко в полет на крыльцо, там стукнулись о дверь и рухнули на бетон. Часть продуктов вылетела и скатилась на первую ступеньку. Прекрасно. Минеральная вода на земле возле входа.

— Я не повторяю два раза, — щелочки глаз посмотрели впритык, обдав мощным запахом спиртного. Скорее от антиаромата назад дернулась, чем от испуга. — Потом поднимешь — дожрешь, если надо будет.

У него скрипуче — прокуренный писклявый голос. Если бы не видела перед собой парня, то непременно заподозрила бы женский пол. А как нос наморщил, словно ему неприятен один вид и ощущение Бастарда рядом. Это мне неприятно.

Расслабила черты лица, не выдавая злобы, которая жгла внутри. Опаляла, причиняя боль от того, что не могла наружу выпустить. Молча развернулась на заостренных ногах и двинулась по направлению к толпе Бастардов. Тюремщики, будто только меня и ждали тоже развернулись. Кристинка с Машкой медленно присели и опустили сумки, аккуратно на газоне. Там, где они и стояли, в нескольких метрах от крыльца.

Целая орава Бастардов была направлена всего лишь страхом по следам четверых щуплых Аристократов, причисливших себя к верховным господам, дело которых нести наивысшую цель — командование низшими.

Сморщилась от огня, который продолжал жарить и с трудом сдерживала внутри. Он расползлся с чудовищной силой по всему телу, начинал командовать мыслями, чувствами и почти телом. Но я пока что имела силы сопротивляться и держать его в клетке, как зверя. Лицо бесстрастно.

Место, куда нас привели пахло прелестно сладко, ароматно в отличие от запаха перегара, которым дышала всю дорогу от парней спереди. Что в субботу в обед заняться нечем, только пить и нас доставать?

Прошли по лепесткам того дерева, название которого я забываю постоянно спросить, долго шли по белоснежному одеялу. Романтика здесь жила во всем: в дуновении ветра, колышущего лепестки, в ярком солнце, с трудом пробиравшимся сквозь ветви деревьев, в

живой атмосфере природы, коей так мало осталось в Арзонте. Лесной зоны здесь слишком мало.

Деревья поменялись, стали обычными зелеными без каких-либо цветков. Каменная тропинка провела сквозь клумбы цветов. Стало темнее от плотности листьев над головой и интимнее опять же. Красиво, но опасно, словно попадаешь в лабиринт без конца и края, только извечная непрекращающаяся тропинка.

Но вот изгороди травяные закончились, и мы оказались на поляне. На покрывалах возлежала молодежь кучками по несколько человек. Их много тут.

— Яху! — заорал кто-то, едва не срывая голос. Веселый крик, на что отреагировали явными смешками и одобрителем гулом.

— Тащи Бастардов, жарить будем! — вторил кто-то другой.

— Глен, ты куда столько притащил? Они нам на голову сядут? — третий голос мне показался знакомым.

Сквозь толпу выглянула из-за плеча Захара и обнаружила вновь того кудрявого Пуделя. Что-то наши дорожки постоянно пересекались в последнее время. Опять эта компания, только в более многочисленном составе. Кто-то лежал на бедре, пожевывая травинку, кто-то курил сидя, кто-то обнимал девушек — Аристократок за тощий зад, кто-то из пластиковых стаканов попивал напитки.

— Убирай половину отсюда, — Пудель махнул рукой, прогоняя никчемных клопов.

А Глен — это тот грубый с запахом перегара, который швырнул мой пакет. Обернулся на нас и рукой показал:

— Последние два ряда свободны.

Кристинка и Машка замыкали толпу, поэтому облегченно развернулись. Мы повстречались взглядами. Может тоже под шумок одним больше другим меньше? Решила рискнуть, поймав улыбки соседок.

— Эй, ты! — лавина мурашек или тяжелые удары в грудь, но я почувствовала, что обращались именно ко мне. Глубоко вздохнула, проталкивая кислород внутрь, и обернулась. — Да, ты. С уродским глазом здесь оставайся.

Меня запомнили. Прочитала вызов по холодной пронзительной ярости в лице Глена. Мелкая рябь по всему телу прошла полноправной хозяйкой, и оставалось ловить ее вибрации и молчать. Срывать жадно глотки. Не дать понять, что я напугана.

В чем дело? Столько терпела презрения молчаливого, но заметного с одного взгляда. Но может дело в том, что все Бастарды — смотрели на невезучую девушку с долей любопытства, а Аристократы — вся поляна обратила любопытные взоры после замечания Глена. Значит, ко мне вдвойне будут присматриваться. Слишком много презрения.

— Ребятки, для вас задание, — заявил какой-то парень. Рыжий. Хоть какое-то разнообразие в их лицах. — Сбегайте за алкоголем, а то у нас заканчивается.

Парень поднял бутылку стеклянную в воздух и поплескал темно-коричневой жидкостью в емкости.

— Давайте, мальчики, а то тоже будете нас развлекать! — смех редкий просочился на поляну.

— Не, Урберг, это в твоей компетенции. Я по девочкам, — заметил кто-то и опять одобрителем гул.

— Глен, пни для скорости, — заметил еще кто-то. Здесь столько неизвестных лиц, что точно не отследить источник. И наших мальчиков в количестве пяти штук сдуло с поляны

наказом Глена и благодаря его внушительным подзатыльникам. Очень громким с хлопком разбивающимся об головы Бастардов.

И нас осталось семь. Я нутром чуяла, как нас изучали под микроскопом. Каждый микроб на теле, стараясь не пропустить изъянов.

— Диман прав уроды, — прокомментировал кто-то.

— Ты смотри у них ног вообще нет. Коротышки.

Аристократы лежали на поляне, а мы перед ним семь молчаливых девушек. Четыре из нас — в приличной одежде. Три, включая меня, оделись страшно. У одной синие волосы, у другой тело в пирсингах и тату.

Олеся. Милая длинноногая брюнетка «пучеглазик». Вот не жилось ей спокойно. Встала на каблуках, поправила задрывшуюся юбку и поковыляла к нам, испещряя траву выемками. Чего от них ожидать никто не знал. Мы и молчали.

А я внутри горела и долго ли смогу сдерживать пламя не уверена. Но, пока старалась отвечать критериям Бастардов — тихая, послушная, и молчаливая без языка полностью. Интересно, что от нас хотели?

Олеся критично оглядела сначала нормальных девушек. Хмыкала возле каждой, очевидно давая понять какого мнения.

Очередь дошла до девушки с синими волосами. Олеся резко подняла руку и залепила полупощечину, заставив меня дернуться от неожиданности, а самого Бастарда испуганно сжаться от того, как ее щеки сжали.

— Что за убожество? Ты себя в зеркало видела? — меня от омерзения сжало как на инструменте вековых пыток. Огромная тяжелая рука давила на тело, расплющивало, ожидая когда заору. Но я терпела, молчала и терпела, ловя безразличный взгляд Олеси на следующей девушки.

А теперь моя очередь. Ее улыбка пообещала еще больше унижения.

— А ты и вовсе ущербная. Кто же таких уродов рождает? — придавило окончательно. Я даже биение сердца плохо ощущала. Только в руках ненависти марионеткой болталась, слабо покачивалась. И очень сильно хотелось обрезать путы, сковывающие ненависть и дать ей волю. Разорвать оковы.

Но не посмела. «Ты — больше не ты». Помню, отец, помню приказ.

Я — жалкий трусливый Бастард. Молчала и не моргала на ее огромные глаза, смеявшиеся над моей внешностью. Боялась потерять контроль, как только веки прикроются хоть на секунду.

— Твоя мамашка кем была выебана, что такое чудовище появилось на свет? Собакой? — хмыкнула она, и смех потонул в забурлившей крови по венам, ускорив сердцебиение. Оно с такой остротой забило. Устало от долгого, сильного бега и готово бежать дальше и дальше.

Я слушала смех и пропускала через себя накапливала этот неприятный осадок, запечатлевала в памяти, как очень важный момент в дальнейшей жизни. Заставляла руки не зажимать пальцы в кулак, не бить со всей доступной силой, а молча сносить — ведь они просто развлекались, заняться нечем богатым деткам. И только одно меня останавливало, успокаивало. Я вас запоминала, Аристократы!

— Стой, Олесь, вот этих четверых забираем, — заметила вставшего Пуделя и парня темного с эрокезом, гораздо мельче, чем его друг. — А этих троих совсем уж не убейте. На них прикольно смотреть и ржать, — прошел он мимо нас и ухитрился подмигнуть. С...

Двое парней забрали четверых девушек и не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться с какой целью они понадобились. Благодарна Кристине с Машей за своевременное перевоплощение. Я избежала одной участи и это заставило чуть расслабиться. Ненависть немного заглушить, успокоиться в клетке и не бить больше когтями по железным прутьям.

Но теперь нас осталось трое. Спрятала глаза в дали, смотрела на дальнейший сад, который виднелся за спинами Аристократов. Так вроде и не пялилась на них откровенно, но и не гнула шею.

Гордость не знала пощады и не жалела никогда. Я ее рабыня извечная. Умрет она — умру и я.

Разговоры, смех. Не слушала голоса, в ушах кровь гудела от напряжения и возможно самую малость от страха. Их много, и я в их власти. Но надеюсь извращенцев тут мало, которые позарятся на бледную поганку с плоской грудью, короткими ногами и толстым задом?

Долго стояли. К нам обращались, но и не обращались одновременно. Ответа не требовали. Только спустя некоторое время вновь уловила смысл разговора.

— Эй ты! Вся в татушках! — я дернулась в сторону крика, чуть боязливо. Меня знакомо вобрало в себя это чувство, так омерзительно-унизительно стала его ощущать. Но, поймав взгляда парня, который позвал, поняла, что смотрел на девушку, чье тело полностью состояло из татуировок.

— Раздешься что ли? Мы на татухи поплянимся? — предложил парень. На его плече голом, не скрытом тканью, виднелась тоже наколка. Пасть зверя — оскал рычащего льва.

Бастард замялась. Не могла поверить, что к ней обратились. Физически чувствовала ее дрожь, испуг. Он был материален. Кажется, я бы могла его пощупать рядом с ней и заразиться отравой. В груди заныло. Новое чувство, которое я редко встречала раньше. Лишь на одном человеке испытывала. Рядом с младшей сестрой, когда она оказывалась в очередной раз в больнице со сломанными костями.

Опять ощутила это изменное чувство гнили в груди.

— Быстрей! — повторил парень, скрывая веселые нотки и переходя на бас. При этом взмахнул рукой, растопырил ладонь, а затем сжал пальцы в кулак. Дрожь исполосовала тело Бастарда. Электрические разряды?

Жертва энергии согнулась чуть и резко выпрямилась во весь рост. Дрожащими пальцами притронулась к джинсовке. Медленно расстегнула пуговицы, не с первого раза завершая с успехом задачу. Сняла джинсовку с плеч, скинула под ноги, оставшись в футболке. Вновь повела руками ткань наверх и сняла.

Я боковым зрением наблюдала. Грудь красивая, довольно большая для Аристократок, и точно — все тело, руки, грудь, плечи было одним сплошным рисунком. Затем пришел черед джинсов сниматься с ног. На трясущихся конечностях девушка чуть не упала, но ей помогла соседка с синими волосами, подав руку. Едва не в первый раз увидела проявление заботы между ними. В основном они игнорировали друг друга.

Потом различила смех над неудавшимся падением. Неуверенное беззвучие девушки пока ее разглядывали и комментарии отовсюду.

— А на сосках тоже что ли? А на заднице? — теперь гниль из сердца выползала наружу. Безостановочно плелась вверх приближалась к гортани. Она отвратительно оставляла следы по местам соприкосновения с внутренностями. Осталось немного. Совсем немного

маленьких шажков до срабатывания детанатора ненависти и гнева.

— Дальше! — все тот же с головой льва на предплечье сжал руку с силой и вновь волна дрожи по телу одnogруппницы. Она расстегнула лифчик и сняла шорты — нижнее белье.

— Ты смотри, даже соски в татухах! — кто-то заметил.

— Иди сюда! — вновь приказал тем же тоном главный командир, но уже без применения физического воздействия. Что оно применялось не было никаких сомнений, но сквозь рисунки не виднелись фиолетовые прожилки. — Сядь к папочке!

Вдруг улыбка нарисовалась на лице парня предвкушающая, омерзительная. Он сидел с чувством полного блаженства. Ведь он имел власть, контролировал людей. Унижал, ставил на колени. За счет более низменных созданий превозносил себя на пьедестал. Похлопал по ляшкам, приглашая сесть.

А потом сделал намек — поставил руки на покрывало под собой и жестко приподнял бедра вверх, словно насаживая кол в землю. Противно, но она пошла, неуверенно под оценивающими насмешливыми взглядами. Тело ее в принципе красивое, округлое.

Власть Аристократов и это унижение, поработившее с головы до ног, я примеряла на себе. И когда парень расстегнул пуговицы на своих джинсах, приоткрыв вид на темное нижнее белье, я опустила взгляд в зеленую траву под ногами. Отчетливо ощутила щупальцы омерзения, застрявшие в глотке. Стало трудно дышать, через раз, словно у меня отбирали кислород.

Реакция не свойственна, не привычна, унижительна. Никто не достоин моих слез, а тут подумать только из какого-то Бастарда, которого знаю неделю и то вижу на занятиях и мельком в общежитие. Никогда не здороваемся, но из-за нее я готова пролить слезы. Может моргание стремительное поможет не плакать?

— Трески. Только на член твой осталось посмотреть, — резкий грубый голос, раздался за моей спиной. Новый голос. Я его еще не слышала. А может и слышала. Не помню.

— Ну в самом деле уединитесь, — второй голос прозвучал не со спины, а ближе. Этот знаком. Темный парень с эрокезом. И вновь первый голос.

— Макс, вали. Мне неохота пялиться на это убожество, — а не. знаком. Это тот который выше Пуделя — его друг, поскольку вижу их всегда вместе. Тоже блондин.

Черты лица мужчины страшно искривились: губы поджались, на щеках образовались ямочки или скорее маленькие разрезы. Видно, когда улыбался они превращались в ямочки, а теперь страшнее делали лицо. Ему оставалось только сплюнуть под ноги или на нас. Но благо на нас он не смотрел. И я поспешила отвернуться.

— Не кипятись уходим, — до меня дошло. Трески!? Как ожидаемо. Элита Арзонта. Один из семерки Страдовцев. Их фамилии имеют окончание «ски». Наша семерка Гнетовцев оканчивается на «онт».

— Вещи возьми, — приказал он Бастарду. Девушка вернулась за одеждой и неспеша передвигалась под абсолютным обстрелом любопытных Аристократов. Я бы не выдержала унижения.

— А вы чего встали? — этот окрик Олеси заставил нас вздрогнуть. Меня и девушку с синими волосами. — Персональное приглашение надо? От ваших стремных рож тошно, неужели не понятно? Сгиньте...

Мы дернулись с соседкой по несчастью. Поймали взгляд друг друга и развернулись, на спине ловя чужое внимание и презрение. Бесконечное презрение, нескончаемое, бьющее по спине, плечам, голове. Тяжело давящее на тела, но мы шли. Словно гравитация усилилась в

сотни раз и нас тянуло вниз. Это не было энергетическим воздействием, то была лишь наша общая вина с девушкой рядом. Мы уходили живые нетронутые. Оставляли однугруппницу одну с Трески. И хоть не могли ничего сделать, но я чувствовала себя лживой предательницей.

***

Поднималась по лестнице в общежитии. Грузно ступала на порожки. Перед глазами пустота беспросветная, заставляющая полностью вид. На лестнице не валялись покупки из магазина. В кого-то врезалась. С равнодушием поняла, что это Волчица. Хотела что-то сказать, но поглядев на меня впервые промолчала и не сказала едкое слово. А я продолжала путь.

Зашла в комнату. На кроватях сидели соседки, взволнованные, замолчавшие, когда я вошла. Должно быть обо мне говорили. Но я просто свалилась на кровать в обуви и отвернулась к стене. И смотрела в одну грязную точку. Не знаю, чем она меня привлекла, но я должна была на чем-то сконцентрироваться.

— Ань, ты нормально? — услышала неуверенный вопрос Гиены и ей было теперь не до смеха.

— Нормально, — ответила равнодушно, давая понять, что не настроена разговаривать. И они больше не спрашивали. А я пыталась вытравить из души, мерзость, что скопилась. Но вытравить ее нереально и не скоро она растворится. Чувствовала — не скоро.

Никогда за восемнадцать лет не испытывала такого накала эмоций одновременно.

Но главной владычей все-таки поселилась на троне в моем сердце боль — поражение. Смирение со своей судьбой. Я — Бастард. Стоит признать это. Хоть и родилась в семье Аристократов и так долго претворялась безвольной куклой, надменной, грозной, властной, но я — та которую презирали.

Аристократы догадывались, но никогда не посмели бы оскорбить неверием в мою голубую не вирусную кровь. Вечная обманщица. И здесь я на равных с каждым ублюдком. И нет смысла претворяться, что чем-то лучше. Они хотя бы не врут всему миру, кто такие.

Родилась в семье Вильмонт — самая элитная элита, но я внеплановый ребенок. Отец с матерью узнали о моем существовании в утробе на третьем месяце, когда ставить вирусный барьер было поздно. Как правило, его ставят в течение двух недель от оплодотворения яйцеклетки. В дальнейшем есть риск убить плод. На мне не экспериментировали, но по возможности вносили изменения в органы, стараясь максимально сделать прочными.

Зачатки генов опять же сажали в первый месяц. Это проводится под непосредственным контролем множества специалистов. Мои гены уже прижились. И я выросла вот таким существом. Полу Аристократ. Естественно, меня не отдали ни в какой интернат. Я жила под личиной Аристократки восемнадцать лет с паспортом и со всем богатством, которое не дано другим Бастардам. Меня любили. Меня желали. Меня боялись. Меня ненавидели. Потому что я — Вильмонт.

Шмонт ты один знал, кем на самом деле являлась. Никогда не одним словом или делом не показал презрения. Я была твоей ровней и за одно это буду всегда благодарна. Спасибо тебе, мой любимый друг. Только на расстоянии осознала насколько ты мне дорог и пусть наши отношения полудружеские — полуинтимные не всегда складывались, но ты всегда оставался тем человеком, которому я могла доверять. Один единственный, за исключением семьи.

Глава 8 "Второй круг ада"

Глава 8 "Второй круг ада"

Клуб Рай. Время 22:30.

Вип-помещение номер четыре бушевало от задорного крика и смеха довольной молодежи.

Сегодня выступала Жижя — первая в мире группа музыкантов — Бастардов, добившаяся успеха и возомнившая себя звездами. К огромному сожалению, группа набирала успех на телевидении. Бастарды сдвигали с пьедестала нормальных музыкантов, а не орущих созданий с песнями о крови, гробах и мумиях. Старался подумать о чем-то лишь бы не слышать долбежку в ушах. Отвратительная музыка. Но друзья в восторге. Громко кричали с балкона слова песни про оторванную руку мертвеца. Сомнительное удовольствие.

Пока заняться было нечем, решил отвлечься на работу — ноутбук всегда рядом. Работа никогда не стояла на месте, можно было жить с ней и сексом заниматься, и есть, и спать. Почти так и делал. Это единственная вещь в мире, которая приносила удовольствие и власть, а одно следовало из другого.

И это возвышало над всеми здесь присутствующими. Пожалуй, терпимо относился к Саньку и Виталику и то, потому что они с пяти лет вместе, а это целая жизнь. Правда, и друзья порой дотошны.

Так и сейчас. Не успел открыть личную почту и обнаружить три сообщения, раскрыл и тут как тут... Подсел веселый и заводной Санек. Вот интересно, что его могло бы расстроить? Или огорчить?

Александр положил локоть на диван и выразительно тыкнул на ноутбук.

— Я скоро ревновать начну, — съязвил друг сомнительно. — Ты ноут любишь больше, чем меня.

Я уставился на него чуть с ленцой и усталостью, как бы спрашивая, что тому надо.

— Не ноут, а работу. Работу любит больше, чем нас, — уточнил сзади со спины знакомый голос. Виталик сегодня с эрокезом, похоже отвечал критериям имиджа участников группы ЖИЖА. Куча цепей, колец, татух и волосы в разные стороны. Как у бабы мелькнула мысль. Виталик дышал почти в затылок.

— Работа не заставляет слушать песни Жижы. Будьте рады, что я не сбежал едва услышал первые аккорды, — я вновь вернулся к просмотру сообщения.

— Давай выпьем хоть? — предложил Саша и со стола сгреб на половину опустошенную бутылку с прозрачной жидкостью. Потряс ее, улыбаясь словно тонну шоколада съел. Я молча указал на стакан с темной жидкостью, что стоял на подлокотнике дивана.

— Виски — для баб, — заметил Виталик.

— Истину глаголит! — выразительно поднял указательный палец Санек. Я оглядел ребят, но промолчал.

Виталик поменял место разведки. Отодвинул пепельницу с бычками и стаканы с алкоголем со стеклянного стола и уселся ко мне передом. Наклонился вниз и очень медленно двумя пальцами начал подталкивать крышку ноута вниз. Закрыв.

Виталика не убил. Пусть поживет.

— Как стрелка высшего бамонда? — Санек перебил переглядки. — Совсем забыл отца спросить. Что нарешали? Подписали договор? На сколько лет?

— Отец появился к Гнетовской семерке. Я был не при делах, — пожал плечами и, наконец расслабился. Взял бокал с алкоголем в руки. Медленно отпил жидкость. Бурчащие пузырьки обожгли горло. — Только Вильмонт нервный ходил взад и вперед. Молчал все собрание.

— Еще бы у него дочь померла, — влез Виталик. — А ты бы какой был? Десять дней назад похоронил.

— Они с отцом о чем-то говорили за закрытой дверью и меня не посвятили в подробности. Не знаю, что у них за секреты, — вновь я ответил. И правда странные у них секреты ото всех. Пол ночи обсуждали что-то.

— Кстати, мост функционирует. Мы своих спецов тоже выставили. Так, на всякий случай, хоть ты и не просил... — семье Польски принадлежала основная военная мощь. У Трески в подведомстве правоохранительные органы, чтущие порядок и закон в Немии.

— Я в курсе.

Мост был построен специально для того, чтобы соединить Арзонт с островом, недавно выкупленным у государства. Две с лишним тысячи лет эту золотую жилу пытались выторговать семейство Хаски и Вильмонт. На какие ухищрения не шли, лишь бы добыть километры плодородных земель, напичканные драгметаллами. Бесконечная добротная жила.

И вот получилось. Первое условие — голоса со стороны двух непримиримых соперников в пользу Мерси на пост Управляющего Немией. Второе — объединение Гнетовцев со Страдовцами под одну территорию. И вуа-ля! Мерси продал остров на двоих.

Сами же выставили персону на собрании и сами же подкупили. Вот теперь мост функционировал. Началась активная фаза добычи драгметаллов и возведение мнимого курортного острова, объединяющего Хаски и Вильмонт. Газеты вовсю трубили о «дружбе» двух родов, как дети счастливые. А какой праздник заделали в День Объединения? Два дня небо сверкало салютами, работать мешали.

— Мальчики, у вас совещание по мировому захвату? — Имина. Девушка с необычно прекрасной внешностью и веселым нравом.

— Вот за что я люблю Аристократок, — я выразительно поглядел на ноги подруги, упакованные в мини — юбку и чулки, которые сегодня успел заценить. — Пошли, милая, опробуем новую сантехнику на третьем этаже.

Слишком быстро поднялся во весь рост. Приобнял девушку за бедра и подтолкнул в сторону выхода.

— Дим, ну сейчас моя любимая песня, — проскулила она. — Давай через пять минут?

— Не, — покачал головой отрицательно. — Раз мне не дают заниматься моим любимым делом, будем заниматься вторым любимым делом. Пошли, — слегка шлепнул по обтянутой тканью попке. И в след донеслось:

— Вот только не заливай, что миньет от честных давалочек не произвел впечатление? — усмехнулся Санек сзади.

***

Молчание на лекциях, в общежитиях. Бастарды прозябали в болоте унижения. В склизком, мерзком, облепившем ноги. При каждом шаге, который делали, все сильнее и сильнее утопали в его трясине. Сами не могли выбраться, а у других никогда не просили помощи.

Четырнадцатое сентября. Бастардов освободили от занятий для генеральной уборки в общежитиях. Не долго длилась радость по поводу освободившегося дня. Всех девушек

проводили в разные здания по два человека. Меня взяли с Волчицей. Она фыркнула, а я не реагировала.

Второй круг ада. Выдержу его или нет?

Но оказалось не так и страшно в чужом общежитие. Каждой всучили тряпку, ведро и велели вылизать комнату, включая окна и пыль на шкафах. Через четыре часа стойкого молчания и отмытия комнаты пришел хозяин объекта с другом. Дверь скрипнула.

Звук заставил замереть на окне с вытянутой рукой, сжимающей мокрую грязную тряпку.

— А где блондинка? — я полуобернулась аккуратно, чтобы не свалиться с подоконника.

В проеме двери стоял худенький наниматель. Курс первый, не старше. А с ним рядом парень чуть повыше, но такого же возраста.

Замерла, краем глаза уловив движение. Шкаф находился между первой и второй кроватью, подпертый плотно к стенке. Волчица стояла возле окна, а Аристократы — с другого бока шкафа. Не видели ее.

Впервые заметила во взгляде белобрысой промелькнувший испуг, судя по пальцам скрипнувшим по деревянному шкафу. Услышат, дура, мысленно послала подтекст.

— А она ушла уже, — улыбнулась слегка, чтобы не очаровать, а лишь бы отделаться от нанимателей. — Закончила мыть свою сторону. Я домываю окно и тоже готова к сдаче работы.

Старалась не пялиться на замершую Волчицу. Кажется то, что я заговорила произвело более сильное впечатление, чем посыл ответа. Аристократы вытаращились на меня. А к тому же, я умею улыбаться. Я — живой человек оказывается!? Должно быть для них странно.

Какое-то движение сбоку, вспышка белая и не смогла сдержать любопытство — стрельнула взглядом в Волчицу. Она размылась. Вот так, взяли и растворились ее очертания в воздухе, плавно сливаясь со шкафом. Невидимка!? Удобно.

— Ааа, — протянул наш наниматель. Его быстро привели в порядок, толкнув в плечо.

— Пошли Вован у нас тоже блондиночка симпатичная, — и дверь за ними закрылась.

Я очень медленно, боясь что сердце выскочит из груди от слишком сильного адреналина, свесила ноги с подоконника, руками сжала виски, и краем глаза разглядела точно такую же позу у Волчицы. Она присела на корточки и обняла себя за плечи.

Постепенно дошла мысль, меня тоже обошло стороной. Чудом, но обошло. Они ведь могли и меня взять за неимением необходимой блондинки. Какая радость, что я не прокатывала по всем параметрам красоты.

— Уходим! — резко поднялась на ноги и спрыгнула на пол. Волчица всполошилась и поднялась, ошеломленная, словно на нее обрушили водопад холодной воды, и она не могла пошевелить пальцем.

Тряпки покидала в ведро и кинулась на выход.

— Пошли! — громче взвыла. Волчица бросилась за мной, даже не додумалась опять исчезнуть, но я скинула это на ее остоленение.

В коридоре никого не было из нанимателей и мы полетели. Изредка оборачивались, кто их знает может передумают и сойду я для физических нужд?

Подгоняемые страхом, преследующим по пятам, бежали быстро. Не разговаривали, только дышали тяжело. Вывалились на лестницу. Один шаг, два.

В общежитие поднималась троица, которую я неведомым образом запомнила. Уставилась во все глаза на них. Волчица врезалась сзади.

— Ты чего встала? — голос у нее прорезался, но запоздало. Я чуть не свалилась,

удержавшись за перила.

Солнце ярко светило в глаза, красными лучами ослепляло. Волчице пришлось нагнуться через мое плечо и прищуриться, так мы и замерли. Трое поднимались, растянувшись во всю ширину лестницы. Не обойти, если только врезаться.

Аристократы остановились на полуслове и каждый посмотрел на нас. С совершенно разными эмоциями. Дылда по середине скользнул равнодушно и пошел дальше, не удостоивая вниманием. Брюнет с эрокезом усмехнулся над испуганными лицами. А тот что шел прямо на нас — Пудель за секунду до столкновения сделал шаг вправо и насмешливо потянулся.

— БУ! — растопырил руки, как приведение, пугающее детишек в сказках. Поднялся выше на пару ступенек.

С Волчицей вздохнули дружно и вновь драпанули. В спины уперся чей-то взгляд, как ножи насквозь протыкая надуманное спокойствие.

Я здесь долго не протяну. Папа, помогай. Не знаю, как жить. Кирилл или ты хоть? Кто-нибудь помогите. Никогда не чувствовала себя слабой и беспомощной. То, что мы остались относительно живы, по крайней мере, не тронуты в сексуальном плане, успокаивало.

Второй круг ада пересекла вместе с Волчицей. Открыла дверь в комнату, а Волчица прошла чуть дальше по коридору в соседнюю.

— Спасибо, — услышала благодарность и готова поклясться уголок губ ее дрогнул вверх, намекая на улыбку. И шавки всякие умеют быть благодарными и адекватными не то, что эти змеи — Аристократы. Вот у кого сплошной яд, зубы и мышцы, стремящиеся стиснуть тебя и задушить.

Глава 9. «Дмитрий. Дмитрий Хаски»

Глава 9. «Дмитрий. Дмитрий Хаски»

Неделя относительного спокойствия посетила Бастардов. Волчица начала здороваться. Прогресс. И больше не бросала разъяренные взгляды и не кидалась шпильками — уколами в мой адрес.

Три недели сосуществовали рядом с Аристократами. И пока везло. У соседок не спрашивала, изредка ловила хмурые взгляды. Тема насилия и главенства Аристократов являлось неким табу для Бастардов. Никогда не обсуждали события прошедших дней. Не плакались, не делились проблемами, принимая как должное участь низшего существа.

Но в тот день всё в жизни пришло в движение. Спусковой механизм сработал и мир завертелся сильно, так что меня затошнило от этого непрерывного битья в последующем и захотелось впервые в жизни сдаться. Раз и навсегда сдаться.

В тот день я познакомилась с ним...

Физические занятия проводились на улице за десятым учебным блоком на границе с лесом и забором. Погода была жаркая. Бастарды в поте лица бегали километры за километрами. Преподаватель обзывал каракатицами, и что с таким временем сдадим зачет только в следующем году и то — если повезет.

Сегодня я была во втором своем облике: в спортивном костюме, красной куртке, черных свободного покроя штанах, от которых ноги казались еще короче, чем есть, кедах и с цепями на бедре. Черные ногти, перчатки без пальцев. Страх страшный. Я и капюшон изредка надевала, чтобы тень отбрасывать на лицо.

По окончании пробежек вернулись в зал за десять минут до окончания пары. Как раз успевали переодеться.

Шла наравне с Волчицей. Кристинка и Медведица впереди.

— У нас не тренер, а зверь, — шепнула Гиена, сложив руки лодочкой, чтобы никто не слышал, кроме нас.

Вошли за тренером в помещение. Не ожидала услышать стук мяча и скрип кроссовок о лакированный пол. Звук попавшего мяча в кольцо. Баскетбол? По идее у нас должны быть занятия. Преодолев небольшое столпотворение возле входной двери, с Волчицей продвинулись вперед на первые ряды. Сердце рухнуло вниз, как на каруселях на мертвых петлях, боясь упасть и разлететься вдребезги. Потом когда осознало свою живучесть начало биться сильнее. Баскетболисты. Аристократы.

Знакомые лица бегали по площади зала из одного кольца в другое. При этом врезались друг в друга на полной скорости. Как будто с насекомым, а не здоровенным бегущим мужиком сталкивались. Судя по одежде, Аристократы пришли поиграть от нечего делать. На них не было специальной формы, ни шорт с майками, ни спортивных штанов. Обыденная одежда, джинсы, на ком-то брюки, на ком-то толстовки.

Игроки резко остановились.

— Привет, Матрос! — озвучил один из парней. Попыталась успокоиться и не нервничать сильнее. Я за всю жизнь столько каждодневных эмоций не испытывала, состарюсь раньше времени. И понятное дело, раньше Аристократов, но надеюсь не к тридцати годам.

Матрос — это видно наш тренер, потому что теперь он, как с друзьями, переговаривался

сбаскетболистами.

Оценила трибуны. На лавочках одни парни. Брюнет с эрокезом. Глен!? Начала потихоньку пугаться. Не нравилась эта ситуация, ох, не нравилась. В зале относительно прохладно, ветер дул из открытых окон.

Когда на горизонте формировался силуэт Аристократов у Бастардов всех без исключения, даже у парней отключался мозг, глаза, дыхание, слух. Они не соображали от страха. Пусто. Сквозняк из окон гулял в их головах.

— Пойдем-те, — шепнула Волчице и соседкам.

Первая пошла вдоль стены, там где располагались раздевалки. Гуськом за мной, но народ двинулся на ослабевших ногах с трусливым выражением лица. У меня, наверное, такое же, как не стыдно это осознавать.

Я никогда не была внутри ямы, всегда снаружи. Решала подать кому-то руку или оставить гнить внизу. Сейчас я стояла в этой яме и ждала, что кто-то поможет. Папа, Кирилл, Шмонт, но никого здесь не было.

Отец доверился, и я должна выполнить задачу.

Нас не остановили, может не по нашу душу пришли, а действительно решили спортом заняться? Очень на это надеюсь. Душ принимать не стала, боясь, что к нам зайдут, а щеколды нет. Да если бы и была, много от нее проку, когда рядом разгуливал человек, обладающий энергией. Одно движение пальцем, и дверь открыта.

Насколько Бастарды трусливы. За закрытой дверью раздевалки боялись хоть слово произнести. Надеюсь — Аристократы про нас забыли, или тренер спасет.

Раздался стук громкий. Раз, два, три. Не ожидая реакции, дверь распахнулась. Появление улыбчивого лица второго худощавого парня — соратника Глена заставило остановиться рядом с лавочкой. Слишком Глиста этот весел, даже подозрительно.

— Дамы, прошу за стол, меню выбираем мы... — прозвучал подтекст. Некоторые девушки — Бастарды застегивали штаны, а другие — в одном лифчике светились. Аристократ отошел в сторону, давая залу нас разглядеть при желании.

Словно на гильотину, понутив головы, которые будут отсекают одна за одной вышли из раздевалки.

Часть парней сидела на лавочках, другие заняли преподавательский стол по середине стены. Там же наш тренер общался с кем-то весьма активно, как с равным. И спасти Бастардов не собирался. Тренер молодой мужчина, чуть меньше тридцати. Я заметила, что вызвали только девушек. И мороз пробрал до крови, руки и ноги стали холодными.

Глен встал по середине зала, руки перекрестив под грудью.

— Долго плестись будете? — как и всегда, он чем-то недоволен.

Выстроили в шеренгу девушек — Бастардов, которых более двадцати в общей сложности.

— Глен, что получше выбирай, — насмешливый голос различила из толпы сверху. Пудель возлежал на трибунах — на лавке. Ладонью поддерживал голову, а ноги забросил в горизонтальное положение на твердую поверхность.

— Синие и зеленые волосы опадают? — как бы между прочим поинтересовался Глен, словно знал ответ наперед и только выказывал насмешку его обладательницам.

— Ну почемуууу? Если сиськи хорошие, можно и синеволосую... Диман, а тебе как в прошлый раз? — подтолкнул Пудель локтем второго парня, сидящего возле его головы. И это тот дылда, номер два. Уставился в планшет в руках и что-то тыкал там сосредоточенно. С

бабами переписывался? Грозен и не улыбочив.

— Нет. Мне как обычно. Блондинка с ногами от ушей. Глен, ты знаешь мои предпочтения и только никаких занятых, — пробубнил парень себе в грудь и ведь все услышали, вопреки тому, что он далеко.

— Понял! Дамы, начали! — Глен кивнул и громко хлопнул ладонями друг об друга.

Аристократ начал осмотр тщательный с первой девушки. Сжал ее лицо пальцами и вертел туда-сюда, потом развернул со всех сторон изучил. Продолжил перемещение вдоль рядов уже не так тщательно осматривая, но рядом со мной затормозил:

— Повернись!

Что!?! Я попала в открытый космос и без понятия, как реагировать на изменение стабильной обстановки вокруг себя. То есть, замерла.

— Быстрее, — резко развернул задом. И слышу шаги удалились.

Что это за осмотр медицинский? Ненормальные создания.

— Кабан, как тебе вот эта первая? — Глен обернулся в сторону лавок, не знаю к кому обращался, при этом пальцем указал на ту девушку, которую первой изучал. Недолгое молчание вместо ответа.

— А ничего поинтереснее нет?

— Еще вот эта с толстым задом, — и этот сын козла, по-другому никак не могла его обозвать, подошел ко мне и вытащил за руку. А потом Медведицу потянул вперед.

У меня не толстый зад. Он округлый. Я что плоская как ваши любимые Аристократки — анарексички должна быть? Тем более, дубина, штаны широкие, поэтому кажусь необъятной. Оскорбилась навечно. Так и напишу на его могиле. Он меня оскорбил. Когда-нибудь!

— Нет, пожалуй, гномы и страхолюдины меня не возбуждают. Ту что первую показал давай, — я задохнулась от бешенства, завертевшего кислород в легких. Бастард подери! Я гном!?! Ненавижу, когда про мой рост говорят.

Девушке велели отойти чуть в бок. В миг осунулась, плечи поникли, и она опять искала под ногами спасения. Ни что не спасет, дорогая, если сама не захочешь. Поняла неожиданно, оказавшись в шкуре Бастарда.

Затем в таком же темпе выбрали двух девочек для новых Аристократов. Одну с татухой, опять Трески ее пожелал. И еще одна неизвестная.

— У меня времени в обрез, — услышала голос господина дылды с планшетом в руке. Друга Пуделя.

— Ладно, дамы, все блондинки шаг вперед, — скомандовал Глен. Штук одиннадцать вышло. Опа-на. В том числе Волчица, и Гиена. Я прикинулась валенком и стояла сзади с остальными десятью. У меня половина головы темная, правда сзади. Если понадобится, накладные волосы сдери и останусь брюнеткой.

Глен оглядел остальных, кто не вышел. И, конечно, его перст указующий пал на меня:

— А ты? Гном? — кто я? Только бы не приклеилась кличка. Матюкнулась пару раз. Страх немного притупился, гнев выходил на первый план. Когда его королевское высочество покидало свои владения, остальные эмоции преклоняли колени перед ним. Это помогло, чувствуя приближение резких надрывных шагов Глена, выпалить.

— А я не блондинка, на половину брюнетка, — подняла нос кверху. Глен резко остановился напротив. Теперь его очередь замирать в открытом космосе, не понимая положения в котором оказался и как реагировать.

Шепот, слышимый с лавочек Аристократов утих, они резко стали слушать.

У меня есть язык, да, представьте себе.

— Дмитрий, тут полубрюнетка-полублондинка пропускать? — обернулся Глен назад на лавочки и отошел, давая меня разглядеть. Посмотрел дылда или нет, но ответ услышала.

— Пропускай, — холодный голос, зябкий. Я поежилась. Посмотрела наверх, но с такого расстояния не разглядела черты лица Аристократа. Но планшет, который он оставил рядом на лавку запретила.

— Ладно, что там дальше? Худенькие, стройные, без татуировок, пирсингов, — я с трудом сдержала улыбку. Вперед вышли семь девушек, включая Волчицу и Гиену. Тут нареканий не было. Отпадала по всем параметрам.

— Теперь длинноногие. Да, вот ты и ты, — Глен тыкал пальцами на девочек.

— Куртку красную пропусти вперед! — голос дылды услышала. Чего!?

Забыла, что у меня язык есть и сама сделала шаг вперед. Он издевается? Тату во весь глаз, я маленькая неказистая, по крайней мере, в спортивных вещах. И ноги метр от силы, ну ладно чуть побольше, но все же.

Мы замерли. Волчица, Гиена, еще одна девушка и я — их полная противоположность.

Встала руки в карманы засунула и не знала, что делать. Захотелось закурить и выпить, срочно, причем смертельную дозу и отключиться.

— Какой следующий критерий? — задумался Глен.

— Может сразу четверых, Диман, групповуху устрой? Малина... — промычал какой-то бык — осеменитель. Тоже мне. Надоело в пол смотреть, подняла глаза в их сторону.

Да, чтобы вас всех! Это смехотворно! Дылда покинул лавочку, спускаясь по ступенькам.

— Ах, да, девушки с парнями, с месячными, беременные, шаг назад, — я скромно так предприняла попытку номер три слинять. На гильотину не хочу.

Я молода, а после такого унижения себе лично пилой голову отрежу. В горле билось сердце от страха. Отступала назад медленно.

Легкий шаг парня перешел вприпрыжку на последних ступеньках, по которым он спускался. Теперь Аристократвнизуна площадке.

Глаза быстро убрала в пол. Только не ко мне. Только не ко мне. Пожалуйста, только не ко мне. Как молитву повторяла, отчаянно взывая.

В жизни так не нервничала. Крупная фигура Аристократа передвигалась в нашем направлении. Внушала одним видом страх, дрожь и желание броситься в ноги, моля о пощаде. А пренебрежительный взгляд чего стоил? Даже мое королевское высочество гнев замер при приближении молодого мужчины и испуганно встал на колени. Трус. Мне одной оставалось отбиваться от глаз Аристократа.

Я почувствовала как замер зал, да я уже давно застыла. Несколько секунд точно без движения и даже не дышала.

— Причина? — его кроссовки.

Твою мать! Пришлось поднимать медленно глаза. Кошмар. Глаза уставились чуть ниже его груди. И он так неудобно остановился на расстоянии метра. Шею чуть не сломала — задирать.

Если я отсюда выберусь живой, папа, ты мне будешь должен, очень крупно должен. Берегись, сдери по полное число. Но взгляд Аристократа оказался не пугающ, как я ожидала. Полностью зеркальный. Без эмоциональный. Ни усмешек, не улыбок, ни гнева. Пустота.

Руки мужчина опустил по бокам и ждал. Точно, ответ на вопрос. Почему отошла назад.

Что там Глен спрашивал? Взяла последние силы, направила в голос и ответила. Не дрогнуть только. Хищник чувствует страх.

— Парень... — бровь приподнял, словно намекая и это всё. Что там еще было? Беременная. Не. Не пойдет. — Месячные, — едва не выкрикнула. И все-таки выкрикнула. Послышались смешки с лавочек, отовсюду.

— Мне не принципиально. Обойдемся миньетом, — ну просто красота. Ад замерз, небеса свалились в горящий котел. Это что за наглость? Я на минуту забыла о страхе, не в силах ответить.

— Пойдем, — кивнул Аристократ в бок головой и, не дожидаясь реакции, пошел. По идее я должна идти за ним, но мой страх или гнев, или еще какое-то новое чувство или моя госпожа гордость, кто-то из них приморозил ноги к полу. Я ни секунды не сомневалась в своем поступке. Кажется, конец мира настал. Кто бы знал в каком я шоке, что даже звуки притихли в голове.

Через пару шагов командир остановился — понял, что я не иду следом.

— Пойдем, — повторил. Но в словах я расслышала железо, раскаленное железо, которое опалит в случае неповиновения. Но я не могу поступить по-другому. Не могу. Кто бы знал, как страшно в этой мертвой тишине претворяться живой.

— Нет, — пришлось отвечать, глядя ему в глаза. Сдерживать взгляд, чтобы он испуганно не отринул.

— У кого-то язык нашелся, — и совсем неожиданно, но он усмехнулся. Улыбнулся. Всего на пару секунд, но, как я и думала, у Аристократа образовались полуямочки, полуразрезы. Которые перевоплощали лицо, делали более светлым, теплым, полная противоположность обычному виду.

Почти сразу ямочки пропали бесследно.

— Я не пойду тебя ублажать, — может страх спутал мозги, но решила добить и себя, и ситуацию в корне, чтобы не было недопонимания.

Я смертница, которой дали гранату и сказали взорвать самолет. Так вот, запустила бомбу, теперь ждала, когда накроет взрывной волной.

Аристократ еще и лоб нахмурил. Можешь не хмурить, я итак еле дышу от страха.

— А ты понимаешь кому отказываешь, Бастард?

— Да хоть сынок Мерси, мне насрать, — выплюнула и сама подивилась своей смелости. Гнев, ты еще дышишь внутри? А я думала поднял белый флаг перед этим господином.

Аристократу не до улыбок. Полоски на лбу стали четко очерченными, изуродовали лоб.

— Глен! — неожиданно рявкнул молодой мужчина. Грубый голос, когда он так высоко его поднимал. Когда чуть ниже, звучало гораздо мелодичнее. — Собирай всех Бастардов. Будем знакомиться. Сейчас же!

Он окинул меня взглядом. Не знаю что хотел найти, и удалился прочь.

А я испуганно, затравленно пыталась восстановить нормальное дыхание и успокоить сердце, которое трусливое сейчас первое хотело сбежать через горло. Я — труп.

Бастарды скучковались. Мы стояли все тем же количеством на противоположной стороне, и я ловила лавину изумленных, заинтересованных взглядов на своей персоне. Стало напекать в затылок от их лучей.

— Ты идиотка, — сказала Волчица, глядя в глаза. Я промолчала. Зал превратился в муравейник. Глен носился взад-вперед. А ненавистная компания вышла в середину зала, где стояли Бастарды.

— Прочь! — услышали приказ от весьма раздраженного дылды. Кажется, я наступила на его гордость.

Большого приглашения не требовалось. К стеночке встали в одну линию. И минут двадцать смотрели, как парни играли в баскетбол. Бешенно. Дылда чуть паренька маленького не убил. Бедняга поднялся после столкновения с качком, едва передвигая ногами.

А как дылду Глен величал, что-то забыла? Эммм. Дима, точно.

Народ заходил в спортзал и уходил. От Бастардов примерно половина. Основная масса Аристократок состояла из девушек на каблучках с нафуфыренными носиками, клянусь, наверное, в жизни никому в морду не давали.

Вот и настало молчание. Игроки — баскетболисты, кто пошел за парту преподавателя, уселись, кто разместился сбоку от площадки.

Дмитрий с мячом в руках по центру, он один из самых высоких. Да из него прет угрозой, как я не распознала?

Тишина быстро накрыла зал, словно к каждому из нас подставили курок к виску. Вот это внушение. И это при условии, что Аристократ не смотрел на нас, только на мяч который чеканил об пол.

Когда стало идеально тихо, он заговорил:

— Дамы и господа, давно вас надо было собрать всех вместе и познакомиться как следует, да всё оттягивал, — и только тут поднял взгляд от пола и вычислил меня.

Я не убрала взгляд. Тебя не боюсь.

— Дорогие гости! Вам здесь не рады! Не чувствуйте себя, как дома, и поскорее сваливайте из нашего университета! Никто из нас не хотел учиться с Бастардом наравне.

Мячик он взял и положил под мышку.

— Вы рабочая сила...мясо...и дайте подумать...шлюхи, — улыбнулся и на меня посмотрел.

На кого-нибудь еще смотри, урод!

— Хорошо запомнили, кто вы? Вам здесь не рады! Так что, если хотите доучиться до пятого курса и просто остаться в живых предлагаю вести себя соответственно этим трем определениям, с улыбкой и благоговением, что к вам обратились. Ты — красная куртка, — опять длительный пронзительный взгляд в мою сторону. Насквозь прорезал мое бесстрашие мнимое. — Как зовут?

— Аня.

— Фамилия?

— Ананина, — ответила и получила в ответ смешок.

— Отвратная фамилия, — прокомментировал он. — Я — Дмитрий. Дмитрий Хаски. ЧЕГО!?! АЛЛО! АНЯ! ПРИЕМ! ПРОСНИСЬ!

В мыслях открыла рот, потом закрыла, потом умылась в потоке слез. Прокляла длинный язык. Но у меня правда не было выбора. И почему он меня выбрал? Поржать?

— Теперь ты тоже хочешь мне отказать? — И что мне делать? Отказать — убьют, прикопают в лесочке. Не отказать — я себя убью еще и гордость потеряю. Лабиринт. Где выход?

Папа, спаси меня. Лучше бы ПБ-ники убили, чем здесь как безродного Бастарда.

— В семействе Хаски проблемы с женщинами, что тебе приходится им угрожать? — что я сказала!?

Когда нервничаю — начинаю всегда шутить, тупо и не к месту. Я его задела. Тучи сгустились рядом с ним. Готова поклясться, рядом находящиеся парни на него посмотрели, как на явление черта рядом, и отодвинулись самую малость подальше.

— Слишком длинный язык для Бастарда, — в этот раз он не улыбался над обнаружением этой части тела у меня.

— Стандартной длины, как и у всех, — опять я это сказала. Хоронить, так по самую макушку? Правильно, Аня?

— Ананина, как насчет развлечься? — видимо он взял себя в руки и решил что со мной сделать. — Шестерых потянешь?

Ему не пришлось ничего говорить. Глен, Глиста и еще четверо медленно стали продвигаться вверх по ступенькам.

— Ань? — позвала Кристина. Печально все это. Но что поделать. Все внимание к нам приковано. Бастарды смотрели с сочувствием. Аристократы точно в предвкушении зрелища. И месяца не прошло, а я влипла по самую макушку. Прости, папа!

Чирк. Звук молнии на моей куртке раздался громко в абсолютной тишине. Резко повела плечами, лишаясь тяжести и неповоротливости тела. Со звоном колечек красная куртка спала под лавочку. Послышались смешки и разговоры, а Глен шел на меня. Давно, видимо, мечтал отметить.

На правом боку цепь. Слепо нащупала, погладила холодный металл. Отстегнула медленно застежки, только бы движениями не спугнуть охотников. Ага. Сделано. Накрутила цепь на левый кулак. Может хоть одному нос сломаю, прежде чем убьют. Представляю заголовки газет. Вильмонт убил Хаски. Папа, ты за меня отомстишь?

Дождалась абсолютной расслабленности Аристократов, стоящих на лавочке прямо передо мной. Поиграем в шар и кегли. Шаром будет лавочка. С ноги ударила по боковой части. С жалким хрустом лавочка перевернулась.

Удар пришелся лишь на пятерых, от неожиданности те повалились, а вот Глен успел отпрыгнуть. Шел последним. В миг встал в боевую стойку, и я напряглась.

А теперь побег. Спрыгнула с лавочки на пол и побежала направо по диагонали в сторону выхода. Аристократ стартовал наперерез. С трудом пробралась сквозь множество ног, кого-то пихнула в спину.

Но меня не трогали, только наблюдали, охотились шестеро. В настоящее время преследовал попятам один Глен. Слышала его хрипкое злое дыхание.

Резко запрыгнула на одну из свободных лавочек. Аристократ все равно впереди меня, и я не могла пройти сквозь него вниз к двери.

Замерла, глядя на него обреченно, как бабочка в паутине паука. Крылья плотно склеились. Выход один только внизу, а сбоку приближались раннее выбывшие охотники.

Глен впервые показал усмешку. Я на это и отвлеклась, пропустив пасс рукой в мою сторону. Вибрации проплыли по воздуху. Зажмурила глаза, как можно сильнее, закрыв голову ладонями.

Распахнула веки. Передо мной трибуны с лавочками. Справа — открытая площадка, там Хаски и его друзья. Я ближе всех к выходу.

Удача! Налево повернула и к двери. Побег преследовали окрики взбесившихся Аристократов. В спину угодила ударная волна, такой мощи, что на секунду потеряла способность вдохнуть полной грудью. Взлетела над полом и приземлилась, крутясь вокруг себя.

Позвонки ощутили поцелуй от бетонной стены. Она приостановила мое дальнейшее скольжение.

Пора вставать, некогда отлеживаться, кости целы. Подскочила на ноги и в бок к двери. Знатное зрелище, Дмитрий? Знала, что все Бастреды смотрели, а Аристократы улыбались, радуясь моей беспомощности и очередному зрелищу. Дернула за ручку двери, а та перед глазами покрылась тонким слоем льда и отказалась повернуться. Кулаки сжались от безысходности.

— Ананина, ну куда ты? — это Глиста шел сзади, совсем недалеко. Теперь не было смысла им бежать.

Я в ловушке, запуталась в паутине, а под рукой ни одного средства к спасению. Металась неистово, но только сильнее затянула путы на руках и ногах.

А собственно? От злости занесла левую боевую руку и ударила кулаком по корке льда. Костяшки стало ссадить, рассекла немного.

Смех подбросил поленьев в мою злость. Отошла назад, задрав ногу, и стопой ударила по двери. Сама не ожидала такого эффекта, действовала по наитию и под руководством госпожи злыдни. Две деревянные дощечки проломилась от удара. Вырвала, как можно скорее, из двери поломанные и бросила в бегущих охотников.

Место мало в двери. Но мне хватило. Скользнула, только волосами едва не зацепилась. Размораживайте, уроды, а я побежала.

Была перемена, поэтому народа на улице обнаружилось много. Разговаривали, шумели и это на руку. Есть вероятность спрятаться среди множества людей. Но с другой стороны над моим появлением из проломанной двери наблюдали и стали свидетелями.

Где в первую очередь будут искать? В общежитие. Надо где-то спрятаться. Пришла мысль затеряться в одном из множества кабинетов. В главном здании — дальше по курсу целых три этажа — самое высотное здание, там и пережду основной гнев охотников. А потом будь, что будет.

Бежала по поляне, преследуемая множеством взглядом. Только бы не сдали.

В главном здании бросилась на третий этаж в поисках свободной аудитории и желательно открытой. Нашла необходимую и нырнула, плотно прикрыла.

Надеюсь, им надоест осматривать каждый кустик на предмет поимки меня. Приготовила путь к отступлению — окно приоткрыла настежь и осталась стоять возле. Замерла, когда расслышала настойчивую трель звонка в здании. Начались пары у студентов, постепенно тишина мягкой вуалью прикрыла мою голову, словно успокаивающе. А сердце испуганное внезапной добротой наоборот ошетинилось, стало колючими шипами причинять боль. И на каждый шорох за пределами аудитории реагировало уколами.

Пятнадцать минут жуткого напряжения и когда я чуть успокоилась, дверь бесшумно отворилась, заставив вздрогнуть.

— Попалась! — Глиста широко растворил дверь и улыбнулся самодовольно. — А мы тебя везде ищем! Ну куда же ты? — услышала огорченный вздох, когда подняла ногу на подоконник с намерением выпрыгнуть. Не высоко. Это обратная сторона здания, здесь плотные кусты и небольшая одинокая полянка. Сюда никто почти не забредал, разве что влюбленные парочки для уединения. Прыгнула, с облегчением осознала, что у меня это получилось. Глист не задержал.

Аккуратно приземлилась на две ноги. Сделала кувырок, направив ускорение падения в спокойное русло.

А когда встала получила удар в лицо кроссовком под уголок правого глаза. От боли зажмурилась и осела. В логове зверей. Вокруг ноги. Много ног, а я коленями упиралась в зеленую траву.

— Попался, Бастард! — удар опять. В спине стрельнуло резко, словно ниточка натянулась. Будто задели нервы. Удар заставил опереться ладонями о землю. Запоздало напрягла мышцы всего тела.

А потом удар по животу. Пресс амортизировал боль. По спине разлился очередной жар от соприкосновения твердого предмета о поясницу. И я рухнула. Мышцы не способны больше напрягаться, сдерживая силу удара. Слишком сильны и часты, нагрянули как шторм со всех сторон, не выбраться.

Я в паутине и из меня не выпивали, а выбивали кровь. Ногами, ведь руки не следовало марать. Побой длились недолго, потому что я не сопротивлялась. Когда идешь наперекор, тогда в крови бурлит азарт, а когда подчинялись — интерес пропадал.

— Полежи! Только не сдохни! Еще с твоим трупом разбираться!

В последние минуты побоев сжалась в позу эмбриона, пряча лицо и по возможности тело. А теперь почувствовала прохладу от земли, но это прекрасно потому что тело горело огнем. Аристократы исчезали, судя по отдалявшемуся разговору, оставляли в покое. Неужели все закончилось? Попыталась сменить позу, но едва пошевелила мышцами, как тело заискрилось, каждая ниточка нервов зазвенела. Я жалобно проскулила, не двигаясь больше.

Темнота опустилась на Арзонт и на университет. Здесь в низине всегда темнело слишком рано, не то что дома. Кто бы меня увидел в таком состоянии? Криво усмехнулась. Как хочу домой!

Черт бы побрал этих Аристократов! Эту Вышку! Этот Арзонт! Я хочу домой! К спокойной жизни, где тебя не пытаются убить.

Закусила губу, во рту горечь крови, которую хотелось сплюнуть, но боялась что сил не хватит даже на это. Поэтому глотала собственную кровь, а слезы меня не спрашивали можно им капать на прохладную землю или нет. Они просто орошали влагой растения. Пускай, все равно.

Не знала, что делать. Лежала до глубокой ночи, пока не расслышала голоса мужские. Напряглась телом, хоть и было слишком больно, но страшнее во много раз.

— Аня, — тихий шепот, кого-то напомнил его обладатель. — Мы тебе поможем...

Меня похоже взяли на руки. Не смогла определить в чью куртку упирался взгляд. Но голос неподалеку был знаком.

— Ань, ты в порядке? — повторил тот. Захар!? Вот кто. Он шел рядом, но не он держал на руках.

— Да, — хрипло ответила вороту куртки. Их здесь трое.

Под покровом ночи, через одно из окон на первом этаже общежития ребята с трудом перенесли мое тело, а оттуда добрались до комнаты. Был давно комендантский час.

Соседки всполошились. Не спали, когда меня аккуратно положили на покрывало.

— Спасибо, ребят, дальше я сама, — почти родной голос Медведицы. Как я рада ее слышать. — Уходите, а то засекут.

У Марии теплые руки. Сильно согревали. Не тело, а внутри поглубже. Она что-то делала со мной.

Это не больнее, того, что я ощутила ранее. Это так... легкий укус комара. Всю кровь мне высосали ранее.

Глава 10. "Месть продолжается"

Глава 10. "Месть продолжается"

Три дня не вставала с кровати, только передвигалась до ванной и кухни. Одно успокаивало расшатавшиеся пружины нервов. Не изнасиловали — это единственное, что смазывало детали облегчением. Мною никто не воспользовался. Это, наверное, то с чем я бы не смогла справиться. Глен или Глиста на следующий день оставили в покое. Странно. Думала добьют.

Не заставило себя ждать дальнейшее издевательство. Бастарды, которые раньше общались терпимо теперь проходили мимо и едва не крестились. Пожалуй, все кроме Волчицы и Машки с Кристинкой. Я молчала, пропуская тишину через себя. Синяки остались лишь на лице, скрывала их тоналкой и черными очками, благо и солнце палило знатно в Арзонте.

Как-то раз после второй пары вдвоем с Волчицей выходили из аудитории главного трехэтажного здания, за которым меня били. Я не боюсь и убежать не буду. Передвигалась плавно, неспешно, чтобы не выказать трусости, поднимала подбородок параллельно земле. Аристократы перешептывались, пока мы шли мимо лестницы и даже когда остановились под ними чуть сбоку от ступенек продолжали шушукаться.

Волчица предложила сигарету, может хоть никотин заглушит внутри мерзкое ощущение позора. Подставила зажигалку, давая прикурить.

Я глазом не моргнула, почувствовав вместе с прохладным ветерком на волосах сверху капнула вода. Всё сильнее и сильнее, скатилась по лицу и потекла за пазуху. Естественно, сигарета тут же намокла и потухла. С дождичком!

Подняла взгляд и увидела пятерку Аристократов. Парень держал руку ладонью вперед, выкручивая в воздухе спирали. Рядом с ним смеялись мои две любимые брюнетки. Одна из них Олеся. Это та компания, которая в первый день приветствовала в Вышке.

Волчица хлопнула рукой с зажигалкой по бокам. Довольно резко.

— Да вы с ума посходили!?! — услышала ее злобный цокот. Я ей тихо покачала головой отрицательно, запрещая заступаться. Волчица — девушка с гонором, скорее всего может заступиться.

Передала пакет с тетрадками, чтобы не намочить и пошла впереди. Дождь преследовал вплоть до очередной арки.

И это только начало. Пытались сотворить очевидный изгой? Прокаженную? И зачем это богатому наследнику? Отомстить за отказ, на колени поставить? Я прошлась по его гордости, потопталась смачно грязными подошвами. Но выхода не было? Как я могла еще поступить?

Дмитрий Хаски — вот какой ты? Двухметровый дядя блондин. Рост конечно впечатлял, но, честно говоря, я ожидала увидеть немного более яркого человека. По рассказам он жуткий красавчик и все девушки падают перед ним на колени. Я хотела упасть перед ним на колени, но из-за испуга и не более.

Старшая сестра Сашка одно время была влюблена в него, еще до своей свадьбы. Я тогда заранее возненавидела мужчину, настолько уши прожужжали красавчиком Димочкой, его яхтой и зимними каникулами.

Сестра заканчивала Вышку в прошлом году. Тут они и познакомились два знатных

ребенка из семейства Хаски и Вильмонт. Общение, флирт, романтика и секс на две недели. А потом Сашка размазывала сопли на мне, потому что я вторая из девочек по старшинству и надо было хоть с кем-нибудь поделиться. Но она здорово была на нем зациклена.

И как вот этот амбал себялюбивый засранец с жутко огромным чувством собственного достоинства мог ей понравиться? Да он других людей не замечает. Изредка вылавливала его в толпе людей рядом с Пуделем, но он ниразу не посмотрел в глаза. Скользил мимо пустого места и дальше проходил. Равнодушный к миру.

***

В субботу вздохнула с облегчением впервые за неделю. Целый день тишины и спокойствия. Съездили за покупками.

Стипендию выдали, живем. Никто не бил не гнобил, было радостно и почти спокойно. Но все-таки мимолетный призрак страха преследовал, и я по дороге до магазина и обратно выискивала пособничков Хаски во главе с Гленом, Пуделем и остальными. Может он успокоился? Пожалуйста, я еще пожить хочу.

Приехали на парковку и через мутное стекло от пыли раскрыла глаза пошире, надеясь что померещилось. Месяц почти не виделась. Иван.

Стоял на парковке и расхаживал взад и вперед, выискивал кого-то, Заглядывал в глаза прохожим. Выходя из машины, тихонечко шепнула.

— Меня здесь нет, — соседки переглянулись удивленно.

— Почему? — ответить не успела на вопрос Волчицы.

Иван решил пристать и к нам. Отлепился от парня с девушкой и подошел. Куда глаза девать? Как вор, пойманный за ограблением ювелирных изделий, награбленное сложила сзади за спиной, а глаза спрятала в асфальте под ногами.

— Девушки, извините, вы некую Анну не знаете? Бастард. Темненькая. Длинные кудрявые волосы... — я стояла чуть дальше от него. Он напрямую обращался к Волчице, та в недоумении молчала. — Родинка под глазом? Маленькая?

— Что вы, молодой человек, откуда нам знать. Университет большой, здесь много девушек, — спросила за нас Волчица.

Кристинка забирала сумки из багажника, а мы помалкивали, принимая пакеты.

— А можно я с вами пройду на территорию? А то одного не пускают. Мне очень нужно найти девушку, я волнуюсь как бы с ней ничего не случилось. Мы друзья детства... — жалостливое личико, просящее сделал. Я бы повелась, не будь это просьба найти меня.

— А Фамилию Ани помните? А то кого нам искать? — Кристина с Машей поняли с ком шла речь, а вот Волчица меня брюнеткой не видела.

— Забыл. Не представляете. Но реально забыл... — запинка длилась чуть дольше.

— Извините, но на территорию без пропуска вас не пустят. Если мы увидим девушку, то обязательно передадим, — подвела итог Волчица. Твердо, безоговорочно, захлопывая багажник также громко.

— Честно? — спросил парень. Я бы расплакалась, увидев такое лицо. Иван, вот что тебе надо? Может Кирилл в тот раз сломал ему черепушку? А мало ли парень помирает без меня, может ломка от любви? Надо будет навеститься к Ивану, только не в таком виде. Чтобы были пути отступления.

— Честно, честно, — повторила каждая по несколько раз. С пакетами, полными еды и первой необходимости, побрели по парковке в сторону входа к дяденькам в голубых рубашках.

— Чувак ищет свою телку и не помнит фамилии? Он идиот или претворяется? — вздохнула Волчица, и бодро пошагала вперед. Маша с Кристиной обвели меня любопытным взглядом и пошли вслед. Мои секреты. Да. Никого не касаются.

Странное дело, а почему Иван действительно не назвал фамилии? Неужели Кирилл расстроил ему струны мозговые? Молодец, Кирилл! Одобряю. Спасает, даже так.

Я почти месяц живу двойной жизнью и пока не умерла. Радует.

***

Время начало пятого. Жизнь в клубе мерно покачивалась по волнам, тихо, почти гладко, слегка покрывалась рябью. Персонал готовился к вечернему открытию.

В голове с трудом помещалась информация. Я в третий раз переспрашивал у повара в чем загвоздка, по какой причине не можем на корпоративе подать Немийскую лучшую рыбу.

— Дмитрий Сергеевич, я же говорю по отчетности у нас двадцать килограммов этой рыбы свежей, не замороженной, но проблема в том, что на самом деле только четыре осталось. Часть испортил вчерашний повар перепутал с другой рыбой...

— Он надеюсь понес наказание? — перебил резко. Находился возле барной стойки, положив локти на стол. Пристально рассматривал бокалы, висящие наверху над стойкой: хрустальные, легко бьющиеся.

— Да. Ему вычтут из зарплаты. Я слышал лично от управляющего... так вот... а остальная часть рыбы...

«Рыба!» — совершенно точно. Отвлекся на это слово. Эта бастардовская рыба — как по-другому Ананину назовешь. Жалкая мелкая рыбешка. Причем страшная, уродливая, мелкая. А перед ним проплыла и плавником хлестнула по лицу. Совсем у девки ни мозгов, ни банально страха не имелось. Чтобы ей такого сделать?

Стал легко барабанить пальцами по столешнице.

Чтобы такого сделать? Избиение не помогало. Он не садист... Когда на девушку, пусть и больную на голову поднимали руку, удовольствия не получал.

— Дмитрий Сергеевич?

Пакошь мелкая! Она равнодушна оставалась, пока ее унижали. Два дня в нее жевачками бросались и водой обливали, ходила спокойная и прятаться не собиралась.

Как всегда решал проблемы с женщинами??? Собственно, проблем с ними не возникало никогда за двадцать один год. Надо что-то посерьезнее сделать, чтобы рыбешку опустить вновь в болото и дать понять, что на суше ей не место.

— Дмитрий Сергеевич!!! — его кто-то ткнул? Что за личность сегодня не досчитается пальца?

Обернулся и не заметил, что пристально рассматривал столешницу и совсем забыл про повара. Опять. В третий раз забыл.

— Так что делать с заказом?

Убрал руки со стола.

— Замени рыбу какой-нибудь похожей и дело с концом. Что ты мне третий час одно и тоже рассказываешь? У меня по-твоему дел нет? — в конце рыкнул недовольно на служащего и практически бегом прошел по залу, при условии, что он парень достаточно ленивый и не любил торопиться. Все степенно, четко и по плану.

Может подослать пару громил и морально унижить? И как это сделать? Миньет все-таки заставить сделать?

— Дмитрий Сергеевич?

Резво забрался по лестнице в вип-комнату напрямком. Несмотря на ранний день в помещении присутствовал народ в немалом количестве. Один лежал на ступеньках, накрытых пушистым белым ковром, с телефоном в руке и что-то громко орал. Кто-то сидел на диване с компьютером на коленях и очень внимательно изучал информацию на экране. Третий располагался на кресле с планшетом в руке и водил по цифровой сетке пальцем. А девушке, например, было нечем заняться и она, расстопырив пальчики левой руки, подпиливала ногти, чтобы они приняли точно округлую форму — писк моды нынче.

Влетел через чур быстро и нарушил идеальную тишину в комнате, чем отвлек многих от работы. Грузно шлепнулся в кресло и начал тереть лоб рукой, прогоняя непрошенные мысли.

— Проблемы? — как бы между прочим оторвал глаза от ноутбука Макс Трески и сразу вернулся к экрану, пробегая по клавиатуре едва заметным нажатием пальцев.

— Как обычно... мелочи, — ответил, продолжая взглядом буравить точку на потолке. Этой точкой был дискотечный шарик, разбрасывающий лучи по всем сторонам зала.

Имина до этого момента не реагировала на чужое прибытие, даже поднятием век, встала с дивана, на котором пилила ногти, и поменяла место дислокации. Теперь приятно устроилась бедром на кресле рядом.

— А я чувствую твое раздражение и жуткую злость, — прошипела, как змея веселясь над его реакцией. А я снизу вверх посмотрел на нее со скорейшим пожеланием сдохнуть в какой-нибудь канаве. Но Имина не испугалась, только улыбнулась.

Остальные, услышав фразу девушки, оторвались от своих занятий теперь окончательно.

— Ты никак не успокоишься? — Виталик был как раз тем, кто лежал на ковре внизу и разговаривал по телефону. — Подождите минутку, да...

Затем отслонил трубку от уха и обратился ко мне:

— Ты уже отомстил ей вдоволь. Ходит с синяком, в черных очках, ее каждый второй материт в спину и плюется вслед. Может хватит? Она поняла свою ошибку.

— Ты думаешь такие, как она признают свои ошибки? — Виталик пожал плечами, удерживая трубку. — Ты вообще хоть когда-нибудь встречал настолько наглых Бастардов? Она уверена, что ей все должны...

— Как ты быстро раскусил ее характер, — насмешливо протянул Виталик. — Ты к ней предираешься, потому что она рот открыла. Прекращай, парень у нее есть. Верна ему, разве это плохо?

— Бастардов не трогаю, сам знаешь. Но то, как она разговаривала... Как вела себя... С какой надменностью... — Хаски внезапно ткнул пальцем в грудь.

— Ох-хо-хо! Она тебя круто задела! — передразнила Имина и хлопала его по плечу.

— А ты прекращай читать, — выразительно посмотрел на девушку. Она провела по губам двумя зажатými пальцами, словно закрывая замочек.

— И тебе надо связываться с грязью? Ты же их за грязь воспринимаешь. Зачем морачься, силы тратишь, нервы? Она поплатилась за свой отказ можешь быть доволен, — Виталик по натуре пацифист.

Не любил конфликты, только в исключительных случаях признавал необходимость доказать силой — правду. В остальном, был слишком добрым парнем. И ему не понять, что такое отказ от грязи, того, кого и за человека не считал. А оказалось, что тот умел разговаривать и даже вякать.

— Я буду доволен, когда встанет передо мной на колени и жалостливыми глазками попросит прощение, тогда может быть и успокоюсь, — подвел итог, вернулся спиной к

креслу, и развалился поудобнее. — Как унизить девушку, Имина, ты у нас психолог разбираешься в людях?

Виталик, видимо, смирился с тем, что его не возможно перевоспитать и вернулся к тому занятию, на котором остановился — к разговору по телефону.

— Давай подумаем... — девушка продолжила пилить ногти и внимательно их рассматривать будто никогда не видела раньше. — Что самое унижительное? Наверное, когда парень которого она любит прилюдно отвергает ее?

Все-таки змея она. Оба поняли, о чем речь. Эта история далекой давности, еще со школы, о том, как я из раза в раз прилюдно отказывал будущей жене, а она унижалась и рыдала в туалете. А ее жалели.

— Но этот вариант вряд ли подходит. Тогда...как насчет внешности...девушку унижают недостатки... как у нее с видом?

— О-оооо! — вмешался в разговор Трески, отложив компьютер. — С этим у нее туго. Маленькая, неказистая, толстененькая.

— Вот и выход, — Имина ткнула пилочкой вперед, изображая будто наносит укол. — Приглашай сюда, а мы с девочками постараемся пройтись по ее недостаткам.

Я молча кивнул и улыбнулся. Настроение, как будто с десяти метрового трамплина прыгнул в воду и вынырнул довольный с победой в руке.

Глава 11 "На колени..."

Глава 11 "На колени..."

С утра в магазине рядом с девочками и после неожиданной встречи с Иваном не предполагала, чем закончится вечер субботы. Надеялась на спокойствие, тишину вечером в общежитие, а получилось...

Глен и Глиста сообщили, что меня ждут на дискотеке и следовало бы одеться попримечнее. Но за неимением нормального тряпья пришлось довольствоваться обычной черной одежкой в стиле анархиста. Ежедневная форма.

Верные псинки довели до дискотеки. Я окинула взглядом шестиэтажное здание развлекательного корпуса Рай. Фиолетовые диодные ленты по всему периметру и этажам украшали красивое сооружение из темного стекла. Отблески прожекторов горели звездой на весь Арзонт. Самый крупный из ночных клубов, его филиал есть и у нас в Герберте — в столице Гнетовцев.

Слева по малой лесенке народ в очереди в ожидании когда их пустят. Я же, отделенная красной ленточкой ступала, как королева медленно. Куда спешить, когда отсчитывались последние шажки жизни.

В плечо направлялись заинтересованные, завистливые в большей степени взгляды. Так и чувствовала надпись на них «шлюха чья-то». Мало рассматривала само заведение, пока плелась за спинами сопровождавших, через кишащий молодежью танцпол. Опять лестница оживленная. Коридор более уединенный темный. И я почувствовала, что мой конец близок.

Глен растворил штorkу, открывая большую площадку, возвышающуюся над танцполом. Огромное количество людей наблюдалось здесь. В красивой одежде, немного навеселе. Чувствовался заряд бодрости, бушующий как океан, и я не хотела что бы засосало и меня в его пучину.

— Доставлена в целостности и сохранности, — отрапортовал Глен. Как будто на заседании дела. Верная шавка! Пристально следила за его уходом, пока совсем не исчез, только потом глаза подняла. Я давно под прицелом множества людей.

Как остро чувствовалась смесь голодных взглядов. И этот голод не был плотским — они хотели меня морально. Морально раздавить, изничтожить до основания каждую горделивую точку. Начинало душить от направленных взоров. Пыталась проглатывать воздух с силой, только никакой вновь паники. Не время трусить, но дыхание сбилось. Предало опять.

Осталась один на один с голодными львами в клетке. Никто не двигался, кроме него. Ходил по клетке, словно приглядывался с какой стороны отхватить кусок помясистее.

— Ананина у тебя один вид одежды? — спросил Хаски, рассматривая меня с дивана. Словно это не со мной, в ирреальности. Расплывались люди, голоса. Старалась не слушать их и думать, но думать не получалось, мозг парализовало полностью.

— Это какой-то новый неизведанный вид Бастардов, — прокомментировала девушка. С запозданием поняла, что это Олеся. Ее огромные глаза преследовали.

— Чмо болотное, — поддакнула брюнетка ее подруга с родинкой. С нарисованным лицом, одни брови чего стоили на половину лба.

Одна из девушек поднялась с дивана и с бокалом, наполненным видно шампанским, судя по пузырькам, придвинулась ко мне. Чуть попивая, разглядывала впритык мое лицо. Обходила по кругу, успешно изучая старую дряхлую страницу и думала порвать ее одной

рукой или чуть позже просто наступить.

— Хаски, что тебе нужно? — голос не дрогнул, но это единственное на что я пока осмелилась. Устала мучиться в неизвестности. Отвечать не спешили.

Дмитрий был в хорошем расположении духа, сидел на диване и наблюдал с улыбкой за мной. Ожидал чего-то. Не нравилось, когда он весел. Обычно нейтрален, а сегодня блистал изнутри, приковывал чужой взгляд.

— Не обращай внимания на ее бравату, она трясется от страха, — расслышала перед собой голос изучающей меня девушки. А она осматривала мои ноги, грудь и общалась явно не со мной.

— И вот это тебе отказало? — хмыкнула белобрысая и, наконец, отпив глоток из бокала, отошла. — Я удивлена, что ты позарился на нее? В ней же ничего сексуального? Нет. Если конечно жир тебя не возбуждает, — и она походкой модели, покачивая бедрами, обтянутыми белыми брючками, прошла к дивану.

— Слишком отмазывалась от встречи со мной. Сто причин лишь бы не идти. Это и было своего рода толчком узнать, как дальше поведет себя... — долго поливал ливень смеха. Но я не боялась дождя. Принимала, как должное и никогда не защищалась от него

— Бастард, а у тебя грудь есть? — примостив худощавую пятую точку на кресло, поинтересовалась эта новая для меня прекрасная блондинка не из нашего университета.

— Или к примеру ноги? — поддакнула Олеся, выставив напоказ ножки в джинсовых шортиках.

— Да какой идиот на тебя позарится? — засмеялась первая. — У тебя вообще хоть секс в жизни был?

Хорошо страх стал понемногу рассеиваться по периметру помещения, позволяя чуть ровнее дышать и немного соображать. И одновременно всплеск адреналина и злости взорвался лавой.

— А ты лезбиянка? — увидела, как медленно их улыбки рассеялись по периметру помещения, как и мой некогда страх. Тишина накрыла всех, даже тех, кто до этого шептался.

— Тогда с какой целью интересуешься у другой девушки был ли у нее секс? Прости, меня худосочные палки не возбуждают, — стакан медленно девушка опустила на столик и встала, уже не так грациозно шагая. Смешки немного успокаивали.

Остановилась высокая блондинка в сантиметре, заставив задрать голову, чтобы пообщаться. Плечо сжала худой рукой.

— Ты с кем разговариваешь, Бастард?

— У вас один и тот же вопрос? Представься, тогда узнаю с кем разговариваю... — мою улыбку стерла такая резкая пощечина, что не сразу сообразила. Что обожгло? Это ее маленькая ладонь залепила по щеке? От сторающего пламени обратно вернула голову вперед.

Лавя вновь взвилась вверх наружу. Я не помня себя, с левой руки сделала замах и отпустила удар, целясь в глаз с правой стороны. О последствиях не думала. Как будто попала в воздушную стену. Кулак вошел во что-то мягкое, почти возле испуганных глаз девушки, там же и остался. Пошевелила конечностью с намерением вернуть обратно, но рука заблокирована.

Кто блокировал удар поняла сразу:

— Ты, — обратилась к голубым ледяным глазам. Успела увидеть раскрытую ладонь и пальцы, сжавшие пространство, прежде чем меня завертело вихрем назад. Знакомая ударная

волна, как в прошлый раз в спортзале, закружила в воздухе. Запоздало сгруппировалась, но летела совсем немного.

Спиной задела ступеньки. По ощущениям содрала кожу, головой ударилась похоже об чьи-то ноги. Невзирая на пульсирующие боли поставила руку на пол и на четвереньки встала, поймав взгляд Хаски.

Как же я его ненавижу. Ненависть мерзкой черной дрянью распространялась внутри: с кровью, с адреналином и со страхом вместе. Поглощала меня. Читалась ли она в моих глазах, Хаски? Увидь ее.

— Отвратительно себя ведешь. Я тебя сюда притащил, я и отвечаю.

— Хватит на моих ногах сидеть. Вставай, — пнули под зад унизительно и больно. Сзади — парочка влюбленных голубков, от парня и прилетел удар очередной. Так захотелось, бедро потереть прогоняя боль, но я смирилась.

— Что за урод? — искривилось лицо девушки, глядящей на меня. Я привыкла к этому. Скоро и саму стану себя так называть. Мне не больно. Почти не больно. Устала мертвецки. Мечтала заснуть трупом и больше не просыпаться никогда.

— А давай поучим ее манерам, — услышала вдруг от Трески, тот который постоянно к нашей татуированной девушке яйца подкатывал.

Аристократ вытащил из кармана брюк упаковку таблеток и положил на ладонь Хаски. Посторонние руки зажали мои плечи и подтолкнули поближе к дивану, где располагался повелитель. Я попыталась взбрыкнуть ногами, тогда меня схватила еще одна пара рук сбоку. Не знаю кто. На счет два поставили на колени, руки заломили назад. Я на коленях перед Хаски со склоненной головой вниз. Слышу шорох открываемых таблеток.

— Рот открой, — его приказ выполнили мгновенно. Сжали щеки. Я вновь дернулась и мне стопой нажали на спину, выкручивая руки. Боль прострелила ноги, руки, спину. Сжалась, боясь новых ударов, ощутила неприятную горечь во рту.

— Проглатывай, — опять приказ. Хаски закрыл рот и нос, чтобы я не могла дышать. Глаза от беспомощности застлала пелена. Только не заплакать, не дать такой возможности. Держись, Вильмонт.

Проглотила горькую таблетку, и сжала челюсть плотно. Мечтая вцепиться зубами в ладонь Хаски, но боялась от яда сдохну здесь же на полу. Руки свободны, ладонь убрали с лица.

Я стояла на коленях, как побитая псина, едва не жалобно скулила. Со склоненной, поверженной головой. Боялась, что заплачу. Все эмоции пыталась закатать в клубок и не отпускать пока что. Но они настойчиво не давали скрутить себя.

Глаза не стремилась поднять, боялась прочтет мое поражение.

— Поднимайся, Бастард, посидим, — кто-то схватил за руку, резко выдернув с пола.

А это Трески, кажется, поднял меня. Вау! Повело в сторону. Посмеялись, но вели за руку назад. Я плелась медленно задом, не сопротивлялась, будто высосали последние силы.

Никогда не знала унижения, ее идеальных пробивных разрядов. Один, два и ты уже на коленях, поработенная сама собой. В моем случае унижение достигло апогея. А я — самого низа, ведь позволяла делать все, что угодно.

Трески посадил к себе на колени. И такая слабость одолела, кто трогает, зачем? Заставил лечь спиной на него и что-то зашептал на ухо, я не расслышала. Всего лишь съежилась от мурашек по коже.

Его рука на шее, язык!?! Волна пробрала возбуждающая, стирающая последние мысли.

Задрожала всем телом. Дыхание застряло в горле, руками вцепилась в подлокотники кресла. Что за наваждение?

— Как насчет раздеться? — слышала этот голос на ухо, шепот, а не могла сказать ни да ни нет. Молчала. И лишь втягивала воздух сквозь зубы, чтобы не взвизгнуть.

Рука Аристократа проскользнула под майку на уровне живота, выворачивая наизнанку нервы. Тошно от чужих прикосновений, и не понимала почему реагировала и не ударяла с локтя в глаз мерзавцу. Кожанку медленно сняли с плеч, оголяя футболку безразмерную и голые руки с черным лаком.

— Они еще круче реагируют на африк? Ее уже можно иметь, — опять пробрали мурашки от голоса сзади только теперь не от удовольствия, а от страха. Афродизиак во мне.

Предприняла попытку встать. Оперлась ладонями о подлокотники, но смогла только поднять бедра и рухнуть вновь. Кажется Трески воспринял это как приглашение, судя по удивленному выдоху сзади.

— Вау! Не торопись, малышка, — снял футболку с меня едва не рывком. Я не смогла отреагировать. Как в замедленной съемке. Изображение, словно зажеванный кадр. Голоса обрывались, лица беспрерывно передвигались.

Существовало только мое тело: его очертания, каждый сантиметр в отдельности имели значение. Какое оно, как выглядит. Как к нему прикасаются. И это огненное тепло легкими пальцами, подобно поцелуям скользило повсюду. Никогда не ощущала действие афродизиака. Всегда удавалось избежать излюбленной игры Аристократов, благодаря старшей сестре. У той имелась полезная особенность — аллергия на любое лекарство растительного происхождения, только с химией дружил ее организм.

Теперь я в огне афродизиака вся целиком и не могла сопротивляться. Дышала часто беспрерывно, и не приостановить действие, как бы не хотела.

— А нахрена перебинтовалась? — отголоски вопросов дошли сквозь помутненное сознание. Не поднимала глаз, наоборот опустила вниз на красный ковер.

Корсет из бинтов в одежде прекрасно скрывал основные выпуклости, но сейчас обрисовывал силуэт тела. Грудь гладиатора, а талия худенькая. Не пропорционально, уродливо. Выше бинтов увидела точку вхождения энергии, фиолетовой паутинкой расползающейся во всех направлениях: на плечи и по всей ключице. И вовремя я заметила, как пальцы Макса протиснулись спереди к штанам, с ловкостью расстегнули пуговицы. Не знаю, как но, предчувствуя смерть гордости, нашла силы вцепиться в руку Трески когтями.

— Нет, — прошептала, а его пальцы не спешили исчезать.

— Да будет тебе, малышка, — он отклонил мои волосы назад и шепнул в ухо опять. Очень эрогенная зона. — Мы только начали!

Аристократ лизнул по коже, вызвав вновь это не нормальное дикое возбуждение и при том омерзительное лично для меня.

— Трески, заканчивай, она — мой объект издевательств. Отдай, — Не думала, что вмешается этот голос. Я была рада. Наверное. Небольшая передышка перед финальным забегом.

— Не держу, — поднял обе руки этот гад.

А подняться не могла, хотела, но не могла. Ноги приросли к полу. И тут что-то потянуло вперед, и я пошла. Кто-то за руку вел. Хотелось лужей разлечься на полу и не шевелиться. Но я шла, с трудом передвигая ногами, пока не остановилась напротив Хаски.

Моя рука опустилась покорно без сил по бедру. И ноги стали тяжелые, непослушные.

Столик позади отъехал со скрипом по ковру, вероятно, предоставляя чуть больше пространства.

— На колени, — словно предложили воды вовремя смертельной засухи. Рухнула, руками опираясь о пол. Больше не могла, мышцы сводило судорогой.

— На меня смотри! — услышала приказ, но сквозь непролазный туман не смогла поднять головы и рассмотреть.

— На меня смотри! — теперь прозвучал рык. Подбородок резко дернули вверх вместе с телом. Хаски держал руку ладонью ко мне. Всего сантиметров двадцать между нами.

Я не успела подумать о боли. Она в миг превратилась в какое-то извращенное удовольствие от прикосновений чужих пальцев при помощи энергии и взгляда хищника, которому меня подали на обед. Друг напротив друга, глаза в глаза.

— Проси прощения слезно, чтобы проникся! — молчала, но страх вошел гвоздем намертво. — А то с тобой мечтает порезвиться Трески, и я не стану мешать. С удовольствием понаблюдаю, не видел как трахают Бастардов.

Он говорил тихо. В лицо, овеивая дыханием кожу. С трудом сдерживала желание закрыть глаза предвкушающе, как зверь будет меня есть. Медленно. По кусочкам питаться мною. С удовольствием.

— И групповуху не видел с участием Бастардов. Есть желающие тебя поиметь, несмотря на отвратный видок. Выбирай. Просить прощения или развлекать пол ночи? — с таким придыханием сказал, что мурашки обдали мгновенно.

Хочу этого зверя. Его когти на груди и клыки на шее. Вновь рухнула ладонями на пол, когда он перестал держать мое тело энергией. Я проклята. Со скрипом зубов процедила:

— Прости, — стало скользко и мерзко от самой себя.

— Не слышу, — шепот почти на ухо.

— Прости меня! — насколько хватило сил выкрикнула и посмотрела, наконец, ему в глаза. На хищника.

Несмотря на тягучее давление афродизиака, ненавидела все это. Его улыбку внезапную, он же никогда не улыбался раньше. Его гордую осанку. Тот момент, когда он успокоился и спину положил на диван. Его кулак, поддерживающий щеку и взгляд, которым изучал меня. Паутину энергии на ключице, мои очумелые глаза, колени на полу.

— Знаешь, это даже более возбуждающе, чем когда стоят на коленях и, клянясь в любви, лижут член, — спокойно поведал. Вновь волной окатило с головы до ног. Зверь передо мной, и я реагировала на него. Унизительно. В предвкушении ждала дальнейших шагов.

Но что я могла сказать? Только опять убрать глаза в пол, присесть на ковер без сил и спрятать лицо в коленях.

— Свободна, — это слово было невероятным облегчением.

— Ей, ну дай закончу, — поклянчил Трески. Не надо...

— Нет....Алло...Да... Забирай...обратно, — к кому это относилось? Хотелось голову преклонить на холодный пол и остудиться. Так и сделала.

Спустя пару минут всеобщих смешков, колющих спину, подняли на ноги. Зрение окончательно расфокусировалось. Одели каким-то образом и мешком повалили на спину. В машине заснула.

А потом занесли в общежитие в комнату и только там смогла расслабиться. Под холодный поток воды на голову остудить мысли, тело, заставив стучать зубы. Сколько храбрилась? А по сути оказалось такой же, как и все Бастарды. Трусливой, беспомощной

Аней, унизившейся ради спасения. Это была не роль. Я действительно боялась Хаски.

Его ужасных ледяных глаз, они преследовали и сейчас. Смотрели на мое тело, не скрытое бинтами и одеждой. Слишком пристально, очень близко.

Глаза в глаза. Они не отпускали.

Руками вцепилась в пряди мокрых волос, чувствуя скатывающиеся капли по телу. Как поцелуи. Как прикосновения. От него. Душ не помог.

Глава 12 "Сергей Вильмонт"

Глава 12 "Сергей Вильмонт"

— Кирилл, как наш объект? — вслух не произносил имени, хотя оба понимали о ком идет речь. Ехали по накатанной колее в сторону Бехера — элитного коттеджного городка, где на данный момент проживала семья одного из подчиненных.

Лес. Чистый воздух и прозрачное озеро. В отсутствии Ани — Кирилл занимался лично моей охраной.

— Я отпустил объект. В первый же день КМД-ники забеспокоились, обнаружив постороннего служащего. Потребовали отчета. Как вы и просили следы замели. Никто ни о чем не догадывается. Пресса раздула шумиху, — отрапортовал Кирилл.

Я кивнул, рассматривая в окно редеющий лес и выезд на открытую площадку. Рядом одно из самых огромных озер по всей некогда стране Гнета.

Водитель посмотрел в зеркало заднего вида:

— Вы не волнуйтесь, уверен объект жив и здоров и, наконец, радуется, что его отпустили на волю! — я ответно посмотрел в зеркало впереди и не сдержал едва заметной ухмылки.

— Каковы результаты? — стерев все признаки малодушия, я вновь вернулся к ухоженной поляне и видневшемуся оттуда пляжу с желтоватым песком и резвящимися детьми.

— Согласно последнему расследованию Пб-ники узнали о Бастарде по телефонному звонку на номер одного из членов группировки. На тот момент, когда мы отследили звонок все данные и тем более существование номера стерли из всех баз...

— Всех? — уточнил, оторвавшись от теплой погоды в октябре месяце. Как не похоже на округ Герберта. Обычно в такое время лили дожди, и температура воздуха стремительно снижалась.

— Всех, — подтвердил Кирилл.

— Так составь список всех, кто имеет такую власть. Это гораздо упрощает жизнь, может даже Яхонт оставим вживых.

Машина плавно съехала на парковку, заставленную автомобилями. К месту водителя спешил охранник парковки с определенной целью.

— Составил, — ответил Кирилл. В ожидании прихода служащего открыл окно, впуская воздух в салон, и положил локоть на дверь. Попутно прикурил сигарету сообщая. — Список в вашем портфеле. Шесть известных наших фамилий, плюс семь из Страдовской верхушки и десять фамилий малоизвестных семей, которые занимаются информационными системами.

Кирилл замолчал, когда к окну подошел охранник. Подал стопочку документов: пропуска и приглашения. Пока мужчина в специализированной охранной форме с фуражкой на голове изучал документы, в салоне стояла тишина из разряда напряженной и очень напрягающей.

— Доброго дня, Сергей Андреевич, — заискивающе улыбнулся охранник, приподнимая козырек и заглядывая в салон автомобиля. Я кивнул и подождал пока охранник исчез.

— Проверь каждую фамилию. Что насчет подозреваемых? — пока не вышли из машины, окна прикрыли. Ожидали когда и остальные сопровождающие автомобили проверят.

— В последнем деле основным подозреваемым остается Шмонт. Он и сам так говорит. Они с Аней повздорили на встрече выпускников. Одноклассники больше не видели ее. А Леонид доказывает, что взял машину и уехал. Аня оставалась возле клуба, где у них и произошла ссора. Винит Шмонт только себя и не отнекивается...

— Кирилл мне некогда сопли развешивать. Настоящие подозрения, версию которую мы выдвинули последней подтверждается? — грубо оборвал работника.

— Хаски? Да. Натянутый мотив был.

— Почему натянутый?

— Первое дело об автомобильной катастрофе с участием Ани. Она намеренно забыла мое охранное кольцо, чтобы ехать на поступление в Военку. Да. Улика против Хаски — иксовая бомба. Но она настолько доисторическая... и к тому же она была отсыревшая. Взрыв не причинил бы ощутимого урона Ане. Смысл?

Второй случай. Аня в Новый Год одна дома и опять без моего кольца. Улика — крылья Баллийцев. (Гнетовцы не умеют летать совсем, погода слишком нелетная для перемещения по воздуху. Здесь ни у кого нет крыльев. Плюс — отношения с Баллийцами — отвратительные. У Страдовцев получше — они им металл поставляют.)

И теперь третий. Виталик Хаски прислал брачный договор и опять отказ. И одновременно — нападение ПБ-ников. И опять Аня без кольца. Шмонт нашел его в своей машине.

Кирилл задумчиво замолчал, тогда я перебил:

— Какие улики? Бомба военных ведомств иксовая и крылья Баллийцев, которые были использованы нападающими во второй раз. Я не могу предъявить эти смешные улики Хаски для обвинения, он меня высмеет...

— Именно поэтому вы столько лет и обвиняете друг друга в терроризме, но открыто не заводите дела. Слишком притянутые факты и улики. Знаете, теперь когда мы объединены одной территорией и законами наши права немножко больше...

— Ты о чем, Кирилл?

— Теперь вы имеете право узнать обо всем военном арсенале Немийцев не правда ли, включая серию, порядковый номер бомбы и ее дальнейшую судьбу.

— Ты, что опять копаешь под бомбы?

— Я копаю под Хаски. Меня смутил последний случай год назад. Взрыв у Стардовцев, в результате которого сильно пострадал наследник Хаски. Ему руки изуродовало. Шумихи знатно было. Мне одно не понравилось. Заряды, на месте взрыва, которые «типа» наши — были слишком древние, вы ими давно не пользуетесь. Прошлый век, у нас даже в запасе их нет. Нет никакой информации. А вы, как обычно, приняли претензии молчаливо и покорно. Почему вы никогда не оправдываетесь? Этот взрыв был не ваша вина.

— Почему же не моя? Это я открыто всем показывал, что не люблю Хаски — вот мой народ и разделяет взгляды.

— Глупости. Вы бы никогда не стали людей впутывать в ваши разборки, — дверь раскрыли, выходя на улицу.

КМЗ-ники ждали возле машины, когда покинем пределы автомобиля. При выходе охранники полным кругом обступили со всех сторон.

***

Потолки возвышались высоко над головами. Колонны скрывали по прямоугольнику помещение зала, будто прочным забором. Винтовая лестница поднималась на второй этаж

из центра комнаты. Белые потолки и стены успокаивали психологически. Проектор висел по середине помещения. Возле окна во всю стену располагался огромный диван. Различные предметы декора, такие как камин, шкуры зверей и подобные вещи прибавляли уют обстановке. Окна скрыты жалюзи, двери плотно закрыты. Если бы не освещение — идеальная темнота без единого просвета.

По залу бесшумно передвигались люди в грязно-сером костюме, вооруженные до зубов. Даже челюсть была смертельно опасна для противника, в клыках которых содержался яд. Генетический продукт. Самое опасное оружие семейства Вильмонт. КМЗ-ки.

И только два человека были без специальных костюмов. Один сидел на диване, в виски которому были направлены стволы винтовок на расстоянии вытянутой руки. Напротив него с совершенно прозрачным лицом без намека на эмоции стоял я.

Поскольку сегодня выходной день, выбрал свободный стиль одежды: простые джинсы и голубую рубашку. Руки сложил на груди и, молча, ждал ответа.

— Сергей Андреевич, как и говорили, я всех подчистил. Всех, кого нашел, — Яхонт нервничал. Тяжело дышал и сглатывал слюну в горле.

— Я говорил всех, а не тех кого найдешь. Ты этих мразей спонсировал два года, пока они тебе выгодны были. Убирал тех, кто был бесполезен, умело пользуясь услугами террористов. Я молчал, пока меня это не касалось, но твои шавки тронули мою дочь, как думаешь я должен реагировать?

— Я не могу пробиться в основу. Не имею малейшего понятия, кто основал их, кто вложил идею. Не знаю, клянусь, — мужчина твердо посмотрел мне в глаза.

— А я не верю. Как ты сможешь выполнять заказы, при этом не зная, кто остальные?

— Таких, как я, десяток. Те кто наводят справки, достают цели, оплачивают. Я был свидетелем одного из убийств Бастардов. Именно тогда у меня и пришла мысль воспользоваться их услугами...

— Да. да... — перебил я и сорвался с места, начав передвигаться по залу. — Твою жену убили Бастарды, и ты не прочь поквитаться с каждым из них. Моя дочь тоже попала под твое возмездие?

— Я бы никогда вас не предал, — покаянно склонил светлую голову Яхонт. Совсем юный для главы семьи, потерял жену и остался с маленьким сыном на руках.

— Допустим... — отвлекся на карман собственных джинс. Спустя секунду вытащил мобильный телефон из кармана. — Тихо!

Махнул двумя пальцами, словно стирая пыль. Ладонь одного из КМЗ-ников послушно накрыла рот мужчины, сидевшего на диване в расслабленной позе, чтобы тот не произнес лишних слов.

— Да, Алла! Я занят. К вечеру буду, как и обещал. Тебе ли не знать, у меня кроме основной работы есть и...да...да...как я рад твоей маме, — с сарказмом сказал и сбросил вызов. — Алла, меня убьет.

Внезапно обратил внимание на закрытое жалюзи окно. Взъерошил волосы, задумался.

— Что ты планируешь делать дальше, если я оставлю тебя в живых? Какие мысли есть? — ладонь КМЗ-ника отнялась от чужих губ.

— Осталась небольшая часть наемников в районе причала. Там полутерритория наша Немийская и Баллийская. Вам ли не знать, как они относятся к нарушению границ. Все наемники спрятались там. Я не могу до них достать и нет связей на той стороне.

— Провести — проведу через границу, но дальше я пас, — твердо уверил, отдавая

приказ наперед. — Едешь на свой страх и риск, обеспечить защиту никак не могу. Вернешься с выполненной миссией — от тебя только фамилии основателей, убирать не надо. Сам разберусь. За отличную работу получишь награду.

Один короткий взгляд друг другу в глаза.

— Возьмите сына под опеку, кроме меня у него никого нет. А он — будущий глава! — и всего лишь? Приподнял бровь, молчаливо спрашивая окончательное это решение или нет? Тишина.

— Согласен. К тому же, твой сын все равно у меня, — поймал потрясенный взгляд, наполненный болью, страхом потерять любимое существо. Животный, рефлекторный из глубины души, не контролируемый.

Яхонт попытался резко встать, но его за руки взяли. Крепко сжали, заставляя вновь опуститься на диван. Прикладом ударили по позвонку, самому выпирающему. Миша сжался в ожидании новых ударов.

— Твой сын на курорте отдыхает, но помни, что я могу и не отдать его тебе живым и невредимым. Мне нужен скорее результат. Как можно скорее, — я собрался уходить, но что-то развернуло обратно на полушаге. Заставило заговорить:

— И не надо, Миша, меня ненавидеть. Ради своих детей я буду убивать. Как в прочем и ты... Уходим, — коротко отдал приказ.

Те же высокие потолки. Та же цепь колонн по периметру сжимала пространство, и у мужчины, так и не вставшего с дивана было ощущение, что его шею похоже сдавило. Слишком стремительно и без шанса выбраться из удавки.

Глава 13 "Ринг"

Я лежала в кратере вулкана на привязи. Руки и ноги подвешаны на веревках. Под спиной чувствовала жар лавы, что кипела в ожидании извержения. Она так яростна в своем желании, подпекала спину всю ночь.

На груди, на животе ощущала зверские прикосновения. Когти твердые, как и мечтала вчера. Глубже. Сильней. А зверь чувствовал мои желания, поддавался. Прикасался, а я горела не переставая.

И да — это не сон. Действие афродизиака остаточное. Я не спала, а смотрела на потолок в комнате.

Афродизиак должен был сдохнуть в этом кратере, потухнуть, как спящий вулкан. Так почему я думаю об этом долбанном кратере? Что за шизофрения? Так трусливо встать на колени перед каким-то вшивым Аристократом. Как я могла себе такое позволить? Задавалась вопросом целое воскресенье.

От омерзения скручивались внутренности и не лезла ни одна пища. Хорошо, что я сегодня ответственная за приготовление обеда. Вопреки мнениям, я умею готовить. У нас нет штата слуг. Наша семья умеет готовить и убираться.

Я — не зажавшаяся богатая стерва. Представьте себе, уборка и готовка отвлекали от собственных дум. Приготовление обеда позволило отвлечься на насущные проблемы и не утопиться в туалете от жуткой обиды, поселившейся внутри.

Была уверена, что Хаски забыл обо мне, но когда вернулась в комнату после обеда на кровати обнаружила посторонний объект — коробка квадратная. Черная, с большим знаком «X» серебристого цвета.

— Анька, смотри! — Гиена оказалась шустрее меня трусливого зайца. Схватила коробку, повертела. Маша подошла вторая и присвистнула звонко, протяжно, оглядывая подарок. Я в стороне предпочитала стоять.

— У тебя покровитель появился? — спросила Кристина. Серьезно, но смешинки расслышала в голосе. Девушка не из стеснительных, первая открыла коробочку и достала лист. Возможно, инструкция? Но нет, судя по содержанию, которое Гиена громко зачитала со смехом вперемишку и улыбкой во все лицо:

— Пользуйся, Бастард. Чтобы при первом прозвоне всегда брала трубку, — даже не подписался. Хотя, какой идиот с похожим самомнением будет разговаривать в подобном тоне?

— Вчера между вами что-то произошло? — Кристина радостно улыбалась, складывая листочек на кровать, а телефон наоборот доставая из коробочки. Беленький. Маленький. Бабская модель сразу видно. Я не очень разбираюсь в их продукции, но что иксовый не надо быть семи пядей во лбу. Интересно, если я воспользуюсь телефоном отец откажется от меня? Проклянет и сожжет?

— Что-то — это точно, — недовольно поведала, тем не менее подошла к телефону и взяла из рук Кристины. Повертела черный экран, оглядывая большую букву X на панели. Экран внезапно приобрел краски. Желтые, оранжевые, розовые всполохи линий завертелись.

— Ваше имя? — чуть телефон не выронила. Кристина вместе со мной одновременно подхватила. Это электронный голос. В самом деле, я что неуч какой-то? Что удивительного?

— Анна, — наклонилась к динамику телефона и четко выговорила.

— Добрый день, Анна, — вместо слов электронной девушки на экране волнистым почерком появилась надпись. И зачем спрашивается этот неадекватный дал мне телефон? Что ему еще от меня надо?

Он расквитался со мной? Или нет? Я больше не хочу его видеть, хочу забыть о нем. Спать не могу нормально. Всю ночь проворочалась после их шуток с афродизиаксом.

От одного воспоминания, как я стояла перед ним на коленях и просила прощения скулы сводило от желания вырвать ему связки. Какой у него противный, надменный, грубый голос, ни капли мелодичности, бас грудной. А выглядит как? Двухметровая шпала, качок недоделанный. Нет. Не скажу, что он перекаченный, но богатым наследникам нет необходимости бицепсы наращивать, за ними стеной ходят охранники.

Я его ненавижу. Впервые в жизни твердо уверена, что ненавижу и больше не позволю собой командовать. Надеюсь. Потому что он первый, кого я когда-либо боялась в жизни. Никогда у меня ноги не тряслись перед мужчиной. Собственно, и мужчиной я мало кого могла назвать. Шмонт!?

Эх... Ленька, Ленька. Соскучилась по тебе. Ты иногда такой забавный бывал, особенно когда исполнял мои желания.

Застряла я как-то ночью на машине за двести километров от города в темном лесу. Друг примчался в пять утра, при условии что у него съемки в восемь и ему надо быть красивым и выспавшимся.

Шмонт — это верные наши псы. Основные охранники, самые приближенные друзья много столетий подряд. Это одно из первых крупных семейств, образованных наряду с нами. Довольно часто наши семьи роднились. И я думала, что Шмонт также и на меня смотрел. Как на объект охраны — работодателя, госпожу, как бы это грубо не звучало. Но вел он себя также тупо.

«Аня, твоему папе не понравится, если ты сделаешь так...»

«Аня, там опасно! Я тебя не отпущу, даже если...»

«Аня, не стоит ходить с незнакомыми людьми!»

И так далее и тому подобное. Вел он себя, как робот, и бесил этим. Я его не замечала, хотя учились в одной школе. Он на год старше.

Помню, как в пятнадцать лет на школьной дискотеке одноклассники перебрали и решили зазнавшуюся меня проучить толпой мальчишек. После того дня я занялась активно физическими нагрузками и полюбила различные боевые искусства. Слишком не понравилось чувствовать себя слабой. В школе у меня не было охранника, зачем если на входе и выходе располагались блюститители закона.

На той вечеринке меня Шмонт и спас. Женские и мужские туалеты по соседству за стеной. Он услышал мои крики и помог.

Я была шокирована впервые в жизни, испугана, и не знала, как на спасение реагировать. Просто сбежала от Лёньки.

Потом стала его замечать в коридорах школы. Совесть требовала немедленного облегчения. Пришлось идти благодарить. С тех пор Шмонт и стал шаг за шагом подбираться к моей тушке.

А я не отталкивала, позволяла все больше места занимать в жизни. Сейчас думает, что я умерла. Мой труп нашел он.

***

Вечером в воскресенье — столпотворение в зале общезития, где находился единственный телевизор. С девочками шли в сторону комнат, обсуждали новую неделю. Молились прожить без проблем, когда в глаза попал кадр. Телевидение трезвонило о новости. Полным ходом началось строительство развлекательного острова «W и X». Да, слышала, но разговоры давно были, а действия нет. До сих пор.

Только это заставило остановиться. Пока соседки продолжили дорогу я замерла рядом с кучей парней, жадно впитывая черты лица отца и Кирилла. Они с главой Хаски на видео обходили территорию будущего строительства объекта. Ветер развевал одежду и хлестал по телу. В обществе репортеров и охранников мужчины о чем-то переговаривались. Вполне дружелюбно.

— Ань, подваливай! — услышала не очень галантное предложение от Захара. Кресло возле балкона было занято им и двумя одноклассниками, в которых определила спасателей. Те, что раненую меня тащили через весь университет.

— Присаживайся, — Захар приподнялся, видимо, желал проявить галантность, но я быстро вытащила руки из карманов.

— Не надо! А то я себя леди начинаю чувствовать, — дала понять, что это претит моему внутреннему я. Уселась на подлокотник рядом с парнем, а двое спасателей внизу валялись на ковре. Не помнила, как их звали, но клички приклеились еще в университете.

Колдун — крупный парень, массивный для Бастарда. Вечно сидел на последней парте, локтями упирался в стол и задумчиво разглядывал доску. Вдумчивый, серьезный, редко говорил и появлялся на глазах.

Беатриче — «красавчег», обаяшка и полный перечень баловня судьбы. Уверенный и главное улыбочивый, как я. Много вставлял ехидных фразочек во время лекции. А прозвище я ему такое дала по причине сильной схожести с бегуном-спортсменом.

Отвлеклась на сменившиеся кадры. Женщина по телевизору жадно с блеском в глазах рассказывала про наследника Хаски, его краткую биографию. А дальше узнала факт, который из головы совсем вылетел. Он помолвлен с Кристиной Мерси — дочь председателя объединенной Немии Френа Мерси. Ни мой отец, ни Хаски не стали претендовать на пост, естественно, противоборствующая сторона не позволила бы этому случиться. Поэтому оба, впервые договорившись, проголосовали за того, кто был удобнее всего. Человек без связей, мягкий, податливый и слушающий приказы больших семерок.

— Ананина! — резко вынырнула из границ памяти и подскочила позорно с кресла. Настолько выбыла из происходящего, что не заметила появления новых лиц в пределах зала. Бастарды замолкли при появлении людей Хаски.

— Тебя нынче ждут в прекрасном месте! — Глиста насмешливо поклонился в реверансе, потом выпрямился во весь рост, скептически осмотрел. — Только переоденься!

— Не во что, — чуть смущенно ответила.

— Тогда пошевеливайся. Время не резиновое! — Глен всегда недоволен. Под конвоем препроводили на общественную парковку университета.

В поздний час было темно. Здесь в низине Арзонта — солнце садилось около шести вечера. Становилось немного прохладно для Бастардов, для Аристократов же это было необходимым спасением от жаркого климата города.

В своем неизменном наряде. Стипендии не хватало. Только на еду. Можно конечно попробовать на работу устроиться, но главное кем без диплома образовательного учреждения? В стриптиз не хочу.

Два нефаера. Гроб на колесах, как я их называю. Семиместные. Автомобили располагались один за одним. Оба темные и загораживали желающим возможность покинуть парковку, но господам Аристократа было начихать. Они громко разглагольствовали, наполняя улицу громким смехом и визгом девушек.

Большая толпа, некоторых Аристократов узнала, но много и новых. Взгляды направились в мою сторону. Смех. Не поняла, с чем связан.

— Ананина, — расслышала его голос в темноте и только потом заценила вид Хаски. Крупный дядя. Я без каблуков, как собачка рядом с ним. — У тебя хоть что-нибудь другое надеть есть?

Обреченно покачал головой парень. Сжала челюсть, чтобы не проболтаться. Но щеки покраснели. Умел по больному месту ударить. Что поделать, если это маскировка и у меня всего лишь два вида одежды. И денег нет. Вот тебя бы запихнули в шкуру Бастарда, наследничек, я бы посмеялась!

— Ладно, залазайте, — раскрыл Хаски дверь одного из нефаера заднюю. Там пять мест. Ногой подцепил трубочку и снизу разложилась складная лесенка железная. Без лестницы вряд ли бы госпожа Имина и Олеся залезли на каблуках в машину. Клиренс у машины сантиметров сорок, если мне глазомер не изменял. А передние места еще выше задраны.

Стояла поотдали, смотрела пока девицы лезли, скромно прикрывая пятые точки тканью платьев. А потом залез Трески и Пудель с Виталиком. Так, стоп. А мне куда?

Дверь сзади закрыл Пудель, и тут же передняя открылась по мановению руки Дмитрия Сергеевича. Он давно располагался на водительском сидении.

— Лезь, — командир подал голос из машины. Я вздохнула тяжело и стала обдумывать, как залезть. В очередной раз решили повеселиться за мой счет. Нога не достала бы до порожка, если только в колесо правой ногой опереться и рукой за дверь.

— Шустрее, Ананина, время поджигает! — поторопили меня. Почти взлетела внутрь, даже не шлепнулась, не стукнулась, горда собой. Проверятьшики! Довольно закрыла дверь, не слыша смешков или ехидных замечаний.

Уставилась в боковое окно, стараясь ни на кого не смотреть, только вот боковое зрение крупно подводило.

Я видела, ощущала, осознавала, чувствовала и слышала шебуршание рук, ног и одежды Хаски. Правая рука лежала на руле, на мизинце небольшое колечко с голубым сапфиром — их родовой камень. Эти — кольца принадлежность к роду, к основной ветке, в них заложена энергетическая взаимосвязь охранника и объекта. Снимается кольцо, снимается защита. Мое кольцо снял отец тогда в машине, тем самым освобождая нас с Кириллом от связи. Мою боль и страх охранник больше не ощущал.

Слишком долго смотрела на руку вальяжно выкручивающую руль, на татуировки, которые испещряли кожу. Он же ненавидит все эти вещи? Татуировки, дырки в теле, цветастые прически. Так почему у самого под темной кожанной курткой рассмотрела зигзаг смоляной?

— Ананина, только не пожирай взглядом, — как будто подзатыльник отвесили, до того стыдно стало. А Хаски решил осквернить помещение своими ямочками на щеках. Запоздало отвернулась к окну. Надо отвлечься на поездку, давно не каталась на машине.

И я честно наслаждалась медленным перемещением по гравию, ощущению холодка по лицу, лезущим в лицо волосам. Не слушала голоса сзади. А потом выехали на трассу.

Наследник разогнался, судя по машинам которые мы, как стоячих обгоняли, и деревьям,

мельтешишь непрерывно в окне. Стекло пришлось поднять, а то дышать становилось трудно, когда поток воздуха бил в лицо.

— Дим, мне не нравится, когда ты летишь, давай помедленнее, — жалобный голос Имины раздался сзади.

— Нормально. Сто семьдесят не предел, дорога почти свободная. Правильно, Ананина? — рука Трески опустилась сбоку на мое кресло.

— Ну правда, хватит, — заскулила в голос Олеся.

— Ананина, а ты должно быть никогда на машине не ездила? — ехидный голос Трески на ухо стал раздражать, как каблук внезапно оторвавшийся посередине путешествия. И теперь я, повернув голову к этому «каблуку» размышляла выбросить его в окно или промолчать и попытаться доковылять. Выбрала второй вариант. Боюсь меня отправят вслед, если попытаюсь его руку наглухо отправить в лобовое стекло вместе с хозяином.

— Ой-ой. Ты прав, — с сарказмом сказала. — Смотри, а то вырвет и салон испачкаю.

— Не смей блевать у меня в салоне! — резкий окрик оглушил. Визг тормозов также прорезал слух, а сила движения едва лбом не впечатала в панель, хорошо пристегнулась.

— Поаккуратнее никак? — попенял Трески сзади.

— Никак, — грозно ответил Хаски, снизив значение скорости не знаю насколько, но ощутимо по замедлившимся деревьям через окно.

— А ты, — я сразу поняла, что речь обо мне. Повернулась, на меня показывали пальцем. Некультурно. — Терпи, или я заставлю потом слизать все!

От такой угрозы я передернула плечами и скривила губы, представив в мыслях эту картину. Неприятное зрелище.

— Остановить машину? — Мой тупой юмор еще никто не научился понимать. Пришлось разъяснять.

— Я пошутила. Меня не тошнит, — Хаски медленно повернулся на меня. Ему по идее на дорогу надо смотреть, а он на меня по-прежнему. Так и хотелось выкрикнуть: «смотри на дорогу». Но окрик Пуделя вернул его внимание и тот спохватился.

— Ты идиотка, Ананина, а если бы я головой стекло пробил!? — взвизгнул и этот неандерталец. За плечо резко дернул, заставляя на себя смотреть. Бесило их превосходство.

— По-моему, все честно. Трески пошутил, я пошутила, — они очень удивились, как я фамильярно обозвала одного из представителей знатного семейства. — Квиты. Что-то не устраивает — высаживайте.

Молчание гробовое, словно его катком в асфальт закатали, и оно без сил и возможности двигаться успокоилось.

— Какая языкастая ты все-таки, — теперь более спокойный голос от водителя, но от этого не менее пугающе. — Сейчас проверим насколько ты смелая в других местах.

Оставшаяся дорога завершилась без эксцессов. Остановились на площади Вранели — в честь одного из военачальников. Во время последнего штурма Бастардами пятьсот лет назад здания администрации командир одного из батальонов лично закрыл себя в бункере с оравой противников, заблокировавшись и распылив вирус по замкнутому помещению. Он семь дней сидел взаперти без воды и еды и наблюдал, как один за другим гибнут Бастарды в предсмертных муках. А потом, когда последний умер из пленных, освободился худой и немощный, но живой. Вот его и считали героем войны Бастардов. Насколько известно, его потомков больше не существовало.

Молча восхищалась подсвечивающейся территорией, фонтаном большим с крокодилем,

разинувшим пасть, откуда брызгали струи воды. По улице горели ненавязчивые голубые огни. Молодежь ходила по тротуарам, небольшие компании. Пожалуй, наша была самая внушительная. Четырнадцать человек. Меня пихнули в спину, пока я рассматривала окружающее пространство. Обернулась. Трески, кто бы сомневался, что это был он.

— Иди быстрее, под ногами мешаешься, — сделал замечание. Какой он неприятный человек. Пошла за спиной темного с эрокезом. Он один из самых низких, не так плохо себя чувствовала рядом с ним. Вновь открытое огромное пространство с фонтанами: маленькими, большими и очень красиво подсвечивающимися разными оттенками.

Не дали насладиться пейзажем. Путь наш резко оборвался напротив белой крыши-пирамиды, сквозь нее был виден свет. Пирамида — невысокая метр примерно в высоту. Сбоку обнаружилась белая лестница. И что мы здесь забыли?

— Добрый день, — мужчина на входе высокий и подтянутый. Поклонился, головы так и не поднял. — Шоу пока не началось. Проходите, располагайтесь с комфортом!

На его речь мало обратили внимания. Я с любопытством оценила склоненного мужчину — Аристократа. Слишком грязная работа для человека, с вирусным барьером. Что настолько плохи дела с кредитами? Обычно такими вещами занимались наемные Бастарды.

Не заметила, как Хаски пропустил вперед Пуделя и Виталика, а сам стал идти в одну линию со мной. Я подозрительно покосилась на него и почти сразу отвернулась.

— Надеюсь, ты поняла, что это за место? — пообщался Дмитрий с моим плечом.

— Без понятия, — ответила, разглядывая обширный холл в красном цвете, мужчин в черных костюмах, как и при входе. Точно ад — все красное: потолок, стены и пол. Только черные, как демоны, обслуживающий персонал заведения.

Подошел очередной мужчина со стороны его величества Хаски и указал рукой на двери. Приоткрыл одну, потом вторую и направил ладонь вперед, при этом почтено поклонился, как раб.

— Это Амиак — один из пяти самых известных мест, где служат Бастарды. — Хаски, наконец, посмотрел на меня. — Догадываешься, зачем мы здесь?

Ехидно-надменная улыбка исковеркала лицо ненавистного Аристократа, вновь заставив задрожать от омерзения. Нет в нем ничего хорошего, доброго. Только гниль. Вчера я была под афродизиак, а сегодня с утра — остатки пьяного угара, вот и реагировала в не свойственной себе манере. Теперь была спокойна.

— Здесь покупают Бастардов в любом виде: как проституток, как служанок, как товар, — продолжил он.

Зал был полностью темный, лампы в виде приплюснутых кругов горели над головой, отдавая синевой. Столики располагались рядом друг с другом. Было жарко, душно, плохо проветривалось. Пахло немывтыми телами и алкоголем. Злчное место. Поморщилась от запаха.

— Здесь покупают и мужчин. Любой Бастард, появившийся в Амиаке, теряет свободу без своего ведома, — продолжал объяснять Хаски.

Наша многочисленная компания заняла места на темно-бордовом диване рядом со столиком. Хаски опустился в кресло рядом- перпендикулярно мне. Официанты выдали меню.

А я тем временем разглядывала огромную лестницу, ведущую вниз к арене — единственному светлому пятну на весь зал. Именно ринг и освещал зал.

— Ставки будем делать? — Пудель загорелся энтузиазмом, ладони, потер друг об друга.

Он — садист. Улыбка четко нарисовалась на его лице, едва не до ушей растянулась. Интересно, все-таки какая у него фамилия? Учитывая, что я знакома теперь с Хаски и Трески, кто здесь еще из верхов Страдовцев?

Пудель раскрыл одно из предложенных меню, на его вопрос по поводу ставок не ответили.

— Какие девочки! Трески, не желаешь прикупить сексуальную рабыню? — Александр располагался справа от меня на диване. Открытое меню передал Максу через стол. — Мне нравится темненькая с буферами. Аппетитная!

Трески взял меню с важным видом и внимательно рассмотрел:

— Пожалуй, ничего. Только меня пока Зарина развлекает. Покупать никого не собираюсь, — я намотала на ус информацию. Бедная Заринка. Он на нее конкретно насел. Из раздумий вывел тычок под ребра.

— Глянь, какие дамочки, — Пудель подал меню, которое оказалось не списком блюд, а фотографиями и указанием цен на девушек-Бастардов. Разных возрастов и весовых категорий и совсем юные, видимо, умиравшие от болезни. — Хочешь там же побывать? — мерзкая улыбочка. Шутник.

— Побывает, если не перестанет злить, — отвлеклась на голос Хаски, но опять смолчала. Гордости дали смачный пинок под столом и велели сидеть, не высовываться, пока не вернусь в шкуру Вильмонт. До тех пор, я скромный Бастард — Ананина.

Поэтому предпочитала не смотреть на Аристократов, разглядывала сцену. Сквозь полумрак попадались на глаза девушки в коротких белых обтягивающих платьях, заканчивающихся точно под попой. Девушки улыбались и вели себя раскованно. Набивали цену.

Зачем сюда притащил Хаски? Искоса поглядывала на его профиль. Почему он привязался ко мне? Ну подумаешь, отказала. Такое впервые в жизни произошло? Ну даже если так, словно маленький мальчик. Он — великий и могучий наследник семейства Хаски. А я — мелкий Бастард. Толку от меня?

Очень надеюсь, что он не собирается меня продавать. Я — человек и у меня законные права. Здесь не останусь.

Обнаружила за ним привычку — вечно морщить лоб. Быстрее состарится. А губы какие? Засмеялась про себя. Как у бабы. Губы бантиком пухлые — пухлые. А когда он так сидел боком ко мне, плотно сжав челюсть, получался ротик, как у уточки. Надул губы. О всевышние силы! О чем я думала? Меня собирались продать в рабство, а я насмеялась над человеком, от которого зависела моя дальнейшая судьба.

— Насмотрелась? — резко повернулось его величество утка на меня, так что я не успела стереть все признаки ухмылок, смеха и сделать полностью равнодушное лицо. Ответить не успела. Нас оборвали.

— Дмитрий! Не ожидал тебя увидеть! — мужчина, раскинув руки в приветственном жесте, продвигался сквозь столы и людей.

Я таких называла обезьянами, как Шмонт. Усы и бородку чуть отпустил. Только если Ленке шла такая внешность, то этому парню волосатость прибавляла возраста. Брови густые. Можно спутать с Бастардом. Но кожа чистая, светлая, почти белоснежная, а следовательно принадлежность к Аристократам. Даже у Хаски цвет тела чуть желтоватее, но, безусловно, уступал моему оттенку.

Сосед приподнялся и пожал руку вполне дружелюбно, натянул улыбку на лицо. Но я

поняла, что этот человек ему не пришелся по душе. Как раскусила? Не знаю, но почувствовала по напряженной позе. Застывшим рукам в карманах. Хаски о чем-то активно соображал, пока шел обмен любезностями и рукопожатие между большим количеством народа.

— Я смотрю у тебя подарочек? Для меня что ли? — и этот человек, улыбаясь, повернулся ко мне. И каждый за ним. Что за обмен любезностями? И я тут причем?

— Вы, госпожа Бастард, решили примкнуть к нашим рядам? На каком поприще? Удовольствие, уборка или бои? — по-прежнему улыбался, а мне как реагировать? Я и молчала, за неимением ответа.

— Слав, это мое развлечение, — пресек поток вопросов Пудель одной фразой. — Я пришел ей показать место, где окажется в случае не повиновения.

Мужчина обернулся к Саньку и задумчиво замолчал, почесывая подбородок. Да сотри его, к Бастардам! Мне заведомо не нравится этот персонаж волосатый.

— Серьезно? — спросил он более спокойно. Его веселье растворилось в зловонии зала. Я чуть успокоилась, перестала сжимать колени пальцами.

— Когда начнешь шоу? — после неловкого молчания продолжил Пудель.

— Через пару минут, Александр, не торопи. Сегодня обещаю треш, — торжественно произнес, при этом не отрывал от меня взгляда. И все-таки я вновь чуть напрягла пальцы на коленях. Не к добру.

— Удаляюсь, господа, развлекайтесь, — и насмешливо поклонился, как и люди в черном — обслуживающий персонал. Мы молча проследили за его уходом.

— Что он здесь забыл? — неожиданно спросил Хаски. И мне интересно? Только ответа не получила на заданный вопрос.

Началось шоу. Ведущий говорил громко. Я так поняла, там проходило что-то вроде торгов. Хозяева Бастардов продавали и покупали новых. Как половые тряпки использовали, а теперь избавлялись. Тошно.

Шум стоял сильный. Духота давила и начинала болеть голова. А когда мною завладевала мигрень, я становилась злой и не управляемой. Кожа, как теплая тюрьма сковала, и я старалась не шевелиться лишней раз. И как они так легко переносят эту жару? Да, знаю, у них теплообмен лучше, но не настолько же? Или настолько?

Подыхала, голова кружиться начинала.

— Ананина, не ходи никуда, — рука Хаски схватила мое запястье, когда хотела пройти в туалет.

Это первый раз, когда он прикоснулся ко мне. Немного выбило воздух из легких, словно по спине ударили огромной тяжелой ладонью. Постаралась вытащить руку, чтобы прекратить непрекращающееся выбивание из груди.

Ниодного шага лишнего нельзя сделать? Он пришел показать, что я тоже средство для уборки, не больше?

— Мне плохо. Или хочешь чтобы меня здесь вырвало? — ни капли не скрывала своего состояния. Злости, отпечатавшейся в нахмуренным бровях. Плотной сжатой челюсти, через которую звуки доносились с едва заметными шипением.

— Проводим, — никак не ожидала услышать это от Имины.

Хаски отпустил мою руку, но лоб не перестал хмурить.

В туалете оказался рай — холодный рай, благодаря сильным порывам воздуха из кондиционера. Очень долго стояла, прислоняя воду к щекам. Лоб зверски пульсировал,

словно там сидел лев и пытался вырваться из клетки. Имина и Олеся рядом. Спустя некоторое время девушки стали поторапливать.

Обреченно вышла в душное помещение. Гул голосов непрекращающийся и опять виски сжали прочной нитью. Не успела выйти, как за руки словили два амбала крупной Бастардовской наружности.

— Стойте! — не ожидала, что увижу растерянное выражение на лице Имины. — Она наша.

— Предъявите документы, сами знаете где, — отчеканил мужчина и меня повели за руки, как особо опасную.

— И куда вы меня тащите? — попыталась вырваться, но по-моему проще скалу сдвинуть. Синяки ведь будут.

— На ринг, — ответили и сквозь толпу неизвестные лица насильно тащили. Хаски твоих рук дело? Пугаешь? Учишь правилам поведения в обществе?

***

— Дим, Дим, — заверещали на перебой Имина и Олеся. — Они ее забрали! Мы пытались остановить, документы затребовал.

— Вот гнеденыш, — сделал комплимент Пудель. — Так и знал что-нибудь похожее вытворит. Все знают, как ты презираешь Бастардов. А тут в обществе одного, — я сидел спокойно, сложив руки локтями на столе перед собой.

— Не повезло. Зато научится манерам, — ответил на всплеск криков над ухом.

— Ты представляешь, что он может с ней сделать? — Виталик, как и обычно, постарался принести капельку доброты. Бесполезно.

— Виталик, успокойся, ничего не сделает, — с тяжелым вздохом ответил. — Продаст за энную сумму и посмеется, как мы отвалим за неказистого Бастарда кредиты.

— Э! Нет! Я пас! — поднял руки вверх Трески. — Мне Ананина не нравится. Пусть ее кто-нибудь купит и из нашего института турнет.

— Все-таки это мы притащили ее, — заметила Имина. На нее посмотрели все без исключения мужские взгляды вопросительно и удивленно. Как будто увидели нового человека. — Дим, ты не оставишь ее здесь?

Несколько секунд смотрел на девушку, в ней проснулось сочувствие к Бастарду? Оторвался от симпатичной блондинки, когда расслышал внизу на ринге шум. Кого-то вывели. Точно Ананина.

В своей позорной неизменной одежде. Ее не воротило от собственного вида в зеркале? Выглядела отвратительно, иной раз смотреть страшно. Но порой она чем-то забавляла, давала стимул не сдохнуть со скуки, даже от работы отвлекала. Наивная девочка, видимо, жизнь не успела носом потыкать в пол, ну тогда он постарается сделать это вместо жизни.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Закурил. Засунул руки в карман джинсов, достал портмане с кучей документов. Бастард, посмевающийся сказать слово поперек, пожалуй, стоил тысячи кредитов.

— Лот номер шесть, — ведущий поднял руку, представляя Ананину. Амбалы — Бастарды отпустили экспонат продажи, а она, не зная куда деть ладони спрятала в карманы. Часто так делала.

— Как вас зовут? — на ухо она ему ответила. — Анна.

— Лет сколько? — опять получил ответ. — Восемнадцать.

— Ты хотела бы на каком поприще больше работать? Интимного характера или лучше

домоуправляющей? -

Усмехнулся отсюда увидев, что Ананина замолчала и не желала отвечать. А ведущий склонился в ожидании ответа. Сколько неумной гордости и ведь не ломалась никак? Даже извинения не прогнули. Она все также непреклонно смотрела. Не желала прогибаться под ним. Это необычно и немного задевало чувство собственного достоинства. Но не критично.

— Девушка, сказала что не хочет быть проданной. Предпочитает сама за себя отвечать! — насмешливо сказал ведущий. — Вы знаете, Бастард, попавший в зону Амиака больше себе не принадлежит. Я прав!?

Толпа проскандировала громко «да».

— Хочешь свободы? — ведущий наклонил микрофон к губам Ананиной. Та ответила почти бесстрастно «да». — Тогда отстаивай свою свободу!

Пепел с сигареты попал на руку. Обжегшись, выронил папиросу на скатерть. Вовремя подхватил, не устроив пожар. Внимание на ринг. Шутки в сторону. Она идиотка? Всему должен быть предел и ее самонадеянности тоже.

Ананиной пока ведущий объяснял правила боя. Она кивала, что-то спрашивала. В ушах загремели басы музыки. Срочно, что делать в критической ситуации? И почему вдруг ситуация стала для него критичной? Ну побьют Ананину, потом выкупит, правда немного побитую.

На ринг вышел соперник. Женщина. И на этом хорошо, что женщина. Правда какая. Бастард — тяжелоатлет, выше на голову Ананиной, шея, как ее три, ноги мускулистые. Без шансов.

— Это будет избиением младенцев, — подвел итог громко Санек. — У Ананиной мозги в каком месте?

К всеобщему удивлению вмешался Макс:

— Ладно, так уж и быть. Я готов потратить на нее кредиты. Но потом она мне все до копейки отработает, — Трески достал деньги из кармана и подкинул на стол. Процедуру повторили многие.

Виталик быстро собрав купюры побежал вниз по лестнице.

Ананина тем временем в другом углу ринга, как в лучших боевиках готовилась к бою. Она на самом деле собралась драться? Девушка собралась драться? Пускай, она выглядит не очень женственно но все-таки, кулаками махать и ногами? Представить сейчас Имину, в юбке бьющей хуком справа? Смех, да и только.

Ананина сняла куртку и накинула на цепочку ринга, разделяющую место драки и беснующуюся толпу за ней. На весь зал загорелись три экрана, показывая Аню крупным планом. Завязала длинные волосы в пучок. Сняла цепь со штанов, кольца с рук и подобные железяки. Попросила эластичные бинты, завязала запястья. Похоже она не впервой дерется профессионально. Мелькнула идиотская мысль может она выиграет, видя ее свирепый уверенный взгляд? Не... Это не реально. Ни за что не поверит.

Прозвенел гонг. Лицо Ананиной крупным планом с татухой на глазу. Лицо у нее утонченное. Нет ничего лишнего, уродующего. Если вот отрезать ей голову от тела, как сейчас на экране — то симпатичная девушка, в смысле, Бастард. И конечно, если татуировку убрать и черные глаза стереть.

А дальше я ждал, когда же Виталик доберется до ринга и выкупит смертницу? Но время шло, а бой начался. Резкий удар и Ананина словила поцелуй от кулака по ребрам.

Виталик бежал через одну ступеньку вверх.

— Почему не выкупил? — первым озвучил мысль. На ринге Бастард замедленно осела на колени, прикрывая тело руками. Противница, найдя единственное не защищенное место, выдала очень точный удар ногой.

— Не принял. Сказала девушка отказывается. Если останется в живых — выкупите, — Хаски повернулся, чтобы углядеть, как Ананина словила очередной удар.

— Ауч, — прокомментировал Трески, зажмурив один глаз. — Должно быть не приятно с такого разворота. Она ей челюсть не свернула?

Ананина упертая, как и всегда, поднялась с колен. Губа рассечена, под глазом красный кровоподтек, но она довольно юрко двигалась. словно поймала за хвост второе дыхание, когда по лицу получила. Ия стал уже с интересом наблюдать за зрелищем, не только с чувством глубокого омерзения над избиением младенца, но и с любопытством, оценивая. Противница была большая и не такая поворотливая, а Ананина успевала подлезть и под рукой, и под ногой, но энергии тратила заметно больше.

Бегала быстро, но в какой-то момент не сработало — не успела уйти с линии удара. Ее взяли за шкуру и положили затылком об пол. Трески с Польски встали во весь рост, комментировали бой. Они — любители драк. В зале звучали комментарии и предложения ставок. Ананина потерялась в пространстве. Лежала с закрытыми глазами, терла веки пальцами, а сбоку летел кулак в направлении лица.

От носа останется вмятина. Аня зажмурилась подняла руку правую, словно защищаясь, и ее тело поглотили голубоватые пузырьки света. Чуть правее появилась она странным свечением возле противницы. Но не предпринимала никаких атак, только глубоко дышала.

Капельки пота проступили на ее лбу, шею, черные тени расплылись не только на глазах, но и на щеках. Кровь изо рта текла маленькой струйкой. Заметны алые разводы на губах, как вишневый сок. Страшное зрелище, но отчего-то волнительное. Необычный Бастард.

Он никогда не видел, девушку в крови стоящую против соперника, заведомо сильнее и опаснее. Ниразу не дрогнула, не заплакала, не взмолилась о прощении. Чтобы он не делал, как бы не унижал, она стояла ровно и смотрела в глаза. Открыто, с ненавистью, но не сдавалась. Не унижалась, покорно не лебезила, как остальные перед ним.

Никто и никогда так на него не смотрел. Диковинный вид создания меньше и слабее его, сидевший в клетке, но сквозь прутья железной тюрьмы постоянно шипел, пытался вырваться и цапнуть хоть за палец. Невиданный зверек Ананина.

Кажется, она будет до последнего биться. Свист ведущего раздался на ринге.

— Запрещенный прием, — заорал ведущий в динамик. Аня что-то сказала, пожалала плечами. И бой продолжили дальше.

Ананина стерла кровь с губ, встала. Вновь защитилась от трех атак соперницы, а потом удар в солнечное сплетение и с локтя по позвоночнику. Тряпичной куклой Ананина упала на ринг. Лицом вниз. Не шевелилась, как мертвая без движения. Дернулась вновь, голову подняла. Руку подставила, ее тело дрожало от усилий. Вены на лбу и шее отчетливо виднелись, но Бастард поднимался.

Что его заставило резко встать с кресла, буквально подкинуло вверх?

Ее улыбка, которой она наградила противницу, или их — весь зал, ликующий при виде окровавленного лица и трясущихся ног?

Или может заставило подскочить то, как следующий удар Аня не смогла чисто физически отклонить и приняла прямо в лицо? Тело упало опять будто без движения.

А я уже не сидел на кресле, не ответил друзьям куда иду и зачем. Не шел по ступенькам,

рванул через ступеньку. На мониторах крупным планом соперница добивала лежащую девушку. В кого-то врезавшись не обратил внимания, а бежал в сторону ринга.

— Какие люди! — Слава стоял разговаривал с ведущим, отвлекся на меня. И такая дьявольская усмешка нарисовалась на его лице, довольная.

— Открывай! И врача тащи! — скомандовал, не глядя на самодовольство.

Пролезна ринг. Противница в миг остановилась, стерла пот со лба и отошла в сторону.

— Дамы и господа! Найден покупатель! — громогласно заявил ведущий. Толпа завизжала восторгом. А я присел на корточки возле Ананиной. Ткнул лежащее тело в бок. Ноль эмоций.

— Ананина, ты жива? — спросил и вновь повторил движение.

— Не тыкай. У меня бок болит, — прохрипело существо голосом, не похожим на ее обычный.

Усмехнулся. Поднял Бастарда на руки, постарался как можно аккуратнее, чтобы не повредить кости. Вроде не сказала ничего, когда приподнял. Глаза полуприкрыты. Кровь размазана по лицу, волосам и шее. И как она все это терпела?

Крупным планом показывали на экране его — Дмитрия Сергеевича Хаски, держащего на руках слабую, маленькую девушку-Бастарда, побитую и жалкую. Разговор будет тьма!

Глава 14. "После ринга"

Глава 14. "После ринга"

Плохо помню окончание боя. Взяли на руки и куда-то несли. Тело превратилось в один сплошной комок нервов.

Опять избили. Очень старалась в свое время стать сильнее, выносливее и в последнее время, как только дело касалось противного наследника Хаски терпела неудачи раз за разом. На мне проклятие? Сплошное поражение. И эти неудачи лились дождем, да с такой силы на грани града, чуть ли непревращая калеку.

В жизни было всегonesколько неудачных случаев.

Примерно год назад мне в машину вшили бомбу. Тогда отец позвонил и в срочном порядке приказал разгонять машину и врезаться в столб на трассе. Я в тот момент ехала на поступление в Военку на сдачу экзаменов. Пробные тесты проходили за год до начала обучения.

Дело в том, что в наших машинах — вешках, движок во время лобового столкновения вылетал не в салон, как во многих автомобилях, а вверх и назад по возможности, не причиняя пассажирам дополнительного урона. Бомба находилась на верхних слоях под капотом и при взлете движка он бы ее снес. Так и произошло. Отец впервые отдал приказ. Четко без лишних слов и отменил вызов.

Долго смотрела то на телефон, то на дорогу, как на диковинное создание, перезвонила отцу. Ответа не было. Если родитель что-то говорил, то всегда выполнял. Когда отец говорит замереть с мороженым в руке с открытым ртом стоит, пожалуй, выполнить. Любимая моя история. На кончике языка с тающей вкуснятиной на равне из меня вытаскивали малюсенькую бомбу. Прикольно? Вот и мне не было прикольно в детстве. Поэтому и в тот случай на дороге я послушалась приказа отца.

Напало ощущение полного доверия, безграничного, тихого и спокойного, которое прелестно укачало. И я выполнила приказ без лишних нервов. Нога не дрожала, давила на педаль газа, и руки не соскользнули с руля в момент поворота чуть правее. И съезжая на обочину, ладони не вспотели. А столб с линиями электропередач встретила в состоянии амебы — не слыша, не видя и не понимая. Делала так, как приказали.

Выкинуло меня и движок в разные стороны. Движок в овраге пшикнул, но не взорвался. Я слышала, лежа на обочине с процарапанными коленками и локтями. Сердце заработало после осознания на грани чего находилось. На грани финиша. Как меня угораздило вылететь из машины до сих пор не понимала, учитывая что всегда пристегивалась. Предположительно, это было первое перемещение в пространстве.

Вторая неудача. Спустя полгода после аварии на праздновании Нового года осталась в столице одна дома. Готовилась активно к экзаменам. По идеи никого не должно было быть. Но младшая сестренка Алиса пожалела меня, решила что я буду одна в Новый год и приехала справить вместе торжество. Ближе к полуночи заявился отец. Забыл документы, а они ему важнее жизни.

Тогда на нас и напали на двадцатом этаже небоскреба. Пуленепробиваемые окна одним взмахом кулака пробили. Алиса не боеспособна категорически, поэтому ее мы спрятали за диван и оттуда с отцом размышляли, что делать.

Вкратце, тогда нам помогла счастливая случайность — мое перемещение, неожиданное

для всех, в том числе и для меня. Пока я испуганно мерцала по периметру помещения не переставая, как вспышка туда — сюда, отец вызвал охрану.

Выбив стекла, нападающие лишили пространства ноль энергии, то есть поэтому перемещения сработали. Когда затрубила сирена в зале нападавшие выпрыгнули в окно — с двадцатого этажа. Раз и их нет. Это что за технологии полета или из них кто-то летать умел?

Мороз ворвался в нашу обитель. Прошлый Новый год был испорчен. В тот день отец открыл глаза, что похоже я полигеном — человек умеющий управлять не одной энергией, а двумя. И мне не следовало об этом никому говорить. Сказал держать в секрете ото всех, в том числе от Леньки. Интересно, почему именно от лучшего друга-любовника. Каждый раз забывала спросить.

Третьей неудачей был поход на встречу выпускников, когда напали ПБ-ники. Я магнит для неприятностей. Тогда отец приказал убежать. Правильно ли все делала до сих пор? Терпела издевательства Хаски? Это входило в программу минимума по доведению меня до состояния извержения? Я так устала.

Успела вспомнить обо всех своих неудачах и удачах, пока лежала на чем-то прохладном в машине. Наверное, в машине потому что плавно покачивало и убаюкивало, как грудного ребенка. Прохладой на ощупь оказались кожаные сидения. Когда прохлада касалась щеки, становилось легче. Скоро ли закончатся неудачи? И кому я насыпала соли на рану?

***

Наследующий вечер проснулась в полном астрале, в ином измерении. Голова звенела, как от взрыва бомбы над ухом. Звон, гудение, долбежка — все это ощущала в бедной головушке. Бок, спина ныли. Я, как старая пенсионерка, поднялась с кровати, постанывая и кряхтя.

— Ты жива? — Маша сидела на кровати, подобрав ноги к груди. На коленях держала блокнот с ручкой. Она любила писать стихи, давала пару раз почитать, но я не большой фанат. Рифму чувствовала, а остальное — пусто, безлико. Не настолько творческая натура, а что говорить про живопись — ее отрицаю полностью.

Из меня ценитель искусства такой же, как из Хаски — не знаю... дядя спасатель добродушный и всепрощающий. И опять о нем вспомнила. Поменьше надо вспоминать на ночь глядя. Бабушка всегда говорила не поминай демонов перед сном — хуже будет. Вот не слушалась в свое время.

— Не мертва во всяком случае, — пошутила тухловатенько, как и всегда, и пристроила свой зад, который похоже отбили. Взвыла, побитой псинкой, когда бедром уселась на синяк. Машка с усмешкой продолжила что-то строчить. Ей смешно, а мне не очень.

— А где Гиена? — предпочла встать. Стопы не болели.

— Они с Волчицей на коленях молят кураторшу дать нам открыть кружок камона. Тебя тоже хотели захватить с собой, но ты не жизнеспособна, — Машка пожевала колпачок ручки, почти не смотрела на меня, была поглощена писаниной. Напало на нее вдохновение.

— Вопрос... Почему я здесь... Помню, как меня в очередной раз прописочили, а дальше? Туман... туман, — рассматривала уже знакомую, почти приболевшую комнату, но вспомнить трудно. Темнота, пустота, полный мрак.

— В семь утра прибыли господы Аристократы «твои любимые» с тобой на руках, — мои любимые? Она свихнулась? Они омерзительны. Ненавижу их и их самомнение.

Наткнулась взглядом на тумбочку возле кровати. Что-то на ней слишком много тюбиков. Обычно стоял тональный крем для грима, и тушь с тенями. Приковыляла на одной

ноге, вторая отдавалась болью в бедре.

— А это список лекарств. Лечись. А мне велено написать смс черненькому с эрокезом на башке, — Мария взяла с тумбочки телефон и начала что-то писать. Даже у нее есть телефон, а у меня нет. Кроме, как агрегата, дарованного психом.

— Черненький продиктовал номер и сказал, чтобы я обязательно сообщила, когда ты проснешься и в каком состоянии. Что ответить?

— Виталик — один адекватный человек на всю стаю, — пробубнила недовольно, рассматривая тюбики. Увидела листочек и изучила. Мази, обезболивающие. Хоть совесть у них есть. Я свободна осталась? А если нет, давно бы оказывала услуги интимного характера или как там выразился ведущий — домоуправляющей.

— Что написать? — повторила соседка.

— Пиши. Что я голодная, злая и ненавижу весь мир. Так и передай, — отрезала строго.

— Так и написать? — удивленно вскинула она бровь.

— Пиши-пиши. Они поймут, что от меня, — первым делом надо идти в душ. Я так и решила. Отмыться от слоя грязи и пота. Я вчера не была в душе. Стоп. Руками пощупала грудь ладонями. Облегченно вздохнула, нащупав утягивающие бинты на месте. Пронесло.

Но врач вроде осматривал, и как не снимал бинты? Или одел обратно? Какой добрый дядя. Кстати, а кто меня тащил? Сама бы точно не дошла.

— Мащ, а меня кто конкретно тащил? — как бы невзначай спросила. Боялась услышать подтверждение мысли.

— Хаски, — ответила, как само собой разумеющееся? Я бы предпочла, чтобы меня тащил Пудель, а не он.

Значит наследничек тащил грязного, потного, в крови Бастарда? Бастард побери!

Чуть не взвыла. Почему я его величество не встретила, в красивом платье, на каблуках в роли госпожи Аристократки с телохранителем за спиной? Почему встретила дурацким Бастардом, которых он считал за надоедливых жучков, в ужасном виде? Кошмар. Едва не пришибла от злости кого-то за дверью пробегающего. Жизнь кувырком.

Через десять минут вернулась из ванной более спокойным человеком. Открыла дверь в комнату и что увидела? На кровати Маши расселись Гиена с Волчицей и с довольной моськой тройца поела пиццу. Настоящую большую пиццу. Сто лет не ела.

— Угощайся, милая, пусть тебя почаще бьют, — подняв пиццу, как бокал с напитком, Волчица отсалютовала. Я мысленно оскалилась в ответ и загрызла клыками.

Глава 15. "Высший бомонд"

Глава 15. "Высший бомонд"

Ресторан Балът находился на одной из самых высших точек Арзонта. На сороковом этаже отеля Балтай. С одной стороны серая стена здания, а по трем другим и сверху — стеклянные окна, открывающие потрясающий вид на огромный город. Один из двух самых богатых и огромных по численности и площади территории.

Элегантная современная обстановка ресторана позволяла принимать любое количество людей различного социального статуса. Паркет на полу. Округлые столы, диваны по кругу и кресла из белой кожи. Мягко и уютно. По низу порожков освещала диодная лента помещение. Свечи на небольших тумбах. А в центре помещения — округлая стойка, где орудовал бармен. Свечи, белый цвет. Полутемнота и романтика.

Тридцатого октября отмечали день рождения Френа Мерси, впервые в объединенной Немии. Зрелище обещало быть грандиозным. На празднование пришли более пятисот приглашенных. Репортеры не уходили практически от трех столов. Центральный — занимал именинник с семьей: женой, сыном и двумя дочерьми. По бокам более обширные столы во главе с нами и Вильмонт. Мерси — барьер между двумя семьями, стабилизатор.

— Как меня раздражают эти пирушки? Ты со скуки не подох еще? — Виталик наклонился к уху и прошептал. Я мало замечал окружающую обстановку, как правило, люди не волновали. Гораздо интереснее было на экране планшета — завтра ожидал полета на два дня к Баллийцам с целью заключения договора на покупку территории. Циферки складывались знатные.

— Дим! — ткнул под ребра брат. Захотелось оттянуть локоть и перекрыть дыхалку мешающему субъекту хоть на миг. Вечно скулит. — Поговори со мной. Скучно!

— Иди с Польски поговори — ему тоже скучно. А меня работа ждет, — опять опустил глаза в планшет.

— Ты черствый сухарь, — обиженно констатировал брат.

— А ты ленивый разгильдяй, — оторвался от телефона, чтобы донести информацию. Виталик фыркнул недовольно и отвернулся.

— Вот и поговорили, — в разговор вмешалась мама. Белая-белая, словно призрак, холодная, бледная кожа. Голубые прожилки вен бороздили тело родительницы. Уставшие, потухшие голубые глаза, некогда лучились мягкостью и теплом.

Теперь они безжизненны. Мать сидела через несколько стульев от отца.

— Мальчики, не ссорьтесь. А ты, Дим, Кристиночку позвал бы. Она должна привыкать с тобой сидеть за столом. Быть рядом.

Этой женщине не умел отказывать. Никак не удавалось. Отложил телефон на стол и привстал с дивана с определенной целью. Забрать с соседнего стола правую руку или кто она там? Половинка вторая — дочь Френа Мерси. Кристина. Идеальная копия матери, только младше.

Пока слышались поздравления, изредка — тосты, выкрики, смех. Официальное знакомство Хаски и Вильмонт произошло в начале вечера. Более двухсот лет семьи старались не пересекаться. Это было возможно, пока занимали территорию разных государств. Теперь же придется быть частыми гостями на всевозможных мероприятиях.

Каждый предвкушал встречу двух семейств и делали ставки, кто в кого и как сильно.

Это проклятие Хаски и Вильмонт. Две семьи, которые за всю историю не смогли ниразу породниться.

Две с половиной тысячи лет назад Немийцы были одним народом, разделенным рекой Гробницей, в тот момент широкой и полноводной. Некий Илья Хаски, расширяя сферы влияния своего небольшого на тот момент первого лесозаготовительного производства прибыл в страну Гнета по делам.

Переплыл Гробницу, но заплутал в Лесье, где на него напали разбойники. Украли деньги и одежду. Остался он холодный, голодный в стране, где царствовала зима. Шел несколько километров и к утру добрался до большого дома. Там впервые и увидел хрупкую молоденькую девушку с длинными темными волосами и со странным именем Милана. На вид ей было лет восемнадцать, родители уехали в другой город на закупки на зиму.

Несколько дней прожил Илья у доброй девушки, успел съездить на местную фабрику, узнать у друзей об особенностях природного материала на земле. Сделал надлежащие выводы и собирался ехать домой. Но вот проблема влюбился без памяти мужчина и предложил на эмоциях девушке поехать с ним. Она наотрез и только тогда рассказала, что помолвлена и скоро должен вернуться ее суженый. Разозленный и обиженный Илья покинул Милану.

Но так и не смог забыть. И спустя три месяца вернулся обратно и застал любимую девушку, спящую в объятиях другого мужчины. Насколько известно, обезумев от ревности, Илья убил супруга Миланы.

А спустя семь месяцев на свет появился Евгений Вильмонт — первый из рода Вильмонт, наделенный талантом управленца. И конечно, Страдовцы считали, что прежде чем навсегда покинуть любимую, Илья изнасиловал девушку. Вот его талант бизнесмена и унаследовал род Вильмонт. Но Гнетовцы категорически отрицали эту версию. Так и было всегда. У одной стороны-одна версия. У другой — другая.

Ненависть накрепко засела в генах Хаски. Семьи предпочитали не видеться, только главы семейства и то изредка. Слишком была велика неприязнь родов.

И это начало трагической любви. Я читал дома файл, закодированный полностью ото всех, кроме основной линии Хаски в системе. Погрыз интерес в раннем детстве. Лучше бы не читал. В общей сложности двадцать случаев, из них два — когда влюблялись мужчины Вильмонт в девушек Хаски. Один случай не поддавался нормальному объяснению. Но, как не странно, это единственная пара, которая смогла быть счастливой вместе. Двое наследников плевать хотели на общественное мнение и значительно сблизили торговые отношения между семьями.

Остальные семнадцать случаев безответная любовь со стороны Хаски. Так уж повелось, что в роду Вильмонт в основном рождались девушки, но, естественно, одного наследника до победного рожали. А у Хаски наоборот одни мужчины. Тем более в прошлые времена проблем с зачатием никогда не было. Женщины быливполне приспособлены к деторождению, и рожали по десять и более детей.

Это позор Хаски, так увиваться из-за женщин. На какие только подвиги не шли? Выкрадывали невест у алтаря и угрозы, шантаж, подкуп. А Вильмонт хвостом крутили, но замуж не шли. У них в природе заложена распущенность.

Из рода Вильмонт женщины, где находили применение? Правильно, на камерах. Актрисы, певицы, ведущие. Любили сверкать на экранах и мозолить глаза.

Хаски не любили упоминания о их слабости к Вильмонт. А те предпочитали не

распространяться на эту тему, хоть за это им спасибо.

Когда я учился на первом курсе с удивлением узнал, что Вильмонт отпустил старшую дочь на территорию Страдовцев. Более того, в Арзонт. В Вышку. Двести лет семьи не пересекались. Александра Вильмонт училась на третьем курсе. Вела себя соответствующе профессии модель с ногами от ушей, блондинка в его вкусе. Наверное, хотел доказать, что большой любви к Вильмонт не существовало. Все это бред.

Начал оказывать девушке знаки внимания. Александра отказалась. И он перестал. Ну не захотела и не захотела. Думать о ней перестал, общался исключительно по вопросам семейным. Но спустя какое-то время она сама сделала шаг навстречу. А потом две недели отдыха на каникулах на яхте. Куча молодежи — высший бомонд. Выпивка. И море секса.

Ну, я был доволен и удовлетворен. Потешил самолюбие. Когда вернулись, дома ждала неизменная женщина, которая всегда находилась на расстоянии вытянутой руки стоило свистнуть. И в тот раз Кристина Мерси пригодилась, как нельзя лучше. Ясно дал понять Саше, что секс закончен.

Бросил один короткий взгляд в сторону вспомнившейся особы. Александра вышла замуж пол года назад за местного банкира, работала моделью и вполне успешно, судя по ее разворотам в журналах и на подиумах. Давно они не виделись.

Еще одна дочь Вильмонтмладшая — рыжая. Шикарные волосы для Аристократки, но она такая худенькая, хлипкая, кажется ветер подует и улетит. Юная, невинная. Нет. На таких не смотрел. Полная противоположность Ананиной. Та крупнее в плане фигуры и характернее, и взбалмошнее. Не Аристократка одним словом.

Включили музыку, чтобы развеять скуку. Едва прозвучали первые аккорды, как телефон у отца зазвонил. На мероприятиях, подобного масштаба, он обычно не брал трубку, только если не звонок от начальника КМД-ников.

— Да, — что удивительно точно такой же громкий ответ спустя секунду прозвучал через столик от Сергея Вильмонт. Главы семейств обернулись друг к другу. А затем слушали, что им сообщат в трубку.

— Пойдем, Дим, — коротко кивнул на выход отец. Такая ситуация и за другим столиком. Перед уходом не забыли пожелать имениннику хорошего отдыха.

И вновь работа. В лифте встретились вчетвером, молча оценили друг друга. Павел — наследник Вильмонт, по слухам жуткий повеса и очень добродушный парень, как будет вести дела?

На мгновение владелицей окружающего пространства стала тишина, накрыв вуалью расправленные плечи и гордо поднятые головы. Когда сели в черный внедорожник разговор, наконец, состоялся. В полной тишине и почти при полном отсутствии света.

— Неизвестные обстреляли склад со стройматериалом на острове. Нападавшие прилетели с неба, — фраза принадлежала Сергею Вильмонт. — Одного удалось подбить. Остальные пятеро улетели. Сейчас будем исследовать, каким способом им удастся летать. Природная энергия это или нет?

Разговаривать было не о чем. Они не закадычные друзья, всего лишь партнеры. Слова оставили на позднее время.

Въехали на территорию острова примерно через час. Все представлялось пока что землей, перевернутой скошенной. Грунт взрыхлили везде, только небольшой участок на юге, оставили с редкими видами животных и растений. По остальной части острова было сложно передвигаться. При входе встречали выстроенные в ряд военные охранники. В небольшой

сторожке из бревен, выдали спецкостюм и обувь, иначе бы они потонули в земле. Смешные костюмы, серые мешковатые резиновые.

Начальники охраны рассказывали одно и тоже в два голоса.

— Может кто-нибудь один рассказывать? — внезапно поднял руки Сергей Михайлович Хаски, заставляя обоих замолчать. Один из охранников начал рассказ:

— Час назад неизвестные скинули взрывчатку на склад, сработали четыре детанатора. Два не долетели до цели.

Мужчины показали место, где образовалась воронка от взрывной волны, довольно крупная. Два взорвались. Один сработал на крыше, другой возле входа в помещение. Здание рухнуло, но железный каркас выстоял, почти не повредив стройматериалы обломками. Небольшую партию придется все-таки заменить.

Полным ходом здание освобождали от обломков рабочие посреди ночи.

— А где наемник? — самая важная деталь? ради которой они приехали. Их вновь повели в гору. Ближе к лесной полоске, дорога становилась извилистее и труднее. Посреди тропинки охранники остановились. Небольшие кусты сбоку дороги, там и было тело.

Фонариком посветили в направлении зелени. Диаметр обхваченного светом пространства был слишком мал и не улавливалась четко картинка.

Я приподнял руку, сжав пальцы будто удерживал небольшой предмет. В ладони загорелся шар, яркий оранжево-красный, вспыхнувший посреди темноты. Встряхнул руку, освобождаясь от энергии. Круглый огонь полетел вглубь кустов в направлении тела. Там ярко запыхнул, издавая легкое потрескивание. Охранники спрятали фонарики за спину и отошли подальше от жара.

— Они смертники, — пояснил КМД-ник. — Сработал денатор на теле, едва упал на землю.

Тело с трудом напоминало такое. Осталась лишь обугленная плоть.

— Судя по росту — Баллиец, — первым встрял в разговор я, пока остальные сделали похожие выводы. Присел на колени, разглядывая тело ближе всех, ведь огонь никогда не причинял боли. Мог потрогать его.

Поставил руку на землю, чтобы получше разглядеть прибор на спине и спереди у наемника, явно сломанный. Огонек лизал мое плечо, не причиняя никаких неудобств. — Разработка Балийцев... одна из последних... без огромных мешающих крыльев. — опять я говорил тихо, только для шестерых людей.

Внезапно подал впервые голос Павлик. На него я обернулся:

— Я год назад с Анькой ездил на море к Баллийцам. Ну ты помнишь. Я там и испробовал этот летательный аппарат, Аня так и не решилась... дорогая штука. И жутко управляемая, — а затем долгое молчание. Мужчины пытались сделать вывод из услышанного, но тщетно, вывода не сформировалось. Тактично разговор возобновили.

— Владелиц корпорации по созданию крыльев, если мне память не изменяет, Барс, — дополнил мой отец. — Тридцать лет, как вводят в обиход летательную продукцию и вещи, необходимые для полетов.

— Но пользоваться их продукцией может, кто угодно, — встал я и медленно отодвинулся назад, давая остальным рассмотреть труп.

— Поправочка. У кого завалился лишний миллион, — усмехнулся Павлик. — Точнее шесть миллионов.

— А это порядка пятисот тысяч жителей Немии, — в ответ усмехнулся уже я более

злостно. Раздражало игривое отношение к работе.

Баллийцами смертники быть не могли. Любое пересечение двух сторон тщательно отслеживалось радарам и энергетическими куполами. Тревог за последние сутки не было. Значит, смертники из Немии.

— У кого-то из наших связь с Баллийцами. Но почему и зачем? — вновь остудил назревающую драку отец. Сергей Вильмонт решил ответить:

— У меня человек у Баллийцев. Пока о нем никаких вестей, но труп тоже не отдали. Следовательно, делом он занимается. Проверенный человек. Я по возможности попробую связаться с ним. А пока... — мы молча оглядели труп некогда солдата. — В океан выбрасывайте, где-нибудь подальше от берегов. В прессу запускаем: «неизвестные обстреляли склад, следов проникновения не обнаружено». Шумиху не раздувать. Они не должны узнать, что под Баллийцев копаем, тогда засядут на дно.

— А вы, увеличивайте защиту, — последнее слово вставил старший Вильмонт, глядя на двухопытных бойцов КМД-ка и КМЗ-ка.

И под молчание мужчины испарились, исчезли, как будто никого здесь и не было.

Глава 16 "Перемирие"

Глава 16 "Перемирие"

Заживали раны неделю, которую провела спокойно. Интерес со стороны Аристократов к Бастардам уменьшился, не так часто цеплялись. Некоторых девушек приватизировали, как потенциальных наложниц для султанов, вот их и доставали. А остальным доставалось что-то сделать, где-то помыть, где-то убрать.

Меня в очках, с перебинтованной рукой заставил Глен отмывать ему апартаменты, физически ниразу не притронулся пальцем. Кристинка от нечего делать, видимо у нее ломка, по вечерам переодевалась в нормальную одежду и дефилировала перед нами, как на подиуме. Волчица стала почти нашей четвертой соседкой, была бы кровать — переселилась.

Бегали курить в компании с Захаром, Беатриче и Колдуном. Три дружка, спасшие в коварный день знакомства с Хаски. Парни оказались спокойные, уравновешенные, местами смешные.

Прошла неделя с момента последней встречи с Хаски на ринге. Старалась поддерживать огонек ненависти, старательно раздувала, искорки выбивала и вспоминала все плохое, что он сделал и сказал. Но...

Пусть притащил туда, пусть оскорблял. Но не оставил помирать. Я проиграла бой, а он все равно вытащил, довез до общежития, позаботился о лекарствах. Вспоминала отдельные фрагменты.

Хаски нес на руках. Пускай ненавидит Бастардов, но не побрезговал нести потного, испачканного кровью Бастарда, а потом положить в машину. Не умею сильно презирать. Ненависть догорела — пепел рассыпался.

Я его больше не видела целую неделю. И мне так спокойно, лучше. Почему не умею люто ненавидеть, чтобы раз и навсегда? И почему так страстно жажду ненавидеть?

Необходимо съездить к Ивану, но что-то останавливало.

Парень- единственный болтик, держащий конструкцию, которая рассыпалась в свое время. Анна Вильмонт. И я боюсь показывать ему жизнь Ананиной, мало ли разрушит?

***

Перемещалась по главному корпусу университета как-то среди недели. Здесь учились Аристократы.

Наши занятия закончились. Преподаватель велел сдать журнал в деканат, а он находился в этом главном корпусе. Люди поливали пренебрежением словно помоями, пока передвигалась, гремя цепями на весь коридор. Журнал держала очень крепко пальцами.

Будто пуля вошла в сердце, пробив насквозь. Тяжелые удары ошеломленного органа отдавались в горле. Едва журнал не выпал из побелевших пальцев, настолько сильно вцепилась в спасательный предмет. Испытала чувство, похожее на то, когда кипятком плеснули в лицо. Дмитрий. Дмитрий Хаски.

Группа Аристократов в рекреации возле окна, и он там был. Неизменные представители голубой крови: Имина, Олеся, Виталик с Пуделем и Трески. Весь бомонд, а я быстрспрятала глаза впереди по коридору сквозь толпу людей. Ничего не видела и видеть не собиралась. Отсчитывала секунды, проходя мимо. Позовет, не позовет. Плохо скрываема фальсификация.

— Ананина, — нет. Это не его хриплый низковатый голос. Это тоже бас, но больно

горластый и веселый. — А ты живая!

Открыл Немию называется. Я досчитала до пяти. Будто бы ужасно скучно быть с ними. Слушать их голоса и вообще отвечать.

— Что? — но шаг сбавила. Остановилась. Хотела руки скрестить на груди, но зачем? Я же не нервничаю?

— Иди...иди. сюда, — Пудель очень часто махал рукой, призывая к подоконнику. — Посмотрим на твою опухшую физию.

Почему должна быть опухшая физия? Я вроде вчера не пила? Ааа. Дошло, пока шла к окну под симфонию музыки сердца. Он имел ввиду припухлость после побоев. Как не странно. Только на губе одна болячка осталась. Пудель улыбался. Рад моему появлению?

— И не скажешь, что ее мутузили, — Олеся хмыкнула и отвернулась. Посчитав, что долго смотреть на Бастарда опасно — могу заразить. Я не знала на кого посмотреть. По идее на того, кто говорил, но успела разглядеть массивные ноги в спортивных черных штанах с белыми надписями. Много чести смотреть на него. Поэтому взглядом прожигала кого угодно, только не Хаски.

— Откуда приемы самообороны знаешь? — пришлось поднимать взгляд, когда напрямую обратился. Как не хотелось, но пришлось.

Невероятно голубые глаза. По цвету, как у меня. Светлые, как голубое небо у нас в июле. Странно, я до этого не знала какие у него глаза. Так, стоп, а у Леньки какие глаза? Карие? Нет? Или зеленые? Замучили сомнения. Карие. Точно. Ну не могла, за три года не разглядеть цвет глаз. И пока я билась в конвульсиях сомнений на меня выжидательно уставились.

— Ананина, прием! — усмехнулся Хаски, чуть сверкнул зубами и помахал рукой перед лицом. — Ты в меня влюбилась!?

Смех проревел на рекреацию, проходящие студенты мимо оглядывались на нас, как на центр мира. Смутилась немного, но надеюсь не покраснела. Краснела с опозданием, не сразу. Лицо едва не треснуло от натуги, пока пыталась сделать его непробиваемо-равнодушным.

— Не каждая девушка любит двухметровых блондинов с голубыми глазами. — Рукой обвела его габариты с ног до головы. Смех стих моментально.

Я с трудом до груди его доставала. Смешно, как кошка и медведь. Нет. На медведя не похож, скорее на снежного барса. Никогда не видела диковинное животное в живую, только на фотографиях. На севере водились.

— Ну да, Ананина, — Олеся решила поддержать друга, взяв на себя разговор, пока Дмитрий решал мою участь. — Ты предпочитаешь страшненьких, убогих, кривоглазых и криворуких.

Я тяжело вздохнула. Не клеился разговор. И всему виной Хаски.

— Если это все, что вы хотели узнать, то я пойду, — выразительно подняла журнал, намекая что пора.

После моей фразы дверь в одну из аудиторий распахнулась и молодой мужчина в очках пригласил кого-то войти. Похоже их. Приостановилась, надеясь что Аристократы исчезнут и останусь одна. Толпа стала редеть, но не собеседники. Когда исчезнут!?

Когда собеседники пришли в движение, вздохнула с облегчением.

А потом вдох застрял в груди, и я не могла его продохнуть некоторое время. Господин Хаски, отсоединивший бедро от подоконника, положил руку мне на плечо. Это, как кувалду положить на голову, такое же громоподобное ощущение, подкашивающее колени. Дмитрий

развернул меня и настойчиво подталкивал к двери вместе с собой. Я не сопротивлялась. Выпучила глаза на дверь. Меня ведут к ним в аудиторию. И никто ничего не сказал. Никто. Нормально!?

Преподаватель в дверях с улыбкой отвечал на приветствия. В очках, довольно приятной наружности. Очки скорее всего для стиля. Мало у кого встречалась врожденная слепота. Когда Хаски, держа меня за плечи, вел ко входу, я и преподаватель встретились глазами. Педагог сначала со мной, а потом с моей спиной. Надо отдать должное, не сплеховал.

— Дмитрий, у нас новый студент? — с улыбкой спросил.

— Учимся соц общению, — хмыкнуло сзади тело, так и продолжая направлять. Интересно, и почему я не сопротивлялась. Польски оказался сбоку, мы вместе поднимались по лестнице. Длинные парты выстроились с правой и с левой стороны.

Сколько тут народа помещалось? Плечи со временем перестали чувствовать тяжесть, но затылок напекало от дыхания. Обязательно спрашивается близко идти? В душе была сегодня? Вроде — да. Голову помыла. Должна благоухать. Боев сегодня не было.

— А можно узнать, зачем я здесь? — заговорчески прошептала на ухо Пуделю, или скорее его локтю левому, но тот донес информацию до ушей хозяина. Потому что Санек пожал плечами неопределенно.

Пристанище нашли на седьмом ряду. Странная комбинация. У стены в самом конце располагалась моя тушка, насильственно усаженная. Затем Хаски, от него я забила прямо к стенке. Демонстративно отодвинула стул. На мое перемещение он только приподнял бровь, молчаливо вопрошая, что это значит. Гордо задернула нос, как мне показалось, и повернулась к преподавателю. Вслушивалась в приветственную речб.

Внимательно оглядела народ на предмет знакомых. Мало ли? Кого встречала? Чисто.

Дмитрий Сергеевич развалился на стуле, ноги раздвинув в разные стороны. Его коленка очень мешала. Чувствовала от нее угрозу. Через чур длинные ножища. Максимально убрала в бок свои нижние конечности. Не знаю заметил или нет. А потом мужская рука опустила на пустую парту, конечно если не считать всяких надписей на ней, развернутую тетрадь.

— Пиши, — услышала обращение в свой адрес. Искоса глянула.

— А тебе лень? Или наследник не снизойдет до того, чтобы лекции строчить? — с усмешкой прошептала. Все-таки урок. С горечью под руку осознала, что подколы Хаски не трогали. Дмитрий просунул ручку на парту. Скрестил руки под массивной грудью, обтянутой спортивной курткой на молнии. Аристократы, чертовы!

А я подтянула корпус поближе к парте и начала прислушиваться к лекции. Может пнуть Хаски под партой? Когда-нибудь мы сочтемся по всем статьям. Торжественно обещаю.

Преподаватель начал урок. Дима постучал костяшками правой руки по тетрадке, как бы намекая пиши. А его веселила ситуация, судя по ямочкам на щеках. Локоть парня рядом с моим телом излучал опасную радиацию для душевного спокойствия.

Левую руку я спрятала внизу подальше от конечностей чужих. Боялась находиться с парнем на близком расстоянии. Дожили...

«Во времена первого наплыва Бастардов... в первые два десятка лет мы потеряли около тридцати процентов населения. Нашу кровь отравили слишком многие...» — краем уха слушала и понимала, что это не следовало записывать. Преподаватель менял интонации в голосе, когда следовало, а когда нет.

От темы пыталась абстрагироваться, потому что намеки которые он делал в отношении Бастардов были весьма однобоки. Глаза не поднимала от тетради, пока не начала взрываться

внутри, бурлить от крови Бастардов.

«Смешение крови Немийской женщины с Баллийцем привело к рождению первого в мире Бастарда- человека без вирусного барьера. Предположительно, после того случая стали возникать проблемы с деторождением. Чего никогда не наблюдалось...»

Не первый раз слышала теорию Бравады, который обвинял в потере способности к самовоспроизведению себе подобных и к потере связи с источниками энергии — Бастардов. А я всегда остро реагировала на провокации.

Когда Баллийцы переступили порог Немийской территории с тех пор нас и преследовало постепенное вымирание, как нации. Тогда и появился первый в Немии Бастард, рожденный вне брака. Слабый человек, чью мать казнили, узнав об измене мужу. С тех пор у Стардовцев и остался закон о казни за неверность супруги.

«Семьи могли иметь по пять и шесть детей без особых проблем. Дети рождались без отклонений, а сейчас, как не посмотришь болезнь на болезни, даже среди Аристократов..» — Кажется, лицо начало краснеть. Опустила любопытные глаза вниз к лекторскому столу, где вышагивал преподаватель взад и вперед. В какой-то момент развернул лицо ко мне преподаватель:

— Вот вы, — ткнул указкой в направлении нашего стола и улыбка чуть озарила его глаза. — Вы знакомы с теорией Бравады? Ах, да... Вас в интернате, наверное, не знакомили с этой теорией. Вы жили в блаженном неведении, что совершили своим появлением и, как очернили наши энергетические потоки. Знаете ли вы, что являетесь ублюдком? Помесью нас и Баллийцев?

Несколько секунд буравила глаза преподавателя, как и он мои. Была бы дрель — задреллила насмерть. Мой папенька способен предоставить полное генеалогическое древо, согласно которому у меня самая голубая кровь — о которой ты и не мечтал.

— Это лишь...

— Согласно ней... — услышала вместе со мной голос слева. Хаски что-то хотел сказать, но замолчал, когда решила за себя постоять. Да ну?

— Что вы сказали? — переспросил не менее удивленный преподаватель. У кого он спрашивал не понятно, но ответила я.

— Говорю, что это согласно теории Бравады. Могу со сто процентной уверенностью заявить — в моей крови никогда не было примеси Баллийцев, поэтому не считаю себя ублюдком.

— Откуда...?

— Существует еще две теории относительно нашей не способности к деторождению и вымиранию. И какая из них вернее, никто не знает.

— Да? — преподаватель вернул себе уверенности. — Какие например?

— Согласно первой — причиной тоже являлись Баллийцы. Вирус, который передавался воздушно-капельным путем, полученный после общения с новой расой.

— А вторая теория?

— Кому-то понадобилась куча денег, — я расслабилась, спиной удобно устроилась на стуле. Ручкой постукивала по парте. Историю прошлых времен, разве что третьеклашка не знает. С пятого класса вводили этот предмет. Надо бы совсем тупой, чтобы не ответить на эти вопросы.

— А поподробнее?

— Где есть болезнь, там есть и лекарство. Сначала разработали лекарство, а потом и

вирус. Только не до конца изучили. И лекарства на нас не действуют.

— Поразительно, — мужчина хмыкнул. — Вы занимались самообучением. Не думал, что в интернатах преподают углубленную историю.

— Типа того, — впервые убрала прямой взгляд от учителя. Устала врать. На каждом шагу вру. Всем и каждому. Сторю после смерти где-нибудь под землей за вранье.

Звонок об окончании пары помог, остудил интерес и не пришлось дальше слушать вопросы.

Зато не осталась без внимания от соседа, пока закрывала тетрадь и отдавала ручку постоянно чувствовала слезку. Наконец, устав от преследования, поднялась со стула. Звонок прозвенел, а мы сидели без движения.

— Ну что? — спросила недовольно. Хаски по-прежнему сидел и пристально изучал меня, как новое неизведанное вещество, на глаз пытаюсь определить состав и его свойства. Пока не удавалось. Глубоко задумчивый он.

— Ты образована, — странный ответ. Среди Бастардов нет заучек? Может я где-то прокололась.

Что знала о Бастардах? Вероятно допустила промах, и они на самом деле отставали от Аристократов в развитии? Вроде нет. Используем мозг одинаково, способности у всех разные. Кажется, мой мыслительный процесс наглядно можно было понять по лицу, потому что сосед поспешил добавить:

— Это необычно и странно, — пальцами парень громко щелкал по парте, что создавалось впечатление будто собирался деревяшку пробить. Я опять не поняла, что странного? Может мысли читал, потому что перестал стучать по парте.

— Для девушки, — медленно, чтобы я поняла добавил. Неужели меня стали причислять к разряду девушек, а не только к Бастарду? Потолок должен обязательно рухнуть на головы, а стул под Аристократом незамедлительно обвалиться.

Не зная, что ответить, стояла и молчала, как лучшая скульптура, изображенная в профас. Хаски оценил мое замешательство смешком. Показал ямочки на щеках и чуть ослабил притяжение взгляда. Тогда смогла расслабиться и ответить хоть и глупость, но не показать, что смутил.

— Сочувствую тебе, коль ты имел дело с девушками умственно-отсталыми, — гордо процитировала, а он только сильнее заулыбался, не знаю искренне или же натянуто? Похоже, развеселила.

Хаски выпрямил спину на стуле. Ноги, которые раньше загораживали путь, отступили назад. Разрешил капитулировать на выход через него. Что я и захотела сделать.

Навострила тридцать седьмой размер обуви на выход. Колено Хаски уперлось в ребро парты, оставшись навису. Ни туда, ни сюда. Улыбки убрал и на меня посмотрел. Снизу — вверх в ожидании реакции.

Ему весело играть? Вроде должен быть чем-то занят? А на паре пялился на меня, чем занимаюсь. И вовсе не работал, как думала. Просто использовал, как объект развлечений.

Ну, Хаски! Мысленно потрясла кулаком возле его носа, но на самом деле, стиснула зубы. Закинула бедра на парту, ноги подняла вверх к груди исжала в коленях. Прокрутилась на точке опоры, и специально небрежно провела над его тетрадкой грязными кедами. Не задела, не испачкала. Спрыгнула с парты вниз, где хозяева покинули места на шестом ряду.

— Ананина, пока! — обратился Польски, пока я гордо прошествовала мимо них. Хоть бы помогли. Виталик дружелюбно помахивал рукой, как лучшему другу.

Я — объект общественных насмешек? Могли и помочь в общении с Хаски. Потому что с ним найти общий язык не возможно, да мы и не старались. Весь его вид, кричащий какой он распрекрасный, раздражал. Неужели нельзя немного спуститься с небес к нам смертным на землю?

Зачем ему понадобилось делать добрые дела и мнение о нем улучшать? Лучше бы бросил подышать на ринге.

Глава 17 "Танцы — камон"

Глава 17 "Танцы — камон"

На улицах города стояла изнуряющая жара для ноября месяца. От нагретого дорожного покрытия пылало огнем. Окна в машине опущены с целью впустить свежего воздуха в душное помещение. Слишком горячий год.

— Какие планы на вечер? — Польски сбоку умудрялся перекрикивать порывы ветра, разгуливающие в машине, и музыку, играющую на фоне. Я очнулся от раздумий, повел плечами, сбрасывая напряжение:

— Что?

— Чем займемся? Вечер свободный. Ты опять на стройку?

— Нет. Сегодня нет, — отрицательно покачал головой. Локоть левой руки лежал на двери.

— Ты какой-то молчаливый. О чем задумался? — не отставал Санек.

— Отстань от него, — вмешался сзади второй голос. — Он за рулем. Вот остановимся и будешь донимать.

— Спасибо, Виталик, — чуть-чуть улыбнуться я себе позволил, но вновь погрузился в мысли.

— Ну и что с тобой? — Санек решил проигнорировать предостережение от соседа сзади. После непродолжительной паузы, я нажав на левой двери небольшую округлую кнопку, поднял стекло. И почти в идеальной тишине озвучил мысли:

— До конца марта с Кристиной должны официально объявить о помолвке. Отец не отойдет от дел, пока не женюсь.

— Отец твой — суровый малый, — усмехнулся Польски. — Что тебя останавливает? Вы четыре года официально пара. Знаете друг друга. Она тебя боготворит. Ты знал, когда подписывал договор...

— Знал... — кивнул согласно, не отрывая взгляда от дороги. — Но понятия не имел, что свобода так быстро закончится, — со смешком на пару подвел итог.

— По-моему, друг мой, — похлопал его по плечу Виталик с пассажирского заднего сидения. — Ты заелся!

— Это он прав, — указал пальцем на него Польски. — Мне бы такую женушку, которая облизывать тебя готова. Известная, красивая, податливая, сексуальная и до чертиков обожающая. Аж, пять причин.

— С ней также весело, как в гробу, — заметил я.

Польски смешно развел руки в разные стороны и скорчил комичную моську, поджав губы.

— Не всё же тебе должно быть идеальным. Минусы везде есть. Слушай, давай мальчишник устроим!!! Напоследок гульнем, так гульнем. Любой каприз выполним! Сделаем всё, что ты не успел сделать за двадцать один год. Как вам идея? — Польски поиграл бровями с энтузиазмом.

Я аромолчал на очередную гениальную идею Санька. Но, если сразу не отбрил предложение, значит заинтересовало.

Было жарко, как на сковородке. Тело приходилось насильно охлаждать, чтобы не чувствовать дискомфорт, а это требовало затрата энергии. Отсюда следовало, что на вечер

ему нужен источник. Стройной, высокой, красивой блондинки со смазливой мордашкой. Перед смертью не надыхнешься. Как же он ненавидел чувствовать беспомощность, а теперь насквозь ею пропах.

***

Давно не напивался. Сегодня разморило на солнце, потратил энергию, а восполнять насильственно лень. Пусть сама потихоньку восполняется. Родные стены клуба достали.

В стрип-клубе Авари был и не раз, но тем не менее захотелось именно сегодня. Пытался надыхаться перед смертью.

Польски, как добрый волшебник, исполнял любое желание. Захотел канистру Берцовки, пожалуйста, пятидесятиградусное пойло с запахом лимона, на любителя. И как не ослеп? Это пойло запрещено и доставали его из-под полы, часто вызывало галлюцинации.

Захотел побывать в тюрьме? Побывал. Посмотрел на пьяных подростков и проституток, посмеялся с представителями охраны. Захотел стриптиз увидеть, пожалуйста. Любые капризы. Жизнь вдруг показалась скучной.

Странно, двадцать один год жил по накатанной схеме, а сегодня пресно стало. Ощущение, будто к горлу подставили лезвие ножа. На коже почти проявились капельки крови и вот-вот ему пустят щедрый красный поток. Кристина. Мерси.

Мысли только о ней и крутились в голове. Почему ощущал себя в ловушке? Внутри скреблось от мысли отдать свое имя, деньги, власть, кровь, связи — чуждой женщине. Растить с ней детей. Довериться.

Единственная женщина, о которой когда-либо заботился была мать. Рыдала на плече, когда отец хотел развестись. Мать была неузнаваема. Совершенно неадекватна и позволила увидеть такой только ему — старшему сыну. Больше никому, даже отцу не дала увидеть себя превращенной в один комок страданий и боли. Брррр. От одного воспоминания воротило.

Опрокинул очередную стопку напитка, развалился на кожаном белом диване поудобнее, ногу положив сверху перпендикулярно другой. Польски что-то верещал на ухо.

Как было обещано, мальчишник. Польски, Дорадо, я и Трески. Симпатичные девушки в неглиже развлекали танцами. Так и быть согласился вытерпеть стриптиз от Бастардов. Обычно предпочитал Аристократовскую молочную кожу, а сегодня согласился. Не было настроения спорить по пустякам.

А если Ананину сюда заказать? Прикольно. А как она бы сплясала здесь, на месте вон той блондинки длинноногой? Миллион кредитов, что шлепнулась бы на первом же пируэте? Губы медленно растянулись в улыбке.

Но когда взгляд, оценив достоинства стриптизерши, остановился на лице... в голове произошел сбой. Замкнули клинья в одном положении и не сдвигались с места. Я резко убрал ногу с ноги и локти поставил на колени.

— Дим? — заметилмой внимательный взгляд на клетку Польски. Улыбка искривила мое лицо. Нет. Не так. Не улыбка. А зловещая ухмылка. Так обычно с разворота бил с левой руки, перед этим сдвигая кастет на правый кулак.

— Смотри, — кивнул на клетку друзьям. — Это же подруга Ананиной, длинная такая блондинка.

Не отрывал взгляда от девушки под эротичную музыку, бьющуюся в экстазе в клетке метр на метр. Сквозь черные металлические прутья отлично угадывались очертания сосков и паха. Полный разворот. Особенно, когда она демонстративно сделала растяжку на клетке. Никому не секрет, что здесь оказывали услуги интимного характера.

— Это по мне, — руки потер Польски между собой, будто согревая. — Вот это то, что надо. Она меня не разочаровала!

Он и без микрофона перекрикивал музыку. Мы обратили теперь на него внимание. Удивленное. Будет точнее сказано, ошеломленное. Несуветная ересь.

— Мдда, — задумчиво промычал Виталик. — Я иногда думаю, что он — инопланетное создание, которое прислали к нам дабы развратить наши Немийские умы!

— Или, Баллийский шпион, — поддакнул Трески и отпил небольшой глоточек из бокала с пойлом. Со стуком опустил стакан на столик и улыбнулся. — Зато знаем, чем продолжим вечер.

Смех с моей стороны был сопровожден странным ошеломленным молчанием.

— А с тобой что? — озвучил Трески.

— Теперь я знаю, что не оставит ее равнодушной.

Ощущение похожее на то, когда приходил заключать многомиллионную сделку, а в рукаве кармана держал козырные карты и заранее знал о победе.

— Кого ее? — чуть шепотом спросил Трески, как у душевнобольного человека, которого можно спугнуть сильным голосом. Вместо ответа я достал телефон и, озаренный сиянием дисплея, начал искать необходимый номер. Потом приложил к уху трубку.

— Глееееееен, — растянул единственную гласную в имени. — У тебя задача первостепенной важности... Прямо сейчас. Сорок минут...

***

Я почти спала, время было позднее. Завтра к первой паре вставать. Волчица у очередного ухажера, поэтому домой ночевать не пришла. Окно приоткрытое впускало свежий воздух. Очень далеко были слышны гулы моторов на автостраде. Далеко-далеко. Особенная здесь тишина. Единственное место во всей Страде, где так тихо.

И когда я размышляла в абсолютной тишине о тишине, повернувшись лицом к стенке, в дверь послышался стук. Маша вздрогнула. Кристина поднялась с кровати. Я поскольку самая ближайшая к двери поднялась первой.

Свет не включила в комнате, в коридоре он итак горел. Нечего пугать посетителей ночью сонным видом. Накинула халат на плечи, поплотнее запахнула на груди, мало ли кто там. И открыла дверь. Посетителя узнала сразу. Глен. Змея. Шавка его величества, выполняющая приказы. Без лишних слов Аристократ озвучил:

— Собирайся, — я демонстративно руки положила под грудь, приготовилась к бою с дико взбесившимися нервами на пару. — Дело касается твоей подружки. Волчицы, кажется.

Глен никогда не улыбался при общении. Как робот. Может ему при рождении электросхемы сбили? Что он сказал? Подружки?

— Волчицы? — удивленно переспросила я. Он кивнул, отступая назад.

— Пять минут, — постучал по часам указательным пальцем и двинулся прочь от двери в направлении подоконника единого на несколько окон. За спиной в нашей комнате раздался шорох одежды, скрип кроватей.

Удивилась, но Маша и Кристина молча, как и я, оделись и покинули комнату. Перед Гленом стояли три типичных Бастарда. В спортивных костюмах, даже Кристина поменяла стиль. На скорую руку вместо привычного эрокеза волосы собрала в пучок. Маша засунула гриву под кепку. Я же собрала лохмы в два хвостика, как дите малое. Кепку не смогла найти.

— Они не приглашены, — сказал Глен, глядя на меня. Не боюсь твоих моргал. После небольшого молчания Аристократ достал телефон из куртки и сделал звонок. Не составило

особого труда догадаться кому. Суть разговора поняла и, не слыша ниодного слова. Глен обернулся вновь к нам:

— Хорошо, пройдем-те.

Время два ночи, какпоказывали часы над будкой тети вахтерши. Она, молча, наблюдала за нашими спинами, удаляющимися в комендатский час прочь на улицу. В машине Глена звучала неизменная тишина. Я только один раз спросила, что случилось с Волчицей. Сказали, что сама увижу. При этом лицо Глена скривилось, губы странно дрогнули. Хотел засмеяться? Это и настораживало.

Путешествие закончилось в районе развлекательного тауэра. Здесь целая улица, посвященная развлечениям на любой вкус и цвет. Она проходила с севера на юг, проводя черту-границу. От начала города до конца. Светло было от множества фонарей. Молодежь гудела с утра и до вечера, здесь никогда не бывало тихо несмотря на будние дни.

Маша с Кристиной шли за мной и Гленом, во все глаза рассматривая людей и вывески, чуть головы не ломали от кручения. На нас тоже с не меньшим удивлением смотрели прохожие Аристократы.

Небольшое двухэтажное здание, горело ярко-розовыми вывесками. Название не всплыло в памяти. Девушка на ресепшене в строгом костюме заискивающе улыбнулась Глену. Фу. Как этому чму болотному можно улыбаться?

Перед нами открыли двери в огромное просторное помещение, наполненное ритмичной музыкой, большим количеством народа. Светомузкой. Что очередная дискотека? И зачем сюда привели?

Девушка — официантка прошла мимо и задела руку. В белом фартучке-блондинка маленькая, аккуратная. Я опустила глаза, провожая ее взглядом. Миленькая. Не извинилась, правда.

И глаза застыли на месте. На заднем месте официантки. Спереди у нее был фартук, и я подумала, что она в короткой юбке. Нет. Она без юбки. Повернулась к Глену, в поисках ответа на не заданный вопрос. Но он проигнорировал внимание к своей персоне.

Обвела обстановку помещения более придиричивым взглядом и получила больше вопросов. Официантки — девушки перемещались между столами в нижнем белье. Контингент — исключительно мужской. На нас обращали внимание посетители, шепчась и спрашивая что-то друг у друга. Мысленно напряглась, кожей ощущая нежеланное внимание. Спокойно. Не пугаться раньше времени. Мы здесь ради Волчицы.

Куда вел Глен? В самое логово разврата. В центр, где напротив ровных рядов диванов располагалась сцена с клетками и закрытыми в них девушками- танцовщицами. Пластичные движения. Эротичные извивания по клетке, диких тигриц, загнанных в клетку и пытавшихся вырваться. Все это под аккомпанемент музыки соответствующей и прожекторов.

Возле сцены засмотрелась на эротический танец и не заметила внезапную остановку Кристины передо мной. Врезалась ей в спину, запоздало отступила назад. Проследила за ее взглядом и уперлась в клетку с любопытством.

Две секунды. Ровно за две секунды до моих глаз дошла информация. И я остановилась, глядя на девушку в клетке. Она дрогнула в самом низу на полу, чудом успела подставить руку и подтянуться вновь вверх. Программа выступления продолжилась.

Я смотрела. Как и Маша. Как и Кристина. Как и Глен. И не заметила, когда к нам приблизились новые действующие лица. К щеке прикоснулось теплое дыхание. Слабый запах алкоголя. Но я не позволила себе вздрогнуть.

— Я очень рад, что ты, как и предполагалось, не в курсе этой части жизни своей подруги. Хотя... у меня проскальзывала мысль, что вы здесь все работаете... — поведал насмешливый голос на ухо. Боковым зрением видела часть лица. Хаски наблюдал за моей мимикой в упор, при желании мог и прыщи разглядеть. Его рука приобняла за плечо. Тяжелая, как камень пригвоздила к полу. Намекая, только двинься, Бастард.

— Давно за ней наблюдаем. Какие только ракурсы не лицезрели, — со смешком отсоединил руку главный враг. А Волчица под финальные аккорды музыки извернулась телом так сильно, что думала ее органы вывернутся наружу.

Свет включили в зале. К клеткам подошли мужчины, держа в руке халаты для танцовщиц. Громкий свист раздался над ухом, едва не оглохла от силы звука.

— Bravo! — хлопал в ладоши Польски, а ему вторили.

— Bravo! — орал Дмитрий.

Волчица не принимала аплодисменты, как остальные девушки. Выхватила халат и быстрым шагом, цокая шпильками, покинула сцену, пока зал утопал в восторженных овациях.

Мозг всегда странно работал в критической обстановке. Так и в этот раз. Сделала два шага. Приподнялась на локтях над сценой, попой усаживаясь. Быстро подобрала ноги и встала во весь рост. Пока не остановили, направилась по пятам Волчицы.

Врезалась в одного из мужчин, который попытался остановить. Вцепился в плечо, на что я ловко извернулась.

— Девушка, вам нельзя туда, — попытался привести в чувство.

На его мнение, как бы чихать, не забывала отслеживать перемещение подруги. Та исчезла в темном проеме, только бы не потерять. Несколько мужчин в форме резко направились в моем направлении. Я стартанула в темный коридор.

***

— Эй, волшебник! Хочу пройти туда же, — я громко озвучил, как будто никому. Кивнул в направлении, где секунду назад скрылись Бастарды. Натянутая улыбка сразу исчезла с лица. И появился оскал.

— Санек, устрой проход к девушкам. Повеселимся там.

***

Я влетела в темный коридор. Освещено слабо. Множество дверей по обоим сторонам. Но куда исчезла Волчица? Где-то вдаль донесся хлопок закрываемой двери. Коридор вновь извилистой дорожкой изменил траекторию движения. Налево. Единственная дверь в полной темноте. В нее и шмыгнула.

Волчицу нашла быстро. Большая по площади комната, занимала примерно пять наших в общежитие. Туалетные столики по бокам. По центру четыре дивана, находящиеся спинка к спинке. Одежда валялась на столах. Куча косметики. Обслуживающий персонал — девушки. Я видела вышагивающую подругу, которая не оборачивалась назад, а спешила скрыться. Несколько девушек в моещени удивленно воззрились на меня.

— Вам сюда нельзя, — громко сказал одна из танцовщиц в откровенном белье. Она располагалась в кресле на против зеркала, ногой на высоченной шпильке упиралась в трюмо.

— Можно, — гаркнула, не глядя. Почему все считают, что знают лучше меня. Почти догнала Волчицу, перед тем как она плюхнулась в одно из кресел и прикрыла глаза ладонью, словно устала.

— Ничего не говори, — проговорила блондинка очень тихо

Я подняла руку и замерла. И что сделаю этой рукой, поглажу по голове, как псинку? Она меня цапнет. Поговорить, утешить добрым словом? Зачем бежала сюда? Догнала, а как я восприняла тот факт, что моя соседка по комнате — танцовщица частных танцев и возможно девушка, оказывающая услуги интимного характера?

Мозг не мог профильтровать информацию и отказывался воспринимать, как данность. Он молчаливо ставил блок.

Это все та же моя соседка? Да. Ее куча мужиков видела голой. Да. Она торгует телом И? Мне омерзительно к ней прикасаться?

Присела на корточки рядом с Волчицей. Та по-прежнему отказывалась убрать руку от глаз. Пряталась за плотной, непробиваемой стеной. Я уверенно опустила руку на колено подруги. Нет. Мне не омерзительно.

Обе не шевелились. А Волчица не убирала ладоней от лица, пока не расслышали звук открываемой двери.

Знакомые голоса прозвучали громко и заставили подняться с корточек. Девушки-танцовщицы зашептались. В проеме замелькали лица.

Улыбки на лице Хаски напрягали с недавних пор. Мышцы тела разом сжались, натянулись в предчувствии удара.

— Весело у вас тут, — Дмитрий шел по комнате, оглядывал туалетные столики. Зеркала. Пустые места. На толкнувшись взглядом на одну из девушек, замершую, та что пыталась меня прогнать, подмигнул и улыбнулся. Только я знаю, что таила эта улыбка. Ничего хорошего. Это смесь фальши, яда, которая обеспечивала постоянное отравление, в последствие от которого умираешь.

— Никогда не был в проститутском гальоне, — по другую сторону туалетных столиков параллельно Хаски шел Трески. Он, натолкнувшись на взгляд одной из танцовщиц, потерял к остальным интерес. Положил ладони на стол рядом с девушкой и что-то начал втирать.

Польски рассматривал всякие предметы антуража. То одежду, то показывал на наручники и, улыбаясь демонстрировал. Процессию замыкали трое адекватных: Маша, Кристина и Виталик. Спокойно и чуть настороженно.

С тяжелыми ударами сердца в груди считала каждый шаг Хаски, приближающий его к нам. Пока он показывал холодное равнодушие. Но я знала, что конечная цель — мы. И я права.

Возле нас. Его кроссовки внизу. Провела осмотр от его ног, обтянутых джинсами, вверх по футболке черной и прямо до глаз. Последний шаг. Наигранно обращался к подруге, сидящей в кресле:

— Эй! Волчица или как там тебя? Как насчет поработать? — захотелось поставить барьер между ними.

Подруга подняла глаза, стараясь казаться равнодушной. Плохо у нее получалось. Чувала напряжение в ее венах на висках. Вот и уродство Бастарда проявилось. Вены очень вздутые и надувались иногда неровными корявыми дорожками.

Улыбка не сходила с губ Хаски. Покопался в кармане джинсов и достал кошелек. Оттуда вынул небольшое количество купюр. Прошелестел бумажками, перетирая между пальцами, и поднял бровь вопросительно:

— Как насчет развлечь нас, скучно тут. Макс, Санек, знаю вы не откажетесь? — Хаски развернулся к друзьям в ожидании ответа.

— А ты тоже? — Макс оторвался на мгновение от девушки, которой что-то болтал на

уху. — Ты же не трахаешь бацильных?

— От миньета не откажусь, — затем Хаски вновь повернулся к Волчице. — Анальные, оральные утехи и так далее, ну ты девочка умелая. Понимаешь, о чем я. Групповые услуги, — не видя реакции от Волчицы, поднял руку с деньгами высоко вверх и разжал пальцы. Купюры крутились, вертелись, как ненужный мусор, плавно лавируя на голову Евлампии и рядом под ноги. Мне показалось или Волчица взялась руками за подлокотники кресла с намерением встать. С какой целью?

Резко дернулась наперерез. Встала между Хаски и креслом почти вплотную. Дмитрию пришлось перевести взгляд на меня немного самодовольно, с ноткой превосходства:

— Не, Ананина, на тебя не встанет. Двинься, — но вопреки ожиданиям не отодвинул, а ждал, когда сама уйду.

— Уйди отсюда, — прошептала. Прошипела или огрызнулась.

— Что пицишь? — наклонился к уху.

— Уйди, — увереннее добавила я. Хватит. В конце концов, не могла наблюдать за избием младенцев. — Ядом поливайся в другом месте. Каждый зарабатывает, как может.

— То есть, торговля телом это нормально и ты тоже непрочь попробовать себя реализовать на данном поприще? Нализыватьчлены старых извращенцеви стонать, как шлюха? Так, отчего мне отказала или надо было деньги предло...

— Не тебе рассуждать о моральных ценностях, — резко перебила, проглотив предложение денег про себя, будто не слышала.

Хаски закончил ломать комедию и максимально наклонился вниз, согнув шею. Разница в росте около тридцати-сорока сантиметров. Ощутимая. Пока страх не заслонила эмоции постаралась выдать все, что накопилось внутри за прожитое время в шкуре Бастарда. Говорила четко, но тихо:

— Это то, во что вы нас превратили! В отребье, в проституток, прислугу! — с пылом прорычала ему в лицо. — Вы! Вы изо дня в день поливаете пренебрежением! Толкаете, пинаете и считаете, что имеете на это право...

Но Хаски не привык слушать слишком долго, перебил на полуслове и зашипел через сжатую челюсть:

— Потому что вы и есть грязь под моими ногами. Посмотри на себя. Как ты выглядишь? Как урод. Привлекаете внимание своими жуткими хаерами и раскрасами...

И я не умела долго слушать, когда есть что высказать:

— Мы пытаемся наоборот не привлекать к себе внимание этим нелепым видом! — взревела, наконец, перейдя с шепота на выкрик. Привлекла всеобщее внимание. Макс перестал обхаживать танцовщицу. Я подписала себе приговор, судя по сжавшимся в прищуре глазам.

— Мы пытаемся, чтобы, вы, — ткнула Хаски в живот пальцем, куда дотянулась. Терять нечего. — Перестали нас воспринимать, как проституток! Чтобы, ты, не воспринимал меня, как девушку! Чтобы держался подальше! Лучше быть уродом, чем вытраханной в какой-то подворотне твоими дружками. И при этом даже не иметь возможности отказать, потому что мне так сказал АРИСТОКРАТ! — выделила их принадлежность к голубой крови. Прорвалася плотина и хлестала водопадом с ненавистью.

— Чем, ты, заслужил право мне приказывать? Ты. Чем ты заслужил? Тем что родился в известной семье с кучей бабла? Очнись. Мир крутится не только возле тебя, — воцарилось молчание. Долгое. Немного покалывающее напряжением. Я сейчас чуть не проболталась,

что мир и вокруг меня вертится. Слова закончились, но Хаски, спрятав руки в карманы, не двигался. Не реагировал. Как будто его выключили.

Я не уследила. Не заметила резкого выпада. С моей-то реакцией не увидеть подачи. Горло сильно сдавило. Ему перекрыли кислород. Тело, как кукольное, безвольное приподняли за шею, но носками касалась пола. Я испуганно сжала руки перед собой, которые душили.

Волчица вскочила с кресла. А я трепыхалась, глядя в пылающие глаза, с бурей эмоций внутри. Руки еще сильнее сжались на моем горле.

— Ты не разевай рот на то, чего не знаешь, — Хаски последний раз встряхнул и, о чудо, я грузно опустилась на ноги. Едва не потеряла равновесие и не упала перед ним на колени.

Жадно вдыхала воздух, руками массировала кожу шеи, где отчетливо чувствовала были ранее пальцы. Отступила на шаг назад. Он поняв, что капитулировала, сделал выпад вслед. На этот раз с силой зажал мои два хвоста и дернул вниз, запрокидывая голову. В лицо тихо выговаривая слова:

— Ничтожный Бастард, не трепи языком. Ты понятия не имеешь, как я рос. ВЫ только и умеете, что делать из себя мучеников. ВЫ, позволяете себя гнобить. Покорно сложили ручки и идете к своей участи. ВЫ, нам разрешаете командовать. Послушно облизываете, когда мы этого требуем, — Хаски замолчал, и я понадеялась, что он высказался, но нет. Неожиданно парень прислонил к моему виску руку? Палец? Не совсем поняла.

— Тебе когда-нибудь мозги грозили продырявить? Тебя когда-нибудь пиздили два дня и три ночи до посинения, до такого состояния, что не ощущаешь ни рук ни ног и отключиться не можешь? А тебе одиннадцать лет?

Я перестала ощущать боль в волосах, или может Хаски просто придерживал, чтобы не смогла уйти.

— А тебя когда-нибудь заставляли жрать яд и в уме искать пути выбраться из плена? Нет. Ты, Бастард, предпочтешь покорно сложить руки и ждать своей участи. А я... никогда... никому... не позволяю собой командовать. Я очень много сил вложил в то, что имею и чем управляю. С малолетства прикрываю папочкину задницу, пока он потрахивал очередную любовницу за спиной матери. Для меня он ничего... нахрен... не сделал в этой жизни!

Никак не ожидала услышать эта фразу. Хаски отпустил меня также резко и отошел на несколько шагов в бок.

— И ему не позволю собой командовать! — окончание речи Хаски расслышала под шум бьющегося о пол огромного передвижного зеркала. Звон стекла еще долго громыхал. Я лишь инстинктивно отпрянула от места удара, а Волчица успела приподнять ноги над полом.

Хаски поспешно удалялся прочь из комнаты. Никто не шевелился, каждый ждал пока шум от упавшего объекта утихомирится.

Дверь с грохотом захлопнулась, шпукатурка посыпалась. Реально. Я слышала.

— Ну что могу сказать? — неожиданно веселым тоном отвлек нас Польски, в руках держа хлыст и насмешливо стучал им по кожаному дивану. — По крайней мере Диман выговорился. Целый день пытаюсь его разговорить и мне так и не удалось, а тебе, Ананина... удалось.

Серьезные нотки в голосе Польски. Почему привлекла всеобщее внимание?

Повторно почесала волосы на голове. Больно ведь тянул по началу. Неприятно. Псих. И я такая же.

***

Что не так в этой картине, спросите вы? И я не найду достойного ответа. Всё не так. Второй этаж с в вип-ложе. Танцовщица стриптиза, в леопардовом халатике на одном из кожаных кресел, расставленных по периметру стеклянного стола. Напротив нее — четыре потенциальных клиента. А стремные три Бастардазяняли свободные кресла. Четыре Бастарда, четыре Аристократа. И среди них два заклятых врага. И спрашивается, почему не отказала, когда Пудель «любезно» пригласил посидеть? Не знаю.

Вот и сидели почти в тишине. Музыка играла где-то далеко на фоне. А Хаски спрашивается, почему не ушел окончательно? Покурил на улице и вернулся. И сидели восемь молчаливых дятлов. А Хаски бесил больше всех.

Во мне бурлила, кипела ненависть. Пузырилась знатно, распирала от этого чувства. Меня!? Меня назвать почти что трусихой, которая делает так как скажут!? Да ни в жизнь!!! Поднял руку!!! Это два.

Я интересно не покраснела от кипения в груди. Сидел Хаски и в ус не дул. Весь такой безэмоциональный, как будто не он двадцать минут назад душил. Витал в облаках. А я мечтала в нем дыру прожечь. Сидела и, не мигая пялилась. Надеюсь, он прочувствовал силу гнева. Даже слепой бы ощутил зверский взгляд.

— Ребята, давайте выпьем! — с энтузиазмом предложил Польски. Интересно, он всегда алкоголем решал проблемы.

— Я не пью, — отказалась Машка.

— Да ладно, — отмахнулся от ее слов Санек.

Я не отнимала внимания от Хаски, единственным, боковым зрением отмечала смену обстановки. Спустя минут десять, когда глаза стали слезиться от натуги, хотелось плюнуть на все старания, этот «человек», хотя и не считала его таковым, ответил взглядом. Зато я чуть не отвела позорно в сторону от неожиданности.

Пустота в ответ. Никаких эмоций. Тишь да гладь. Ненависти в мужчине больше не было. Легкое любопытство, возможно. Лажа. Дыру не просверлю. Бессмысленно злиться, если Хаски не трогал мой гнев. Скучно так.

Отвела от него взгляд и поглубже улеглась в кресле. И опять тишина, пока ожидали официанта с заказом. Волчица отчаянно делала попытки представить, что маникюр самая интересная вещь в мире и ей следовало озаботиться им в данную минуту.

— Цветочек, я никак не ожидал подобного поворота, — Польски лыбился очень активно, закинув руки на спинку дивана. Евлампия подняла глаза на меня впервые кажется за время, что мы здесь сидели, и поспешно убрала.

— Оправдываться не собираюсь, — ответила она, глядя в сторону ребят, но относилось к нам. — Это моя работа. Как видите, я не с парнем встречаюсь, а работаю два через два.

— Не удивлена. Чего-то подобного и ожидала, — Гиена иногда бывала излишне ядовита. Волчица вмиг оскалилась. Я сглотнула, неужели, наконец, подерутся.

— Конечно, — сарказм из Евлампии потек. — Я не целка-невридимка, которая боится мужиков, как огня. Ты хоть целованная?

Подерутся, точно. Мы с Машей переглянулись, наши кресла рядом по соседству.

— Я лучше сдохну с голода, чем позволю ко мне прикоснуться!!! — с жаром выпалила Кристинка, на нее с удивлением взглянули все, в том числе и Аристократы. Они не вмешивались.

— Подыхай. Мне жизнь дорога, — неожиданно Волчица отреагировала спокойно,

остудив пыл Кристинки этой фразой. Как бы подвела итог беседы.

— А ты Маша? — со смешком спросила танцовщица после некоторого молчания. — Что скажешь? Как праведница считает?

— А меня это не касается, — Медведица сняла кепку и скинула рядом с собой. — Ты главное анализы почаще сдавай.

Пфффффф. Кажется, также и Трески подумал, потому что засмеялся. Один среди гнетущей тишины.

Пока пришел официант с готовыми блюдами и выпивкой разговор не продолжали. Официант ушел. Молчание продолжалось. Виталик очень медленно щепетильно разливал алкоголь розоватого цвета по маленьким рюмочкам. Забываю поинтересоваться его фамилией? А что это за розовое пойло? А потом поняла, что на меня слишком много народу посматривало.

— Что? — устало выдохнула. Что всем надо?

— Ждут реакции на новость о том, что твоя лучшая подруга — проститутка, — с улыбкой поведал Польски.

— Не проститутка, а танцовщица камона, — поправила Волчица.

Достали. Как выпить-то хотелось. Практически вырвала у Виталика бокал, который он наливал последним и встала в полный рост. Одна среди молчаливых людей при приглушенном свете. Будто королевна перед простыми смертными.

Достали. Я злая и уставшая.

— Плевать! — цыкнула злобно. — Выпить хочу уже несколько месяцев точно. Причем смертельную дозу, — скосила злобный очередной взгляд на Хаски. Как будто его не касалось. Наблюдал в вальяжной, расслабленной позе и слушал:

— У меня вообще никаких претензий, — рукой отсекала воздух. — У тебя свои тайны! У девочек свои! Даже у меня есть тайны!

Обвела себя сверху донизу:

— Да представь, — указала на светлую макушку. — Я не блондинка, Ева! Я истинная брюнетка.

— Может еще скажешь, что у тебя грудь есть? — засмеялся неумный Трески.

— Может и есть, — передразнила в его сторону с недовольной комичной гримасой. — А ты может скажешь, что у тебя член есть?

Наверное, это последствия стресса. Вырвалось, а потом поняла насколько я попала. Трески со скоростью, превышающей явно человеческие возможности спрыгнул с дивана. Я успела с трудом перевернуться. Между нами кресло, в котором я сидела.

— Иди сюда, мелкая погань, — пальцем поманил этот дурак.

— Давай сначала выпьем, а потом подеремся? — предложила вполне миролюбиво.

— Хорошо, — кивнул согласно и расслаблено отошел в сторону.

Выпили, поставили на стол бокалы.

— Раз, Ананина, два... — начал отсчет Трески рядом со мной. — Три...

прода 17.03.

С визгом прекрикивались, бегали по помещению между креслами, пока Хаски не надоело мельтешение перед носом, и он громко об этом не заявил. Так и сказал:

— Вы оба! Заткнулись и сели! Голова от вас болит! — мы с Трески не стали спорить, себе дороже. Тихонечко присели на свои места. И всё... вот прям всё на сегодня.

Глава 18. "Белесье"

Глава 18. "Белесье"

Что вчера произошло подвела итог с утра. Едва открыла глаза изучила белый потолок над головой.

Вывод номер один: после нескольких месяцев алкогольной забастовки пить розовую жидкость из рук Аристократов — запрещено. Тем более, в ударных дозах. Мать моя Алла! И отец Сергей! Как вы, бедные, без меня? Вам также, как и мне сейчас, очень плохо, почти до слез?

Всегда вспоминала о родственниках в тяжелых случаях, находясь на грани жизни и смерти.

Внешние силы или скорее похмель решил в мозгу проделать две дыры в районе висков, чтоб я никогда не забыла последствий пирушки. После первой встречи с Хаски и его дружками, которые любезно отпинали ребра, я и то живее встала, правда с небольшими ушибами и ссадинами. Сегодня — я труп.

Вывод номер два: в случае не выполнения первого условия не злоупотребь объемом наливаемой жидкости. Она может иметь очень высокий градус.

Вывод номер три: если первые два правила не были выполнены, следует одно простое — сиди на кресле попой ровно и молчи, попивая сочок трясущимися руками.

К сожалению, все правила нарушила.

Смеялась, как лошадь. Ржала и ржала, как будто не существовало преграды в виде Аристократов и Бастардов. Надо было отвлекать людей, потому что ни те, ни те не умели общаться друг с другом. Одни неуверенные, молчаливые, а другие — самоуверенные и характерные.

Попросила Волчицу научить паре трюков на шесте, что отлично наладило взаимопонимание. Семь унылых дятлов тыкались носом об бокалы со спиртным в приступе неудержимого хохота. Я грациозный дятел, немного пьяный, головой периодически падала на пол под всеобщий хохот. Клоунский номер имел фурор. Ананина в ударе, купалась во всеобщей любви.

Дальше — узнала фамилию Виталика. Дорадо — спортмагнат: сноуборды, лыжи.

Санек — это Польски. Верные псы семейства Хаски. У Вильмонт — Шмонт. У Хаски — Польски.

Волчица сплясала эротический танец, Маша и Кристина предпринимали попытки заговорить. Хаски за вечер ниразу не сказал «Иди вон, жалкий Бастард». А Трески не предпринимал попыток полапать девочек за булочки.

Восемь дятлов напились и были развезены на такси в светлом часу утра будущего дня. А через пару часов им на занятия. Всё! Занавес!

Белый потолок манил чистотой и однотонностью. Путь на небеса отныне закрыт, такой как я. Папа, домой хочууууууууу!

Шарах! Если бы могла — подскочила, а так поднялась на локтях, зажмурив один глаз. Дверь открылась. Только его не хватало с утра пораньше.

— Подъем, Ананина! И вы трое! — зачем орать? Потише нельзя? Я тяжело брякнулась на подушку обратно головой. Ауч. Мозги будто потрясли хорошенько из стороны в сторону, как копилку.

— Зачем? — спать хочу и умереть. Едва — едва появлялось солнце. Несколько часов назад имели счастье уснуть.

— Затем... В Белесье едите. Четверо! — я на сто восемьдесят градусов развернула тело, чтобы встретиться взглядами с девочками. С обескураженными, заспанными и крайне оплывшими.

— А что там? — прохрипела сиплым голосом со сна. Прокашлялась в ожидании ответа.

— Сорок минут. Встреча на парковке. Поездка на четыре дня. Дмитрий попросил выглядеть поприличнее...

Я буду выглядеть поприличнее. Сама приличность. Трусы с лифчиком надены и буду щеголять. Раскомандовался, господин Хаски.

***

Белесье. Снежный мир на границе с Баллийцами, окруженный горами со всех сторон. Отличный курорт для Страдовцев, учитывая, что на их территории снега не имеется. В Белесье основные горнолыжные трассы.

А через километр в том же месте, спрятанном между горами, от спящих гейзеров образовывалась теплая зона. Вот такая аномалия. Рядом и самая холодная точка на планете, и через километр самая теплая. Никогда не бывала там, но не прочь увидеть.

Около одиннадцати прибыли на стоянку университета. Утро субботы разве могло быть много народу сегодня? Оказалось, могло.

Пока двигались мимо стройных рядов машин, Волчица втирала про нижнее белье, которое желала страстно прикупить в известном магазинчике. Я кивала и сквозь подругу разглядывала толпу. Муравейник. Человек на человеке.

Музыка включилась. Долбежка. Звук дрожащего стекла. И словно взрыв, я бы оглохла, находясь в машине. Ближе подошли к опасному очагу заражения.

— Ананина!?! — через толпу пробралась моя любимая девушка. Кто бы вы думали? Имина. В последнее время она перестала бесить. Что со мной? Умею ненавидеть или нет? Захотелось подколоть по поводу розовых туфель и желтой юбки. Писк моды — разноцветные вещи.

— Привет. Что за сборище? — спросила у нее. Не успела красавица на высоченных каблуках ответить, как звук затих. Музыка стала тише. Песня закончилась, сбоку активность странная. Один за одним появлялись глубоко известные личности.

— Ананина!?! — зов от Хаски. Сразу поняла, что ему принадлежал голос. Я так и открыла рот, когда увидела его выпрыгивающим из машины. Ловко приземлился на асфальт. Джинсы рваные в нескольких местах, на коленях и бедрах, и закатанная черная толстовка по локти. На руках обнаружилась целая роспись татуировок. И кепарь у него на голове козырьком назад. Я тоже в кепке. Это закос под меня?

Не знала, как реагировать, а остальным лишь бы дай посмеяться, чем они и занялись.

— Ух ты!!! — услышала от Имины полувскрик. Развернулась и поняла, что та в упор смотрит на меня. Не то с неверием, не то с шоком на пару. И начала смеяться громко, привлекая внимание и облакачиваясь о плечо, стоявшего рядом парня.

Я сжалась внутренне от предчувствия беды. Сердце громко забило в районе горла. Имина эмпат — сканирует эмоции людей. Что-то почувствовала. Что-то от меня... Если смеялась, глядя на меня. Что случилось, что она почувствовала, или вопрос. Что я почувствовала?

Опасения подтвердились, когда Имина улыбнулась яркой белоснежной улыбкой. Как

будто владела тайной мира одна из нас всех. Как и в первый день нашего знакомства. Сверху вниз.

Что я чувствовала? Небольшой мандраж, кончики пальцев в предвкушении путешествия покалывало. Мне хотелось улыбнуться, сказать нечто веселое и разглядеть вчерашние ямочки-улыбашки, такие же они или привиделись у Хаски? А то, что он изобразил мой видок? Это ничего не значило? Стало неожиданно душно и жарко. Никогда не стыдилась людям говорить о своих чувствах.

Дрожь. До сих пор где-то на фоне стыда и неловкости ощущала вибрацию при воспоминании, что Хаски справа от меня. В толпе. Смотрел то на меня, то на Имину, у которой улыбка погасла на лице также внезапно, как и появилась. Достаточно выдержала паузу Аристократка.

— Имин, что тебя заинтересовало? — тупым надо быть, чтобы не понять. Я сторю от стыда в его жарком пламени. Папа, никогда не прощу за этот кошмар. Имина резко подняла глаза, затем указательный наманикюренный палец на меня...

— Вот этого Бастарда хочет трахнуть Санек, — палец указывал мне за спину. Я резко развернулась и остановилась. Так же как и Волчица, на которую указывали.

— Обязательно озвучивать? — голос Польски стал менее веселым, чем обычно. — Просили миллион раз не лезть, пока...

— Как ты думаешь, что бы он ответил, Ананина? — от этого голоса над ухом пробрал теперь не жар, а холодные мурашки. Поежилась от глаз Имины и насмешки, сквозящей в облике. Промолчала, но почему? Почему она пожалела? И все-таки, что я ощутила? Мандраж, но разве он связан с Хаски!?

Только я успокоилась на минуту, как вновь очередная истерика грозила моему внутреннему спокойствию:

— Здравствуйте! А вы не подскажите... — его не хватало сегодня. Второй раз за день умылась холодным потом, руки задрожали. Сжала их в кулаки. Спокойно. Он не узнал меня в этом виде. Девочки прикроют. Наверное, если успеют. Волчица резко вынырнула из гущи толпы, пока Иван приближался. Мы одна из самых многочисленных групп.

— Вы ее не видели? Аню мою? — спросил и ведь не побоялся обратиться к знакомым подругам в толпе Аристократов.

— Кого ищешь? — добрый души человек Виталик очень не вовремя решил помочь. Сидел за километр на машине — на Ретсе черном. Иван обернулся с улыбкой:

— Аню. Фамилия еще такая похожая. А...Ара. Апа... — не надо вспоминать, умоляю. Забудь, забудь.

— Может Ананина? — Волчица, наверное, решила это смешно и обратилась ко мне с улыбкой. Ничего смешного.

— Точно! Ананина, — поддакнул Иван.

Смешки закончились. Тишина воцарилась между двадцатью с лишним людьми. Ветерок покорно стих, а я перестала прятать нос в вороте куртки. Вот и финиш. Осталось выбрать остаться валяться с подвернутой ногой возле черты или попытаться встать. Как выйти из сложной ситуации?

— Так... — Виталик усмехнулся. — Она чуть правее тебя.

Иван резко посмотрел в мою сторону. Удивляюсь как, голову не вывихнул. Распознал, едва подсказали. Но как отреагировать на вранье, видимо, не понял.

— Ты ослеп, парень? — со смешком спросил Пудель. — Вот она страшная красавица

Ананина...

Все вопросы на потом.

— Ваня! — пришлось губы раздвигать в радостной улыбке до самих ушей. — Дай обниму!

Сама своей игре не поверила, слишком неправдоподобно.

Нас разделяло шагов десять не больше. Надо было преодолевать их. Тишина нарушалась моей стороны громыханием цепей на куртке и штанах. Резко остановилась напротив парня. Тот удивленно воззрился в ожидании дальнейших действий.

Иван хоть и не самый внушительный по росту парень, но повыше. Пришлось вставать на цыпочки, жестко обхватывать его моську и тянуть на себя. Улыбнулась капельку, совсем чуть-чуть, и сомкнула губы на его щеке. С придыханием поздоровалась:

— Привет, — чуть слышно ему в лицо. Бастард опешил от теплого приема.

А я ничего не чувствовала от страха. Только удар в грудь от сердца. Сейчас что-нибудь спросит.

— Аня, а что с тобой стало? — еще удар в сердце.

— Не сейчас, Вань, я немного занята... — в груди бухало, как лодка перед началом сильного шторма. Ой, что сейчас будет?

— Ань, что... — начал спрашивать Бастард.

— Вань, давай я через пару дней тебя сама найду, — шепотом добавила, пытаюсь остудить любопытство толпы. Не посвящать в тайны жизни и дальше. Аристократов не касалось.

— Ань...

— Паренек, отвали от Ананиной. Она на ближайшие дни занята, — на руке ощутила крепкий хват, что привел в движение мое тело. Заставил послушно отойти назад, глядя на непонимающего Ивана.

Не думала, что этому человеку буду благодарна.

— Тебя ждем, бегом, — кивнул Трески на один из нефаэров черный. Фух!

В окно наблюдала за одиноко стоящим Иваном на площадке. После нашего медленного отъезда на парковке почти никого не осталось.

В первый день знакомства думала, не смогу запомнить черты лица Ивана, теперь похоже его лицо в кошмарах будет наведываться. Как поступит дружок настоящей Ананиной?

Пальцами барабанила по дереву дверцы. В салоне витала тишина. Девочки очень настороженные, выпятили грудь, как будто им под лопатки иглы вкололи.

Совсем не умели общаться Аристократы и Бастарды между собой. Разве что Трески очень сильно пытался, но никто не помогал. А Хаски разговаривал по телефону и управлял автомобилем. И все-таки, что за маскарад? Почему он выглядел, как моя копия?

***

В напряженной обстановке за четыре часа добрались до нужной точки. Погода разительно отличалась от климата Арзонта. Снежные горы. Мороз, как у нас у Гнетовцев.

Искрящийся снег, как же соскучилась по нему. На минуту прониклась ностальгией по дому. Там в ноябре всю лежал снег на земле, и я всегда ходила в теплом пуховичке, как мерзлявый Бастард. Аристократы в легких курточках.

Но время возвращаться к настоящему. Мы в Белесье. Широкая дорога, расчищенная от

снега, привела к трехэтажному домику. Наподобие ресепшена.

Вокруг деревья, запорошенные снегом, словно прошла метель и на ветках лежал иней. Красивые, необычные вырезанные статуи зверей изо льда. Сквер с беседкой и не работающим фонтаном.

Из ресепшена гостей отвели в домик номер одиннадцать из красного кирпича, показали что и где. В какой стороне объяснили горки, кратко проинформировали о правилах поведения на территории.

Как давно не появлялась в подобных местах. Странно? Почему Аристократы пригласили четверых Бастардов с собой? Не уж-то объявлено перемирие?

Вечером устроили небольшое пиршество по случаю приезда, но поскольку время здесь позднее — восемь вечера, внешнюю разведку оставили на завтра. Четыре часа разница между Арзонтом и Белесье.

Сегодня — ужин, вино и теплая кровать. Спустились поздно, пропускали Аристократок. Кто бы позволил принять душ раньше? Подруги конфликтовать не любили и ждали, когда звуки воды утихнут, только потом осмелились выйти освежиться после долгой дороги.

И конечно, я не преминула Волчицу отпинать за длинный язык. Призналась, что Иван мой приставучий поклонник, от которого скрывалась долго. А эта дылда рассекретила.

Спустившись вниз в гостинную, с завистью поглядела на довольных ребят с набитым ртом. Как есть охота. Целый день без еды.

На вальяжно развалившегося Хаски не забыла посмотреть. Он напротив стола с почти пустой тарелкой, ни на что не отвлекающийся. Наш приход Аристократ пропустил мимо ушей, изредка бросал взгляд на бокал с красным напитком. Вином? На коленях Дмитрий держал маленький ноутбук. Все внимание и доставалось именно ему.

Так, не думать о еде и бесполезных всяких Хаски. Главное не сдохнуть с голода.

Камин. О, да! Об этом забыла упомянуть. Тут невероятно жарко от посверкивающих в огне поленьев.

В тот вечер после теплого душа и вкусной еды сидела недалеко от Хаски и едва не клевала носом. А бокал шампанского настырно закрывал глаза. Хаски весь вечер почти не поднимал глаз, изредка вставлял словцо в общественный разговор, чтобы со всем не выпадать из компании, а в остальном ниразу не взглянул на меня. Скучно как-то. К десяти часам вечера устала бороться со сном и одна из первых вместе с Машкой ушла в комнату. Наверное, последствия похмела.

Зато среди ночи проснулась, в половину третьего. Заснуть не могла, вертелась из стороны в сторону, потом приспичило попить. Накинула вещи на всякий случай, спустилась вниз, будучи уверенной, что там никого быть не могло. Даже Аристократы должны спать в такое вре...

На половине ступеньке остановилась, лицезрев на диване полулежавшего Хаски с ноутбуком в руках. Словила морщинки на его лбу и пальцы, подпиравшие лицо, как подставка.

— Привет, полуночник, — надо было что-то сказать. Приветствие Дмитрий проигнорировал, правда кивнул. А это прогресс.

Прошла мимо к холодильнику. Налила попить обычной воды, возвращалась по коврику обратно к лестнице и не удержалась. Поставила локти на спинку дивана.

— Слушай, ты зомби? — уточнила. В ответ получила разворот головы и приподнятую

бровь в не заданном вопросе. — Они не спят по ночам, — пояснила.

На что Хаски кивнул и вновь вернулся к ноуту. Мой тупой юмор не оценен.

Понимаю, что как бы не мое дело, но... Пашку — братца своего никогда таким не видела. Он всегда успевал погулять, поиграть, попутешествовать и по телочкам побегать.

— Ты всегда отдыхаешь с ноутбуком в руках?

— Сегодня полдня провел за рулем, пришлось вечером отдуваться.

— А никак приостановить твою деятельность на выходные нельзя? — я демонстративно поставила палец на крышку ноутбука и очень медленно стала на нее давить, закрывая. Нет. Поднял крышку обратно, глазами изучая светлый экран.

— Здесь много интересного. Кто знает, что можешь пропустить, — пожала плечами и попыталась вымучить из себя улыбку. Представьте, очень сложно улыбаться Хаски. В конце концов, знатно жизнь подпортил, а я о нем волнуюсь. Тоже мне. Пусть сидит тухнет.

Подняла локти с дивана и пошла к лестнице.

— Доброй ночи, — воспитание никуда не денешь. Как кожа, оно всегда на мне.

— Доброй, — послышалось в спину. Должно быть еще сплю. Выкинула из головы все нежелательные мысли. Сделала, что могла. Хочет заработать синяки под глазами, его проблемы. А я пойду отсыпаться. Ему достаточно четырех часов для полного восстановления сил, а мне и семь не всегда хватало. Слабенький я Бастард.

Глава 19 "Экстремальные горки"

Глава 19 "Экстремальные горки"

Довольно темно, хотя самый пик дня — двенадцать часов. Я так и не поняла, как называется это сооружение, похоже на подъемник в виде закрытой стеклянной кабины. Наверное, подъемник. В него мы благополучно забились с целью осмотреть достопримечательности Белесья сверху: и снег, и зелень, и море за пределами гор.

Но в нашем случае план оказался перевыполнен. На высоте примерно двести метров располагалось около двадцати человек. Едва-едва могла дышать. Грудную клетку — подпирало тело Трески. Не нравится мне его поведение. Пускай я маленький Бастард, и гляжу ему ровно в ямку между ключицами.

— Что тебе надо? — подняла глаза, которые сегодня решила не утрачивать с определенной целью — показать Хаски, что я далека от уродца. Но в жизни всё не по уставу. Лицо повернуто к Трески, а задом постоянно ощущала ноги Хаски. Вот такая разница в росте. До бедер не доставала. Что за невезуха?

— Бутерброд... — пояснил с усмешкой Трески. — Ты серединка — мы с Диманом по бокам...

— Увольте, — раздалось за спиной. Снял с языка, Хаски. — Может отодвинешься? — постучал по плечу. Я обернулась.

— Как видишь, не могу. Придется потерпеть мое жалкое присутствие, господин недотрога, — с сарказмом сказала. На это сзади не ответили.

Сколько мы будем путешествовать в замкнутом пространстве? Хотели называется посмотреть красоты Белесья. Через головы людей не разглядишь красоту внизу. У меня начинались головные боли от недостатка кислорода. Помассировала виски, склонив голову.

Сильный грохот заставил руки схватиться за запястья Трески. Что это? Аристократ улыбнулся. Не почувствовал? Очередной стук по кабине.

В ушах одновременно загудели несколько звуков: шум ветра, напевающего на ухо мелодию, и стук двух массивных предметов друг с другом. Как камень с камнем. Фоновым звуком донеслась какофония разбивающихся осколков.

Предметы, люди пришли в движение. Визг голосов оглушил. Двери подъемника отсутствовали, оттуда сквозил ветер. Едва не потеряла опору под ногами, но благо Аристократы прихватили за локти. Пространство вновь пришло в движение, и теперь я не стояла, а висела. Под ногами огромный белый настил снега. Обманчиво мягкий, невероятно далекий.

Рывок за руки. И я в относительной безопасности. Перекладина за спиной мешала упасть в снег. Хаски и Трески по бокам.

Кабина подъемника наклонена боком вниз, один из металлических тросов сорванный периодически стучал по окну. Провод коротил. Это плохо.

Морозный воздух закрепился в легких и тут же был выгнан сильнейшим ударом в спину и грудь. Поперхнулась, подумав что после такого удара могла сломать и ребра. Тело сжал прочный, черный канат из металлических прутьев, лишая возможности вздохнуть.

Обернулась назад, откуда прилетело. Канат змеей уполз вниз, освободив ребра.

В проеме подъемника человек — Пб-ник. Их же подчистили насмерть, папа постарался. Но это Пб-ник. В грязно-серой форме и с распахнутыми железными крыльями —

высокотехнологичная гибкая конструкция, созданная Баллийцами. Два крыла около метра в длину, распахнутые, способные двигаться при необходимости. Каждая металлическая вставка, как паутинка, отвечала за целостность конструкции. Нарушишь одну, устройство придет в негодность.

Взмах каната между мной и Пб-ником, и пространство вновь в движении. Орудие не держало, оно только ударило и исчезло. А я стукнулась о стену плечом и пронеслась вниз. Скользила не в силах остановить падение в открытое снежное пространство. Каната не было, Баллийца тоже.

Искрящийся снег подо мной. Белоснежный и будто зазывающий окунуться в объятия. Ногами попыталась затормозить. Безуспешно. Успела развернуться на живот, надеясь спастись, если зацеплюсь за пол руками. Не долго так выдержу, но хоть что-то — может перемещусь от испуга. Где моя сила? Где она, когда так нужна?

Ногтями царапала грязный пол, хорошо никто сверху не летел. Ноги потеряли ощущение твердой поверхности, и я рухнула вниз в пропасть, почти невозможно уцепилась за край пола. И почувствовала полный простор внизу.

Ни страха перед смертью — а это факт двести метров над уровнем сугроба. И отжаться на руках не могла. Они не слушались, висели неподъемным грузом, словно трость не сгибающаяся. Я умела реагировать на критические ситуации. Обученный боец, почти поступивший в Военку элитного служащего боевого взвода. Но сейчас не могла адекватно воспринимать информацию. Руки тряпичные, безжизненные, как у маленького ребенка не знающего, как обращаться с ними.

По сторонам никаких звуков. Никаких Пб-ников, звуков крыльев, рассекающих воздух. Относительная тишина на высоте. Куда делись? Или охрана активизировалась Белесья?

Моих сил надолго не хватит, а если кто-то сорвется из оставшихся людей... Задрала голову и не поверила глазам.

Хаски схватили за руку, не пнул и не выкинул. Как пушинку забросил обратно в кабину. В тепло и на твердый пол ногами. Не сразу поняла, что произошло. Нервы от напряжения подрагивали, и мышцы не слушались.

Мое тело Аристократ прислонил в угол кабины. Туда, где более или менее безопасно, а когда закрыли спасательной, мощной грудью задрожала по-настоящему. Я на волосок. Поправка — мы все. Аристократы и Бастарды.

Кабина раскачивалась из стороны в сторону, вися на одном проводе, подобно велению ветра. Хаски с двух сторон сдерживал натиск сверху, где на него кто-то рухнул. Дмитрий повел плечами, скидывая человека вниз от себя подальше. Понимала, что бесчувственно, но не имела права осуждать. Меня он выдернул из белого плена снега. Наши глаза встретились — и оба неадекватные.

Машка с Виталиком в самом углу сверху. Им трудно, учитывая, что Мария их держала обоих на одной руке. Трески сверху по середине вцепился в поручень. И несколько таких же бедолаг, как и мы. Далекое не двадцать человек, гораздо меньше.

Хаски поднял одну руку перед лицом — левую, постучал пальцами по циферблату наручных часов. Знакомый знак. Вызывал охранников? Боюсь только это и может спасти. Оглядела кольцо с голубым сапфиром. А где его личный охранник? Не настолько критическая ситуация? По-моему хуже некуда...

Хаски оглянулся назад, переглядываясь с друзьями. Внезапно мощная вибрация исполосовала спину, которой я соприкасалась с металлической стенкой. Мышцы

одеревенели. Простонала от боли ели слышно.

Скрежет. По середине корпуса прошла расщелина, увеличившись с нескольких сантиметров до огромных размеров, прорвав корпус и разделив на двое за несколько секунд. Хаски обернулся на меня, и я прочитала удивление в его взгляде, впервые. Он не контролировал ситуацию, не знал, что делать. Может это придало сил.

Почти не испугалась, когда половинакабины оторвалась и под воздействием силы тяжести рванула вниз. А мы остались в легком полубьютии.

Я вцепилась неосознанно в крепкие запястья мужчины рядом и закрыла глаза. Посильнее подтянула свое тело к нему. Страшно немного лететь, сдерживая крик в горле и слыша свист ветра, шепчущий о кончине. С такой силы вцепилась в большую ладонь Хаски, едва не когтями царапая кожу. Страшно. Но так комфортнее. Мне казалось Хаски всегда выйдет из положения. Каким бы страшным оно ни было. И не верилось в неизбежную смерть.

Больно. Поняла спиной, врезавшись во что-то твердое и холодное, похоже, что снег. Потом тяжелое тело сверху придавило, как плитой. Имыпокатились головой, спиной, собирая синяки.

На земле. Хотелось завопить, заорать не своим голосом. Я жива. Я чувствовала землю.

Переместилась. Спасибо всем силам. Мы долго летели, врезаясь друг в друга. Но я ощущал что жива, благодаря этим ударом. Больше не над пропастью — жива. Эта боль такая сладкая.

Когда остановилась почувствовала на спине — руку, сбоку — тепло чужого бедра. Хаски? Он летел со мной. Не верю. Перемещение в очередной раз спасло жизнь. Я так и лежала, а холодный снег таил на лбу и носу.

— Жива? — задал вопрос хриплый голос рядом.

— Почти нет, — ответила в тон. Встать не собиралась, хоть убейте. Но мысль, где Машка и остальные заставила поднять голову.

Кабинку и ее оторванный трос возвращали в нужное место. И они целые, вроде. Счастливые крики и свист изнутри. А пораньше нельзя было, прежде чем нас за борт выкинуло? Вот это экстремальные горки в Белесье. Никогда не забуду.

***

Если вы до этого места прочитали, то огорчу или обрадую не знаю, но это половина книги. Впереди столько же. И наконец-то, мы почти добрались до всякой романтики и жесткой эротики.

Автор всех благодарит за чтение. И очень был бы рад всяким сердечкам и комментариям!

Глава 20 "Два полуночника"

Глава 20 "Два полуночника"

Самое лучшее средство — это тепло и уют от стресса. Так и было. Чашка горячего дымящегося и главное ароматного кофе не давала утонуть в пучине страха. Руки хоть и подрагивали на чашке, но я пыталась отвлечься на огненное тепло в ладонях.

Дали пострадавшим пледы, завели в холл основной гостиницы. Усадили в мягкие кожаные диваны, разожгли камин. Становилось слишком жарко. Но это лучше чем холод, который морозил в груди после происшествия.

Кристина сидела на подлокотнике моего кресла и потирала плечи в успокаивающем жесте. Как давно обо мне не заботились, сразу вспомнилась семья. Когда я заболела у моих начинался общественный траур, попятам ходили, пичкали таблетками, поправляли простынку и отпаивали куриными бульонами.

Хаски. Как только мы поднялись, набежало стадо спасателей и медработников. Он же шагал рядом и осматривал окружающее пространство, что-то обдумывал. И сейчас Дмитрий разговаривал с КМД-никами. Теплый костюм на нем, но по жестам и движениям не скажешь, что парень час назад перенес сильнейший стресс. Он уверен в себе, как и всегда. Как ему это удастся?

Хаски- сталь, причем непробиваемая, которую хотелось пробить, выбесить, расшевелить, чтобы посмотреть насколько она прочная.

Я очень любопытная. Зубы постукивали друг об друга, но это терпимо. Маша жива, но виду не показывала, что страшно. Одна Волчица разглагольствовала:

— Как я рада, что не поехала с вами. Ты не представляешь, — шепнула она мне на ухо, поглядывая на компанию молодых мужчин — наших со-путешественников, которые бурно обсуждали ситуацию.

КМД-ники не теряли бдительности, осматривались по сторонам, возбужденно переговаривались. Поздно. Вы подвергли наследника Хаски опасности, его папаша с вас шкуру сдерет.

Только, странное дело, сложилось впечатление, что Пб-ник хотел убить меня, а не наследника. Не зря чуть не пробил спину канатом металлическим.

— Уважаемые клиенты отеля, — от ресепшена отделился управляющий. Довольно улыбающийся мужчина средних лет, судя по легким морщинкам. — Просьба оставшееся время до утра провести изолировано в своих домиках. Отель возместит время, только просьба — не игнорировать. Дело вашей безопасности. Прошу пройти к своим домам! — мужчина как бы скомандовал в противоположную сторону от себя — к двери.

А дальше типа не наше дело? Да? Так и кто же залетные птички?

Последствия стресса сказались спустя несколько часов, когда я не смогла прикрыть глаз. Они постоянно распахивались, будто в них вставили пружину.

В окне комнаты виднелся фонарь, который освещал небольшой снегопад. Не сильный, спокойно падающий вниз на землю.

С какой целью разрезали подъемник, неужели реально хотели убить наследника? Глупо, за ним невероятная защита. Польски — не наследник, вряд ли он важная шишка для Арзонта. Небольшой желудь. Дорадо Виталик — тоже не наследник, к тому же не настолько богат. Трески — один из трех младших братьев. И я. Кому мы могли понадобиться? И вопрос

почему выкинуть из подъемника хотели меня?

Волчица давно посапывала в кровати рядом по соседству, а я не в силах заснуть переворачивалась с бока на бок. Резко встала. Напялила спортивные штаны, кеды на голые ноги. Леню носки искать. Но бандаж нацепила на грудь. Отлично, плоскость.

Наследник Хаски имел наглость вновь спасти безродного Бастарда. Честное слово, зачем? Он же меня ненавидит. Именно эта причина не давала уснуть и заставляла беспокойно вертеться в поисках ответа. Не люблю быть кому-то должной, как теперь ненавидеть Хаски от всего сердца?

Спустилась на первый этаж, мы-то на третьем с Волчицей, и на последней ступени притормозила движение.

Не надо пугать своими глазенками. Порой мерещится, будто я главный по нечистой силе. Не привыкла к такому отношению.

— Прости, помешала? — на вопрос Дмитрий не ответил, вернулся к изучению планшета. Сам сидел за столом и попивал напиток в бокале — пузырящийся, светлый.

Хаски — ты такой спокойный. А я глаз не смогла сомкнуть, боялась кошмаров. Пусть так, хочу чай. Прошла мимо статуи человека рядом к чайнику, нажала на кнопку вскипятить.

— Какие выводы сделали? Перепады энергии, сбой сети? — пока закипала вода, развернулась, глядя на плечи мужчины перед носом.

— Да, — ответила спина. Врешь отлично. Чтобы в ваших сетях был сбой, как минимум должно случиться наводнение и землетрясение одновременно, тогда бы поверила.

— А неофициальная версия?

— Тебя не касается, — как топором рубанул. Сразу захотелось замолчать, но не могла. Не люблю неведение.

— Теракт? Пб-ники? Баллийцы?

— ... - молчание лучший ответ.

— Цель ты? — не унималась я.

Стул скрипнул по паркету раздражено, громко, также и Хаски поднялся нервно и достаточно резко. Неужели собрался уйти подальше от меня и расспросов?

Но нет. Дмитрий достал пачку сигарет, лежащую на камине. Закурил и встал там на середине ковра, глядя на ярко-пылающий огонь.

— Мы под куполом энергетическим. Кто-то либо пробил его, либо... — продолжала доставать мужчину.

— Заткнись... — последовал ответ мне.

— либо отключил...

— Заткнись! — более громко сказал Дмитрий, поворачиваясь лицом. — Тебя не касается. Завтра назовут причину теракта. Ясно?

— Не ясно! — попыталась перекричать звук вскипающего чайника, но он внезапно замолк. А мой голос не так легко опустить до нужной частоты. — Я там чуть не подохла вместе с тобой. И хочу знать, за какие заслуги? Ты цель или...?

Чуть не проговорила, что могла быть и я виновницей теракта. Вовремя Хаски перебил:

— Я цель. Всегда я...Виновник теракта...всегда...я, — резко затушил бычок в пепельнице и широким размашистым шагом двинулся назад к столу.

— Я не имела ввиду, что ты виновник, — запоздало попыталась вернуть разговор в более спокойное русло. Глаза спрятала в кружке, куда лила кипяток:

— То, что тебя хотят убрать каждый пятый — это не твоя вина. Я тоже там едва не подохла. И ты спас меня. Не строй из себя такого черствого, безэмоционального мистера Хаски. Тошно... И я спать не могу. Кошмары снятся. Хотела у тебя найти способ отвлечься.

Чай взяла в руки и решила выпить в комнате наверху.

— И спасибо за спасение, — сказала напоследок. Чашка чуть не упала на пол от внезапного ответа.

— Сядь, — застыла на месте с бокалом чая, занесенным перед лицом. — Я тоже не могу спать в такие моменты.

Развернулась резко и не двигалась, вероятно послышалось? Хаски наливал кофе в чашку, находясь спиной ко мне. Что оставалось делать? Мы — два полуночника.

— Отвлеки от мыслей, — это прозвучало почти, как просьба. Просьба от наследника Хаски?

Сначала молчали, как будто рот зашили прочными нитками и боялись их разорвать. Боялась расслабиться, держала ровно плечи и мелко пила чай. Предпочитала смотреть на камин. Как сегодня тихо у нас в домике? Из окна открывался вид на пушистый снег, кружащийся возле крыльца.

— Сейчас зачищают местность, поэтому нас попросили остаться, — с удивлением поняла, что ты обратился ко мне. Хоть и не удостоил взглядом, но дал запоздало ответ на заданный прежде вопрос. Пришлось кивнуть.

— А где летал твой охранник, пока мы с тобой в открытом пространстве Белесья порхали? — попеняла я. Посмотрела чуть укоризненно на наследничка. Ямочки на его щеках расплылись, запрещенный прием.

Вся злость мигом скатывалась, как таящий снег с лица.

— Он с нами летал, — пояснил мужчина. пальцем с кольцом постучал по столу между нами. Кольцо — то я видела.

— В момент опасности они становятся видимыми или не так?

— Много знаешь про охранников? — похоже ответа не даст, ловко увертывался.

— Поняла! Не мое дело. Твои секреты — только твои... Значит, я зря поседела на несколько лет пока пермещала нас?

— Зря, — хмыкнул.

— Часто подвергаешься нападениям? — само собой вырвался вопрос. Не то, чтобы мне было дело до состояния его здоровья. Он не обязан отвечать. Но как не странно, Хаски развалился поудобнее на стуле.

— Бывает, — не стал жаловаться. Ути-пути хотим казаться нестигаемыми. За щечки бы потрепала.

— А можно еще вопрос? Или от моего словоизлияния мозги в трубочку завернулись? — пожал плечами, соглашаясь.

Я опустила глаза на руки Аристократа, не закрытые белой футболкой. Смольно-черные татуировки уродовали его кожу.

— Почему идеальный наследник, глубокоуважаемый Дмитрий Сергеевич Хаски, ненавидящий любое упоминание о Бастардах, яркий цвет волос, проколотые части тела, и татуировки, изуродовал себе руки?

— Может я не так уж и ненавижу Бастардов? Я их фанат тайный, например? — усмехнулась над очевидным желанием отвертеться от распросов сторонних.

— Ты никому не доверяешь? — по глазам и напряженным рукам видела, что зря

копалась. Промолчал на вопрос и отвел взгляд вскользь на огонь в камине. Да что, ты такой неразговорчивый? Серьезный. Мне хочется тебя растолкать.

— А ты всегда такой... — покрутила пальцами возле его лица, подбирая нужное выражение. — Тухлый. Во! Точно. Ты жутко серьезный!

— Какой есть, — ответил мужчина равнодушно. И чтобы это должно значить? Я его достала?

— Я тебя не укушу, если чуть расслабишься. Поверь, мои микробы не заразны для тебя...

— Ананина, у меня мозги есть. Этого я меньше всего боюсь.

— Тогда расслабься, — попросила парня и улыбнулась очень натянуто, но как бы демонстрируя, как нужно общаться. С эмоциями. — И я знаю, почему ты сделал тату.

— И почему же? — провела указательным пальцем по одному из витков татуировки, на что Хаски едва заметно вздрогнул.

— Шрамы. Под твоими тату прячутся шрамы. Напоминание о чем-то неприятном, что ты не пожелал стереть из памяти? Мои домыслы — верны? — не ответил. А я что ожидала? Разговора по душам? Глупо надеялась. Вздохнула обреченно.

Сидеть и пялиться друг на друга несколько смущало, поэтому решила посмотреть телевизор, а то повиснет неловкое молчание.

— Не против фильма? — на всякий случай поинтересовалась по дороге к камину, где на подставке лежал пульт.

— Не против, — я обернулась, чтобы посмотреть с каким лицом ответил. Мне интересно увидеть изменяющуюся мимику на мужском лице? Больно не часта она, кроме разве что гнева.

Мужчина пожал плечами безразлично и отпил кофе. Подставил второй стул к себе под ноги и развернулся к телевизору. Не забыл, конечно, планшет взять. Интересно, он сексом тоже занимается с планшетом? Тьфу-тьфу, Вильмонт, очнись! Какой секс?

Пощелкала пультом, по телевизору нашла какую-то старинную комедию. В час ночи комедии? Повторила позу со вторым стулом. А что, так удобнее? И мы параллельно друг другу, смотрели сквозь диван в направлении телевизора, попивая напитки. А мужчина иногда посматривал на планшет и что-то отвечал.

— Обожательницы? — со смешком не выдержала однажды.

— Работники.

Изредка перебрасывались замечаниями по поводу фильма. И Хаски, и я не первый раз смотрели эту комедию древних времен.

Но...мне комфортно. Напряжение, сковавшее металлической проволокой внезапно стало раскручиваться, пока окончательно не отпустило. И я смогла вздохнуть полной грудью. Без страха и воспоминаний. Забылась и расслабилась. Кажется, и Дмитрий. Он стал закрывать глаза. Ничего себе. Настолько расслабился рядом со мной, что заснул!? Вот это больше всего удивило.

Минут через двадцать поняла, что сосед слишком равномерно дышал. Пожалела его спину, да и фильм почти закончился.

— Пожалуй, пойду отдыхать. Ты одним глазом спишь, — в какой-то момент сказала громко, чтобы привлечь внимание.

Хаски в странном, неряшливом состоянии: глазами перебегал от меня, склонившейся над ним, на телевизор, камин и на окружающее пространство, пытаюсь вспомнить, что

произошло. Послушно встал и в полудреме поковылял за мной на лестницу. Ему на второй этаж, мне — на третий.

Глава 21 "Детонатор"

Глава 21 "Детонатор"

Солнце ярко светило в окно. Пришлось проснуться несмотря на раннее утро. Как здесь рано вставало солнце. Через смеженные веки пробурчала и отвернулась на бочок правый подальше от света. Угораздило выбрать кровать рядом с окном.

Волчица на соседнем ложе активно посапывала, ногу вытянув к полу. Как осьминожка вечно разбрасывала длинные конечности, а я любила калачиком свернуться и спать, укутавшись в теплый, мягкий плед. Сон ускользнул из цепких коготков и ловить его не хотелось.

Что имели на данный момент времени? Установилось относительное перемирие между мной и Хаски — это немного радовало, но удивляло. Резкая смена. И отношение Фристократов пугало. Что им нужно от нас? Это главный вопрос, на который необходимо найти ответ.

— Волчица, подъем! — достав подушку из-под головы, отправила на спящее лицо подруги. Ева забавно почесала нос во сне, поэтому захотелось съездить по нему чем-нибудь потяжелее.

— Ау, — дернулась соседка, когда подушка стукнула ее по лицу.

Затем прилетевший объект упал на пол. Я ладони поставила на ламинат, тело оставив в том же горизонтальном положении. Медленно стала перебирать руками к месту, где валялось орудие пробуждения или скорее улика против меня.

— Убью, — прохрипело сонное создание, прикрыв глаза рукой. — Башка трещит.

— Нечего было самогон пить. Он никому здоровья не прибавляет, — нащупала я подушку и забрала аккуратно с собой. Задним ходом возвращалась на ладонях.

— Это все Пудель, — моя кличка приелась в нашем обществе, только бы при нем не ляпнуть. — Яйца подкатывал весь вечер!

Поведала соседка, находясь на грани сна и реальности.

— А ты? — спросила я и подперла ладонью лицо. — Неужели отказала? Такой шанс?

— А я пока раздумываю, — глаза Волчица, наконец, смогла открыть и с трудом, но привстала.

На голове ее кавардак. Хотя, на моей наверное тоже. А, нет, накладные волосы не лохматились и почти всегда выглядели расчесанными. Единственный плюс у этой прически. Как я соскучилась по своим прекрасным, длинным, темным волосикам!

— Ты не теряйся. От тебя разве убудет? — продолжила глумиться, несмотря на не игручее состояние соседки.

— Ну-ну, — приподнявшись с кровати, гордая красавица с всклоченной головой продефилировала мимо меня на выход. — Это тебе не следует теряться.

— Я как раз этим занимаюсь. Теряюсь среди вас... — прошептала себе под нос, когда за Волчицей закрылась дверь.

***

Через час Бастарды, облаченные в повседневную одежду спустились вниз. Девять утра.

Эх! Эти Аристократы. Пять часов они полны сил и здоровья, я после пяти часов сна похожа на вареного лебедя. Также грациозна.

— Доброе утро! — пожелала, спускаясь с лестницы. Сейчас бы кофейку горячего. Запах

в зале раздражил вкусовые рецепторы. Кто-то пьет кофе. Мне и захотелось.

Нам помахали рукой дружелюбно.

Прекрасные Аристократки были активные и улыбчивые. Мне бы так. В кулачок тихо зевала, пока заваривала кофе.

— Из домиков разрешено выходить, — услышала от Трески, отвечал кому-то на вопрос. — Посторонних на территории не обнаружено. Администрация принесла глубокие извинения, о, Великий Наследник Хаски!

Я встала возле кухонного стола, задом к чайнику, пальцами обхватила теплую кружку и вдыхала горьковатый запах. Макс с неизменной улыбкой на устах говорил с Хаски. А я за ними смотрела и грела уши. Трески обернулся, поймав мое внимание. Тонкая нить вопроса повисла между нами.

— Хочешь о чем-то спросить, Ананина? — удобно развалился на стуле. Не завтракал.

— Кто это был? — отпила маленький глоточек очень крепкого кофе, желая быстрее взбодриться. Встала, но проснуться забыла.

— Пб-ники, — пожал плечами.

— Их подчистили, разве нет?

— Бастардов слишком многие ненавидят. Уничтожать можем бесконечно, но всегда найдутся мечтающие вас убрать... — я молча приняла ответ.

Мы никогда с Трески не общались серьезно, поэтому не знала верить ему или нет. Хаски в разговор не влезал. Слушал и делал выводы.

Я вновь задала вопрос:

— Зачем Пб-никам наследник Хаски? Или цель не он?

С лестницы спускался Пудель, он и ответил:

— Кончайте базар, — веселый и беззаботный, как всегда. — Цель была не наследник, а вы... Волчица, доброе утро. Ты и с утра, как цветок прекрасна... — парень подмигнул подруге.

Изумилась, как равнодушно Евлампия ответила молчанием на красивые, правда фальшивые слова Аристократа. Волчица валялась на диване и смотрела в телевизор. По утрам никогда не ела, исключительно в обед один раз. Боялась растолстеть.

— Значит, мы привлекли общественное внимание? — подвела я итог, следя за перемещением Пуделя. Он примостился рядом с Евлампией на диване, но ответил:

— Ага. Нападавшие устранены. Постараемся шумиху не раздувать...

Четвертый случай попытки моего убийства. Я слишком невезучая особа.

А теперь пора было вернуть добрый, не омраченный проблемами настрой и улыбаться беззаботно. Вперед, Ананина, покорим вершины гор!

Огромное заснеженное пространство раскинулось перед глазами. Повсюду ослепительный, искрящийся на солнце снег. Вдохнула полной грудью морозный воздух. Как дома! В Арзонте более сухой воздух, а здесь родной и узнаваемый. Улыбнулась. Огромное количество гор, трасс, пол дня можно обходить территорию.

Мы с Машей первые, самые смелые поехали, потом Кристина. А Волчица стояла наверху, боясь скатиться с горки, видите ли будет глупо смотреться. Шапку не одела. Очень ее волновала прическа, которую та наводила с утра пораньше.

Саша — моя старшая сестра была такого же мненья и предпочитала всем активным играм и развлечениям сидеть и тухнуть в кафе.

Снизу пока поднимались, оживленно обменивались впечатлениями. Это была самая

легкая горка, в меру длинная, плавная. По лестнице забрались вновь на гору, Волчица пританцовывала на месте от легких порывов ветра. Пудель стоял сбоку и шептал ей на ухо.

Бастарды первые вышли из домиков на прогулку. Аристократы долго собирались слишком.

— Ждать это не в твоём амплуа, — заметил Хаски. Тоже в костюме. Они не мерзнут как мы, но убиться вряд ли мечтают. Как удивительно, обратился ко мне? И не пялился в гаджет? Решил внять советам и насладиться отдыхом?

— Это ты медлительный, — пожалала плечами. — На! — всучила коврик свой, на котором скатывалась. Голубой, похож на линолеум.

— Так и быть, поделюсь. Вперед! — показала на ту гору, которую только что опробовала.

Хаски сначала посмотрел на меня, потом на склон, подошел чуть ближе к краю.

— Не бойся, это для детишек, — уколола я и хлопнула его слегка по локтю. Так и забыла там руку. — Ты когда-нибудь катался на горках?

— Лет в десять, наверное, последний раз. А там безопасно? — повернул голову в ожидании ответа.

— Я жива, — раскинула руки с улыбкой, как клоун на лучшем представлении. — Давай!

Не вытерпела ожидания и сделала самую величайшую глупость в своей жизни. Совсем не думала. Отец всегда говорил, что мало думаю прежде чем делаю. В очередной раз доказала теорию папы.

Хаски наклонил спину вперед, присматриваясь к спуску, а я его толкнула в спину. Упс! Он — двухметровый дылда накренился туловищем вниз, потерял равновесие. Взмахнул руками и покатился. Наша толпа вздохнула дружно. Конец света наступил, и мы стали его свидетелями.

А потом что-то с моим телом произошло. Оно стало невесомым и я полетела головой, спиной и попой собирая каждую кочку. Летела красиво, орала по началу, а потом поняла, что бесполезно и сэкономила дыхание. Материлась изредка. Сколько будет синяков? Летела пару километров в общей сложности, когда кувырканье стало приостанавливаться, поблагодарила высшие силы за конец пытки. И под конец почти не больно во что-то мягкое врезалась. Носом уткнулась в снег. С правого боку — тепло.

— Хорошо приземлилась? — ехидный голос, но чуть охрипший поинтересовался. Пришлось поднимать голову. Мстительный хомяк с ямочками на щеках!

— Привет, — заулыбалась идиотской улыбкой покаянной и невинной, на расстоянии десяти сантиметров от лежащего Хаски. Его лицо передо мной, а я ему в плечо едва не тыкалась носом. — Думала башка оторвется! Приятно видеть, как он смеялся. Благодаря мне или рядом со мной, показывая ребячливые ямочки. Как его грудь мелко подрагивала от рвущегося из горла хохота. Не думала, что увижу Хаски когда-нибудь настолько расслабленным.

Аристократ глаза скосил на меня и медленно уселся, прогибая спину и проверяя целы позвонки или нет. Я не могла перестать пялиться на него. Заставляла отвернуться, пока не заметил подглядывания, но тщетно. Не волновало, если он заметит внимание Бастарда. А это проблема.

Очнись, Вильмонт! Мысленно надавала себе затрещин и поднялась первая.

— Пойдем, — кивнула в сторону лестницы. Даже не удостоверилась, пойдет за мной или нет. Пошла первая. Забирались в полной, гробовой тишине. Хаски ее не нарушал.

Половина населения нашей компании убежало на горки. С визгом Имина и Олеся полетели на коврике, крича в полноту легких.

— Ты будешь кататься? — уточнила у Хаски, когда мы преодолели последние ступеньки, а то мало ли навсегда отмела у парня желание кататься.

— Полагаю, что да. Только на этот раз я сам поеду, — укоризненно посмотрел в мою сторону.

— Пошли вон туда, — и я показала на самую дальнюю гору. Вопрос читался в его сосредоточенных глазах. — Девочки вряд ли решатся на тех горках.

Качнула головой назад, где стояла в нерешительности Волчица, а Маша и Кристина ее уговаривали спуститься. И вовсе я не хотела провести с ним время. Мне нужен бесстрашный человек, который рискнет скатиться на двух самых опасных горах. Всего их здесь девять.

— Веди, — согласился без длительного уговаривания. А я уже приготовилась к длительной осаде замка.

— Начнем со второй по опасности и продолжим в таком темпе, — я улыбалась в предвкушении удовольствия.

Вдвоем среди заснеженных гор на грани адреналина. Я его в таком количестве не хлебала давно.

Скат был сделан по серпантину. Петляли по краю обрыва, от падения спасала сетка. Сквозь нее видели прекрасный пейзаж. Безбрежный океан снега с одной стороны. Голубое небо, сливающее с настоящим морем в одно целое. И зеленое пятно теплой Аномалии. Зеленое, голубое и белое. Смесь цветов. И яркое солнце точкой над головами. На миг забыла, что надо пугаться.

Ехали по одному, но Дима где-то впереди. Время пролетело незаметно, и я устала улыбаться. Скулы болели, но я смеялась и смеялась, как раньше спокойно, будто на плечах нет груза ответственности. Порхала, как птичка невесомо, наслаждаясь полетом и воздухом, бьющим в лицо.

Солнечный, прекрасный день!

Дима позволял тараторить, когда я была впечатлена горой.

В конце вечера, когда все склоны были покорены, решили подняться по подъемнику на самую высшую точку. Это он предложил, не я. Хаски улыбался, смеялся и по-моему ему тоже было со мной хорошо. Я это чувствовала. Во всяком случае, весело точно!

Солнце начинало садиться, уходило за горизонт. Мы — на высшей точке. Специальная мини-беседка над открытым пространством. Глаза опустишь вниз — и ты порхаешь. Я побаивалась всегда высоты, поэтому сильно не напирала на железные подставки. Мало ли сломаются. Но видом любовалась вместе с Хаски. Внезапно огорошил ответом на заданный вчера вопрос:

— Ты была права насчет татуировок. Это своего рода цена за титул наследника Хаски. Как угадала? — Дима повернулся ко мне, локтем опираясь о конструкцию. Я смотрела вперед на нескончаемые склоны снега и горы, стараясь не сильно пялиться на соседа.

— Легко, — с улыбкой ответила, но рассказывала больше воздуху, а не собеседнику. — У меня есть шрам. Подбешивает давно. Думала сделать на его месте тату, но постеснялась...

— Постеснялась? — очень плохой намек получился, сразу захотелось покраснеть. Боялась повернуться к мужчине. Хаски слишком близко и смотрел на щеку, изуродованную татуировкой. Я не про это тату, а про шрам под грудью, который мне оставил неизвестный Бастард за надменный отказ с моей стороны. Не буду же Хаски об этом рассказывать?

И почему он так откровенно пялился мне на лицо? И почему настолько темно стало вдруг? Уединенно.

Хаски как будто ждал. Но чего ждал?

По пальцам ощутила глупые мурашки, но не от холода. От предвкушения. Я слышала собственное сердце. Оно стало громким и сильным. Главным. Остальное на фоне ничтожное по сравнению с ним. Главное эти удары в грудь. Сильные и отчетливые. Знала, если повернусь...

И повернулась.

Пять сантиметров? Нос к носу. Ровный ослепительный блеск его улыбки. Как привороженная смотрела на губы. Эти губы уточкой, над которыми насмехалась не так давно.

А сейчас невероятно сильно вдавила пальцами в металлическую конструкцию беседки, не боясь примерзнуть, лишь бы прийти в себя, очнуться. Очнись, Вильмонт!

Губы Хаски сдвинулись в одну линию, прикрыв ровный проблеск зубов. Медленно, не спеша наклонились.

И глаза мужчины опустил на мои губы. Не спрашивал разрешения, а действовал. Он сам хотел поцеловать. Первый прикоснуться к Бастарду!?

Забвение спало, как солнце, севшее за горизонт. Я отпрянула назад от поручней, глядя в удивленного Хаски. Он распахнул глаза в ожидании ответа, почему отпрянула.

Но слова не слетали с языка, застряли.

Что ты творишь, Вильмонт? Что творишь!?

Передо мной детонатор. Не знаю, как зажгла фитиль, но я это сделала. А теперь огонь медленно побежал по проводу, связывающему его и меня, сжигая любые преграды на пути. И я не представляла, что будет, когда пламя полностью сожжет провод и доберется до детонатора.

Глава 22 "Ночной кошмар"

Глава 22 "Ночной кошмар"

Багряный, как кровь, огонь за его спиной. В сиянии пламени мышцы перекатывались под моими ладонями. Вдрагивали, когда я к ним прикасалась, поглаживала кончиками пальцев, поощряла к решительным действиям.

Слишком сильно давило сильное мужское тело, вжимало меня в кровать выпирающими костяшками бедер. Без возможности сдвинуться. Голубые, ледяные глаза отдавали пламенем. Согревали меня.

ЕГО тело в ярком сиянии огня, отбрасывало тень на абсолютно голое женское тело. МУжчина чуть приподнял туловище, давая вдохнуть воздух, прикоснулся носом к бархатной девичей коже рядом с губами. Нет оков. Нет сомнений.

Это мое тело и его. Провод давно сгорел. С жадным блеском в глазах мужчина просунул язык мне в рот, как полноправный хозяин и владелец. С резким толчком внутри меня одновременно парализовала буря, отчего я откинула голову назад. Не в силах выдержать равнодушно мощный рывок, перевернувший внутри каждую напряженную мышцу в теле.

Я в твоей власти. Моя буря.

Резко дернула ногой и подорвалась в кровати. Мать, моя женщина! Тело вспотело с ног до головы: особенно в районе волос, возле ушей и на затылке. Плечи под длинной футболкой стали влажные. Шумно вздымалась грудь, заново училась дышать спокойно, а не рванно. Между бедер болезненно сжимались мышцы. Чуть оргазм не словила. Леня! Где ты, когда так нужен? Я поехала по наклонной.

Поднялась с кровати, напялила одежду по максимуму. Телефон Волчицы подсказал время «5:30». Аристократы давно должны спать, значит могла спокойно спуститься без страха натолкнуться на плохих личностей, мешающих нормально спать.

Вода. Вода. Живительная вода. Я вспотела от страсти, где бы записать. Пробиралась по ступеням очень медленно, старалась не шуметь. Зал был пуст, что заставило успокоиться и вздохнуть с облегчением. При входе горели два светильника — единственное освещение и его хватало.

Спокойно, Вильмонт! Тебе Хаски не нравится. Это очень досадное недоразумение в результате слишком длительного воздержания. Лени не было четыре почти месяца, вот тебя и штормит или бурит лучше сказать. Отбурил во сне знатно. Как наяву.

Никогда не думала, что эмоции во сне сохраняются. Доказывали, что оргазм не возможно словить. Я почти поймала за хвост диковинного зверька. Умылась холодной, даже ледяной водой, налила в стакан живительную воду.

Приятная прохлада была необходима, доставляла расслабление напряженным мышцам живота и ног. Скрип двери позади. Обернулась со стаканом в руке и замерла. С балкона в темноту вышел силуэт мужчины. Они должны давно спать. Ну почему? Почему я разглядела его массивную фигуру, сквозь тьму. Физически напряглась, задеревенели мышцы едва узнала, кто передо мной.

Его руки в карманах белых шорт. Лица не видела. Хаски не двигался. С голыми ногами и руками вышел с двадцатиградусного мороза. Понимаю, теплообмен. Но! Что он делал здесь настолько поздно ночью?

Мы сегодня больше не разговаривали после того случая: не виделись и не слышались.

Эффект убегающего скунса в моем исполнении.

Бокал с грохотом поставила на стол, отвернувшись всего на секунду. Повернулась.

Сначала накрыл запах табака от одежды, потом ощущение легкого холода на коже. Затем Дмитрий резко поднял под попой и шмякнул на рабочую поверхность стола рядом с раковиной, чтобы я была повыше, но не подрассчитал. И я макушкой задела уголок шкафчика. Поморщилась и пропустила, как уверенные руки сначала раздвинули ноги, освобождая место для себя, а затем обхватили за волосы и за лицо, привлекая к себе ближе. Не успела ничего понять, только то, что меня похоже взяли в плен.

Зубами мы стукнулись не больно, но унизительно, как в первом классе. Был такой досадный инцидент когда-то.

Хаски не обратил внимания, не приостановился после неловкого столкновения. Проигнорировал досадное недоразумение. И мои напряженные ладони, вцепившиеся намертво клещами в его плечи. И испуганный взгляд и неуверенность.

Ощущение его губ такое же, как во сне. Как та буря, вторгшаяся в мои владения. Насквозь протаранил тело этими эмоциями.

Руками мужчина сдавил мою талию, так сильно насколько возможно, не давал вздохнуть полной грудью. Будто приказывал дышать нашим поцелуем и ничем более.

Язык во рту командовал. Забирал. Жалил. Иногда гладил. Делал то, что хотел, не спрашивая разрешения.

А я в его власти, на том вулкане, который горел в теле. Давно горел, а теперь полыхал во всю силу. И я текла лавой: медленной, горячей, и жаждущей согреть мужчину.

Прекрасная боль пронзала тело. Мечтала, чтобы она достигла максимума и взорвалась во мне.

Неосознанно прижималась к Хаски, как к источнику боли. Бедрa подтянула поближе к концу стола, потерлась о напрягшийся член в шортах. Очень медленно, чтобы прочувствовать изгибы. А мой стон — награда. Довести одним поцелуем и сном до ужасного состояния лавы смог ты первый, Хаски.

Его рука перестала сжимать талию, она прикоснулась к моей футболке...к груди. Погладила сквозь ткань...вышла заминка. Хаски прекратил целовать.

— Ананина? Ты реально плоская? — чуть хриплым голосом спросил ночной кошмар.

Я резко отогнула голову назад. Он и сам приостановил поцелуй, когда сказал эту фразу про грудь. Я в бинтах, а он...он... Как? Как можно испортить так весь момент? Подтолкнула его в грудь сильно, заставив отступить машинально. Спрыгнула со стола и в сторону выхода.

— Ананина... — смешок слышала. — это...

Я шла очень быстро и злостно, как бы пол не протоптала от злости.

— Молчи! — приказала ему пальцем.

— Вырвалось...

Резко обернулась на его фразу. Он улыбался. Улыбался после фееричного оскорбления. Я покраснела от жуткого жара: вся лава теперь на щеках. Готова была откусить ему руку, которой он гладил.

— Если нечего... то и не трогай, — недовольно буркнула. И по ступенькам шла подобно слону. Всех разбужу и стану свидетелями моего позора. Какой кошмар! Доской обозвали. Правда, я этого и добивалась.

Глава 23 "Баттл"

Глава 23 "Баттл"

Последний день в Белесе, и я молилась о скорейшем завершении.

Дикий зверь всегда прятался среди толпы, ходил молча, не привлекал внимания. Я и не замечала мощной ауры, пропитавшей пространство возле него. Словно хозяин, повелитель не говорил лишних слов. Отдавал четко приказы за спиной. Пока мы не столкнулись. Воля к воле. Вильмонт — Хаски.

Рыкнул мощно, заставив испуганно отступить назад маленькую, жалкую самку, чувствующую приближение сильного зверя. Попытался прикусить за попытку рыкнуть в ответ, но я увертывалась от когтей и пасти. Отступала, кружила возле него. А он из раза в раз пытался царапнуть лапой за хвост. Но я ускользала, как могла.

Внезапно зверь остановился. Принюхался. Потянул воздух и к моему удивлению присел на месте, забавно задергал хвостом по полу, намекая, что заинтересован. Я успокоилась. Не знала, как поступить, ведь его сила манила, как аппетитная вкусняшка, которую обожала. Я медленно сделала шаг, вильнув хвостом. Ниже по росту, щуплая, не с такой красивой, густой шерсткой.

Когда потеряла сигнальный маячок опасности, зверь сделал выпад, завалил на лопатки. Встал на грудь лапами и не давал дышать. Оскалился. Рыкнул.

Я зажмурилась, но вместо укуса мои губы лизнули. Я в сомнениях и страхе. Сердце скакало в груди, хотело в чужие, крепкие руки.

Но я открыла глаза в комнате. Волчица проснулась. Я не зверь, чтобы идти на поводу у инстинктов.

Леня нашел мой труп глубокой ночью. Два года дружбы. С того дня, когда спас от озлобленных одноклассников, напавших группой на беззащитную девушку в туалете. Леня был верным псом: охранял, защищал, следовал повсюду, преданный до тошноты. Я любила его как друга, как парня. Самое близкое существо, которому я могла поплакаться на трудности быть «мнимой» Аристократкой. Только он знал слабое «я». Первый секс и второй был с ними я его не предаю.

***

«Мария, мы заказали баттл. Не хотели вас будить. Адрес. 2 Солнечная. Корпус 2. Приезжайте. Такси оплатим.

P.s. Здесь действительно жарко.»

Откуда Виталик узнал телефон Маши? Ответ нашелся быстро. Когда меня бездыханную притащили из Амиака. Планы на вечер определены, а что такого? Могу я хоть немного развлечься? Просто развлечься, посоревноваться в баттле с зажавшимися детками. И вовсе я не в предвкушении, в легкой заинтересованности, запуталась в его корнях и выпутываться не желала. Что такого страшного могло случиться? Общественное место и нас двадцать человек. Больше народу — безопаснее для духовного равновесия... и принципов Вильмонт.

Теплая аномальная зона- здесь действительно жарко, с девочками сразу сняли верхнюю одежду, от земли невыносимо парило.

Бонфи. Огромная овальной формы площадка несколько километров в диаметре под куполом. Это баттл — старинная игра. Ее основоположник ветвь Шмонт, открыли много лет назад в честь дня Рождения Евгения Вильмонт.

Наслышана об этом комплексе. Не раз участвовала в боях. Мы с Пашей — братцем частые завсегдатаи баттлов, любили побегать и подраться безболезненно для себя и окружающих.

При входе нас встретила девушка в черном брючном костюме. Едва была произнесена заветная фамилия Хаски, повела наверх по извилистой винтовой лестнице. А дальше пролегал коридор строгой, ровной ковровой дорожкой, по бокам от которой начинались выходы в залы сквозь железные двери.

Напротив комнаты номер двадцать один, как гласила табличка, остановились. Дверь со значком двух рапир раскрылась.

Девушка придержала створки. Огромный зал в восемь метров высотой. Слева зона отдыха: диваны, стол, стулья. Справа начиналась черная сетка, защищающая играющих от плачевных последствий. По горизонтали — натянутый брезент. По нему забавно прыгать. Там внутри специальные устройства, вырабатывающие энергетические импульсы влияли на сознание людей, что приводило к обоюдным галлюцинациям. Обычные игры с энергией. Побочных действий ноль, ну могла голова поболеть у особо восприимчивых.

— Сначала раздевалка для мужчин, потом для женщин, — сопровождавшая женщина указала направление рукой. — Там вы найдете костюмы и снаряжение. Иван поможет разобраться с размерами, — в двери раздевалки обнаружился молодой человек — явной наружности Бастарда. Неплохо устроился парень.

— А где основная компания? — вырвалось неосознанно у меня. Пригласили, а зал пуст.

— Должны быть здесь. Возможно спустились в бар. Прибыли незадолго до вас, — женщина улыбнулась. — Наслаждайтесь игрой.

Волчица позвала в туалетную комнату. Машу с Кристиной прежде препроводили к серьезному парню Ивану, у которого и поинтересовались место расположением необходимой уборной. Как много в жизни Иванов. Бастард подсказал: «Налево по коридору, прямо, прямо, налево, направо и два раза налево!» Запомнили? Вот и мы с Волчицей болванчиками кивнули и покорно побрели. Сами решили найти.

В коридоре темно, несмотря на обед, окон не было видно поблизости, одни светильники на бордовых обоях немного освещали путь.

— С тобой что-то не так, моя милая! — Волчица приобняла за плечи и коварно улыбнулась. Я настолько предсказуема? Ответила взглядом молчаливого покорства и на руку ее глянула.

— Ты о чем? — спросила у любопытной и сняла с себя тяжелую конечность.

— Ты напряжена, — хмыкнула королева Бастардов. Люблю ее улыбку, убийственная. Даже для меня, как для девушки.

— У тебя мнюха! — Волчица скептически хмыкнула на ответ.

Коридор разделился на три полосы движения, и мы остановились в нерешительности. Что там говорил Иван? Куда первым делом? Налево?

— Дмитрий, как положено сделано! — я резко схватила подругу за плечо и дернула назад, вглубь коридора. Нет. Не упоминание Дмитрия заставило спрятаться. Не мужской голос. А знакомые хриловатые, бассистые нотки человека.

Муж двоюродной сестры. Леха Скала — лысый здоровяк с проломленным черепом. Тупой немного. Прислонила Волчицу спиной к стене и приложила палец к своим губам. Молчи. Голоса были слышны. Их трое.

— Заказал, — опять Леха ответил на какой-то вопрос. Позорно прослушала, пока

восстанавливала дрожащие пальцы. Волчица удивленно озиралась.

— Отлично. Через два дня вернусь в Арзонт, договоримся о поставках. Ты какими судьбами? — поинтересовался Хаски.

— Иногда надо отдыхать от семьи, — противно засмеялся Леха. Значит, отдохнуть надо, скот!?! Всегда тебя не любила. Иринке расскажу, как только выберусь из шкуры Бастарда.

Затем послышался мужской треп.

— А почему подслушиваем? — шепнула Волчица, устав лопатками подпирать стену.

— Надо, — ответила и показала закрывающийся на замок рот. Пора отсюда валить по добру по здорову, потому что если они меня здесь найдут...капут.

Расслышав шаги, с Волчицей переглянулись и одновременно сделали несколько шагов назад. Нырнули в дверь с надписью двадцать пять.

Комната баттла с играющими людьми, которые пока что не обратили внимания на незваных гостей в лице нас. Слишком были поглощены игрой, судя по визгу и перемещениям.

— Что мы делаем? — обернулась Волчица ко мне. — Какого чуда прячемся?

— Надо, — повторила я выразительно, глядя в глаза подруге. — Понимаешь, надо!

— Поняла! — гаркнула она и отвернулась, изучая обстановку. Скоро игроки заметят лишних людей в помещении. Леха должен был пройти мимо. Отсчитала по возможности минутку и, открыв обратно дверь, нырнула в темноту коридора Бонфи. С осторожностью заозиралась.

Шагов не было слышно, но голоса не прекратились. Любопытно. Трески.

Опять с подругой остановились около двери, сделали неуверенные шаги к краю коридора, где следовало разделение перекрестка.

— Принес, — это Макса голос. Что заставило меня заткнуться и остановиться? Предчувствие? Страх?

— Не заметно, добавь только, — Санек озвучил подсказку. Волчица, как и я застыли. О чем речь?

— Через сколько подействует? — Хаски спросил. Трое значит неподалеку. Если нас засекут, трупы будут лежать после баттла.

— Три часа полное отключение мозгов. Самый мощный африк. Похлеще того, который мы пихали ей в первый раз. За качество отвечаю...

— Давно так с бабой не парился... — вздохнул с такой всемирной тоской в голосе Дмитрий. Я бровью повела вверх. О чем, мать твою Хаски, речь?

— Волчица тоже сопротивляется. Честно, заманала, — это Польски добавил. Резкие шаги нас с Волчицей заставили вновь придти в движение. Всколыхнуть разум. Отмереть. С паникой что делать. Голоса приближались. До двери не добежим, два метра примерно до нее.

Вцепилась в плечи Волчицы и замерла. Переместись, Аня. Пожалуйста. Молю Сконцентрируйся — зажмурила глаза, подумала о доме. О приятном, любимом доме. Тело не двигалось, мурашки не бегали по коже. Ноль энергии — спокойное течение внутри тела. Как насчет баттла? Черный брезент, душевая. Раздевалка? Пожалуйста. Зажмурила сильнее глаза, только бы не попасться. Вцепилась сильнее в плечи подруги, ища спасения. Волчица ойкнула от неожиданности.

Аристократы появились в коридоре. Я вжалась в подругу. Кошмар! Мы обе опустили веки, будто если закроем глаза, то нас не станет видно.

— Диман, ты почему не трахнул? — Польски был ближе всего. Я приоткрыла веки. На нас мужчины не смотрели, но шли в направлении двери номер двадцать один.

— Тупанул, — хмыкнул мистер Хаски. Опять противные ямочки и как вчера ночью насмешка. Точь-в-точь та насмешка. — Грудь пощупал, а там пусто. Вот и поржал. Она и сбежала.

Смех долг звучал, пока я, заперев под ключиком дыхание в груди, прижималась к Волчице. Подруга боялась вздохнуть лишней раз, пока Аристократы передвигались рядом с нами, казалось на расстоянии метра.

— Отвечаю, Диман, после африка сама залезет на тебя. Бурду не наливай, так круче. Запомнит, как ее нагнули... — ржал Трески, как скотина — ишак мерзко и долго.

Я и Волчица долго провожали удаляющиеся спины в сторону зала номер двадцать один. Мы в абсолютной тишине, соединенные моей рукой и плечом подруги, невидимые для чужих глаз.

Я обернулась на Волчицу. Взгляд мог сказать больше слов в нашем случае.

Хлопок двери к месту баттла был громким, а мы продолжали смотреть друг на друга. Только что слышали что-то важное? Я не ошибаюсь?

— Хаски про тебя говорил? — спросила Волчица.

— Похоже, — молча я изучала закрытую железную дверь. Такое ощущение что этой дверью мне сейчас снесли гордо приподнятый подбородок, заставив опуститься вниз.

Думала, что я ему понравилась, хоть немного. Показалась достаточно привлекательной для поцелуя. Что день на горках произвел впечатления на него, как и на меня? Дура, Вильмонт!

В голове мерзкая жижа грязи растеклась, прошла по всем источникам, по крови, по дыханию, по телу. Всем важным направлениям. Захватила и энергию. Я в мерзкой вонючей жиже. Стояла и обтекала. Это не горячая лава. Это холодная мерзкая дрянь, на которую противно было наступить не то, что прикоснуться.

Чувствовала полный рот жижи, куда он меня целовал, где прикоснулся к груди или дотронулся до затылка. Как мерзко! Рукой прикоснулась к волосам на затылке и стряхнула. Словно поможет? Скривилась. Наступила в эту жижу. Нет, я сама в этом ужасе утонула, по своей глупости. Вцепилась в волосы, желая помыться, стереть прикосновения к волосам. Противный налет на губах и на теле. Вранье. Глупое вранье, которое я ненавижу. Я и себя должна ненавидеть за вранье.

— Пойдем выпьем по бокальчику вина, иначе спалимся! — Волчица обняла меня, как некогда мама, или брат или сестры. Похоже слишком на их теплые ладони. Я подмигнула на этот личный жест. Мне этого не хватало.

***

— Здорово! Аристократы! — помахала рукой приветственно заходя в зал. Были уверены, что они давно играли. Но нет. Двадцать человек сидели за столом. — А чего не играем?

— Вас ждем? Где пропадали? — Макс укоризненно спросил.

— А мы маленько затерялись в районе бара, — я буду улыбаться, Аристократ, ты что-то попутал в жизни. Не забудь, мир крутится и вокруг меня. Всемирный закон, а ты его забыл. — Мы через секунду будем, — показала на женскую раздевалку. Там обнаружили девушки. Несколько штук.

— Сколько можно ждать? — спросила Олеся раздраженно. А мы сделали вид, что не

слышали.

Я лично не стала переодеваться, взяла только снаряжение, гордо именуемое пистолет и радиопередатчик. Обувь специальную, у них носы загнуты вверх, чтобы удобнее было цепляться за стены и ландшафт. Надо не забыть улыбаться.

— Как это одевается, — ворчала Олеся — А это куда сувать? — не могла понять девушка, что это радиопередатчик. Я выхватила резко наушник из ее рук.

— Что ты делаешь? — отшатнулась, как будто, я прокаженная.

А я устало вздохнула с наушником в ладонях.

— Пытаюсь заразить смертельной болезнью... Это наушник. На ухо надень, — показала на черный предмет с проводком. Протянула ей, раз не доверяет. Но Олеся, мысленно поломавшись, отогнула прядь волос от уха:

— На, всё равно не разбираюсь, — я вдела ей в ухо.

Минут через десять девочки вышли из раздевалки. Волчица переоделась, конечно, надо блеснуть фигурой. Костюм из тянущегося материала облеплял фигуру и наглядно демонстрировал, что у Бастарда отсутствовали лишние килограммы. Маша с Кристинкой остались, как и я, в спортивных, просторных вещах. Улыбаемся, Анна Вильмонт! Я и улыбалась.

— Начнем? — Трески возлежал на диване, закинув ногу на ногу. — Интересный костюмчик, — оглядел парень свои ноги скрещенные и дальше насколько позволяло самолюбование.

— Девочки, вы тоже ничего, — обратился к тем, кто переоделся. — Неожиданно, — взглядом натолкнулся на Волчицу. — Блондиночка, а у тебя классная фигурка для Бастарда.

Наша примадонна хмыкнула, но было видно, что ей лестно.

— Кто-нибудь знает, как играть? Я играл в глубоком детстве, лет в десять первый и последний раз... — начал Трески рассказывать. Я стояла в компании, стараясь ничем не выдать грязную жижу в себе.

— Это твои баттлы. И ты только один раз участвовал в них? — Олеся задала интересный вопрос, и я не смогла промолчать:

— Я думала Шмонт — основоположники баттлов, — не выдержала. Юркой птичкой выскользнуло замечание, чем привлекло внимание народа.

— Не только. Идея принадлежала нам обоим, — ответил Трески. Я повела бровью вопросительно вверх. Удивлена.

— А ты, Ананина, когда-нибудь участвовала в баттлах? — Макс с уморительным лицом спросил, будто знал наперед ответ. Потянулся за пачкой сигарет, а я раздраженно сложила руки под грудь. Вино не помогло ослабить канаты нервов, напряжены до предела. Попробуй перережь.

— Представь себе. Участвовала, — по возможности ответила спокойно.

— Да ну? — Макс застыл с сигаретой в зубах, чиркая зажигалкой.

— Сетку видите? — на меня посмотрели, потом в направлении руки. — Там полигон. Там же игровая консоль, на которой, — пальцами показала, как набирают на клавиатуре буквы. — На которой устанавливаем параметры боя. Можно играть в два вида. Один — друг против друга. Второй вариант — выполнение различных миссий. Захват пленника, обстрелка здания, взрыв объектов. Не знаю, что там еще бывает...

— Это как на приставке? — спросил Трески.

— Похоже. Массовые галлюцинации, будем бегать по вулканам или по зданиям.

Вопросы есть? — спросила я нагло. Буду им размусоливать. На меня уставились не понимающе.

— А делать-то что? — Хаски улыбался самую малость краешком губ. — Что с вот этой дрянью делать? — указал на стол пластиковый, где перед ним валялся прибор — перчатка без пальцев. Я, покопавшись в карманах куртки, достала точно такой же предмет. Каждый из пальцев просунула, ремешок застегнула на запястье. Вместо ответа, хотелось воспользоваться прибором на этом человеке. Выстрелить в его наглые улыбки.

— Это оружие, — показала на ладонь. — Здесь специальные зарядные устройства, войдем на полигон, и они активируются. Количество естественно ограничено для одного раза. Пойдем-те? Там и решим остальное.

Поднялись по ступенькам, сквозь сетку.

— Что-то я волнуюсь, — приплясывала на месте Имина. — И что вы все такие спокойные? — обвела нас взглядом. — А мы не покалечимся?

— От синяков никто не застрахован, — пожала плечами и молча прошла по мягкой поверхности, от которой легко можно было отпружинить. Подошла к стойке. Самые любопытные последовали за мной. Стойка заканчивалась на уровне груди. Первым делом включила легкую музыку на фоне.

— Ну и как будем играть? — спросила у трех статуй рядом с собой: Трески. Хаски и Польски.

— Предлагаю друг против друга. Я тебя, Ананина, сделаю, — Трески наставил в висок два пальца и сделал вид, что выстрелил.

Вздохнула в очередной раз, злиться на него бесполезно. Он — идиот. На экране набрала количество игроков, первый вариант боя. Сложность поставила среднюю. И пошла загрузка.

— Что теперь, о, баттловский гуру? — поинтересовался Польски. Они долго надо мной будут издеваться?

— А теперь делимся. На первый — второй рассчитайся. Первый, — громко сказала я.

— Второй, — озвучил Трески. — Я против нее.

— Первый, — поднял ладонь вверх Польски. — Я лучше буду с тем, кто опытен в боях.

— Второй, — ответил Хаски. — Народ, рассчитайся! — его окрик слышали все. Как полезно, за пару секунд все разделились.

Электронный голос над нами начал отсчет.

— А теперь предлагаю разойтись по разные стороны полигона, чтобы оказаться в отдаленных локациях. Все запомнили, кто в каких командах? Кто со мной — нечетные числа! Кто с Трески — четные! Включайте наушники и общайтесь, разрабатывайте стратегию... Забыла предупредить, от естественных условий тоже реально умереть. Проиграете — выходите за полигон!

Три. Два. Один. В глазах зарябило, перестали существовать люди. Свет был настолько ярким и раздражающим глаза голубоватым, что я зажмурилась. Когда он рассеялся, тогда на наушнике смогла набрать номера, с которыми надо связаться.

Я стояла по колено в прозрачной воде. Вокруг озера плотно прилегали деревья, а сверху на небе — летали птицы. Отлично, я вся насквозь, хотя это только воображение. Медленно вылезла из воды. Тишина идеальная, птицы только чирикали и каркали.

— Эй! Народ! А как связаться с вами! — у меня такое ощущение будто рядом со мной голос. Совсем близко. Как можно тише подошла к деревьям, вытащила любопытный нос и правда — Трески стоял в легкой темноте и оглядывался по сторонам. Меня пока не заметил.

Этим и воспользовалась, на цыпочках к нему придвинулась, остальные игроки были поумнее и не кричали о своем местонахождении.

Веточка хрустнула под ногой, что заставило Трески обернуться в мою сторону. Но не достаточно быстро. Я вперед подняла правую руку с перчаткой, откуда выпорхнул выстрел оранжевого прекрасного цвета. В грудь Трески на одежду плюхнулось яркое пятно.

— Ананина, сука! — заорал поверженный соперник и поднял руку, намереваясь отомстить, но поздно. Заряд не сработал, потому что электроника отключилась. — Ах ты! — дернулся в мою сторону, намереваясь побежать. Зарябили энергетические волны и парень пропал.

— Она в березовой роще. Вали ее Диман! — заорал на весь зал Макс.

Было смешно местами.

Пока не видела глаз Хаски и его дружков, памятуя о их замыслах. Они решили влить нам афродизиак. Неужели двадцати людям? Слишком затратно, поэтому вероятнее будут подсыпать либо в кафе, либо в домиках. Напитки в баттле предпочитала не пить, Машу и Кристину на всякий случай предупредила о намерениях мужчин.

Теперь поняла, почему Аристократы вдруг стали такими дружелюбными, отчего пригласили в Белесье. Хаски никогда не отступит от намеченной цели, а я посмела отказать. Все его действия изначально были направлены на получение результата любыми доступными методами. Угрозами, избиением не помогло, тогда решил прикинуться простачком, валенком! И я купилась, сама к нему наивно потянулась! Вот дура!

***

Как сложно было в машине улыбаться и натянуто смеяться над тупыми шуточками Трески, прикидываясь глупой овечкой. Взгляд Хаски по возможности избегала, но это плохо, могла себя этим выдать. Последний день решили отметить в снежном убежище домика. Народ был счастлив, а мы поддерживали оптимизм. Волшебная палочка чудес помогла в тот вечер.

— Ананина, постой! — от его голоса пригвоздило к сидению, дыхание предательски надломилось на секунду. Не надо так реагировать на этого человека. Люди покидали машину, а водитель оставался здесь пока.

— Что? — не улыбалась, но и не хмурилась, а то поймет, что коварные замыслы раскрыты.

— Я вчера... немного был невежлив... — черт! Он издевается? Глазами обвела панель машины перед собой. Как хотелось зубами ее прокусить от злости! — Серьезно, не обижайся...

Какой голос нежный у него стал, тихий, не похожий на обычный — грубый.

В салоне идеальная тишина звучала в ожидании моего решения, но я пока не знала, как себя повести. Хаски строил из себя вежливого мальчика? И я наивно верила ему? Дура.

— Ананина? Как мне исправиться? — разгонись до ста восьмидесяти и в столб въехай. Идеальное исправление. Гениально! Внезапно захотелось улыбнуться от найденного решения.

Отстегнула ремень, развернула корпус к водителю, голову медленно склонила и улыбнулась. Натянуто, но явно с желанием привлечь к себе внимание.

— Можешь исправиться, — на мои слова Хаски повеселел, да он актер! Я бы подумала его действительно волновало мое мнение или настроение, или улыбка? Смешно, Вильмонт! Плевать ему на тебя!

— И как? — морщинки вокруг его глаз милые и сбивали с необходимого пути отмщения.

— Хочу акульего мяса...

— Акульего?

— Ага. Никогда не пробовала. И желтый Джек никогда не пробовала...

Та-дам! Я ему флаг при жизни проставлю, если он выполнит эти два заказа! Вряд ли на каждом шагу продается акулье мясо и желтый Джек — это очень редкий алкогольный напиток.

Может в Белесье и есть, но поплутать Аристократу придется. А я за это время буду там, где хочу.

Подальше от тебя, Хаски! Ты меня не получишь!

Спасибо всем кто читает. За лайки и комментарии отдельное спасибо!

Глава 24 "Сергей W"

В кабинете стояла относительная тишина, шорох листов иногда нарушал штиль. Доносился скрип пальцев, трущихся об бумагу и легкое вздыхание, когда становилось совсем невмоготу читать строчки, которые расплывались мутным пятном перед глазами. Ночью плохо спал, а теперь в восемь вечера едва сдерживал глаза, чтобы устало не прикрыть.

Встал со стула и включил свет на полную мощь. Присел на место перед раскрытыми документами и опять стал водить глазами по бумагам. Старался читать по диагонали, так быстрее основной смысл улавливался, а нюх на недочеты его никогда не подводил. Телефон иногда разрывался от звонков, но трубку не брал, если вызов не срочный. Не от тех людей.

Короткие три стука в дверь заставили очнуться с трудом из цепких когтей ирреальности происходящего и поднять голову в направлении звука. Дверь распахнулась, явив улыбающееся, немного неуверенное лицо жены. Если она не уверена или смущена, значит что-то задумала и заранее посчитала себя виноватой. Отложил очки, документы и вопросительно взглянул. Она так и не решалась войти. Подозрительно.

— Сереж, к тебе гости? — еще более смущенно поведала жена. Как маленькая. Руками держалась за дверь, словно защищалась от него баррикадой. Ну и что она сделала? Гостей по всей видимости пригласила? Но зачем и самое главное кого? Что оставалось делать, сил на то, чтобы злиться не оставалось, да и на то, чтобы работать. Глаза слипались. Встал из-за стола. Алла в момент напряглась при его приближении.

— Только не злись. Я считаю, что тебе надо отдохнуть! — сделала голос увереннее, пока я шагал твердо в направлении нее. — Часами закрываешься со своей любимой работой! — дверь с усилием, но заставила себя жена открыть и выйти полностью в проем.

Похудела. Осунулась. Черты лица заострились. Она итак всегда была стройная, а сейчас ключицы выступала в вырезе свитера более четко. Джинсы не так плотно прилегали к телу, как раньше. Щеки пропали.

Алла сильнее напряглась, сжалась, когда приблизился и изумленно замерла с растопыренными руками. Не знала, как реагировать на мужа, который резко сжал ее крепко в объятиях и прижал к груди. Спустя секунду напряжение покинуло ее тело, и она расслабилась. Обняла в ответ и уткнулась носом в мое плечо.

А я зарылся носом в шею, нюхая знакомый аромат любимой женщины. Такая худенькая, кажется еще немного сожмешь ее и треснет, как хворостинка. Но Алла из раза в раз удивляла его. Смерть дочери пережила с достоинством. Оберегала его и детей. Заботилась, чтобы они слишком не переживали, хотя сама страдала втайне от семьи, ведь не зря похудела. Сейчас беспокоилась о мне, больше чем о себе. И не знала, что причиной страданий частично являюсь я, а остальная часть — раскладка карт.

— Думала откажешься, — пробубнила она в плечо.

— Нет сил, — хрипло ответил. Жена оторвалась с улыбкой, поддерживая за руки, которыми ее обнимал.

— Пойдем. Тебя ждут, — взяла за руку, как раньше в молодые годы и повела. Сразу вышли в огромную прихожую, переходящую плавно в зал. По голосам определил наличие преимущественно мужского населения. Так и есть, войдя в гостиную за руку с женой, обнаружил пятерых мужчин. Кого-то старше, кого-то младше. Сборище семерки.

— Илюша, не смог придти. Понимаешь, годы молодые. Он в командировке. Личной, — подкорректировала ответ Алла и отпустила его руку.

Предпочел бы ощущать ее ласку чуть дольше. Не смог отказать себе в этом удовольствии, коли жена сама позволила нежности сегодня. Обнял за талию, задом придвинул к своим бедрам и положил подбородок на ее плечо. У них почти один рост, но телосложение, конечно разное. Алла замерла, но позволила себя обнять.

— Эй, молодожены! Не мешаем? У меня время в обрез. Годы берут свое, а нам нужно выпить обязательно перед сном по стаканчику отличной водки с корицей. Отличная вещь, — Сизиф Архонт самый из них старший мужчина. Возраст перевалил за семьдесят, но по уму даст фору и остальным. Как Алла и сказала, Илья Геронт — самый молодой из нас не смог придти. Дело молодое. Жены пока не имелось, поэтому в первую очередь думал о ее поиске.

Остальные были здесь и оккупировали ЕГО любимый диван и ЕГО домашний кинотеатр, который вещал баскетбольный матч. Самый наглый Иосиф Шмонт залез в ЕГО любимое кресло из сизо-голубой мягкой ткани и поедал поп-корн с пивом. Как в старые времена.

— Ты посмотри на этих рукожопых! Прости, Аллочка, не при тебе будет сказано. Стадо безмозглых свиней! — тыкал в экран бутылкой пива разозленный Шмонт, почесывая маленькую аккуратную бородку. — Мужики, я пасс! Завтра с утра вылетать, поэтому обойдусь пивом. В мои годы поздно злоупотреблять алкоголем, — вот весельчак нашелся. Но с ним всегда легко расслабиться.

— Тогда мне на покой давно пора, — позволил я себе усмехнуться и отпустить жену, которая порывалась выйти из объятий. Иосиф на четыре года младше меня.

— Серега, не гунди, садись, — похлопал по дивану Шмонт, а ничего что там мест свободных нет? — А то комментатора не слышу.

Редко они позволяли ребяческое времяпрепровождение.

— Я сейчас принесу что-нибудь выпить. Сереж, не сможешь? — Алла сегодня милая? Ага. И с ним себя ведет более откровенно, более позволительно. Обычно дистанцию держала, чтобы ненароком не вызвать его физических желаний. Интересно. С чем связано?

Прошли в кухню, которая располагалась напротив кабинета. Широкая столовая для большой семьи. Алла по привычке, зная где что расположено достала бокалы с верхних шкафчиков на поднос. Красивые, длинные каштановые волосы, правда наращенные. А когда-то были, как у Ани. Отвлекся на алкоголь. Что выпить? Бренди или напиток водки? Пожалуй, и то и то.

— Сереж, — неуверенно позвала. Алла и не уверенно? Опять что-то задумала? Молча застыл с двумя бутылками в руке. — Зайди перед сном? Я надеюсь ты будешь в состоянии доползти?

Обернулась, выразительно подмигнула и так потянулась вальяжно, что джинсы натянулись на бедрах. Четко обозначив степень округлости ягодиц владелицы. Очень заманчивое предложение. Может семерку выгнать из дома?

— А зачем можно узнать? — спросил будто его не волновал вопрос, пряча глаза на стекле бутылок. Любопытство. Ночевали они вместе, если ложились в одно время. В основном, спали в разных комнатах, не будет же он ее будить постоянно.

— Я прошла очередную попытку опыления, — современные медицинские разработки, направленные на увеличение сексуальной активности у женщин, но пока все попытки были практически ничтожны. Вызывали расстройство кишечника или тошноту. Побочный

эффект. Алла проходила курсы более пяти лет подряд, каждая попытка заканчивалась неудачей и проблемами со здоровьем.

— Будем надеяться на положительный результат в одиннадцатый раз, — мало верил, но жену обнял крепко — крепко, пытаясь в ней взрастить цветок веры. Хотеть жену и никогда не добиваться в сексуальном плане — большим проклятием никто не смог бы наделить. Алла ничего не чувствовала, даже слабо. Женщины ближе к пятидесяти окончательно теряли свою фертильность, если в молодости способны были испытать желание, физическое влечение, то в последующем желание потухало. Секс приносил боль, и, жена стиснув зубы, терпела его домогательства. Когда внутри мышцы напряжены и чувствовалась только сухое безэмоциональное трение.

Приходилось пользоваться услугами любовниц. Алла об этом знала и мирилась, как в прочем и я.

В гостиной транслировали прямой эфир матча. Мужчины наперебой кричали, создавая атмосферу напряженности, больше чем комментатор на экране. С женой заняли местечко в уголке дивана. Алла сидела на коленях, решила снять напряжение бокалом бренди. И ничего что они хозяева, а гости заняли лучшие места и орали?

Особенно любитель баскетбола Шмонт и Нестонт. Хоть какое-то отвлечение от работы. И глаза неожиданно перестали закрываться от усталости. Только вот телефонный звонок обещал испортить вечер. Алла напряглась, ощутив бедром вибрацию. Посмотрела укоризненно.

Один из поставщиков. Оценил недовольную моську жены и значимость телефонного звонка. Что там могло случиться? Доставят компьютерные чипы не завтра, а после завтра?

— Заканчивай с телефонами. Давай отдохнем, — смешливые морщинки образовались на глазах Шмонта. — Смотри, я свой выключил ради встречи с тобой! — показал на телефон с темным экраном и помахал перед всеми.

— Расслабься, — как самый старший добавил Архонт. — Работа на сегодня подождет.

— Правильно, — подтвердила Алла.

— Понял, понял, — согнувшись под тяжестью словесных оплеух, отменил вызов и выключил телефон. — Довольны? — показал на него и положил аккуратно на стеклянный столик перед диваном.

Вечер продолжился и после матча. Под конец остались самые стойкие. А это как обычно Шмонт, я и Нестонт. Время два утра. Давно они так не сидели, года два. Алла, что-то там говорила про то, что... Зайти к ней просила. Точно. Вскочил, благо и Шмонт собирался уходить и утащить с собой особо буянистого Виктора Нестонта. Тот меры в алкоголе никогда не знал.

На этом вечер продолжился...

***

Такого бурного утра у него не было давно. С одной стороны долбящийся в дверь управляющий.

— Сергей Андреевич! Сергей Андреевич! — подскочил на не твердых ногах. Утро раннее. Еще темно за окном, а оба не так давно заснули. Пришлось очень долго у жены прощения вымалывать до пяти утра. Она пожаловалась, что я ее затрахал. Отлично! Если процедура подействовала, Нестонта лично расцелую и сегодня вложу пару миллиардов в развитие опыления. Осталось проследить за побочными эффектами, пока все ок. Искал одежду, куда разбросал.

Алла приоткрыла один глаз и вяло наблюдала за его тщетными попытками надеть штаны. С легкими смешинками вокруг глаз и рта. Такая расслабленная с удовольствием заметил и сам улыбнулся. Стук в дверь не прекращался.

— Сергей Андреевич! Два часа назад Яхонт скончался в больнице!

Я застыл, застегивая штаны на ширинке, а Алла приподнялась резко на локте. Затем резко распахнул дверь.

— Как и почему мне не сообщили? — голос в момент напрягся. Управляющий твердо выдержал взгляд работодателя и уверенно ответил.

— В пять утра его доставили в ближайшую больницу Арзонта. Вам поступало несколько звонков на сотовый и на всевозможные средства связи. Но вы были вне зоны действия, — про себя нахмурился, вспоминая, куда дел телефон. Планшет в комнате, телефон на кухне. Вчера выключил. — Михаил звал вас. Не знаю, по какой причине. Кирилл готов к работе, ждет внизу.

— Ближайшие вылеты в Арзонт просканируй и доложи. Кириллу скажи через десять минут буду, — дверь закрыл перед носом управляющего. Алла застыла на кровати, придерживая простынь рукой.

— Как же так? — вырвалось у нее. — ... прости Сереж, это я вчера просила телефон выключить и ты из-за меня не смог.

Она считала, что все беды в мире происходили по ее вине. Начала бороться со слезами, но глаза мгновенно покраснели:

— Почему всё так происходит? Чем теперь Миша кому-то не угодил? Сначала Аня, теперь Миша, а следующий кто? — она рукой взъерошила волосы, лезущие в глаза постоянно. Вопрос задавала ему. — Может мы с тобой? — обняла колени руками.

Как же не любил видеть своих шестерых женщин плачущими, но успокаивать времени не было.

— Алла, всё в порядке. Михаил знал, куда лез, никто не застрахован. Проверь детей, а я к вечеру постараюсь вернуться, — подхватил остальную одежду и вышел за дверь, оставив жену одну наедине с мыслями.

***

Больница имени святой Василисы. Стояла на границе с Баллийцами возле порта. Стены были раскрашены голубой краской, не так раздражающе как идеально-белые. А в остальном чистота и порядок. Врач — заведующий травматологии и хирургии шли рядом. Двое слева, справа неизменно занимал место Кирилл — командир отряда КМЗ-ников.

— Поступил в три ночи на скорой помощи. Его нашли на дороге, валяющимся на трассе на 234 километре. Очевидцы вызвали скорую. Два ножевых ранения одно в бок, другое по шеи вскользь. Две пули одно под ключицей, второе — в ноге. От обилия кровотечения пациент скончался в пять утра пятнадцать минут.

По коридору сновал народ, на них смотрели с подозрением. Множество палат, но ни в одно не заходили. Несколько раз свернули направо, только тогда один из врачей раскрыл дверь. Операционный зал. Под белым покрывалом на столе были видны бугристые очертания человека. Его не трогали, лицо отмыто от крови. Идеально — белое, бледное. Вся кровь словно иссякла и только голубые прожилки испещряли лицо. Как не странно, глаза его были чуть приоткрыты, самую малость застыли, давая разглядеть голубой зрачок. Кудрявые волосы как и всегда были идеально завиты. Голубоглазый высокий блондин с длинными ресницами совсем молод, потерял жену два года назад от руки Бастарда и именно по этой

причине связался с ПБ-никами. Наказывал Бастардов за смерть жены. Сергей с самого начала знал, что Михаил связан с ними, но игнорировал факт, пока деяния не коснулись его семьи. Покрывало с пациента приподняли до горла.

— Он что-нибудь говорил? — задал основной вопрос к врачам. Те переглянулись.

— Наверное, следует позвать бригаду врачей, на которой его привезли, — подозрительно прозвучало. О чем скорее всего подумал и Кирилл. — Сейчас минуто, — один из врачей вышел из зала.

Я взял за покрывало и невзирая на протест второго врача приподнял ткань. Тело Яхонт было полностью синим. Кое-где белым. Рваные раны, тело изуродовано повреждениями. Невооруженным глазом видны и переломы на костях.

— Вот Инна была в смену, — врач первым вошел. За ним молодая девушка чуть более тридцати в голубой форме и обязательно повязке на лице, которую она сняла, приближаясь. Пальцами теребила подол медицинской кофты и повязку.

— Он был без сознания почти все время, минут за пять до приезда к больнице очнулся. Это было неожиданно, слишком обильная кровопотеря. Но Михаил проснулся и резко вскочил. Первым делом попытался подняться, мы не дали. Его держали двое санитаров. Он кричал что-то про вас, умолял вам позвонить. Так и повторял до больницы, пока его держали. Мы звонили несколько раз, но безуспешно. Потом пациент успокоился, но оставался в сознании. И когда мы подъехали к больнице санитары отпустили его. Вы должно быть, Сергей Андреевич, знаете его энергию. Он нас всех при почти полном отсутствии сил — должно быть это был шок — смог связать ветвями деревьев возле больницы. А сам разбил капельницу, точнее бутылку из-под капельницы и руку поранил себе. Грешным делом подумали, что решил убить себя, но нет. Он вырезал и успокоился. Отпустил нас и потом находился примерно минут десять в сознании.

Женщина показала на руку Яхонта, правую — безвольно лежащую на противоположной стороне. Я обогнул медицинский стол и пригляделся. Обыкновенные царапины, неглубокие, но если присмотреться — го венам две корявые скрещенные линии. Как будто Х. Это может быть, что угодно. Похоже на обозначение продукции Хаски. Но здесь перекрещенные линии обведены овалом. Рисунок был кривой, начерченный дрожащей рукой. Кирилл сбоку сфотографировал на телефон крупным планом.

— Кирилл уладь... я один пройду, — приказал мужчине. А мне нужно подумать.

Еще одна смерть, что будет дальше? Что означал этот рисунок? Никаких ассоциаций в памяти не возникло, кроме очевидной — Хаски. Но на них ли намекал, Яхонт?

Более двух тысяч лет семьи ненавидели друг друга была тишь, да гладь, а едва начали строительство объединенного острова W и X? Нет, еще раньше, когда появились первые предложения объединения Немии? Год с лишним назад. Тогда произошли теракты и в Арзонте, и в Герберте. Только в Арзонте пострадал наследник Хаски, ему почти отрезало руки. Скандал был жуткий. Или раньше? Первое нападение на Аню произошло в тот момент когда Дмитрий Хаски прислал первое предложение на брак. Пустые формальности, которыми обменивались Аристократы. Такие отсылались почти всем высокопоставленным девушкам. Но Аня стала одной из тридцати, кому Дмитрий предлагал встретиться. Дочь отплевалась и не ответила на предложение, скорее всего причина в том, что Александра в тот момент ждала предложения от Дмитрия, ведь они немного встречались. А он проигнорировал старшую и предложил младшей совершеннолетней.

Значит, предупреждение — не смейте родниться.

Бомбы подставные военного производства Хаски были обнаружены в машине Ани, но они старинные до не возможности. Кирилл был прав. В Арзонте на теракте тоже наши древние бомбы, которыми давно не пользуемся.

Нас столкнули лбами.

Вторая попытка нападения на Аню в многоэтажке — ... Шмонт делал ей предложение, но, она отказалась по причине юного возраста. Сказала попозже успеют заключить договор. Здесь причина нападения? Не известно.

Третий случай — нападение Пб-ников. Виталик Хаски подошел к возрасту для заключения договора. Официальное предложение прислал Ане, был знаком с ней.

Вот и предупреждение опять — не смейте родниться.

Второй случай не вписывался никак в предположение. Шмонт не при делах. Похоже, следовало обсудить случившиеся события со своим главным врагом.

Глава 25 "Жажда"

Теперь всех читателей в последний раз предупреждаю, кто очень мягкий человек и не приемлет насилия, предлагаю дальше не читать. Конкретно в этой главе — насилие сексуального характера. Я вроде давала намеки. Тег "насилие" не зря там стоит. И романтическая эротика тоже. Уж, простите, но герои у меня такие, живут сами по себе.

Я предупредила...

***

Главные враги поехали по магазинам, Хаски, конечно, за рулем. Торжественно пообещал достать заказанное мною, я про себя хмыкнула и пожелала никогда не найти. Но на прощание помахала ручкой и даже натянула искусственно возвращенную улыбку.

Чтоб тебе колеса прокололи в пути, наследничек!

План созрел мгновенно, развлекать господ не собиралась, не так воспитанна, посему девочкам озвучила, что собираюсь сбежать. Волчица призыв приняла вдохновенно, сказала со мной готова лишиться головы, если понадобится, к тому же, Евой тоже собирались воспользоваться.

Машу с Кристиной оставили, те не пожелали обострять отношения между Аристократами и Бастардами. Их право, а я не хочу развлекать господина. Вещи оставили девочкам, привезут завтра, а сами заказали номер в отеле в теплой аномальной зоне. Там решили переждать ночь, а на утро купили билет до Арзонта.

Взяли с Волчицей вещи, в которые переоденемся, сегодня будем тусовать до поздней ночи. Внизу в зале шагов не слышно и мы с Волчицей, как воришки, очень тихо ступали по ступенькам лестницы. После баттла, наверное, Аристократы пошли отдохнуть и искупаться наверху. Но воришки в нашем лице, все равно очень тихонечко ступали, некоторые ступеньки предательски скрипели.

Свет ярко горел в зале-кухне, вздохнула облегченно, преодолев последнюю преграду, и опустила тяжело на пол. И вдох застрял в горле, прокашлялась. Бастард подери! Имина разговаривала возле камина по телефону, сейчас слушала собеседника и помалкивала. На наше приближение отреагировала — обернулась.

Трое застыли, не зная, как реагировать. У меня рюкзак Евы за спиной, и мы явно идем куда-то.

— Перезвоню! — коротко сообщила Имина в трубку, без лишних слов подошла поближе ко мне. Я очень протяжно выдохнула, будто сейчас готовилась к обязательной кончине. Ее голубые глаза с недоверием впились, прикосновение энергии не чувствовала к себе, но понимала, что девушка нас читала.

— Не поспеешь! — к моему удивлению озвучила Имина и указала в моем направлении пальцем. — Серьезно! Даже не думай!

— Имина, — простонала я.

— Не смей! — более грозно озвучила она. — Не дури! И не шути с Хаски, он тебе не маленький мальчик, не забывай, кто он! Я его сто лет знаю, рядом с тобой он, как... как не знаю... маленький мальчик рядом с любимой игрушечной машинкой. Ничего подобного не ощущала от него прежде. Не-глу-пи!

При ее последних словах слышался хлопок дверей, женский голос и мужской где-то

наверху. Мы трое резко застыли, оглянувшись наверх на потолок. Только бы не сюда.

Пальцами Имина убрала волосы с губ, которые иногда ей мешались и более тихо Имина прошипела на ухо:

— Тьфу, — выплюнула волосы. — Ананина, я предупредила.

— В том то и дело, Имина, я не машинка игрушечная. Я человек, а он этого до сих пор не желает понимать, — ответила и, обогнув девушку, продолжила путь мимо через кухню.

— Да...дда ты, — она даже заикнулась, когда говорила мне в спину. — Ты даже не представляешь...он же не трогает Бастардов никогда...а теперь готов... мало того в нетерпении сам... не уходи, Ананина, хуже сделаешь! Я знаю, жалеть будешь!

Обрывки фраз я слышала в свой адрес, но мы с Волчицей единогласно наплевали. Я никому не позволяла никогда играть собой, и он не будет первым, зазнавшийся гребанный Аристократ!

***

Многие любят чашку дымящегося крепкого кофе утром для поднятия боевого духа. А я люблю стакан ледяной воды из-под крана: запотевшее холодное стекло в моих руках и прохлада по гортани. Прекрасные и незабываемые ощущения, лучше всякого кофе и чая.

Передо мной самый что ни на есть хрупкий бокал с ледяной водой, что манит не первый месяц. Я буду конченным идиотом, если не выпью его и плевать на личные закидоны Ананиной, что у нее там в голове. Из-за чего сторонится моего приближения, а то я не вижу, что ее прет от меня.

Так и быть, готов немного сыграть по ее правилам и пойду на поводу у маленькой девочки. Четыре часа потратил на разыскивание Желтого Джека, у какого-то барыги пришлось доставать за тройную цену! Тройную цену!

Я ее сегодня спою этим Джеком. Что лучше алкоголь или афродизиак? Посмотрим насколько будет артачиться. А пожалуй, это даже немного заводит ее пугливая моська, так забавно бегала последние два дня после горок.

Трески с Польски пол дороги подшучивали, предлагали Ананину на свидание сводить, а я молчал, было чихать на их мнение. Предвкушение распирало изнутри, все тело в его власти...

— А где Бастарды? — я один из первых зашел в теплое помещение домика. Время ближе к девяти. Диван и кресла отодвинули между ними поставили стол. Музыка тихая доносилась из каждого угла зала.

А я пакеты пронес за стол, понял, что кого-то не хватало. Бастардов нет. А где мой личный? Улыбнулся предвкушающе.

Пока снимал легкую ветровку, на вопрос никто не ответил. Ему долго ждать?

— Где Ананина? — повторил вопрос. В гостиной ее нет, неужели пошла спать? Нет. Не пойдет, сегодня обойдемся без сна.

Она ни с кем ведь не ухитрилась уединиться? Он предупреждал. Или не предупреждал? Ананина — его на данный момент.

Она наверху? Посмотрел на лестницу, в груди вспыхнуло что-то черное, злое, что в миг испоганило приятное предвкушение. Не может быть? Кто-то осмелился на его кусок мяса разинуть пасть?

— Где Ананина? — сам не понял, что больше разозлило, и заставило голос повыситься, привлекая внимания.

— Ее нет, — ответила Имина.

— А где? — Молчание на вопрос. — Где?

Никто не отвечал. Молчали, как энергетически высосанные куклы.

— Дим, — рука Имины опустилась на его локоть. Девушка улыбнулась мягко и зазывающе, как прежде. — Расслабимся? — предложила, тонко намекнув о будущих планах, мы всегда расслаблялись с ней. Всегда она успокаивала, но не сейчас...

Сейчас жестко сжал ее локоть, отчего подруга охнула и попыталась вырваться:

— Где Ананина? — на его вопрос не ответила, попыталась вырваться. — Где Ананина!?

Сегодня он слишком много раз повторял этот вопрос. Когда расслышал на лестнице шаги Трески поднял глаза:

— Ну, Ананина! — ухмыльнулся Максим, успел побывать наверху, молчаливо показал пальцем на спальные комнаты. — Там только Маша и Кристина. Волчицы и Ананиной нема. Поздравляю господа, нас продинамили! — Трески смеялся неистово, как конь, которому в пасть засунули узду и натягивали до предела, заставляя ржать, без возможности остановиться.

— Продинамили, — подвел итог Польски.

***

Переодевшись в хорошую красивую одежду в заказанном номере с Волчицей, пошли искать приключения на симпатичные задницы. Мини-юбка с двумя боковыми разрезами, представляете на мне? При ходьбе едва белье не просвечивалось, это влияние Евы. Голубую кофту на замке с капюшоном расстегнули по середине груди. Ура! Впервые за некоторое время могу вдохнуть полной грудью. Но, конечно, я себе не изменила в плане обуви, кеды голубенькие и носочки напялила вместе с юбкой.

Нашли небольшое кафе, поужинали там и успели встретить молодых людей.

Опять я не пределах, не люблю случайные знакомства, но Волчица, наверное, так скрывала испуг, отвлекалась на пустую болтовню. Мужчины были покорены Евой, особенно ее длинными ногами, ну без доли скромности мне в вырез тоже успевали посмотреть изредка. И похоже не могли выбрать, что лучше ноги или грудь, их мыслительный процесс наглядно был представлен на лицах.

Вот, Хаски, видишь кому-то моя грудь нравится. Вспомнила все-таки о нем. Злость прошла, как и всегда, оставила неприятное покалывание в груди, разочарование гнило внутри, съедало остальные позитивные эмоции. На что надеялась? Он — наследник Хаски. А я — Бастард.

Волчицу мужчина позвал на танец, я второму — отказала, не хотелось принимать чужие объятия и улыбаться. Настроение мрачное и не могла никак воспрять духом. Предложила собеседнику выпить прохладного шампанского, налитого в бокалы.

Мужчина улыбнулся и согласно чокнулся напитком. Приятная прохлада в груди, никак не выгоняла гниль изнутри, она там навечно теперь? А я поставила полупустой бокал и почувствовала вибрацию по столу, такая бывала, когда громко орали басы в динамиках или же открывалась дверь. На коже вдруг стало холодно, будто порыв ледяного воздуха прошелся по оголенным ногам и груди.

Сам воздух стал разреженным, колючим, холодным. Занавески на окнах справа от нашего столика колыхались сильно, не так как прежде. Почувствовала сильное напряжение в теле перед тем, как повернулась к двери.

Резкие порывы ветра взметнули волосы и налезли на глаза. Передернула плечами от холода.

Встретилась взглядом с его притягивающим взглядом, вцепившимся намертво в жертву. Сегодня жертва — я. А он как демон отмщения. Его широкие, нервные шаги отдавались эхом в груди. Мужской взгляд парализовал, протаранил грудь. Заставил отдать бокал молодому человеку и панически быстро вскочить с места. И бегом сквозь небольшое количество народу взметнуться по лестнице на второй этаж, там туалеты.

Побежала не жалея ног, благо в кедах. Хаски меня чуял, шел след в след. Однако переступал быстрее обычного, но на бег не переходил пока что.

Врезалась в парня с девушкой, но не приостановилась. Бежала и бежала от когтей хищника. Рисковала быть заклеянной, как последняя тварь, за непослушание.

Хаски зол. Не видела его никуда спешащим. Никогда. А сейчас он передвигался через ступеньку по моим шагам.

Чертова энергия. Почему не формировалась, когда так необходима? Слишком нервничала, чтобы сосредоточиться на чем-то.

Туалет женский встретил полным затишьем. Здесь никого облегченно поняла и попыталась заблокировать дверь. И в тот же момент вылетела в коридор под воздействием силы, держась за ручку.

Хаски передо мной. Гневные эмоций на лице. Оранжевые нечеловеческие всполохи на яблоке глаз. Не успела подумать, что такое странное с его глазами? Энергия выходила из-под контроля? Таким я его не видела ниразу, даже когда первый раз в спортзале отказала.

— Что ты тут делаешь? — медленно отступала в помещение. Хаски шаг в шаг. По следам жертвы.

Сердце подсакивало от напряжения. Мужчина не отвечал на вопрос, но будто направлял назад — за спину, туда, где находились три раковина. Зачем?

— Что случилось? — понимала, что глупый вопрос, но так скрывала страх. Ягодицами ударила о холодный кафель раковины, по глупости небрежно повернула шею туда. И внезапно мое тело вслед развернулось.

— Что ты? — рука на затылке склонила мою голову вниз к раковине. Сдавила шею пальцами, нагибая низко.

— Стоять! — только один приказ прозвучал от Хаски. Я руками оперлась о раковину, пытаюсь вернуть тело вертикально.

— Нет! Хаски! Слышишь! — зашипела. — Убери руки!

Услышала молнию змейки на джинсах.

— Перестань! — бедром боднула мужчину сзади, но хват усилился на шее и болью сильнее залил кожу.

— Прекрати! — взвизгнула, когда юбка задралась сзади. Ощутила пальцы там — на ниточке белья, прикрывающей самую интимную часть тела.

Правую руку сжала в кулак и локоть занесла назад, Аристократ удар с легкостью заблокировал, дернув вверх плененную конечность. Мышцы в плечах скрутило, прострелило, в глазах помутнелись цвета. Кадры реальности сбились.

МУжские пальцы без малейшего раздумья убрали ткань нижнего белья между ногами, едва прикоснулись к теплым складкам тела, на что я вздрогнула. Усилила нажим на раковину левой рукой. А мужчина продолжил действовать — раздвинул пальцами теплые складки, освобождая больше места, как будто растягивал ткани для себя.

— Прекрати, Хаски! — копошение на ширинке расслышала. Взвизгнула, не сдержавшись. — Не надо!

Подняла глаза в зеркало перед собой. Видела в отражении себя — Бастарда, эту раковую опухоль среди Немийцев того, кого презирали.

В уголках глаз проступила позорная влага, но Хаски не видел. Он молчал.

Уголки раковины врезались в бедра, а я вцепилась пальцами в кафель, взвизгнув от давящего ощущения в теле. Вторая рука свободна, но больше она ни к чему, поздно.

Спрятала глаза вниз на кране. Не видеть только себя. Тебя. Этой комнаты.

Не ощущать накатов гигантских волн, в которых захлебывалась. С каждым толчком внутри тела ощущала голыми ягодицами прикосновения бедер. Твоя плоть вбивалась в меня, как кинжал, разил. Не гладил, не ласкал. Убивал, вдавливал, резал до бесконечности долго и унижительно.

Мое тело двигалось, как манекен туда-сюда, направляемое ударами сзади. Искра боли. Резкий выход до конца. Вновь удар в меня, раздвигая насильно внутренние ткани, не готовые принять мужчину. А потом опять назад и вперед. Вспарывал до конца, до основания горячую плоть.

До боли в пальцах сжимала раковину, захлебывалась от мощных волн, накрывавших с головой. Выставила руки на зеркало, чтобы не врезаться лбом. Теряла равновесие от слишком жестких толчков в себе. Закусила губы до крови, желая разодрать.

Больше ни звука от меня не было: ни мольбы, ни просьб. Только когда мужчина сзади мои волосы намотал на кулак и задрал голову по максимуму назад.

Глаза в глаза в зеркале. Наши отражения нашли друг друга и медленное наполнение, подрагивание его члена во мне. Легкая вибрация.

На мужчине ни единой эмоции. Смотри, Ананина — это то, что ты есть. Мясо. Горячее податливое мясо.

Потом отпустил мою голову, достал член и отошел назад. Моя голова наклонена вниз, опущенная, скрылась за волосами.

Молния с ног до головы разрежала плоть, едва я приподняла спину вертикально. Непослушными ногами переступала назад, пока спиной не стукнулась о холодный кафель стены. Сползла вниз. Присела на корточки, спрятав лицо в руках.

Уйди, пожалуйста.

Но шагов не было слышно. Только запах никотина пробрался в затвердевшие, как камень, легкие. Противно.

Уйди, пожалуйста. Шли секунды молчания, а потом шум воды возле раковины.

— Ты сама виновата, — произнес Хаски, почти мягко ухватил за запястье, вынуждая встать. Какой противовес. Прикосновение было легким, не грубым, и голос успокаивающим. Лопатками прислонил меня к стене, так чтобы волосы не скрывали лица, убрал мешающие пряди. Но я смотрела вскользь, через плечо на противоположную дверь у выхода. Никто не заходил и не видел позора.

— Когда я чего-то хочу, то предлагаю сделку. Если партнер согласен — проблем нет. Если нет — привожу миллион доводов в пользу заключения сделки. Последний шаг — вынужден применить физическое убеждение. Так или иначе, я всегда получаю то, что желаю. Но ты... — взял почти мягко за подбородок и направил в бок и вверх. Вынуждая поймать его взгляд. Почему ты так ненавидишь меня? Что я сделала? — Ты слишком упертая.

Вздрогнула, когда он приблизил лицо ко мне вниз. Испуганно отвернула подбородок вбок и зажмурилась. Не прикасайся!

Но я промолчала. В момент поганная энергия запоздало забурлила по венам, предательски покалывала ладони и стопы. Рука Хаски, держащая мое плечо стала плавно рябить. Искажаться, словно мутное пятно капнули на снимок. Искривились линии, поплыли по неизвестной траектории движения.

Темень завладела пространством, единоправным хозяином, а мы стали его гостями. Слева небольшой огонек привлек внимание светом. Это комната моя и Волчицы в домике. Здесь никого, сплошь холодный мрак.

— Экспресс-такси, — хмыкнул Хаски. Он рядом здесь со мной переместился. Нервно дернулась назад, увеличивая расстояние. Подальше от него. Бежать, но куда? Сзади стена.

— Убирайся, — чуть слышно озвучила. — Убирайся.

— Не сегодня, — шаги в мою сторону. — Не сопротивляйся. Расслабься.

Мужчина руку выставил резко вперед и жестко обхватил мое запястье. Потянул на себя поближе. Тело к телу. Я руки подставила на его грудь, откуда чувствовала ровные, громкие удары в ладонь.

— Не трогай, пожалуйста, — попросила, но Хаски подхватил за бедра. Остановил теплые пальцы на ягодицах, сминая, сдавливая играя, как с неодушевленной куклой. Под ребрами почувствовала, как дрогнул член сквозь джинсовый, натянувшийся материал. Подалась назад, пытаюсь сбежать, но Дмитрий не дал. Второй рукой обхватил за лицо.

— Со мной нельзя играть, девочка! — яростно, как дикое животное, прорычал на ухо, обдав горячим дыханием. — Возбудила мой интерес, так будь добра удовлетвори его.

Дыхание на губах, заставило напрячься сильнее. Как же я мечтала перенестись отсюда подальше. Одной, туда, где тепло и светло. Где меня защищали, любили и ценили, где была прекрасной Аристократкой Вильмонт с защитой за спиной. Лишь бы не стоять здесь — в руках наследника Хаски, терпя его мечь.

Свет щелкнул, когда Дмитрий пальцами провел по воздуху, направляя энергию в сторону двери, где находился выключатель.

Я не хочу быть здесь. Я не могу. У меня есть любимый человек. Я люблю его. Я люблю семью. Хочу быть Аристократкой, чтобы ценили и уважали. Хочу, чтобы Леня обнял, утешил. Помог, защитил от предательских слез.

Кап.

— Эй... Ананина, — пальцем стер внезапно скатившуюся слезу. Я не хотела, чтобы Хаски это видел. — Не стоит плакать... — поймал мой взгляд, мечущийся, как зверь в клетке. Ты поймал, посадил на цепь поганную тварь. Я рвалась, неистово металась по периметру в поисках выхода, но не могла найти.

Хаски улыбнулся ямочками по-доброму и или мне так казалось. Может добра в тебе никогда и не было?

— Не поможет, — полные губы нашили мои, чуть солоноватые от нескольких слез, скатившихся по ним. Испуганным, чуть сжатым. Язык попробовал мой рот на вкус, насколько податлив теперь для него. Вперед-назад. Яростные укусы жалили.

Поступательные движения языка показывали, что он хотел на самом деле. Копировали животные инстинкты тела во время секса. Пальцами мужчина сжал до боли ягодицы: до синяков, до желания выкрутиться из сильных рук и сбежать. Но я позволяла. Открывала рот. Давала язык трогать, прикасаться к нему, облизывать.

А ты не целовал а лизал, как чертов зверь. Лизал губы, просясь внутрь. Как похотливая тварь, которой нужен акт, трение тел, только бы достать член и вновь меня поиметь.

В горле застыла горечь, разъела желудок и легкие.

А потом во рту странный вкус, еще горче, чем прежде.

— Глотай, — мой рот и нос зажал ладонью. Я забилась, попав в невольный плен, дышать не позволял. Глаза испуганно заслезились от натуги, руками вцепилась в торс мужчины, в запястье. Промычала.

— Глотай быстро! Хуже будет, — опять видела мутное зеркало перед собой. Ужасно ярко посреди ночи, и Хаски видит меня и все мои слабости.

Дышать нечем, но таблетка уже растворилась. Проглотила. Горькая. Противная.

Через секунду Хаски положил меня аккуратно на кровать, заботливо снял кеды. И остался на одном колене рядом. Изучал новый экспонат перед тобой. Манекен Ананина. Без права голоса. Безвольное тело. Тряпка.

Через минут пять я растекусь лужей, как в тот раз. Поздно.

От яркого света среди ночи заслезились глаза.

Горячая волна коснулась теплых ступней, скрытых в голубых смешных носочках. Афродизиак начал действовать.

— Ананина, расслабься, — ненавистная рука прикоснулась к бедру в районе короткой юбки, двинулась по коже выше и выше. Приподняла юбку до белых трусиков. Я зажмурилась, а волна потекла по икрам, по коленям, приближалась к бедрам, вслед за рукой. Словно стая муравьев заполонила миллиметры плоти. Не хотела видеть довольных ямочек на его лице, поэтому отвернулась. В груди застыл трепет. Жар дотронулся корявыми ненавистными пальцами.

— Только дай забыть, — опустила ладонь на руку Аристократа, ту что гладила бедро и поднимала юбку. — Пожалуйста.

Нет ответа. Его губы стремительно опустились, жаля бесконечным ядом. И больше ничего не оставалось перед глазами. Только мое тело имело важность, ничто больше. Остальное не важно, только вспыхивающие очаги на коже и внутри. Я в эпицентре взрыва.

Лишь бы забыть все это. Забыть ощущения, чувства, кадры. Хочу их забыть.

Глава 26 "Воспоминания"

Глава 26 "Воспоминания"

Спасибо всем за лайки и за комментарии. Очень греют писательскую душонку)))

С рассветом пришел ужас, который мгновенно поработил мысли. Тело заныло от боли, когда распахнула глаза. Одна в той комнате, среди сбитой простыни и нижнего белья. Всё мягкое, грязное, мокрое. По комнате явственно чувствовалась смесь моих и его запахов.

Тело липкое, неприятное на ощупь и полностью обнаженное. Ресницы слиплись от слез, веки опухли. Должно быть плакала, прежде чем заснула.

Хаски оставил комнату.

Смотрела на голое тело перед собой. Его осквернили, использовали и оставили. Боялась надолго закрыть глаза и увидеть, как наяву, те отрывки. Хаски не дал забыть.

Глаза заслезилась от сухости на оболочке.

Ладонями закрыла кадры в памяти, нет так тяжелее признавать правду. Отняла руки от лица. На запястьях — красноватая, чуть сгорбившаяся кожа. Думала будет сильнее ожог, кричала я сильно, но возможно это афродизиак усилил ощущение жара?

Заклеймили, как последний скот, без права голоса и с печатью на теле. Во времена войны Бастардов клеймили, чтобы знать наше точное количество. Не более пятисот человек позволялось жить среди Аристократов.

Эмоции успокоились, стали мертвыми, глухими где-то там внутри далеко. Спиной опустил на грязную простынь, руку на холодный паркет, а глаза прикрыла. Нет. Плакать больше не способна.

Едва Хаски поманил пальцем. Едва побыл несколько часов милым, потеряла бдительность и наивно нырнула в омут с головой. Позволила довериться, а Дмитрий не преминул воспользоваться наивностью малолетней дурочки. Вильмонт, ты же никогда не была такой. Ты была черствой, холодной, расчетливой стервой.

Прошла в ванную комнату, понимая, что в ранний час там никого. Солнце поднималось из-за плотных темных облаков, видела в маленьком окошке почти рядом с потолком.

Налила ванную, стояла голая, но смотреть на тело боялась. Там должны быть ссадины от яростных ласк мужчины.

Хотелось погрузиться в расслабляющие пузырьки воды. Из тела изъяли все силы. Приподняв руки из воды, увидела вновь покрасневшие, сожженные запястья. Хотелось укусь, вцепиться намертво и разодрать плоть. Это самое болезненное напоминание о том, что нас связало.

Вот он первый кадр. В глазах резко заболело. Протерла веки уставшие, не выспавшиеся.

С руками, заведенными за голову, лежала спиной на простынях под полным контролем мужчины. Каждый волос тела был подвластен ему, любая мышца, нерв сокращались под его взглядом. Язык во рту жалил. Облизывал, как вкусное угощение, которое подали на стол.

С раздвинутыми ногами почти на максимум, приподнятая за бедра лежала под мужчиной. А Хаски не сдерживал темпа врывался и языком в рот, и членом внутрь меня. Использовал любую часть тела перед собой. Боль пронзала от слишком глубоких и быстрых ударов о плоть внутри.

Мужчина не замечал, погружался сильнее до предела, пока не вскрикивала и от боли, и

от грязного удовольствия под воздействием афродизиака. И в пик нашего общего наслаждения Хаски развел мои руки по бокам от подушки, оторвался от поцелуя и сжег запястья.

Я заорала посреди рассветной дымки, возможно разбудила многих, но крики были моментально заглушены ртом и языком. Пыталась вырваться, отвернуться, зажимала челюсть, но мужчина опять с силой вторгся через мои губы. Должно быть боль притупила действие афродизиака.

А Хаски жег, жег. С удовольствием, не давая пошевелиться. Продолжал двигаться яростно внутри меня, невзирая на то, что кончил. Наказывал каждым болезненным шевелением во мне, раз за разом.

Запястья онемели, но вырваться мужчина не давал. Кожу щипало, будто кислота пролилась на руку и прожигала.

Не помню, когда слез? Когда жжение на руках прекратилось? Когда язык и член перестали насиловать. Не помню.

Это была концовка. Начало не желала вспоминать. Не сейчас. Лучше никогда.

Ты — прогнивший Бастард Вильмонт. Посмотри, во что превратилась прекрасная Аристократка. Вот в это чудовище.

Набрала воздуха в легкие побольше, прикрыла веки и с удовольствием погрузилась под пузырьки теплой воды. Прекрасная нега окутала тело. Из носа и рта беспрерывно рвался наружу кислород небольшими шариками. Какое теплое ощущение, словно обняли заботливо...

***

Комната сияла желтым блесками, наверное снег сейчас искрящийся сверкающий на улице. Прекрасный для любого человека, но не для меня. Глаза резало от ярких блесков.

Сколько времени? Когда последний раз ела? Желудок свело судорогой. Видимо, давно.

На кровати сидели Маша и Кристина, а возле шкафа спиной — Волчица. При моем появлении подруга не обернулась. Я ее бросила в том кафе. Мы ведь были вдвоем, а я исчезла с Хаски. Может обиделась?

— Волчица, как добралась вчера?

— А? — задумчиво протянула она. Обернулась, как будто и не заметила сначала как скрипнула дверь. Коротко добавила. — Все хорошо. Польски и Трески привезли домой.

Значит, и они там были.

— Домой собираемся? — спросила, присаживаясь на кровать Волчицы. Аккуратно, чтобы не смять лежащие там вещи.

— Да, — коротко ответила Волчица. Какая она сегодня немногословная. Внезапно добавила. — Ах, да твои вещички притащила...

Подруга пальцем указала на стул рядом с кроватью, где аккуратно висели черные, излюбленные штаны, куртка, футболка и любимые эластичные бинты — повязка. Теперь какой смысл, делать из себя плоскую?

Девочки не спросили по поводу случившегося, и на том спасибо. Не готова обсуждать, крики и похабные стоны, наверное, слышали и внизу на втором этаже. Кровать ужасно скрипела, учитывая, что Хаски невероятно тяжелый для нее.

По спине не прекращались болезненные стежки, по ягодицам, ногам, между бедер. Все скулило. Неимоверно жгло. Горело пламенем, которое мужчина так старательно пытался сначала зажечь, а потом гасил собой.

Не вспоминать. В голове ярко вспыхнуло воспоминание, которое заставило подскочить с кровати, запоздало сдержав болезненный стон. Моя задница, в поясницу моментально отдалось.

— Чего стонешь? — удивленно спросила Кристина.

— Ничего, — буркнула себе под нос и глаза спрятала на полу. — Есть хочу. Вы собрались? Мне все равно нечего собирать, белье покидаю. Во сколько выезд не знаете?

— Через час, — сверилась с часами на руке Маша, подозрительно прищурилась, глядя на меня. Только молчи, про себя взмолилась, не говори ничего. Не хочу, не могу.

Прошла к шкафу рядом с Волчицей, лишь бы скрыться от любопытных подруг. Достала вещи первой необходимости и покидала в рюкзак, одолженный у Машки перед отъездом.

И отправилась вновь в ванную комнату переодеваться в старую, потертую одежду и грим надо было восстановить. Татуировка сбоку на глазу в нескольких минут сдернулась со временем, отваливалась по кусочкам. Надо и ее повторить, если найду в магазине, а то скоро родинку станет заметно.

Как все странно... То ли не проспалась, то ли даже не знаю, до сих пор находилась в другом незнакомом мире, под воздействием афродизиака. Пока старалась ничего не чувствовать, отделить мысли, события и людей. Чтобы в мой кокон не забралось не единой глупой мысли. Просто секс. Между двумя взрослыми людьми. Трение тел, поцелуи, объятия. Не думать, Аня. Забудем.

На ресепшене наша компания вела активные разговоры, чемоданы перемещались по полу. Ненароком взглядом зацепилась за спину Хаски. Отвернулась сама от мужчины, не осознанно пряча запястья, которые зажгли.

— Ты опять плоская и страшная, — услышала обращение в спину. Вдохнула побольше воздуха, вновь обернулась.

Ничего не сказала. Впервые за время общения, не ответила на удар, не поставила блок. Хаски проломил щит с одного удара и поставил на колени.

Отвернулась от толпы, с любопытством взирающей на нас. Да. Каждый слышал нас. Знал. Почти прочувствовал темп каждого отдельного секса. Каждый.

В машине опять тишина. Руку отдала лишь бы не находиться здесь рядом с ним. Тело ныло и требовало пощады, но я боком пристроилась и пыталась дремать время от времени.

Излюбленная игра Аристократов заняться безбашенным сексом под афродизиаком, а потом выпить бурды, чтобы забыть постыдные воспоминания. Кто хотел оставлял память, кто не хотел — забывал. Я никогда не участвовала в этом, по причине того, что во-первых не так давно стала выходить в свет у Гнетовцев. Полтора года примерно. Во-вторых, у старшей сестры Александры имелась очень полезная особенность — аллергия на продукты растительного происхождения. Афродизиак из трав и состоял, поэтому когда приходили на крупные вечера, Сашу первой заставляли пробовать еду и напитки. Вырвет, не вырвет.

А можно было и компромат неплохой пособирать на подобных вечерах. С сестрой однажды засняли, как ее однокурсница трахалась со своим родным дядей под афродизиаком. Извините, но процесс происходил под нашим столом, поэтому грех было не заснять, к тому же Саша точила зуб на девушку. Да. Да. Я была плохая девочка, а теперь... получила то, что заслужила. По заслугам? Да, Вильмонт?

Сегодня я была потаскухой. Вот и стыд. Кадр номер два вспышкой озарил по среди трассы, на грани сна.

Стояла на коленях перед Хаски на кровати и лизала член. А мужчина смотрел на меня

снизу вверх и гладил кончиками пальцев мое лицо, подбородок, щеку. И я не чувствовала в тот момент смущения, каких-то проблем с совестью. Только жгучее желание быть во власти страстного любовника.

Кончил мне на грудь, на шею, смотрел, как сперма стекала по разгоряченной коже. На оголенные соски и ниже по бедрам, между ног.

Это все было ужасно. Ужасно грязно, мерзко, отвратительно. Это было не занятие любовью. Ничего милого, счастливого я не испытала. Страсть играла со мной, командовала, приказывала, как поступить, а стыд червем сжирал.

Я изменила Ленке. Бастард подери! Шмонт никогда не был монахом, спал со своими модельками на работе. Ревновать не видела смысла, я-то знала, что будь воля Ленки свои сексуальные фантазии вымещал бы на мне, но существовало крупное «но». Восемнадцати мне не было. Представляете, чтобы со Шмонт сделал разлюбезный папаня? Ампутация — самое невинное наказание.

А когда узнал про мою вторую силу, ох, папа лекцию полдня проводил в рабочем кабинете. Смысл посылать — секс это плохо, в крайнем случае презервативы и только с одним партнером. И это мне говорил отец, что имел несколько любовниц. Конечно, из вредности в тот день пригрозила Ленке, если тот не лишит меня девственности, пойду и отдамся первому встречному.

Какой я была глупой, наивной, маленькой, избалованной дрянью...

Девочки спали на заднем сидении всю дорогу, а Польски и Трески что-то обсуждали тихо. Прибыли утром на парковку, минус четыре часа с Белесье. С удовольствием выпрыгнула из нефэара, разогнулась, потянулась.

— Дима! — обернулась в сторону крика. В нашем направлении шла, порхала девушка в белом шелковом платье. Струющаяся при ходьбе ткань подчеркивала каждый изгиб тела. Ветер не трепал волосы девушки, потому что те были красиво уложены, чуть изгибались в противоположную от лица сторону. А Аристократка счастливо улыбалась, глядя на Хаски. Искренне.

Дверь со стороны водителя хлопнула.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Кристина?

Нет. Френ Мерси пришел вместо дочери. Даже я узнала прекрасную леди Кристину. А ты, собственную невесту не узнал? Как по шаблону. Сашка после такого представления три года назад сопли развешивала мне на кофте. Какой Хаски гад и дал ей отворот поворот настолько жестким методом, показав кто и с кем остается. Пока господа Аристократы обменивались приветствиями, прошла к багажнику, вытащила свои вещи и девчонок, перекинула рюкзак через плечо и захлопнула дверцу.

— Хорошего дня! — под тихие воодушевленные разговоры Аристократов Бастарды в нашем лице покинули парковку.

***

Как же жарко в этой гребаной машине! Едва не взвыл, пока всю дорогу сражался с температурой собственного тела. Какого хрена она так сильно поднималась теперь? Даже Ананину вчера подпалил.

Подзарядила Ананина знатно, слишком знатно. Бастард... Бастард...

Кристина какую-то ахинею на ухо несла, что-то про работу. Точно, она устроилась к папочке на фирму.

Оказывается много в жизни потерял, не трахая Бастардов.

— Дим, ты тут? — на ухо неожиданно очень громко позвала Кристина и улыбнулась.

— Тут.

— Что думаешь?

— По поводу? — коротко поинтересовался. Видимо, что-то пропустил пока думал.

А все Бастарды такие отзывчивые? Трески уверяет, что да.

— ...ну можем на пару деньков?...

Каких пару деньков? Отвлекся на сидящую рядом девушку, пожирившую нежным взглядом. Отвернулся равнодушно вновь к дороге, игнорируя любование своей персоны. С детства любви признавалась Кристина, на задних лапках бегала в школе, бесило до трясушки. Однажды вспылит, сказал, что ненавидит неопытных любовниц, гениальная женщина, пошла и переспала с Трески.

И где характер в белокурой головке?

— У мамы будет День Рождения, и мы на пару деньков у них можем поселиться?

О! Да! Только родственников не хватало, начнутся разговоры о свадьбе, о детях.

— Посмотрим, — равнодушно ответил. Привез Кристину к себе на квартиру, придется на пару дней потесниться. Звонок на сотовый спас от намерений девушки явно обозначенных в виде прижатого тела, особенно груди к локтю, я тебя умоляю, Кристина, сегодня пол ночи лапал Ананину...

Ананина похоже поселилась в мыслях, дрянная девчонка.

Ловко извернулся из объятий Кристины и, пообещав скоро вернуться, поехал к отцу.

Глава 27 Улица Дегельса

Дом Хаски расположен в черте города Арзонт на двух главных улицах. На их пересечении. В адресе так и значилось две улицы. Снег никогда не покрывал землю города. Тепло и зелено, разве что ночью чуть холоднее, чем летом. Невысокие деревья, искусно вырезанные в различных формах украшала город.

Вот например, на улице Дегельса — деревья были эффектно изрезаны в зеленое большое сердце. Дегельс — это человек, убивший сам себя в доме номер девять по этой улице. Дом так и остался нетронутым, слегка подкрашенным, а в остальном деревянное маленькое жильё старинных времен покоилось на том же месте, что и шестьсот лет назад.

Мужчина, узнав о измене жены в состоянии аффекта — под воздействием психотропного вещества вырезал всю семью. А потом и сам повесился. Трупы нашли вместе в луже крови, единых в смерти. На территории Арзонта много подобных историй. Где происходил пожар, где цунами обрушилось на самую южную часть острова. Где находился чуть ли не единственный спящий вулкан на весь мир. А где-то тысячу лет назад он действовал.

Много-много интересного хранил Арзонт. Один из самых древних городов, насквозь пропитанный энергией солнца.

На улице Дегельсанашли пристанище Хаски. Под колючим трехметровым забором, под высоким напряжением, снаряженным самой известной техникой безопасности. Оплот. Крепость одной из самых древних семей Немии. На порог дома никогда прежде не ступала нога представителя Вильмонт. Ниразу за две с половиной тысячи лет.

— Наконец, ты приехал, — отец несколько возбужден, словно его что-то беспокоило. Это я понял едва перешел порог дома. Отметил для себя включенный свет во всем коридоре и в примыкающем зале. Двое поваров. Муж с женой громко кричали друг на друга, самые древние их служащие — Бастарды, проверенные временем и старательностью.

— Кого ждем? — разулся на коврике при входе. Давно его здесь не было. Редко появлялся в родовом гнезде, предпочитал уединение собственной квартиры, без огромного количества людей.

— Отдыхал? Я слышал ты распустил Гретту на два дня. Что-то случилось? — отец хмурил лоб и постукивал нервно пальцами по деревянной полке, которая висела сбоку на стене. Туда складывались ключи и документы жителей дома.

— Да. Отдыхать ездил, — на остальное не стал отвечать. Отчитываться не намерен. В конце концов, почти полноправный властитель всего наследства. Дал понять, что о своих решениях не намерен кого-либо вводить в курс дела. Повторил вопрос- Кого ждем?

— Вильмонт, — отец ответил на вопрос и скользнул в дверной проем, где находился просторный зал для обедов. Я встряхнул головой. Может ослышался?

— Кого? Что ему здесь понадобилось? — прошел в след за отцом, глядя на сооруженный стол на несколько персон.

— Обсудить последние события. Яхонт умер тебе доложили?

— У нас свои проблемы были. Но что обсуждать?

— Приедет и узнаем. Сергей попросил очень любезно об аудиенции.

— Вильмонт прогибается? — усмехнулся я. — Что-то на него не похоже.

— Воду мутит. Пока проследить ниточку его дел не могу, похоже сегодня и узнаем, — молча переглянулись я и отец. Невиданное дело — две семьи за одним столом.

— Нужно фрак одевать? — чувства юмора сегодня хоть отбавляй. Настроение выше некуда, небывалый энтузиазм. Отдых пошел на пользу.

— К девяти будь готов. Он с сыном. В доме никого не будет, — оставалось только понимающе кивнуть и пойти переодеваться к ужину.

***

Пунктуален, как и всегда, что отметил про себя. Можно было и немного попозже. Еду не всю поставили. Вильмонт не в курсе, что в гости надо приходиться с небольшим опозданием, чтобы хозяева успели накрыть на стол.

Со звонком в дверь поднялся вслед за отцом с дивана. Интересно, о чем Вильмонт хочет поговорить? Что такого произошло, что наступил себе на горло и попросил о разговоре. Очень странно.

Сынок в костюме и с проколотой бровью. И с этим...парнем придется делить власть в мире? Что за ирония судьбы. Пугало безмозглое. Мальчик с обложки, со смазливой улыбкой и головой без мозговых извилин.

Вопреки желанию пришлось здороваться натянуто, хорошо улыбаться не заставили. Мужчины, когда ведут бизнес не общаются между собой, скорее перебрасываются пикировками, в остальном стараются быть безэмоциональными, гладкими и шелковистыми. За этой равниной пряча козырные карты. Сегодня тоже предстояло разыграть партию? Можно начинать?

— Добрый вечер, — безукоризненно вежливый Сергей ни на шаг от этикета не отходил. Был предельно осторожен и аккуратен в подборе слов. Охранников оставил за дверью, давая понять, что уважает хозяев и полностью доверяет. Залог успешного делового соглашения. Похвально. Никого в доме, кроме них. Мать с близняшками на концерте. Младшие братья отправлены на спортивное соревнование насильно отцом, для повышения престижа наследников Хаски.

— Сергей, Павел, устраивайтесь, начнем прежде всего с легкого ужина, а дела подождут, — куда без официоза? — Помоги мне, Дим, — накрывать придется самим. Служащих в целях конспирации отправили домой.

— Только если с легкого ужина. Мне Алла и Аня всегда запрещают есть в конце дня. Желудок должен отдыхать во второй половине дня, — Сергей попытался разрядить обстановку замечанием о семье. Плюс в копилку хорошего настроения, пришлось оценить и улыбнуться.

— Ты должен был сказать запрещаю — в прошедшем времени, — Павел до этого только с любопытством оценивал обстановку, помалкивал, а здесь высказался, причем заметно дерзко. — Больше никто не запрещает.

Подчеркнул Павел намеренно холодно и уселся на один из стульев. А пацан с гонором, намекает на смерть средней. Как ее там звали? Аня что ли? О! Как Ананина, вот почему запомнил.

Старший Вильмонт ничего не сказал. Промолчал на явный камень в его огород, потупил взгляд в стол, сделав вид, что не расслышал. Будто между ними плотная стена бетона, через которую не видно и не слышно друг друга.

Ужин проходил в нейтральных темах, по вопросам связанных договоров и о ближайшем представлении в Новый год. После нескольких бокалов виски Вильмонт перешел к сути

визита. Начал издалека.

— Разговор надеюсь останется строго между нами? — поинтересовался таким образом, есть ли слезка в доме?

— Конечно, — коротко пообещал отец.

— Более двух тысяч лет мы привыкли считать друг друга врагами, и я ни на минуту не сомневался в этом. Каждый террористический акт не было смысла проверять, цеплялся за любые улики, которые наводили на Арзонт. Пули, производимые у вас, защита, броня. Люди. В последнее время меня навело на сомнения, что не всё твоих рук дело, Сергей, — очень внимательно мужчина посмотрел на отца. Тот, сложив руки в замок, позвякивая часами, сдвинул уголки губ в ухмылке.

— Да неужели? — с сарказмом спросил. — Ты ради этого приехал? Сказать, что был не прав?

Вильмонт не ответил на вызов, продолжил хмурым голосом. Будто уставшим от всего на свете:

— Я тоже не занимаюсь террористическими актами. Это бессмысленно и слишком затратно, а ради чего? Насолить тебе? — у отца ухмылка пропала с лица. Более серьезно осмотрел противника.

— И что ты хочешь сказать?

— Тот теракт — взрыв высотки, в результате которого Дмитрий пострадал, могу от себя озвучить. Не. Моих. Рук. Дело. Я не отдавал приказа. Да. Военные мощности нашего производства. Древнее старье, которым я давно не пользуюсь. У нас на теракте в Герберте тоже были использованы ваши древние взрывные механизмы...

— Ты для этого спрашивал о наших военных ресурсах? — перебил отец. Я чего-то не знал? Опять скрыли подробности. Когда Вильмонт запрашивал информацию? Он и продолжил разговор:

— Двадцать первая серия бомб использовалась в нашей высотке. Никто не пострадал. Малый заряд мощности...

— Если бы хотел, — отец вновь поправил платиновые часы на руке. — Водородной бомбой херакнул, чтобы посильнее.

— Аналогично. Только боюсь моя жена пацифистка. И за попытку причинить вред невинным людям пристрелила бы вместе с дочерьми, — молчание со стороны отца. Сложно понять Вильмонт, к чему завел этот разговор. И честен ли он или ведет какую-то игру. Не дав времени на обдумывание, продолжил Сергей:

— Яхонт скрывался у Баллийцев последние два месяца по одному важному делу. Ты знаешь я вычищаю ПБ — ов? — на вопрос отец кивнул. — Яхонт был замешан в этом деле, поэтому исправлялся таким путем. Я дал ему второе задание попутно — проверить Барса и разузнать всё, что сможет по поводу их летательных аппаратов и крупных группировок. А как мы с вами знаем Яхонт умер. Его выкинули на нашей границе с Баллийцами. Перед смертью он пытался что-то сказать мне.

Вильмонт вытащил телефон из кармана пиджака несколько секунд внимательно всматривался в экран и перемещал пальцы по матрице:

— Вот это единственное, что он оставил, как подсказку. Но я не понимаю, что это означает, — Сергей передал телефон экраном вперед и отдал сначала отцу, потом — мне. Фотография руки левого запястья. С кровавыми прорезями на коже. Глубокие, достаточно заметные. Кривые, но понятные. Он вырезал себе на венах послание?

— И я не знаю, это ответ по какому делу? По моему первому или по второму? Или они оба связаны между собой?

— Поздно ты начал убирать ПБ. Надо было раньше думать, — Павел превышал все свои сыновьи и наследничьи возможности. Переходил допустимую грань отношений. Неприятно видеть наследника Вильмонт, с таким пренебрежением, относящемуся к отцу. Себе подобного поведения не позволял.

— Не стоит указывать на недостатки отца в присутствии чужих, — сделал замечание сопляку. Не мог стерпеть, слишком хотел поставить на место.

— А это мои дела и отца, — борзый слишком. И его называют Ангелом Вильмонт, душой компании и улыбчивым парнем? Слухи жестоко обманывают.

— Но ты находишься в доме моего отца, — был резок и в голосе это проявилось. Замолчал щенок, но был недоволен. Плевать, маленький мальчик.

Вильмонт старший перебил нашу пикировку:

— Паша, твое мнение я выслушал и не стоит каждый раз говорить одно и то же. Обвинениями делу не поможешь. Я пытаюсь спасти наши семьи от дальнейшей бойни. Если бы не было между нами соперничества может быть не погибло в свое время столько народу. Многих восстаний могли избежать. Ты нам поможешь, сын? — Павел чуть подумал, пострелял недовольно глазами в отца, но последним взял телефон. Изучал, изучал.

— Две скрещенные палки? Ассоциация только одна — Х, — все недоверчиво переглянулись.

— Паш, должно быть что-то еще. Этот вывод приходит самым первым. Должно быть что-то на фоне, — покачал устало головой Вильмонт, а мой отец начал размышлять вслух:

— Значит, зацепка у нас была с крыльями. Барс — является коренным жителем Баллийцев. Как нам всем известно, один из самых богатых людей. Из родной страны по возможности не высовывается. Едва пересечет границу наши спецсы ему голову по основанию отрежут. На его счету два десятка убийств и более сотни денежных махинаций. Крыльями занимается не одно поколение Барса. Весь мир Баллийцев подстроен под их производство.

— Значит кто-то с нашей стороны работает на него, — озвучил мысль Сергей Вильмонт в перерыве между словами отца. Вроде и не перебил, но и не дослушал.

— Из ума выжил, Вильмонт? — Дима был мысленно солидарен с отцом по поводу умственных особенностей конкурента, но тактично промолчал. Все-таки возраст уважал. — Крупные сливы на счета мы бы отследили. Перемещение незаконное через энергетическую сферу — засекли. Незаконные группировки Немийцев — все под колпаком. Знаем количество и начальников. Действуют с нашего молчаливого одобрения. Как? Вильмонт? Как мы могли пропустить работающего за спиной?

Отец руками размахивал перед лицом, будто спрашивая у всевышней энергии ответа.

— Я не шучу. Почему мы так люто конкурируем не одну тысячу лет? У меня нет ненависти к вам. Две тысячи лет прошло, причины ненависти слишком размыты в памяти. Конкуренция? Да, пожалуй. Я буду из-под носа у вас вытягивать более выгодных поставщиков, сбавляя цену. Но я не буду тратить миллионы, чтобы взорвать небоскреб и похоронить десятки жителей. Это элементарно не выгодно для бизнесмена. Потеря потенциального клиента. А вспомните — сколько раз мы хотели породниться? И почему каждый раз что-то происходило? Кто повесился, кто попал в аварию. Это всё странно. Зато когда мы не контактируем напрямую. Устанавливается тишь да гладь, особых проблем нет.

Едва встречаемся — град проблем сыпется на голову. На мою дочь — Аню не первый раз совершили покушение, — Павел посмотрел на отца со слепящей злостью в глазах. — Два года назад помните, когда Дмитрий послал предложение на заключение брака, Аня сразу отправила отказ.

Нашлась королевна, но промолчал. Ему тоже свадьба не нужна была, делал по просьбе отца. Вильмонт достойны родства.

— Тогда ей в машину вшили иксовый заряд двадцать первой серии.

— Это когда она в аварию попала? — Павел не умел слушать, все время на эмоциях.

— Это не она попала в аварию, а я ей велел в столб въезжать, — поправил старший Вильмонт. — Наши движки вылетают вверх при лобовом столкновении, таким образом удалось избежать взрыва в салоне.

Опять Павел прервал отца, громко задав вопрос:

— А где Кирилл был? Как вообще в ее машину бомба могла попасть?

— Аня втайне от меня и Кирилла решила поступить в военку. Ехала на поступление. Кольцо оставила дома. Ты знаешь, я был против. — Военку?! Баба!?! Удивлен, так удивлен.

— Это началось сразу непосредственно после отказа Ани выйти за тебя, Дима, замуж, — бровь на лоб взмыла вопросительно. И на что Вильмонт намекал? Что за вздор? Мне зачем нужна мелкая соплячка, пусть и с кучей денег. Ответил спокойно без эмоций:

— Я послал предложение, отдавая дань традиции. Не больше не меньше. Вашу Аню не знал и не желал жениться на ней, не больше чем на ком-то другом.

Сергей Вильмонт коротко кивнул и продолжил:

— Второй случай нападения произошел после знакомства Виталика и Ани. Я опять связал это нападение с вами. Неизвестные забрались к нам в пентхаус в Новый год. Дома были я, Аня и Алиса — младшая наша. И теперь вспоминаю обстрел склада на острове, смертников. Нападавшие исчезли в окно с двадцать восьмого этажа.

Третий был в августе. Пб-ники встретили Аню на улице. Охранника не было рядом. Шмонт был с ней, как в прочем и всегда, поэтому не волновался. Но они поссорились...

— Напрашивается вывод — как только есть намек на сближение нам вставляют палки в колеса? — я удивленно озвучил мысль, даже перебил мужчину старше. — Два запроса на свадебный контракт — нападение. Остров объединенный — нападение.

— Именно к этому выводу я и пришел. И почему раньше никаких сомнений не возникало? За нашими спинами действует кто-то третий. Умело руководит, как марионетками. Как бы не было это отвратительно, но кто-то нас переиграл. Только вопрос почему? Почему этот кто-то нас разъединяет, а не уничтожает? Спокойно позволяет процветать?

— Значит по одиночке мы для него не опасны, — ответил мой отец.

— Значит так, — закончил мысль Сергей.

И воцарилось затишье, долгое и изнуряющее. Прямо как бывает перед бурей, не ждешь, но она приходит. Причиняет море неудобств, может и утопить. И, кажется, пора подготовиться к войне по серьезней, чем была до этого.

Спасибо всем за чтение)

Глава 28 "Мятеж"

Глава 28 "Мятеж"

Прошу прощения за возможные ошибки, автор не робот.

...

На балконе хорошо. Ветер развеивал волосы, заставлял их попадать мне на губы и глаза. Один раз едва не сожгла наращенные пряди прикуренной сигаретой. Поздний час, а я не могла заснуть в кровати, вышла подышать свежим воздухом. Думала отрублюсь после бессонной ночи с Аристократом, ведь он почти не дал поспать. А утром, едва заснула, разбудила боль, что съедала каждый миллиметр плоти.

Три утра, немного прохладно, потому накинула легкую ветровку. Пятнадцать градусов тепла приблизительно и это начало зимы для Арзонта.

В шкуре Бастарда постоянно курила. Пепельница на пластиковом столе истыкана огромным количеством бычков не все, конечно, мои, но многие. Спокойствие похоже отняли навсегда.

Плечи покрылись заметными мурашками от воспоминаний, не от ветра, подувшего на кожу. Кадр за кадром возвращался в течение дня.

Хаски не дал забыть. Что это? Акт мести в извращенной форме?

Рука с сигаретой дрогнула, пепел осыпался на стол. Поспешно смахнула на бетонный пол под ноги, ветер все равно сдует мусор с балкона.

Дверь распахнулась за спиной, впуская Волчицу, в ночнушке и теплой куртке.

— Ты здесь? — прошмыгнула неуклюже на балкон и зевнула подруга. — Я думала забрал Глен. Настолько понравилось господину Хаски, что решил использовать в пожизненном рабстве?

Евлампии смешно. Поражаюсь ее отношению к жизни. Извечно спокойна, никогда не видела ее расстроенной. Не то, что я. Всегда считала себя сильной, а тут не способна стала сдерживать эмоции: грущу, плачу, печалюсь. Где заводная без башки Анна Вильмонт, крутящая мальчишками, как кнутом для дрессуры диких зверей?

Подруга примостила худые бедра на стул, прикурила сигарету. Интересно, быстро сохнем от никотина? Мои легкие почернели? Или папа успеет пересадить новые? Я бы не против умереть сейчас.

В прошлый раз была довольна тем фактом, что отпинали, а не изнасиловали. Рано радовалась — каждый получил по заслугам. Получи, Вильмонт, за пожизненный обман перед Аристократами.

Сигарета истлела окончательно. Перевернула бычок и затушила в пепельнице, дав пепел, размазывая по стенкам прозрачного блюда. Красные угольки затухали медленно, так же плавно, как я перекрывала доступ к кислороду. Мне сегодня тоже перекрыли доступ к кислороду. Повернули фитиль — возвращать в обратную сторону не желала.

— Что за убитая моська? — шикарная улыбка у Волчицы. Подруга подтолкнула меня в голое колено ладонью. — Ты сама не своя. Где, заноза Ананина? Где бесстрашная Анька, перед которой даже я спасовала в первый день при нашем знакомстве? Не твоя страшная морда, поверь, мы бы подрались!

Я улыбнулась над воспоминанием, сколько времени прошло... хорошего... плохого.

Но разговаривать не могла, мне язык отрезало сегодня ночью. Его слишком много

использовали, он грязный, самой тошно.

— Ты надеюсь кончать с жизнью не собралась? Обычно с таким фейсом сигают с балкона. У нас хоть и третий этаж, но ноги сломать можно, — пыталась развеселить подруга. Волчица — комик, где бы записать, обычно я ехидничаю.

— Я похожа, на ту, что может прыгнуть с крыши?

— Сегодня похожа...

— Плохого обо мне мнения. Я — паразит, ко всему приспособливаюсь, к унижениям тоже, — ответила, но в глаза не могла смотреть Волчице. Боялась показать свои самые черные воспоминания.

— Поверь это не унижения, — смешинки пропали из ее речи. Я побернулась к подруге, брови чуть нахмурила, что-то странное прозвучало. — Аристократы знали, что я зарабатываю на жизнь, продавая тело. Думаешь, они этим не воспользовались?

Ясно. Ее тоже. Там. В кафе. Польски? Он же имел на нее виды. Будто услышав мои молчаливые размышления, Евлампия ответила:

— И Польски. И Трески, — О, всевышние силы! Чтобы передать мое эмоциональное состояние не хватило бы ни многообразия Немийского словарного запаса, ни плюсуя Баллийский. И всех букв не достаточно, чтобы описать гремучую взрывную смесь, которая плескалась в сосуде тела. Чуть-чуть пошатнешь, и она разольется за край.

— Я удивляюсь порой, насколько ты наивна для Бастарда, — улыбка опять вернулась к подруге на лицо вместе с фразой.

— Есть немного, — расплывчато ответила ей.

Голову устала держать влево повернутым к девушке, поэтому вернула прямо, на деревья перед окном и на зеленый газон. В поздний час народа не было, щебет птиц. Какие обманчивые благоухающие деревья в этом Аристократовском парке — там гдемы знакомились, как выразился Глен, где выбирали девушек для развлечения. Помню Хаски тогда откуда-то пришел в самом конце и прогнал нас — не понравились наши рожи. Все-таки первое впечатление оказалось верным. Оно кричало не своим голосом — бойся, бойся его.

— Знаешь, почему я работаю шлюхой? — я поморщилась от этого слова.

— Это не мое дело. Волчица, ты веришь, что спрыгну с балкона? Не... Хаски не дождется. Паразиты ко всему привыкают...

— Я жила НЕ в интернате всю жизнь, — резко перебила мой монолог Евлампия. — Насколько знаю, батек был богатеньким, заделал какой-то нищенке ребенка и выкупил из интерната, поиграться решил, наверное, в заботливого папочку. А потом в одиннадцать лет продал девочку в Амиак... — словарный запас окончательно забылся в моем мозгу, ниодного слова не могла вспомнить. Кто из нас еще урод? Аристократы или Бастарды? Моральные уроды естественно первые — у них нет определения ценности жизни. Им практически не страшна смерть, до определенного момента, когда плавно начнут отмирать жизненноважные органы, отказывать, барахлить.

Аристократам не страшны болезни, они являются их скрытыми переносчиками, но Бастардам они способны предать эту смертельную болезнь.

— Следуя твоим понятиям и Кристинки, следовало в одиннадцать лет сдаться и перерезать себе горло? — обвиняюще спросила подруга, я как раз сейчас изучала ее взглядом, но ответить не смогла на молчаливой укор, поэтому оставалось отвернуться и смотреть на развевающийся пепел на столе. Сдох, рассыпался, но по-прежнему стремился

двигаться, не исчезать бесследно.

— Ничего и на моей улице проедет эта как...ее... машина с деньгами... — задумалась Волчица, почесав щеку, словно там сидел назойливый комар. Нет, комаров не было, исключительно ветер к нам притрагивался ледяными касаниями.

— Инкассатор, — подсказала Волчице, та поднималась со стула. — Во! Точно. Проедет по моей улице инкассатор, пошла спать. Рано вставать, а то мы столько прогуляли, преподы уроют...

— Я твоему инкассатору лично шины проколю! — засмеялась негромко, зато чуть счастливее в след уходящей подруге.

— Жду! — озвучила Волчица и вышла в коридор, оставив капельку тепла для душевного спокойствия.

Забуду. Забуду. Всё. Как страшный сон. Закрою глаза и претворюсь, что ничего между нами не было: ни насилия, ни секса под афродизиак. Хаски отомстил достаточно для реабилитация своей гордости, осталось не попадаться больше на глаза.

***

Люблю это место, зеленая зона под третьим этажом, далеко от основных дорог Арзонта, от скопления народа, где царствовала приятная тишина, которую подарила мать. Она архитектор — выдающийся по моему мнению, правда, как у всех творческих людей, у нее иногда ум за разум заходил.

Моя квартира расположена в доме-пианино, черно-белые клавиши в виде стен, попеременно сменялись стеклами по всему кругу здания, которое держалось на одной ножке — подставке.

Поначалу отплевывался от этого ужаса, а потом свыкся, к тому же, нечастый гость, половину времени обитал в общежитие университета.

Жарко опять. Третью ночь подряд боролся с жарой. На работе сжег важный документ неосознанно, потом полдня с Греттой восстанавливали. Даже ежедневный секс не помогал спастись от жары.

Третью ночь подпирал локтями перила балкона, наблюдал за далекими огнями города, заодно без майки в одних шортах охлаждал ледяными порывами ветра из окна тело.

И как результат — ни-хре-на не помогало! Секса хочу!

В тринадцать лет таким сексуальноозабоченным не был. На ухо раздался противный электронный голос:

— Абонент вне зоны действия сети... — отнял раздраженно телефон и запихнул в карман шорт. За каким спрашивается Бастардом я ей дарил средство связи? Чтобы вот в такие моменты позвонить!

Глупый Бастард! Неужели не поняла, что лучше не злить.

А вообще поразительное тупоумие, с самого начала не понять, что хотел от девушки, правда сложно было разглядеть в ней представительницу прекрасного пола, кстати, очень даже «прекрасного пола», как оказалось.

Надо было еще в спортзале нагнуть, ведь не спроста обратил внимание на простого Бастарда.

За чем-то пытался опустить на дно, избивал, на ринг таскал, что за бред!? Усмехнулся глупости собственного поведения.

Три дня назад понял чего жаждал получить от нее — какого ответа. Что хотел от девушки. Увидеть как Бастард, распластанная в его власти, прикусывала нижнюю, пухлую

губу, сразу возникало желание присоединиться к сладкому пиру и тоже попробовать мягкость поцелуя. Как доверчиво выгибалась на встречу его резким выпадам, обхватывая словно изнутри плотно-плотно, тесно-тесно, мягко и тепло. Ее дрожащие в экстазе ресницы.

И знать, что это доставлял он ей это удовольствие. Именно он владел ею, он заставлял ее выгибаться, протяжно стонать, будто резал, а не ласкал. Это ощущение, когда взбалмошная девчонка превращалась в податливое, трепетное создание в его руках ни на что не похоже...

Всё. Всё. Ледяной душ и вставать на работу. Вышел в темноту кухни, ведь солнце не думало вставать.

Громкая музыка из кармана шорт отвлекла от лишних раздумий. И кому мог понадобиться ранним утром? С удивлением обнаружил надпись «Польски», поэтому пришлось ответить на вызов.

— Не разбудил? — поинтересовался друг.

— Если бы спал — не ответил, а то не знаешь, — ледяной душ отменил, прошел к столу в форме буквы «П», уселся на красный барный стул, так было удобнее ноги расслабленно протянуть. — Что надо?

— Что надо? — переспросил удивленный Санек. — Новости, когда последний смотрел или интересовался? Твоя страна на грани восстания, — с сарказмом начал комедиант. Я резко перебил, нотации и театральные выступления сильно раздражали постоянно:

— Ближе к теме.

— Правда не видел? Все СМИ разрываются про Аристократку — полигенома?

— А...это...видел, естественно. Два Бастарда не смогли поделить полигенома? А от меня, что требуется? — сидел и пялился я в столешницу. Мозг никак не желал работать последние дни. Слишком плодотворно отдохнул, не перестраивались мысли на рабочий лад. Это всё Ананина виновата, развратная девчонка, заняла все думы.

— Сегодня ночью возле административного центра собралась толпа, Диман, — выделил ко мне обращение. — И громко скандировала «Хаски, куда смотрел когда убирал ПБ-ников!» и в подобном духе. Много полилось на вас грязи. К тому же, в прессу всплыла интересная информация — ваша фотка с Ананиной на ринге, хорошо ее лица не видно. И еще — слушки про наш отдых в Белесье. Ты у нас теперь — предатель, якшаешься с Бастардами, — насмешливо закончил друг.

Вот ведь...не живется людям спокойно. Поднялся со стула, очень сильно захотелось выпить ледяной воды из-под крана, ничего горячего, только холод.

— А ты куда смотрел, когда толпа собралась? — пока наливал воду озвучил устало. Шум заглушал громкий кавардак в голове.

— Расслабился. Понятия не имел, что такой диссонанс вызовет новость. Казалось Аристократы успокоились по отношению к Бастардам и опять резко волна недовольных. Что делаем?

— Что? Что? — как приятно скользила холодная, холодная вода внутри тела. Вот бы еще раз поделиться жаром с кем-нибудь...А тут эти неумные людишки. — Стандартная схема. С Маски свяжись слушок какой-нибудь пустите, грязью кого-нибудь полейте. Санек, не мне учить. А сборища митингующих на корню пресекай, КМД-ков моих захвати и вышагивай с транспарантами «Хаски за мир во всем мире!»

— Понял! — вздохнул устало Санек. — Ночами не сплю. А ты как? Кристина не уехала?

— Нет. Как раз-таки Кристина, ну оочень, помогает последние несколько дней. Я

готов пересмотреть свои мысли насчет женитьбы. Удобно...когда...слушай давай закругляемся...скоро на работу, а надо... — звонок сбросил, прежде чем попрощался. Время-то поджимает. В конце концов какая разница трахать милую, добрую Кристину? Или других Бастардов? Или одну мелкую соплячку, что не покидала мысли в последнее время, всё чаще и чаще появлялась в них. Решила застолбить место для себя — поздравляю, Бастард, почти удалось.

***

Не было времени много думать, вспоминать, анализировать. Ненавижу это занятие, а в последнее время приходилось следить за собственными эмоциями. Приглушать, когда они слишком фонтанировали.

Здорово похудела, и грудь, кажется, стала меньше. По ее объемам обычно и определяла степень худобы.

Дмитрий Сергеевич не появлялся, наверное, развлекался с невесточкой. Красивая дамочка, чем-то напоминает Сашу мою, похоже у Хаски длинноногие блондинки в почете. Себя оглядела и одежду спортивную, а я как к девушкам его вкуса затесалась? Коротконогая брюнетка.

Что не сделаешь для восстановления гордости, да Хаски? Пошел ты, наследничек!

Его нахальная рожа мелькала исключительно на страницах журнала «Голд», который любила Волчица почитать на ночь глядя.

То, что больше не виделись с Хаски успокаивало, заставляло верить, что кошмар был кошмаром, а не реальностью.

Три месяца, как я здесь, а от отца ни слуху ни духу. Дело с мертвой точки сдвинулось или пожизненно в шкуре Бастарда сидеть? И, в конце концов, здесь имелся внешний раздражитель по фамилии Хаски, и он очень раздражал. Очень. Одним видом раздражал нервные клетки.

Насколько проинформирована умничкой Гиеной — старшие курсы с января перестают учиться и идут на практические занятия на предприятия. Там вероятность встретиться сократится почти до нуля. Осталось месяц не выходить курить на переменке и ныкаться по коридорам. Пара пустяков. Я боюсь увидеть Дмитрия Сергеевича, как папа обвала акций или поднятия цен на топливо.

На следующий день после приезда из Белесье и ночного разговора с Волчицей подскочила с кровати, как ошпаренная кипятком. С глазами распахнутыми на максимум. В голове озарилась позорная мысль! Мы не предохранялись! Чтоб тебя, заносчивый засранец! Даже с Ленькой два раза предохранялись.

Семь утра, узнала по телефону Волчицы, и бегом в ванную умываться и принимать душ. Срочно в медицинский корпус! Первую пару решила пропустить, ничего страшного, здоровье важнее.

Я привита от двадцати трех смертельных заболеваний, поэтому с этим проблем нет, но...от венерических заболеваний не существует инъекций! Если Хаски и не подвержен этим вирусам, но вполне может быть их скрытым переносчиком и если я словила от него какую-нибудь дрянь... Всевышние силы! Ну за что? Как встретила с Аристократом терплю от него одни кошмары!

Как факир по горящему огню ходила два дня, пока ждала результаты. Всю стипендию потратила. Всю. И теперь бомжевала и сидела на шее Волчицы, у нее заняла кредиты.

В понедельник вздохнула с небольшим облегчением, результаты чистые, за своими

переживаниями пропустила момент, когда Аристократы стали какими-то нервными. Опять. Вроде немного успокоились, не так сильно раздражались при виде нас, а теперь опять.

Входили в зал, а Аристократы — старший курс покидал площадку. И намеренно один из парней стукнул плечом по нашему Колдуну, тому как бы не страшно, он у нас самый большой дядя, способен вынести удар. Но сам факт. Колдун остановился, потер плечо, взирая за Аристократами.

— Че надо? — грубо отозвался тот и обернулся, руки расстопырил в разные стороны. — Ну, смельчак? Есть что-то сказать?

Колдун немногословен всегда, но сейчас стоял будто готовился к атаке. Я близко стояла от места действия, ухватила друга-Бастарда за краешек свитера, чуть подергала и кивнула в сторону площадки. С намеком, что надо уходить. Колдун повернулся, кивнул слегка, от него не дожدهшься лишних эмоций и пошел к площадке.

— Да ладно! — донеслось ему в спину. — Бастард, ну что ты струсил? Как изподтишка убивать вы всегда горазды! А как напрямую встать, струсил!?

Я наблюдала за ровной прямой спиной друга, его не так легко вывести из себя, справится. Аристократ продолжал орать в спину Бастардам. Но только звуки кроссовок отвечали на бранную речь.

Сколько бы мы терпели, если бы не прозвенел звонок на пару, только тогда Аристократы перестали кричать и пошли в раздевалку.

— Псы с цепи сорвались? — пока шла переключка спросила у Маши, одного с ней роста, поэтому стояли рядом. Две самые мелкие.

— Только заметила? — шепнула тихонечко соседка. — Несколько дней, как про полигенома узнали. Бастардов теперь всех считают виноватыми. В Арзонт лучше не суваться Бастардам, бастуют особо рьяные борцы за справедливость.

— Смех... — хмыкнула я. — Из-за двоих уродов теперь остальные виноваты.

— А вот и не смешно, — в этот момент, как разподругу вызвали по переключке, вышла вперед. — Я! — вернулась обратно. — Там полные боевые действия.

— Настолько серьезно? — скептически поинтересовалась.

— Жертвы есть. Хаски выставил военных, патрулируют город. И нас по возможности отлавливают.

— Кто бы сомневался, — хмыкнула над последним замечанием. Хватит о нем, разговаривать, много чести. — Слушай, а в чем смысл полигеномности? Почему два мужика не поделили женщину?

Маша на меня с подозрением посмотрела, будто услышала наиглупейший вопрос. Ну да, не знала. Могу я в этой жизни чего-то не знать? Пропустила сей момент в своем образовании.

— Полигеном — это человек с двумя подконтрольными энергиями, — начала поучительно...

Дверь внезапно в спортзал громыхнула, очень сильно она всегда хлопала, и я замерла, как заяц перед волком, в ожидании быть съеденной. Холодок прошелся по телу небрежной волной. Дмитрий Сергеевич широкой походкой в спортивном костюме с тетрадкой под мышкой, рукой важно размахивал по бедру и шагал по залу.

Быстро глаза спрятала где угодно, только не на мужчине. Заявился — не сотрешь.

— Привет, Дим! — наш учитель первый поздоровался с Хаски. Тот важно достал тетрадь и махнул вверх вместо приветствия. Естественно, поздороваться ниже его

достоинства. Заканчивай, Аня, смотреть на него. На пол смотрела или на голубые стены зала. Куда угодно, лишь бы не на мужчину.

— Матрос, дай спортзал на эту пару — оттянемся, — какие у него громкие шаги, такое ощущение будто по мне ходил, давил их тяжестью.

— Ладно. А мы пойдем побегаем. Никто не против? — видимо, относилось уже к нам — к Бастардам. Конечно, мы были согласны, особенно я. Подальше от Аристократов. Подальше от Хаски, я бы на другой конец мира сбежала, если бы могла. С удовольствием сбежала бы к Гнетовцам, только бы его не видеть.

Как была рада побегать на свежем воздухе, освежить голову, оттуда выудить нежеланные воспоминания и эмоции. Это был кошмарный сон, а теперь я проснулась. Кошмар закончен. Со мной расквитались. Я заплатила цену. Хватит. Больше не вспоминать.

Когда возвращались после этой пары в зал, следующая у нас тоже физическая подготовка очень надеялась, что Аристократы ушли после баскетбола. Это у них любимая игра видно. Нет. Не ушли. Только начинали покидать площадку, мокрые, всклокоченные, возбужденные, но к нам вроде больше не цеплялись. Около десяти человек, в том числе и Хаски. Когда проходили к середине зала ненароком едва не встретились с Аристократами. Проходя мимо знакомого мужчины опустила взгляд вниз, лишь бы не видеть это чудовище. Не вспоминать. Всё в прошлом. Успокойся, Аня!

— Ананина! — от этого голоса. Громкого басовитого голоса хотелось спрятаться в вороте спортивной куртки, перестать дышать, видеть, слышать всё, что здесь происходило. Подняла затравленный взгляд, сама от себя не ожидала такого яркого испуга в подскочившем сердце в груди. Будто его пнули сильно и больно, то заныло предательски.

Хаски махнул рукой приглашающе в сторону раздевалки:

— Жду.

Кивком указал направление движения в сторону закрытой двери.

Зачем? Зачем? Что ему нужно от меня в раздевалке? Как в первый день знакомства, когда он приглашал, тоже самое было.

Пошла неуверенно, встретившись взглядом с подругами. Матросс продолжал громко командовать, что необходимо сделать на занятия, но не для меня. Я передвигалась по залу. Послушно, как напуганный зверек, которому открыли клетку, но посадили на цепь. И за цепочку вели к хозяину.

Растворила дверь в мужскую раздевалку. Стол деревянный, похож на парту и лавочки по бокам, на стенах крючки для одежды. Мужчины полуодетые с девушками на коленях. Хаски закончил тренировку, один из немногих оставался в спортивных штанах и белой футболке. Она не прилипла к телу, как в ту ночь.

Я помню запах мужчины, когда тело его не смотря на возможность контролировать теплообмен становилось влажным от страсти. Не подвластным контролю. Он забывал следить за температурой, пока трахался со мной. Я была важнее, чем пот, заливший плечи, грудь, шею. Хаски и я были очень мокрые.

Сегодня после тренировки по баскетболу он был сух. Впервые видела в близости моего поводыря после того кошмара.

— Да? — спросила без лишних слов. С хлопком за спиной закрылась дверь автоматически. Что Хаски необходимо от меня? Отомстил ведь.

— Холодный прием. Мне не нравится, — Дима сидел на столе, опираясь бедрами. Приподнялся, встал в полный рост. Я ощутила прилив теплых волн по телу, когда ткань

футболки проскользнула по телу мужчины, снятая потом через голову.

Я целовала этот пресс. Каждый кубик облизывала языком. Застывший рельеф. Очнись, Вильмонт. Он без футболки.

— Пойдем в душ, — опять мужчина махнул головой назад за парту. Там оказалась дверь, доносящийся от туда шум воды насторожил.

Соседствующие люди в раздевалке не обращали на нас внимания, занимались девушками. Будто мы один на один с Хаски. Аристократ развернулся и пошел, кк будто само собой разумеющееся я должна следовать за ним. Как в первый раз. Переигрывали момент нашего знакомства, давал второй шанс?

Сердце тяжело ударялось о ребра.

— Не могу, — ответила во след еле слышно очень тихим голосом.

— Опять? — резко развернулся Дмитрий и спросил громко. На его голос Аристократы отреагировали, вздрогнули, на раздражение ответили поднятием голов в направлении мужчины.

Тело Хаски покрывалось сплошными мышцами, натянутыми, возбужденными после тренировки.

— Ничему не научилась? — задал вопрос чуть спокойнее, но морщины от злости изуродовали лоб и глаза.

— Я правда не могу! — перебила с испугу. — Мы же...ты и я...уже?

Пожал плечами на вопрос. Молчание вязкое, жуткое. Хотелось выкарабкаться из него, ухватиться за спасательный плот и выбраться оттуда.

— Хаски, давай притормозим. Не стоит продолжать. Это ни к чему хорошему не приведет. Пожалуйста, давай закроем эту тему и больше не будем к ней возвращаться. Пожалуйста, — попросила очень вежливо. — Я не хочу быть подстилкой Аристократа...

— Не усложняй...

— Хватит. Правда, хватит. Я не могу. Не могу. У меня жених есть. Я. Так. Не могу. — подвела итог. — Не могу с тобой спать.

Его излюбленная реакция: руки под грудью скрестить. И не понятно, что означал жест — смирение или гнев. Не отвечал на просьбу, смотрел мне в глаза, а я не могла выдержать давления с его стороны. Развернулась к двери, растворила и выбежала, не заботясь о последствиях. Лишь бы сбежать подальше.

Никогда не боялась мужчин, их ярости, жалких угроз. Один Хаски смог заковать и посадить на колени. Только он. И я боялась этой власти.

Запястья горели ярче, чем прежде, будто их взглядом сжигали. Памятуя где ожоги, терла кожу с наслаждением и небольшой болью.

...

Благодарна всем за чтение. За комментарии и лайки спасибо)

Глава 29 "Соппротивление"

Глава 29 "Соппротивление"

Устала тянуть, постараюсь быстрее довыкладывать первую книгу. Другой проект пока притормозила.

Приятного чтения, надеюсь не разочарую.

....

Настала тишина. Кивками головы приветствовали друг друга, не разговаривали, как глухонемые. Но взгляд Хаски изредка мерещился повсюду, не только мне, девочки подтверждали. От этого становилось неловко.

Смотрел, пока курила с ребятами из группы. Неужели настолько любопытное зрелище? Компаний студентов много на газоне, все о чем-то говорили, но Дмитрий сжигал именно меня любопытством. Ну почему его заклинило?

В обеденное время обычно мало людей гуляло по газону возле университета, но не сегодня. Праздник какой-то? Толпа сконцентрировалась в одной точке — в районе крыльца одного из учебных блоков. Вся лестница и ближайшее пространство занято людьми.

С девочками синхронно переглянулись. Молчаливое согласие каждой научилась различать для себя. Соседки были не против пойти и узнать в чем дело.

Пока шли, слышали подбадривающий свист, дружный смех. Стадо гиен, не в обиду Гиене сказано.

Потом заметила Хаски, который локтем опирался на бетонное нагромождение лестницы и меня не замечал, а наблюдал за чем-то внизу лестницы. За кем-то. На очередном приступе всеобщего смеха мужчина поддался улыбке.

Виталик, заметивший меня, подтолкнул плечом Хаски. Я настолько знаменитая личность, что следует обратить внимание!? Польщена. Хаски обернулся, встретившись со мной взглядом, улыбка пропала на его лице.

Ничего не смогла прочесть по выражению лица. Зол? Вроде нет. Рад? Тоже однозначно нет. Равнодушен? Похоже на то. Потому что взгляд необычно для Дмитрия опустился прежде моего. На лестницу. Что там происходило? Что его интересовало?

Медленными шагами обступала лестницу, пытаюсь сквозь высокие тела, загораживающие вид, пробраться к эпицентру события.

Раздался вскрик.

— Аккуратнее! — взвизгнула неизвестная девушка и отпрыгнула от ступенек. Несколько поспешных шагов сделали люди рядом. Лестница освободилась.

— Не валяйтесь безвольной тушей. Не интересно! — с этим голосом вместе, одновременно по ступенькам скатилось тело, голова которого ударилась об угол. Черные волосы падали на лицо Бастарда. Цепи, как и у меня, гремели на одежде.

Спустя несколько секунд, второе тело скатилось кубарем и замерло на траве головой вниз, из-за чего не сразу признала человека. Третий не падал с лестницы, благодаря тому, что был слишком крупным по габаритам и смог удержаться на ногах. Аккуратно спустился вниз на землю, держась за живот около левого ребра, наверное, получил удар туда.

Замерла от неприятной горечи во рту. На время выпала из действительности — это кто-то другой управлял моим телом. Пока толпа вновь не окутала со всех сторон я разглядела всех и каждого. Ненависть во мне заорала звериным голосом. Оглохла от ее крика на миг,

глядя на ухмыляющиеся рожи Аристократов, на азарт во взгляде и боевое подбадривание.

Один удар по ребрам лежащего Захара, второй.

— Не бейте, — слышала просьбу из знакомых уст, которую он выплевывал из себя с жутким кашлем и хрипом. Захар стоял на коленях, держа руку, как барьер перед собой. Черные волосы закрывали лицо.

— Трус, — выплюнули ему в лицо грубые слова. Дернули за волосы, подняли отяжелевшую голову и приложили мощно к колену. — Пару минут назад был очень смел.

Захар лежал молча. Затем послышался кашель, подозрительное частое дыхание. Будто Бастарду в горло зачихнули пробку, которую тот не в силах протолкнуть.

— Недохни слишком быстро! — тело Захара пинком под ребра перекатили на спину. Увидела сквозь расстояние закатившиеся глаза и услышала хриплое дыхание, слишком громкое для человека.

И я сорвалась.

В тот момент, поняла разницу между ними и нами. У Аристократов нет жалости, нет страха потерять жизнь. Смертны только по воле случая. Наши слабые тела лишнее напоминание, что Бастарды — ничтожество, низшая ступень эволюции, которую Аристократы пропустили. А мы на ней позорно остановились.

В спину толкнула стоявшего передо мной Аристократа, который от воздействия силы выскочил из плотного кольца. Шмыгнула внутрь, ловушка захлопнулась.

— Так, так, — пролепетал кто-то воодушевленно. — Забава сама пришла.

Я медленно шла к Захару, и наблюдала, боясь пропустить его дыхание. Хрипит. Жив. Но когда его хрипы превратились в полувскрики, в полувсхлипы, поняла, что ему не доставало кислорода. Рванула к нему, упала на колени рядом с бедром парня. Глаза друга открываться пытались раз за разом, моргали без остановки.

— Где обезболивающее? — положила голову Бастарда к себе на колени. — Покажи, Захар, покажи, — зашептала ему на ухо. Рука парня с огромным трудом переместилась, подрагивая, на куртку — на карман в районе сердца. Там лежал белый флакончик — распыскиватель. Любопытный шепот за спиной не трогал.

Взяла флакончик в одну руку, другой попыталась разжать челюсть человека перед собой.

— Захар, слышишь, это я Аня. Разожми челюсть. Пожалуйста, Захар. Я не могу, — челюсть не поддавалась, словно парень все силы вкладывал в зажим. Он столько раз мне помогал. В первый день, в административном блоке, был первым кого я узнала из своих будущих одноклассников. Тот, кто помог в день, когда избитая валялась за корпусом.

Захар ведь не может умереть на этом месте? Этот Захар. Грустный, тихий мальчик, улыбающийся, как дурачок. Одноклассник единственную меня не боялся, ну и Беатриче с Колдуном, остальных избегал.

— Захар, — совсем не узнавала свой голос. Да, что же это такое?

Напротив — лица, незнакомые, перешептывающиеся между собой, но абсолютно безразличные. Их много, а нас двое. Колдун, Беатриче где-то неподалеку, но их не видно.

— Маша! — заорала, перекрикивая любопытный шепот. — Помоги мне! — ни у кого никогда не просила помощи. А сейчас — у Бастарда просила помочь. Неотесанного, дурно одетого, бацильного, которому возможно безразлично, лишь временная соседка по комнате.

— Маша, — прошептала. Да кого обманывала? Им тоже нет дела друг до друга. Они никогда не помогали никому из своих, безразлично наблюдали. И я под них подстраивалась

всегда, соответствовала стандартам Бастардовским.

— Что с ним? — задавали вопрос тихие шепотки позади, неизвестные Аристократы. Никто не хотел помогать, боялись. У Захара астма, всегда ходил со спасательным флакончиком в куртке, пару раз видела, как пользовался им парень.

— Вы отвратительны! — подняла голос, чтобы расслышал каждый в толпе. — Все! Вы! И Бастарды. И Аристократы! Плевать на всех. Только себя любите. Тру..

Замолчала, когда на икрах почувствовала стежки, всполохи на штанах. Колени защемило колючей, металлической проволокой. Попыталась ее оторвать, едва упала на землю ягодицами. Чертовы Аристократы!

— На кого рот разявила, Бастард? — рядом остановился один из Аристократов, крупный, лысый в черных очках, кажется его толкнула в спину. Проволока на ногах сжималась и причиняла новую, резкую боль, более сильную, чем прежде.

— Маркс! — расслышала на лестнице этот голос, от которого озноб пробрал до кончиков пальцев. Хаски возвышался над всеми, как горячее солнце над простыми смертными. Обжигал яркими лучами, оставлял рубцы. На мне оставил рубцы. Навсегда — напоминание о моем месте для него. Для него — я Бастард.

— Маркс, я предупреждал не трогать моего Бастарда, — от спокойного голоса Хаски, как контраст тело стало через чур восприимчивым. Мой гнев замер в предвкушении дальнейших действий Аристократа. Тихо-тихо, боясь пропустить хоть слово.

Проволока отпустила, сероватой дымкой растворяясь на штанах.

Сначала заметила неуверенное приближение соседки сквозь ноги Аристократов. Потом быстрее и увереннее шаги направили Машу ко мне. Словно с каждым шагом, она понимала, что правильно поступала.

— Он не разжимает, — показала, когда Маша уселась на колени рядом. Соседка бегло оглядела лицо парня, взгляд, провела по лицу ладонями и скомандовала:

— Прыскай в нос, в глаза, куда угодно. Это расслабит мышцы на челюсти и возможно хоть немного начнет действовать, — я пшикнула в нос для начала. Попыталась разжать челюсть. — В глаза, давай!

Маша, увидев что медлила, решительно вырвала балончик и прыснула несколько раз Захару в глаза. Рефлексы остались в норме и потому слезы сразу выступили на ресницах, но челюсть по-прежнему зажата.

— Кристина, давай, рви, — я не заметила, что сбоку Гиена появилась.

— Зачем? — присела та рядом, взяла голову Захара к себе на колени, ожидая распоряжений от Медведицы.

— Рви, — никогда не слышала похожего тона от Маши. Похолодела до кончиков ног, когда Кристина одной левой рукой надавила на нижнюю челюсть Бастарда, положив ладонь на зубы. Пальцами второй — схватилась за верхнюю челюсть. Не гигиенично, но выхода не было. Дернула пальцами вверх, легко как пушинка, но мне показалось, что раздался страшный хруст.

Вместе с криком, разорвавшим тишину, Маша взяла балончик и впрыснула несколько капель лекарства в рот. А Захар схватился за челюсть, от болевого шока очнувшись.

— Не трожь, — Медведица обняла одноклассника за спину. — Не тронь. Я помогу. Потерпи, — в момент вскрика я вскочили с колен. Захар задышал, крадя кислород из воздуха глубокими порциями.

Неожиданно стало плохо: к горлу подступила пища, употребленная за день и кислорода

перестало хватать. Дышала через раз, как и Захар до этого.

Встретилась взглядом с одним человеком, что стоял наверху и наблюдал все это время. Тихое безразличие и спокойствие на его лице и в жестах. А я еле сдерживалась, чтобы не заорать от беспомощности.

Ему — плевать на боль, на всех людей, его никто и ничто не волновало.

***

В некоем куматозе слушала лекцию совершенно равнодушно, пропуская мимо ушей слова преподавателя. Информации много и не к месту. Муть знатная. Ручкой постукивала по парте напряженно. Волчица периодически по голове стучала за этот раздражающий звук и тоже ручкой.

Слева сидел Колдун, ему видно скучно без Захара. Беатриче отлынивал от пары с очередной дамой сердца. Сидели в гнетущем молчании, как на похоронах. Бастарды немногословны после истории с Захаром, два дня прошло. Со связками у парня итак беда — в детстве оказывается волкодав за попытку бегства из интерната порвал связки. Навсегда голос у друга остался тихим и хриплым. Не болезнь испоганила здоровье.

Ближе к середине пары дверь в аудиторию открылась.

— Степан Давыдович! — в проеме показалась улыбчивая, наглая харя Трески. — Нам негде переждать остаток пары, вы не приютите бездомных людей? В общаге санобработка.

В миг подобралась, уселась ровно по струнке. Преподаватель, что-то оторопело ответил, но его мнение было малозначимым, потому что Аристократы завалились и без разрешения.

Один, два, три... пять... семь. Вся группа Хаски? Увидев его и прежде чем засек за подглядыванием, опустила глаза на парту, куда угодно. Я проклята высшими силами.

— Он пялится. Жрет тебя взглядом, — шепнула Волчица на одно ухо.

— Отхватила себе поклонника, — насмешливо вторил Колдун на другое.

Подтолкнула соседа в плечо ладонью, с явным посылом — хватит заливать. Попытались слушать лекцию, кто слушал, а я очень старательно избегала мешающее пятно. Знала, где оно находилось. И ниодного взгляда в ту сторону, даже если преподаватель проходил мимо противоположного ряда. Делала полностью нейтральный взгляд, сконцентрировавшись исключительно на облике учителя, а не на раздражителе.

Что сделать, чтобы отвалил? Он меня убьет, когда узнает, кто я такая. Прямо на месте. Дуло направит в лоб и, не задумываясь, раплющит мозги по стене.

Хаски и Вильмонт.

Хаски и Вильмонт — это ядерная субстанция. При соприкосновении делает взрыв. Большой взрыв. Я бы сказала оочень горячий взрыв.

Когда объявили небольшой перерыв вовремя пары, не подумала об этих пяти минутах. Напрягла спину, отложила ручку и тетрадь в сторону. Что сейчас будет?

— Ананина? — какого Бастарда? Подняла взгляд, удостоверившись, что это обращение от Хаски. Не надо добавлять ни слова больше, итак знала, что надо сделать.

— Удачи, — хмыкнула Волчица себе под нос, глядя в тетрадь. — Дай ты ему уже.

Извращенка, Колдун видимо слышал, потому что засмеялся. И я не сдержалась. Встала, а потом с позором согнулась на парте, локоть положив на нее и засмеявшись. Это точно нервное. Позор! Как теперь отмазываться из-за чего смеялась? Глупая.

Распрямылась, попыталась сделать серьезное лицо, а двое соседей продолжали смеяться.

— Заткнитесь, — сквозь зажатую челюсть приказала им. Хоть бы что, не слышали, а

продолжали хихикать.

Спускалась по рядам, Бастарды пялились на мою скромную спину в кожанке, провожали, как лучшую подругу, с тревогой и благоговением. Шучу. Были бы метательные ножи, воткнули бы под лопатку, по рукоять без раздумий. Зависть поработила женский коллектив. У меня типа защита в лице Хаски. Он при всем честном народе заявил во все услышанье, что я — его Бастард.

— Привет, — подошла к первой парте. Стояла в этом овале, по которому преподаватель перемещался половину пары.

— Привет, Ананина, — хор Аристократов ответил насмешливо.

— Сядь, не мельтеши перед глазами, — Хаски указал на стул рядом с собой пустующий. Присела очень скромно, Аристократ развернув корпус, ладонью опирался на стол, а локтем на спинку стула. — Завтра день рождения у моего хорошего друга. И я хочу, чтобы ты пошла со мной...

— эээ... — я кажется произнесла это междометие. Неожиданно с его стороны. Приглашает? Не приказывает?

— Вечеринка у бассейна у него дома, — мдда... Значит проход в купальниках. Ну собственно, понятен ход, минимум одежды, надо прилично выглядеть, а не как гопнику.

— Я не могу, — честно, даже голос дрогнул. Очень боялась отказать, так странно реагировал на отказ. По изменившемуся выражению глаз поняла, что Аристократ недоволен, но улыбку вымучил.

— Брось, — шепнул, приближаясь лицом ко мне. — Солнце, теплая вода, море коктейлей. Весь высший свет... — этого я боялась больше, чем самого Хаски рядом с собой. Еще увижу кого из знакомых.

— Я правда не могу. У Беатриче день рождения, он вечером завтра отмечает. Меня давно пригласил.

— И что это за Беатриче? — внезапно голову отвернул в направлении наших рядов Бастардов, стараясь разглядеть друга. Как-то сразу напряженно стало. Станный тон голоса у Хаски.

— Он сегодня прогуливает с дамой сердца, — не знаю, зачем добавила про даму. Боюсь подумать, но он же не того самого? Не ревнует? Да ладно... Ананина, похоже ум за разум зашел. Хаски и ревность параллельны друг другу, на всякий случай.

— Ясно. Жаль, — потеряв интерес к Бастардам, кивнул.

— Я пойду, — неуверенно встала. — Спасибо за предложение.

Вежливость никто не отменял.

Как этот взгляд в спину осматривал? Как лазеры насквозь, наверное, просканировал очертания моего белья и пытался разглядеть, где там спряталась грудь под слоем кожаной куртки и утягивающего корсета.

Остаток пары пыталась учиться или делать вид, что этим занята. Интересно, долго Хаски еще будет встречи предлагать, не надоело? Но надо отдать должное, больше не применял физического убеждения.

***

Теплая ночь сегодня. Располагались на излюбленном балконе и покуривали с чашкой чая перед сном. Мужчины смотрели спортивные соревнования, а девушки сплетничали, как обычно. За неделю слухи по поводу полигенама и двоих Бастардов плавно сошли на нет, митинги перестали устраивать, не знаю, что повлияло на успокоение взбалмошного

населения. Спустя полторы недели могли позволить себе в субботу пойти на День Рождения к Беатриче.

— Эй, девчонки, пачку одолжите? — будущий именник залетел к нам в место отдыха, на ходу напяливая куртку на плечи.

— Куда торопишься? — Кристина, как ближайшая соседка к пачке сигарет, лежащей на общем пластиковом столе, отдала парню.

— Завтра верну, — показал на сигареты. — Колдун в больничку попал.

Моя сигарета застряла меж губ в онемевших пальцах.

— Что стряслось? — в один голос озвучили все, кто расслышал.

— Не знаю. Гопники отмудохали. Доеду узнаю, что, да как... — больше ниодного слова не вымолвил и вышел за пределы балкона.

Мы повскакивали с мест. Я выглянула с балкона вниз на улицу в ожидании, когда парень спустится с лестницы и проводить взглядом. Маша догадалась позвонить Колдуну на сотовый, но абонент не ответил.

Подумала, что у Бастардов жизнь налаживаться начала, нет, как и прежде. Как только покинули спокойный мир интерната, жизнь накренилась, там они хотя быбыли спасены от вредительства со стороны.

И все-таки Аристократы никак не успокаивались после новостей про полигенома.

Стало гнойно на душе, гниль полилась внутрь. Я прекрасно существовала, скрываясь за личиной Аристократки восемнадцать долгих, насыщенных лет. А мое место — вот оно. Самое дно.

Глава 30 "Нирвана"

Глава 30 "Нирвана"

Вечер решили провести в Нирване. У Захара брат охранником работал, вот и узнали, что вход для девушек бесплатный, а мужчины сами за себя платят.

Сегодня любимая стервочка постаралась сделать из меня девушку, нормальную с ногами, с попой и грудью. Евлампия была премного удивлена результатом трудов и буркнула, что-то наподобие «значит из обезьяны тоже можно сделать человека».

Колготки в сетку — влияние Волчицы, я не причем. Юбка красная в клеточку, топик черный и кожанная куртка и главное никаких утягивающих повязок, как выкрикнула Волчица перед самым уходом. И на ноги гетры с красными туфлями на огромной шпильке. Я — шлюха на выгуле, да простят папенька и маменька за прикид. Шмонт, тоже прости.

Нирвана не отличалась хорошими манерами и красивыми Аристократами, там предпочитали отдыхать отбросы общества.

Вечер проходил в отличной, спокойной обстановке. У нас был заказан столик на верхнем этаже — куполе, вроде вип-зал. Миленько. Прозрачное, стеклянное помещение на самом верху, откуда видно весь танцпол и ди — джея.

Время около десяти. Отдыхали, Беатриче соседствовал рядом, успела рассказать о Колдуне. Друг жив, немного побит, но он выносливый, в понедельник должны выписать. Обсуждали отношение Аристократов к нам. Сегодня очень часто разговор заходил на болезненную тему.

— Кстати, а Хаски тебя такой видел? — спросил Беатриче, обводя пальцем мои примерные очертания. Я же говорила КрасавЧег и бабник. Взглядом успел прощупать и определить размеры на глаз.

— Видел, — глотнула холодной водички, мгновенно обжегшей горло.

— Тогда понятно, почему окучивает. Специально, как монстр ходишь, чтобы поменьше всяких Хаски было? — покивала головой не спеша вместо ответа.

***

— Если что, это не я! — поморщился от обилия светодиодных лент и дискотечных шариков. Перед глазами слишком рябило. Наощупь шел вперед, с трудом протискиваясь сквозь мельтешащие и скачущие тела. Закинул капюшон на голову и обернулся к Трески. Как кстати. Приходилось подталкивать в спину или бить по печени особо рьяно желающих наступить на ноги.

Какой-то пьяный боров выбешивал одним видом. Посмел зацепить плечом? Пришлось подтолкнуть двумя руками, сдвигая с пути мешающий субъект. Тот за озирался, наострив глаза на возможную добычу, оскалился. Но едва обернулся, оглядел соперника: рост и вес, отступил на шаг назад, пряча глаза.

— Стадо животных! — едва не сплюнул Макс сзади за спиной. — Клянусь, была б моя воля, взорвал Нирвану прям тут со всеми тварями!

Я молча подтвердил чужие намерения кивком головы и двинулся дальше сквозь толпу. Здесь их тьма этих уродливых Бастардов. Ужасные, кричащие татуировки, расцветки волос, размалеванные, мелкие, некоторые толстые. Такие странные.

— Ананина, что здесь забыла? Ей здесь не место, — продолжил разговор с Максом, который шел поблизости. Трески мимо ушей пронес информации по поводу Бастарда и

продолжал гнуть свою линию:

— Вильмонт, дурак, за каким Бастардом ПБ-ников скосил? Самая ахренительная организация, хотя бы вычищала город от этих мразей, а теперь как не посмотришь повсюду эти дегенераты. Во всех новостях, одного убил, другого убил. Совсем страх потеряли!

В принципе состояние общественного порядка меньше всего заботило. За соблюдением законов следили Польски и частично Трески.

У нас военная мощь в арсенале.

— Предлагаю побыстрее валить отсюда, — Санек с задних рядов показал пальцем на Имину. Ее на данный момент, видимо, решили снять на ночь, — естественно в блестящей и короткой одежде на нее пялились с похотливыми рожами Бастарды. Польски со смешком что-то сказал пристающему парню и взял под ручку девушку.

— Вон там на третьем этаже вип-комнаты, — указал Санек пальцем в сторону лестницы. Закос под рай, обстановка похожего плана. Размещение столиков, сцены, залов, правда обстановка значительно ниже по качеству.

Поднялись наверх и зашли в прокуренное помещение, похоже запах никогда не выветривался:

— Вот это бомжатник! — Имина одергивала юбку и боялась присесть на диван, имитирующий натуральную белую кожу.

— Смотрите! Тут дырка от сигарет, — указала на какую-то точку на спинке мебели.

— Интересно, а здесь вши не бегают? — поинтересовалась она, скромно усаживая свою попку на подлокотник дивана.

Зеленые мрачные стены, одинокие фонари на стенах и один бильярдный стол, а рядом импровизированные столы и стулья пластиковые. Я только здесь снял капюшон, взглядом оценивая по ходу прохода обстановку клуба. Гадюшник.

— Давно я в такой клоаке не был, — Санек боялся присесть, поэтому выбрал местечко рядом с перилами возле окна. Там оперевшись об них, смотрел в черноту танцпола. Хрен, что разглядишь. — И как Ананину будем искать в этой темноте?

— Почему сразу — мы? Пусть лучше Глен, — ответил Трески, один из самых первых усевшись на подозрительный диван.

Вслед за нами зашел официант и спросил, что будем заказывать. Озвучили пожелания.

— А мыждемся медляка, свет станет ярче, — заметил я, ответив всем одновременно. Глен где-то здесь рыскал в поисках любопытного объекта. Повторил позу Польски рядом со стеклом.

Через несколько минут свет действительно стал намного ярче, перестал рябить. И мы смогли с легкостью переводить взгляд с одного Бастарда на другого внизу на танцевальной площадке.

— Опа! — Польски куда-то указал пальцем. Засмеялся неожиданно. — Точно она. Я по татухе приметил. Гляди.

Наклонился к другу, слушая внимательнее.

— Возле третьей колонны слева, танцует с парнем-брюнетом, — я кивнул, ища в толпе вышеобозначенный объект.

Пятнадцать секунд найти колонну.

Десять, чтобы узнать Ананину в новом облике. Пройтись взглядом по бедрам, на которых лежали чьи-то руки.

Пять секунд понять, что не померещился посторонний объект рядом с Ананиной.

И ровно две секунды поднять руку ладонью вперед. Резко развернуть горизонтально вниз в пол и сжать пальцы. Выбивая воздух из легких. Перекрывая доступ к кислороду.

***

Несмотря на день рождения Беатриче настроение у всех было отнюдь не радужное. А меня съедал червь обиды, сжирал внутренности. Так легко попала в ловушку обаяния, обаяния в смысле Хаски. В этом чертовом раю, думала мы немного подружиться, а он всего лишь хотел довести дело до конца. Показать, что отказывать нельзя.

Медленный танец, скорее медленное покачивание под музыку. Мы мало разговаривали, не развлечешься когда двое одноклассников за неделю попали в больницу. Подозрительно. Чем не угодили парни господам Аристократам?

— Плохо получилось, — заметила, пряча взгляд где-то на уровне носа Беатриче. Я чуть меньше парня, но не сравнится естественно с Хаски. Забудь, забудь о нем. Постарайся забыть о нем.

— Действительно. Жаль парней. Колдун обещал мне девочек заказать, — засмеялся дурак Беатриче. И я не сдержалась от легкой улыбки. Отвела взгляд в сторону. Глядя на мягко покачивающиеся тела под музыку. Стараясь изгнать из груди неприятное чувство, когда на голову вылили ведро грязи, а ты стоишь, ощущая медленное стекание этой грязи. Ее скользкие влажные, отвратные дорожки по телу. На тебя смотрят и улыбаются, наслаждаются твоей беспомощностью. Я думала мы подружиться с Хаски. Что у нас некая симпатия. Нам было весело на горках, легко как друзьям. А он распланировал от начала и до конца. Может и подъемник спланировал? Нет. Это надо быть совсем тронутым на голову, чтобы подрезать подъемник лишь бы на меня впечатление произвести. И главное зачем ему понадобилась я? Клинья стопорнулись после отказа. Неужели ему никогда не отказывали?

Руки Беатриче внезапно стали слишком тяжелые, надавили на плечи, от чего я от неожиданности с трудом удержалась на ногах.

— Что случилось? — отошла из его объятий. Руки спали и, к моему удивлению парень резко согнулся на месте, присев на одно колено. Пальцами впился себе в шею.

— Беатриче?! — присела слегка, закрывая спиной его ото всех. — Что с тобой? — попыталась его руки отодрать от шеи. Он словно маньяк-шизофреник царапал кожу ногтями, будто рвал невидимую леску на горле. А потом очень глубоко вздохнул, удивленными глазами глядя на меня.

— Что случилось? — повторила, потянув его за собой вверх. Он на шатких ногах встал, опираясь мне на руки.

Мой локоть зажало с такой силы, что я почувствовала боль и, отцепившись от друга обернулась, желая прибить шутника. Обернулась и замерла, не зная как реагировать. В грудь тараном зашел воздух и его стало слишком много. Не успевала выдохнуть его из легких. Глен и сзади него еще кто-то стоял чуть поодаль. Шавка продолжал меня крепко держать.

— Пойдем, — кивнул в бок. Я посмотрела на удивленного Беатриче, удаляясь от него как на поводке. А потом осознала, что удалялись мы вдвоем. Я и Глен. Трое рядом с Беатриче остались.

— Глен, что происходит? — попыталась перекричать музыку, которая внезапно стала громче. Медляк закончился. В глазах вновь зарыбились лучи прожекторов. Я наблюдала за спиной Глена, он не отпускал, твердо держа за кисть. Не за ладонь. За кисть. Оглянулась опять на Беатриче. Эти трое закрывали спинами друга. Неприятное боязливое ощущение закололо тело. Это не хорошо.

Глен всегда игнорировал вопросы, отвечал по-минимуму. Сегодня решил проигнорировать. Вел по лестнице вверх, сквозь небольшое освещение по узкому, зеленоватому коридору. Непрерывно мельтешащие существа изредка встречались возле стен, обжимающиеся или подтанцовывающие с бокалом в руке.

Это место похоже на отдельный зал. Когда Глен открыл передо мной дверь и втокнул внутрь, я напряглась всем телом. Сразу среди массы народа, обнаружила раздражающее пятно — Хаски. Вместе с Польски они опирались на деревянные перила возле окна, возвышающегося во весь человеческий рост.

— Опа-опа-опа-па! — излюбленный цирк. Трески ухмылялся, потирая ладони, на диване. — Это наша любимая Ананина. Да посмотрите с сиськами, а не как обычно. Пардон Диман не верил, — нахально приподнял руки вверх словно сдается, а сам расслаблено улегся на диван.

Я вытащила запястье из клешней Глена, или может он скорее позволил, потому что дверь за мной плавно закрылась. Шавка ушла. Не знала, куда деть глаза, оглядела всю большую численность Аристократов в Нирване.

— Ананина, удивлена, — хмыкнула Имина, но не со злостью, что я заметила. Не было в ней плохих эмоций с недавних времен. — Да когда уже алкоголь принесут. Мне здесь страшно на сухую находиться. Может здесь клопы?

Блондинка взглянула сбоку через бедро на пол.

А перемещение тела слева заметила почти сразу, но не подала виду, что это важно, продолжала наблюдать за Иминой.

— Как неродная? — насмешливо озвучил Хаски. Подошел вплотную, притянул мое чуть сопротивляющееся тело к своему. Заставил привалиться к нему грудью. Я ладонь подставила на черную ткань толстовки около его сердца, не специально. Случайно, но гулкие удары ощутила. Или это музыка настолько громко отдавалась в наших телах? Вот и вибрацию от басов возможно ощутила. Взгляд пришлось поднимать.

— Проходи, выпьем, — и, положив ладонь мне на талию, повел к тому месту, где находился ранее. К перилам. Хаски властно командовал моим телом, как безвольной, тупой куклой. От мужчины шли непонятные волны угрозы, как раньше, как сто лет назад, когда мы познакомились, и я отказала ему в спортзале или как в том туалете кафе.

Странный. Мое тело привалил к перилам, а сам сзади обнял. Животом к моей спине. Массивные ноги жестко вжимали мои бедра так, что я ощутила давление жерди перед собой на животе.

— Смотри, какой вид. Колонна, слева, — указал направление. Я попыталась разобрать сквозь мельтешение тел, что показывал. И чуть приглядевшись, вывела из мутного пятна кучку людей и в центре Беатриче. Его шея в тисках рук, как несколько минут назад, когда он без причины задыхался. Без причины? Я полуобернулась. Хаски позволил это сделать в его объятиях.

— Это ты!? — восклицание мое было чрезмерно зашкаливающим. В момент все пазлы. Все до одного. Встали на место, нарисовали безобразную картину. Курили всегда втроем с парнями. Слежка Хаски за мной, которую не одна я заметила. Сначала Захар и издевательство на той лестнице. Колдун сидел со мной на паре и смеялся вместе с Волчицей. И теперь Беатриче, с которым я танцевала. Это ОН? Это предупреждение было? За отказ опять?

Аристократ улыбался милыми ямочками на щеках, смотря в даль. Милые. Стало мерзко,

гадко будто передо мной живодер, тиран, который ловил кайф от мучений людей. Может так и есть?

— Что я? — Дмитрий не переставал смотреть мне через плечо, туда где стоял зажатый в кругу Беатриче. — Ты про то, что собираюсь ему черепушку проломить? То да — это буду я.

Перестал рассматривать кадры за спиной, наклонился очень низко ко мне. К моему лицу, глядя на губы, требуя подчинения. Лбом прикоснулся к моему. Я как можно быстрее скрыла лицо подальше, отклонила плечи назад, прячась в теплой мужской толстовке лицом. Но Хаски не захотел понимать намека, совсем низко наклонился, и пальцами вздернул мой подбородок.

На расстоянии нескольких миллиметров попытался захватить мои губы, но я отвернула голову. Не дала себя поцеловать и настойчиво надавила ладонью ему в грудь, прогоняя.

— Зачем тебе это? — поинтересовалась я. Польски ушел от нас, видимо, дав нам некое уединение. На фоне что-то обсуждали. Но Аристократ не останавливался. Носом медленно водил по коже, по виску с татухой, шеи, за ухом, обдавая теплым дыханием тело. Завораживал и сбивал с мыслей. Я пыталась убрать лицо опять, но куда уберешь, когда нижняя часть туловища зажата мужскими бедрами.

— Хочется, — прошептал Дмитрий запоздало на шее с таким придыханием, что меня с ног до головы облил поток мурашек. Очень холодный, заставивший покрыться гусиной кожей.

— Прекрати, — постаралась вернуть голосу твердость. — Мы уже все выяснили, разве нет? Что за цирк?

Остановился, наконец, отступил с глубоким вдохом, как будто не дышал до этого.

— Что ты не хочешь со мной больше общаться? И дальше что? Я-то хочу, — ничего более. Только его желание имело силу. — Я думал поумнеешь после первого раза. Нет. Не поумнела. Мне нельзя отказывать. Меня это раздражает. Особенно, когда происходят подобные вещи, — и мужчина кивнул в сторону танцпола. Мой враг невменяем, к сожалению и моему осознанию. Как надо говорить с такими людьми? Правильно. Медленно. И жалобно, ни в коем случае не гневить больше. Не показывать характер.

— Пожалуйста, — взглянула ему в глаза твердо, но просяще. — Отпусти Беатриче. У него День Рождения. Почему ты его так?

Слов не нашлось, чтобы продолжить. Может ли быть? Ты кажется сказал явно, что, что...что...ты ревнуешь? Или может это чувство гордости Хаски? Скорее, да. Твоя собственность не должна принимать чужие ухаживания. Ты посчитал меня своей собственностью? От чего? Аристократ приподнял бровь насмешливо, ямочками сверкнул словно по-настоящему радовался, но это фальшь.

— Потому что всякие мрази возле тебя меня бесят! — особое ударение сделал на последнем слове, давая возможность додумать. Я — твоя вещь. Неодушевленное тело, которое должно принадлежать одному господину?

— Пожалуйста, — посмотрела мужчине в глаза. Дам свою беспомощность. Покажу, кто мой властелин. Хаски претя от этого. Ему нужна власть, а от меня не получал? Долго искал в моих глазах какой-то ответ, не реагировал на чужие разговоры.

— Отпусти, мы просто танцевали. У него девушка есть, — вранье в глаза. Я ас в этом. Аристократ поджал губы, решал в уме поверить или не поверить. Иногда следил за событиями на танцполе. Опять наклонился, поглядел в глаза, требовал подчинения поверженной перед сильным. Губы предельно близко, ожидали повиновения. Моего

поцелуя, но я отвернулась.

— Отпусти его. Пожалуйста, — попросила вновь. Перестал обнимать. Дал пространство для движений, но только для того, чтобы запустить руку в карманы джинс и достать телефон. Настроил что-то. Я, кажется, обрадовалась от облегчения, малюсенького облегчения.

— Пожалуйста, — телефон засунул в карман и показал в сторону зала за моей спиной. Я повернулась в указанную сторону. Среди множество людей не так быстро обнаружила парня. Отыскала Беатриче или колонну.

Глен рядом со своими друзьями, резко отцепил руки от ворота куртки Беатриче и что-то зашептал тому на ухо. Оттолкнул тело Бастарда, как от скользкой, мерзкой гусеницы, посмевавшей проползти рядом. Одногруппник быстрым шагом покинул танцпол сквозь толпу.

— Довольна?

Что дальше? Хаски сзади. Его руки на моих бедрах сбоку, погладили по всей длине юбки сверху вниз. Возбуждение, прикрытое тканью джинсов ощутила остро позади, как будто и не было преград в виде одежды. Ягодицы и то, что с таким остервенением Аристократ пытался в меня пихнуть опять.

Ты — больной Хаски. Почему страдаю от твоей болезни я? Или я причина этих ужасных симптомов?

Мужчина положил руку мне на лицо, можно сказать, нежно. Пальцами провел по щеке, вызывая трепет от мест прикосновения наших тел. Большим пальцем правой руки — по моей губе нижней, она не такая пухлая красивая, как у него. Мягко развернул за бедра, больше не сопротивлялась.

Платила по счетам, ведь Беатриче свободен. Магниту внутри себя позволила издать импульсы по отношению к противоположно заряженному полю. Прислонилась губами к теплым, сухим устам. Непорядок. Наши губы должны быть мокрыми. Да? Как и наши тела в опасной близости друг с другом. А мужчина, почувствовав мой ответ, взял в обхват, в плен. Твердые, массивные руки обхватили меня за ягодицы жестко, до легкой боли сжали и прислонили к себе. К напрягшемуся члену, давая понять что двигало. У него всегда стоит рядом со мной? Язык засунул глубоко мне в рот, сплел с моим, как в паутине заклеил и больше не отклеивал. Жалил, жалил, мерзкий паук. И я позволила яду взять надо мной вверх, не умру от малого количества.

Удовлетворенный результатом, Хаски внезапно отодвинулся, взял за руку.

— Не шалите, детки! — крикнул в догонку Трески. Мы не ответили. Ни я, ни Хаски, когда дверь хлопнулась за нами. Через танцпол, наполненный народом.

В машине один на один, ветер гулял в салоне, как добрый друг. Трепал накладные волосы, не сильно, но раздражающе. Помнится в первый день гадала чей ретс в Арзонте и мечтала прокатиться. Сейчас бы с удовольствием выпрыгнула на полной скорости из машины. Может перенестись, грешным делом подумала. Боялась смотреть на Хаски, страх плотно взял в плен. Сконцентрировалась, постаралась успокоить бешенное биение сердца.

Давай, Аня учись по желанию переноситься, а не в момент всплеска эмоций. Тщетно, молчала до последнего, пока путешествие не оборвалось на парковке возле университета.

Боялась выйти из машины, что будет дальше понимала прекрасно. Совершеннолетняя уже. Как там мои Бастарды успели уйти?

А Дмитрий удивил. Я не собралась с мыслями, не подготовилась к очередному моральному разложению. Аристократ нажал некую кнопочку на машине по середине

панели, голубенькую, приятного цвета. Окна зажужжали, как стая пчелок, при опускании стекол. Темнота стремительно укутала теплом. Свет наверху зажегся. Еще один щелк кнопочки — блокировка дверей.

Не сопротивлялась, когда Дима опустил мое кресло максимально вниз с помощью маленького черного рычажка сбоку сидения. Я почти горизонтально, а его тело, то есть нижняя часть вдавила в мягкую обивку. Опять этот поцелуй, выбивающий почву из-под ног, таранящий в спину. Я отдалась его власти. Подняла бедра, выгибаясь как проженная тварь. По сосредоточию желания, тем местом в которое он так жаждал нырнуть. Завелся? Вцепился в мои плечи, попытался куртку снять. А я не переставала тереться об его бедра спереди об джинсы, о выпирающий член. Помнила отчетливо, как растер до крови, до ломоты все тело.

Соглашалась, давала насиловать язык, а Хаски этим занимался самозабвенно, будто душу вкладывал, боролся за приз. Вдохновение чувствовала в мужском напоре. Неожиданно.

Уверенность, азарт, желание, намерение. Фонтан эмоций, не помнила чтобы раньше видела настолько очевидных, ярких переживаний. Мужчина всегда был глух, за плотной стеной огородился щитом и выглядывал из-за него. А сейчас Хаски ярк, как свет над головой, что единственный освещал очевидное намерение со стороны мужчины — не ждать. А действовать. Сейчас. Здесь.

Полез под юбку, задрал высоко-высоко, чтобы притронуться прохладными пальцами ко мне разгоряченной. Да. Ты маньяк. Решил поиграть с температурами. Ввести в меня два прохладных пальца во внутрь, во влажное тепло. Игрался таким образом в ту ночь — одна рука ледяная, другая огненная. Контраст заставлял тело пылать жаром в том кошмаре.

Машинально сжала бедра. Удивился, даже оторвался от моих губ. Я резко согнула колено, мужчина вздрогнул. Сжал крепко челюсть, протяжно застонал и отвалился на свое сидение.

— Блядь, — притронулся к члену, по которому я заехала с удовольствием. Как самое дорогое сокровище прикрывал нежно и глаза не открывал.

— Сука, — прошептал еле слышно. Пощады не будет. Ударила кулаком по кнопке справа на двери, неподалеку от той, что открывала стекла в салоне. Аварийная кнопка. Наверху машины загорелся ярко-красный свет и двери разблокировались.

Пока Хаски медленно осознавал, что произошло, распахнула выход из машины и выпрыгнула. Дмитрий запоздало чиркнул по куртке пальцами, попытался сжать ткань, но промахнулся. Дверь не только моя хлопнула, и я с испуга припустила бегом, на ходу сняв туфли на высоченных каблуках.

— Убью, Ананина! — услышала предупреждение сзади. Тело стало абсолютно невесомым, легким, как будто не мое, а чье-то другое, неизвестное. Легкое покалывание, и я стояла в полном мраке, пытаюсь различить обстановку. Моя комната в общежитие. С облегчением уселась на кровать, одна в крошечной тьме.

Я труп! Схватила жестко волосы на голове, пытаюсь понять, что делать. И боялась впервые в жизни, трясло от ужаса. Необъятного кокона ужаса. Покрыли плотной пленкой, не давая ни сантиметра пространства лишнего. Без движения, скоро задохнусь, если не отпустят.

Глава 31 "Иван"

Всю ночь не сомкнула глаз. Дмитрий оставил меня в покое на эту ночь, а может подлечивал одно место? Все-таки знатно врезала, давно не практиковалась, а в цель попала. Простонал вдохновенно, но надо убираться отсюда.

Проснулась рано, благодаря Кристинке. Она очень рано встает, не знаю с какой целью. Подскочила еще темно было, светлеет поздно около восьми утра, значит, меньше времени. Хватит с судьбой играть, пора бежать, пока у меня есть шанс. Кристина в темноте пыталась нащупать одежду, видимо собиралась идти в ванную. В такое время там никого нет и очереди не бывает. Моему быстрому поднятия с постели подруга удивилась.

— Ань, что случилось? Еще рано, можем поспать. В магазин успеем съездить, — прошептала она, стараясь девочек ни в коем случае не потревожить раньше времени.

— Надо убегать, — ответила Гиене, схватила со стула свои обыкновенные вещи, попали под руку спортивные штаны, напялила кепку, заколола волосы.

— Бежать надо, — повторила. Сборы на ходу проделывала. Выбежала в открытый коридор, в туалетную комнату забежала все равно, хоть умыться. Кристина не отреагировала на странное пробуждение, видимо вспомнила, что вчера мы с Хаски были на ножах и мне что-нибудь, да грозит.

В восемь утра остановилась на парковке университетской. Машины подъезжали, я козырек кепки как можно ниже натянула на лоб, чтобы никто не узнал. Как воришка с награбленным добром продвигалась крайне медленно и, озираясь. Должно быть мое странное поведение настораживало людей. А все равно, не хотела попасть в чужие лапы. Кажется, вчера я подписала завещание. В случае моей смерти, а она неминуемо случится, все мое добро — то есть мой ноль переходит никому.

Предрассветные сумерки. Тучи сегодня какие-то подозрительные, мощные. Клубились на небе, закрывая собой обзор на голубой настил над головами. Мрачноватое зрелище, куски голубого цвета просматривалась наверху, но основная масса была грозная, словно шар надутая. Я и засмотрелась наверх.

— Аня! — мысленно скукожилась, вздрогнула от ненавистного ощущения страха внутри. В пружину завернули кишки до предела тянули и тянули, и вот я в предвкушении, когда отпустят внутренности. Правда боялась, что ощущения будут гораздо больше.

Внезапно пришла мысль — голос не Глена и не Хаски. Знакомый, но в тоже время не очень. Среди множества машин попыталась выявить хозяина. Это не вон та парочка возле оранжевой машины, целующаяся, как будто последний день жили на свете. Не одинокий паренек в кепке, то и дело поглядывающий в телефон. И не... А вот из-за крупногабаритной машины помахали рукой. Чуть зажмурившись, уловила знакомый образ. Иван!?

Я его не нашла в течение нескольких недель опять, должно быть зол. Приостановилась, смотря как парень подошел. Попалась головой в сочок, как кузнечик. Ну что ж.

Улыбку надела и пыталась вымолить прощение. Бастард ведь помнил меня в облики Анны Вильмонт, значит грубить нельзя.

— Здравствуй, Иван, — тянула губы в разные стороны. Руки спрятала в карманы, а то боялась, что он увидит, как от злости сжимала и разжимала кулаки. — Какими судьбами?

— Привет, — Иван редко улыбался и сегодня не удивил. — Где ты месяц опять

пропадала? — а голос какой надрывный, раздраженный, словно у гитары, у которой расстроились струны. Противный, режущий слух.

— Прости, Вань, экзамены были. Некогда... — сделала, как можно более грустное лицо. — Понимаешь... тяжело в университете. Ходим на пары, в промежутках готовлюсь к курсовым, зачетам, экзаменам. Я честно без сил доползаю до кровати, — для пущей наглядности руку вынула из кармана и размахивала медленно, словно таяла на ходу и не былолишних сил.

Бравада Ивана стухла. Он сразу как-то сдулся, разворот плеч меньше стал и выдохнул более спокойно. Ваня напугал, уж не втюрился в меня? Поклонника не хватало. Кирилл, ну никогда не можешь сделать нормально работу, вечно перебарщиваешь.

— Ммм. Прости, что набросился. Просто волновался, — почесал затылок неуверенно Ванек. — Мне бы достаточно хотя бы смс раз в неделю.

Парень подошел ближе, нарушая личный метр пространства, и легонько провел пальцами по выбившейся из-под кепки прядке белого локона. Вляпалась, так вляпалась.

Взгляд уловил, как приехала очередная машина на парковку. Авганка знакомая. В миг насторожилась, всем телом стараясь удовлетворять очертаниям Ивана, чтобы не увидели те люди, которые выходили из машины. Польски и...и Олесья. Ладно, это терпимо.

— Вань, пойдем отсюда, — схватила Бастарда за руку, кепку пониже натянула едва не на нос и повела в сторону бугра, ведущего к остановке. Только бы не видели. Или только бы не доложили.

***

Баскетбольная площадка превратилась в игру, кто кого забьет мячом или зашибет насмерть плечом. Сплошные толчки в спину, грудь, кто выживал, кто нет. Некоторые по собственному желанию покинули поле боя, некоторые трусливо боялись сбежать. На лавочках высиживали девушки, то ли готовились к лекциям, то ли рассматривали полуобнаженных парней на площадке. Прекрасное зрелище. Возбужденные азартом, не гнушающиеся своей силы самцы.

— Яморский! Руки из задницы растут? — на всю площадку выкрикнул я, только что передавал отличный пас. Стопроцентный мяч в корзинку соперника, а этот раззява потерял его. Подошел к парню, не сдержался, глядя сверху вниз, дал подзатыльник смачный, как нерадивому ученику. — Смотри на площадку, а не на баб засматривайся по сторонам!

Парень кивнул. Второкурсник высокий, спортивный, иногда мог быть толковым игроком. Но не сегодня!

Сегодня все не с той ноги встали. Медленные, не аккуратные, вечно роняли мячи. Что со всеми? Я сегодня наоборот в ударе, ниодного мяча не пропустил. Приехал специально, пока выдалась свободная минутка перед встречей, выпустить пар. С женщиной не получилось, не особо хотелось. Стояк направлен на Ананину, размениваться на кого-то не хотел, вот в нее бы не прочь...

Стоп. Стоп. Опять эта пелена в мозгу и перед глазами поплыл шар баскетбольный, корзина. Даже на площадке не получилось выпустить это пар-жар. Завела, сучка. Где Глен?

Окинул взглядом площадку, пока игроки между собой что-то обсуждали. Сбоку возле стены Глен вместе с Глистой что-то тихонько нашептывали друг к другу.

Как прям педики!

— Глен, ну какого...? Почему не подходишь?

— Я думал вы заняты...

— Занят. Занят. Херней я занят. Иди сюда, — сам прошел прочь с площадки и плевать, что игра продолжилась без меня. Уселся на учительский стол бедром, сейчас бы закурить, руки некуда деть. Глен прошел по площадке боковой линии, не мешая игрокам на поле и остановился напротив.

Сидел и ждал ответа, но тишина:

— Долго буду ждать!?! — подтолкнул к очевидному докладу. — Где она?!

— Не знаю.

— В смысле? Полдня потратил на розыски Ананиной, а не знаешь до сих пор? У тебя пол города разномастной шелухи шныряет по улицам. А ты не можешь найти во всем приметную бабу с татухой на глазу!?! Правильно? — Глен настороженно следил за моими движениями.

Если бы мы были не в универе, а, например, в общежитии, уж не стал бы сдерживаться. Сжал кулак правой руки на парте и постучал костяшками пальцев, мечтая чтобы там была рожа Глена.

— Ты порой бесишь. Простое задание не можешь выполнить...

— Всем привет! — в спортзал заглянула очередная компания женщин и страстно захотелось по мозгам им этой дверью скрипучей съездить, чтобы не раздражали или тихонечко закрывали.

Посмотрел через Глена, сквозь плечо. Олеся со своими подружками.

— Дима, я вроде слышала Ананину ищешь? — а то это не очевидно? Весь универ привык, что он ее ищет. Целыми днями докладывали, то один, то другой, сегодня подозрительно никто не видел. Сестра Польски стояла по другую сторону площадки и кричала на весь зал.

— Ищу, — чуть громче ответил, нежели разговаривал с Гленом.

— А как же Санька не рассказал, мы ее с утра видели с парнем каким-то на парковке шли за ручку, как голубки. На свиданку, наверное, направлялись... Ослышался? Свиданка? Парень? Уж не тот ли это недоносок — жених который. Иван, кажется, тупая рожа, что появилась перед выездом в Белесье. Поначалу не обратил на него внимания, а теперь...

И это был приказ Глену найти сопляка.

Что-то шавка плохо работал в последнее время. Рукой схватил за шиворот Глена. Достал. Встал во весь рост, сжимая хлипкую шею гребаного Аристократа, чтобы хоть немного припугнуть бесполезное создание перед собой.

— Ни-че-го не можешь сделать! — шептал сквозь зубы, сдерживал крик в горле, намеренно снижал громкость. — Я приказал найти и убрать источник моей головной боли. Этого женишка долбанного...

Глен с его трусливым жалостливым лицом выбеживал сильнее, чем прежде. Оттолкнул от себя позорное лицо. Прочь. Мозги закипели. Так, что делать?

— Польски, почему не сказал? — обратился к мельтешащему на площадке скользящему, как по воздуху, другу. Как раз забил мяч в корзинку и довольный развернулся.

— Эээ... нет. Чтобы под горячую руку попасть? Я себе не враг, — и продолжил играть будто бы ничего не произошло.

Я развернулся вновь к Глену:

— Час! Один час, чтобы найти в городе Ананину и проследить за ней. О ее передвижениях будешь скидывать видео, вот сюда, — поднял телефон, который валялся где-то на парте сзади. Игроки оставляли телефоны здесь, не в карманах же держать.

— Я на работе. Сюда всю инфу скидываешь. Через час жду, — подвел итог и медленным шагом направился в раздевалку.

Как же Ананина выбеживала постоянно. Ладонью с такой злостью приложил, что будь дверь деревянной непременно выбил бы. Что вообще творилось с этой бабой?

Завела его там на горках, но сразу же заднюю дала, потом по яйцам посмела треснуть, а теперь убежала. Прекрасно. Просто замечательно. Единственное создание женского пола, которое бесило. Да если бы была мужиком, давно убил бы... Хотя, если подумать...

Зашел под ледяные струи душа. Надо было успокоиться и трезво размышлять, а то заключит не контракт, а геморрой на голову. Через некоторое время, тело стало успокаиваться, отлегло напряжение, нервы немножко расслабились, пружину отпустило.

Если подумать. То в жизни не было людей, которых ненавидел, которые бесили, выводили из себя. И уж тем более мужчин, все были наравне. Есть несколько близких людей, к ним относился немного доверчивее, а остальные, как одно лицо, но с разными названиями.

Выключил холодную воду и остался стоять на кафеле, ожидая пока стекут последние капли с волос и глаз.

А если проанализировать немного больше? Ананина бесила, местами раздражала, заводила с одного взгляда. Имела лицо определенно отличное от других, своеобразное, но принадлежащее исключительно ей со своими изъянами. Тело ладно, отдельный разговор. Об этом не будем, пока успокоился.

Мелкая, сопливая, высокомерная, наглая, веселая, смелая, можно даже сказать без башки. Посмела наследнику Хаски вломить промеж ног и сбежать. Мерзкая девчонка. И все, что происходило вокруг нее, меня определенно возбуждало интересом.

***

Ощущение, будто за мной кто-то следил. Каждый раз на улице оборачивалась и смотрела по сторонам. В автобусе пока ехали. В кино пошли с Ваней, там не надо разговаривать, можно помолчать в тишине успокоиться от мысли, что мог разыскивать Хаски.

Погода была плохая, мрачная, тучи гневались. Небо за все время так и не просветлело.

После кино зашли в кафе, где я рассказывала в кратце о предметах в университете, Иван о своей работе. Разговорили на совершенно отвлеченные темы, а обратно шли по парку решили прогуляться, как сказал Иван.

Настроение спокойное, вполне хорошее. Молчали всю дорогу, смотрели на людей. Мало у нас общего с Иваном, но его я, по крайней мере, не боялась. Листья чуть подрагивали на ветру, периодически якуталась в олимпийку.

Неожиданно пошел дождь, буквально за десять секунд превратился в сплошной поток воды перед глазами. Успела взвизгнуть, прежде чем Иван взял меня за локоть и подпер к большому, размашистому дереву с крупной листвой.

Дождь меньше попадал, но немного капал. Природа шумела, завывал ветер, я немного мерзла. Иван был очень близко к моему телу. Опасно близко.

— Ваня? — позвала, прежде чем поняла, что он наклонился к моим губам, слизывая капельки дождя с них. Бррр. Голову отклонила к мощному стволу дерева позади себя, лишь бы подальше от юноши.

— Вань? — повторила. — Я думала у нас не такие отношения. А как же Аня твоя?

Да. Тактический ход, маневр к спасению. Будем надеяться, что совесть у парня присутствовала, для этонадо было надавить на смерть его подруги.

— Аня не была моя. Аня была моей хорошей подружкой. Секс-подружкой...

— И ты хочешь, чтобы я стала секс-подружкой? — хмыкнула я. Когда злюсь рублю с плеча и сейчас хотела оторвать чужие руки, чтобы не смели притрагиваться ко мне. Словно назло ладони опустились мне за ягодицы и неторопливо стали подталкивать к своим бедрам. Возбужден. От омерзения хотелось сплюнуть то ли ему в лицо, то ли на дорожку, на которой прятались от мерзкого дождя.

— Злишься? Прости, не сдержался, — и такой голос неожиданно мягкий. Шел на попятную? Что-то мне смутно казался фальшью его разговор, кровоточинка проскользнула.

— Ты мне нравишься, все время думал о тебе. Постоянно думаю о тебе. Ты такая запоминающаяся, — долго подбирал правильное выражение. — И весь твой маскарад не портит тебя. Я помню, какой ты была брюнеткой, — провел по моей татухе пальцем большим, ладонью обнимая лицо.

— Такая прекрасная с этой забавной родинкой под глазом, — твою же мать. Не зря он это говорил, не зря. Плохое предчувствие.

— Очень хочу занять тебя в свое пользование, — вот тебе и на. Шепнул мне на ухо, от омерзения мурашки прошлись по шее. Сдавила кулаки на коре дерева сзади себя, расслабила, процарапала ногтями, сейчас бы рожу расцарапала с удовольствием.

— Хочешь и дальше там учиться? — я кивнула настороженно, зная, что последует дальше. — Не хочешь, чтобы кто-то узнал о твоём маскараде, что ты сбежавший Бастард, который претворяется другим человеком?

Своим дыханием опалил губы, глаза его полуприкрыты словно в экстазе, носом гладил мою щеку. Как противно. Сжималось тело, желая чтобы его отпустили.

Шах и мат объявили. Выхода нет. Безоговорочное поражение.

— Поцелуй, — прошептал парень. Приказ к действию. Открыла глаза обреченно, ладони положила на мужские плечи, в глазах пряча ненависть, глубоко-глубоко закрыла зверя на цепи. Играй, как сказал Кирилл. И я играла. Прижалась к телу парня, обняла за шек и подставила губы. Хотел поцелуя — пожалуйста. Старалась сыграть максимально.

Поскорее бы закончился этот дождь.

Через минуту примерно остановила поцелуй, надеясь что достаточно, но нет Бастард вновь с жаром поцеловал мои губы, как за спасение хватался, пытался надыхаться облизыванием языков. Намеренно тормозила возбуждение неугомонного парня, замедляла поцелуй, чтобы не распалаять. Никого рядом, зеленые мокрые деревья, пропитанные влагой.

Но Иван не останавливался, наглед. Очень хотелось выдрать руку, которая отогнула резинку спортивных штанов и нагло полезла внутрь. Два пальца скользнули по белью, на что раздраженно вырвалась.

— Ваня, надо идти, мы здесь замерзнем насмерть, — дождь ни на каплю не успокоился, но здесь страшнее. Я испугалась Ивана, что-то насторожило в его поведении.

Бастард пришел в себя, накинул нам капюшоны на голову, и мы побежали сквозь парк до автобусной обстановки. Народу было много и приходилось стоять. Иван, как истинный джентельмен, держал руку на моем бедре, защищая от посягательств остальных. Вот и проявил свои намерения.

Кирилл, я убью тебя! Опять человеку мозг сломал! Не мог Иван влюбиться, ни за что не поверю.

Иван предложил вернуться к нему на квартиру, где с друзьями снимал местечко. Я чуть там же не выскочила посередине дороги из автобуса в окно.

На парковке расстались, дождь по-прежнему хлестал по голове и куртке. Выбежала из автобуса, а Иван остался стоять под козырьком остановки. Не дав опомниться Бастарду, убежала, пообещав позвонить.

Сердце испуганное, посаженное на цепь бесновалось, пыталось сорвать оковы. Я — пленник, попала в ловушку. Где выход? Ищу, ищу и понять не могу, где он?

Глава 32 "Его собственность"

Глава 32 "Его собственность"

Напоминаю, что Хаски — больной на голову.

Warning: Насилие!

***

Молодой бизнесмен, сын одного из мултимиллионеров Баллийцев. Барс младший. Его отец крупная шишка у Баллийцев, что-то вроде моего отца только с другой стороны.

Встреча состоялась в кафе на нейтральной территории за кофе с коньяком. Мелкий сам вышел на меня, с какой-то целью, отец ведь немощный, доживал свой век, а власть сыну не хотел отдавать. В этом и собака зарыта. Младший пытался вести свою собственную стратегию развития. Меня мало волновали сложившиеся обстоятельства, главное деньги, остальное мало волнующие вещи.

А младший Барс — предлагал деньги, много денег. И надо быть идиотом, чтобы отказаться от этой сделки. Барс готовил массовый проект с реализацией их крыльев, благодаря которым они летали. Немийцы игнорировали это нововведение, не считали нужным покупку крылья и без полетов неплохо жилось. Тем более для ввода в эксплуатацию снаряжения необходимо полностью перестроить жизнь многомиллионного населения Немии, а это нереально, на это потребуется ни один десяток лет.

А Баллийцы подошли к той точке, когда вся их жилая площадь предусматривала различные высотные балконы для людей с крыльями. Отели на деревьях. На скалах. Магазины в совершенно неожиданных точках на высоте, держащиеся за счет тепловых излучений. Жизнь полностью построили под полеты. Крылья заряжались самой мощной энергией солнца. Род Баллийцев полностью не восприимчив к энергии. Не видит ее, не черпает, поэтому им так необходимо было в свое время начать разработку летательный аппаратов. Не ударить в грязь лицом перед Немийцами.

И сейчас для создания модернизированной серии летающих самостоятельных аппаратов младшему Барсу нужен металл, много металла. А металл — полезные ископаемые, то из-за чего Хаски держались на плаву сотни лет. Это наша пища и кров. Почти вся земля в свое время была распродана в наше владение государством. Теперь государство пожидало плоды своих некогда ошибок.

Молодой человек напротив достаточно высок, ухожен, одет в серый костюм. Волосы невероятно длинные для Аристократа, собраны в хвост на затылке. Карие глаза. Не прятал взор, не юлил, говорил на чистоту. Тщеславен и находчив, а также сообразителен. С кем нужно иметь хорошие отношения, с кем нет. Предыдущий Барс — предпочитал вести агрессивную политику в отношении Немии. Этот — делал шаг на встречу.

— Значит ли это, что ты протягиваешь руку дружбы? — насмешливо спросил я, осторожно попивая из белого, маленького бокала крепкий кофе с небольшой дозой коньяка. Поставил на блюде, чуть откинувшись на кресло спиной, руки положил на подлокотники. Телефон в который раз завибрировал. Поднял со стола мигающим экраном к себе и начал изучать. Мужчина напротив ответил:

— Протягиваю. Моему отцу не долго осталось, год, полгода. Близится его час. А мне деньги важнее гордости, — после небольшого молчания Барс заговорил. — Дмитрий, если ищешь темные пятна в моем рассказе или выискиваешь слабые места для шантажа, от

первого лица будет лучше узнать...

— Ты про что? — я оторвал взгляд от экрана, на котором пошел чертов дождь. Да, чтоб тебя, сучка!

— Я про инфу, — кивнул Барс мне на телефон. — Исследуешь на предмет фальши? Партнерские отношения разве не на доверии основаны?

— Я тебя прошу, — усмехнулся наигранно. — О тебе необходимую информацию нашел. Ты относительно чист. Здесь моя баба, — развернул экран к лицу собеседника. А там почти крупный план, как к Ананиной в трусы полез этот урод. — Моя баба лижется с каким-то ушлепком. Вот думаю, кому и что сделать? Секунду подожди.

Прочь ухмылки. Взял телефон раздраженно нажал на экран водя, по сенсору. Подставил к уху. Через несколько гудков без предисловий отдал приказ и скинул телефон на столик. Неохотно взлохматил волосы.

Сейчас больше всего жаждал стол перевернуть куда-нибудь в окно и слышать, как рушится хрупкое стекло. Крошится, звенит и бьется. Ломается хрупкая конструкция.

Или рожу Бастарду гнилому разбить. Руки вывернуть из сустава. С удовольствием осуществил бы намерение.

Как этот мерзкий человечиска только мог подумать притронуться к МОЕЙ бабе — к МОЕЙ, мать его, собственности!?

— Может позже продолжим? — перебил мысли собеседник.

Не охотно вернулся к реальности, к изысканной обстановке кафе, ее идеальным бежевым тонам. К успокаивающим цветам, но только не меня. Меня не успокаивало. Как бы красный цвет преобразил эту идеальную, живописную картину мнимого рая.

— Сейчас. Я тебя понял, готовь предложение, на мой номер скинешь. Сеть полностью блокируется: входящие, исходящие. Любые искажения полностью блокируются спутником. За сохранность разговоров отвечаю. Последний вопрос, — пока выудил деньги из кармана, мелочевку на расходы ежедневные. Отсчитал небольшое количество денег за кофе и поднял глаза.

— Что если твой папа обнаружит игру за его спиной, не боишься ремешком получить?

— Отец слеп, глух и туп в последнее время. Старость ли это или нет? Но я давно промышляю мелкими делишками за его спиной. В последний раз удалось из-под носу умыкнуть прекрасный договор. Он так и не нашел змею. Отца будто подменили...

— Предположим — я поверил. Не разочаруй, наследник, — я первый встал из-за стола, телефон спрятал в кармане. Официантка при входе вежливого поклонилась, улыбалась и сверкала белоснежными зубками.

На ходу подмигнул, отвечая такой же улыбкой.

Вот, как надо жить. Преклоняться, Ананина. Преклоняться передо мной и получишь тоже в ответ. Ты не пожелала идти этим путем. Твоя правда...

***

Ветер сегодня громкий слишком. Слив на уровне подоконника гремел от завываний ветра, мешал спать. А может причина не в шуме? А в мыслях?

Иван сделал один шаг и поставил мат. Хаски смог за несколько ходов поставить в безвыходное положение.

Обе партии проиграны. Как мне освободиться от их влияния? Сбежать? Но куда? В Арзонте у нас нет родственников, одна сестра двоюродная по маминой линии — Ирина. Ее мужа Леху я услышала в баттле, когда раскусили Аристократов о планов насчет нас, а точнее

намерения афродизиак засунуть в еду и питье.

Леха — не лучший образчик идеального мужа. Не ладила с ним прежде. Зато с Ириной в детстве очень крепко дружили, несмотря на разницу в возрасте. Пять лет назад Ирина вышла замуж и покинула округ Гербертас тех пор редко, когда виделись, изредка переписывались по социальным сетям.

Сегодня ночью глаза не закрывались. Глядела сквозь комнату — через кровати девочек на окно, за которым покачивались темные ветви деревьев. Пришлось подушку переложить в ноги, чтобы лежать и смотреть, а не крутить головой.

Дверь распахнулась, полоска света прочертила ярко мебель и вскочившую от неожиданности Волчицу. Я повернула шею и заметила черные кроссовки с белой эмблемой Х.

— Подъем, Ананина! Тебя ждут, — знала, что услышу этот грубый голос. Кроссовки «отдали приказ» и закрыли за собой дверь.

Опустила ноги с кровати, нащупала дощатый пол, чуть прохладный. По нему развлекался, носился ветер. Штаны, валявшиеся на тумбочке медленно надела. Футболку черную, двести раз стиранную, носки, куртку. Засунула стопы в кеды и как можно медленнее двинулась на выход. Почти не гремели железяки на штанах, одни полы немного скрипели.

Вахтерша на первом этаже блюла порядок в общежитие. Нас, не видяще, пропустила.

Машина выехала в каком-то неизвестном направлении. На трассе поехали не налево — в сторону города, а направо — вглубь леса. Чернота за окном навевала плохие мысли. Куда мы ехали? И зачем?

Сердце громко ударило, пинало подсказывая, кого могла увидеть. Что он мог сделать? Кроме одного очевидного ответа — Хаски, как маленький ребенок, не знал отказа. Хочу и всё. Избалованный мальчик, увидевший меня, неизведанного зверька. Жутко мечтал посадить на цепь и погладить, но я цапнула за руку. Чем накажет неизведанное существо?

— Прибыли, — Глиста коротко сообщил деловым тоном. Аристократы остались сидеть внутри машины.

Я же боязливо не спеша приоткрыла дверцу из салона и вышла на улицу. Ночь властвовала везде, было темно от густоты деревьев. Я — внутри леса. Но здесь есть небольшая площадка забетонированная, на которой в хаотичном порядке разбросаны железные сооружения — стенки для лазания, качели, баскетбольное кольцо.

Фонарь одиноко горел в самом конце площадки на грани с лесом. Там непрерывное движение и основная масса людей. Настороженно шла в том направлении, приглядываясь к событиям.

Движения были постоянны, как будто потасовка. Да. Будто бы кто-то кого-то бил. Полукругом стояло несколько человек. Один из парней со смехом разогнался, притормозил возле центра и, оттянув ногу, играючи пнул человека на коленях перед собой. Я прибавила шаг. Что там?

— Бух, — прокомментировал этот незнакомец свой удар ноги. И загоготал вместе с компанией. — Эй! Не вырубайся, — наклонился, взяв за шкуру мужчину перед собой.

Я впервые видела тот народ: незнакомые, темные ауры от них исходили.

— Главное действующее лицо! Хаски, это для нее? — подошла поближе, и они заметили мое появление.

Страшные люди даже для меня, судя по массивным фигурам, по росчеркам шрамов на лицах и жадным улыбкам, смотрящим на кровь, как на прекрасный коктейль боли и страха.

— Не отвлекайтесь, — сбоку от основного скопления людей на дугообразной лестнице располагался Хаски в кожаной, темной безрукавке. Голыми руками опирался на трубы железные, из-за чего мышцы напрягались, сильно выделялись на коже. Ногами Аристократ опирался о нижние трубы.

Вновь обернулась на круг лиц, подошла ближе. На асфальте явственно различила следы крови, сквозь движения увидела парня в кругу. Его держала рука незнакомца за черные слегка вьющиеся локоны.

— Иван? — взвизгнула, узнав вчерашнюю серую куртку на Бастарде. — Ваня!

С перепугу попыталась протиснуться внутрь, но меня тут же оттеснила чья-то руки.

— Дамочка, будьте добры не мешать, — этот огромный человек взял за плечи и передвинул, как легкую, картонную коробочку. В нос незнакомцы были вставлены множественные кольца и серьги. Он шепелявил, скорее всего выбитые зубы. Замерла в нерешительности.

— Что происходит? — спросила у незнакомцев, но те помалкивали. Голова Ивана болталась на асфальте, почти без сознания, едва подрагивали ресницы. Бастард что-то произносил шепотом, один из незнакомцев прислушивался и смеялся.

— Ананина, присаживайся, будем сторонними наблюдателями, — Хаски похлопал себе по коленям, приглашая к себе. И эта страшная улыбка озарила его уста, отнюдь не добрая, многообещающая. Подошла поближе к лестнице, чтобы не кричать громко.

— Прекрати, пожалуйста. Что он тебе сделал? — злиться нельзя, пока Иван у него в руках. Хаски, заметил, что не стала приседать на предложенные колени, пожал плечами и прыгнул, приземлившись на две ноги.

— Пойдем, — аккуратно приобнял за плечи, как друга. Обманчиво по-дружески. Медленно задал темп нашего шага, позволяя наблюдать, как голову Ивана резко встретили с асфальтом.

Моргнула, прогоняя картину с глаз. Спокойно... Не терять голову... Надо договориться, узнать, что он желал? Рука Хаски камнем давила на плечи, как будто хотела вдавить в землю.

— Пока не спишь со мной — не спишь ни с кем, — очень разборчиво, четко проговорил слова. Как для душевнобольного человека, боялся, что я чего-то не пойму.

— Я... я...я... и не сплю, — чуть заикнувшись ответила, после того, как увидела небольшой черный предмет, приподнятый вверх дулом. Сердце резко замолчало. Затихло. Перестало биться. Тот что с сережкой в носу, который перемещал, как легкую коробочку, держал пистолет вверх.

Хаски внезапно отпустил плечи, когда подошли к кольцу из пяти человек. Протиснулся внутрь толпы, возвышаясь по-прежнему над всеми.

Попыталась повторить движение вслед Аристократу, но меня вновь взяли за плечи и приостановили.

— Подождите, пожалуйста, — вежливость, как издевательство прозвучало. Хаски выхватил из рук первого незнакомца ствол. Что происходило? Круг немного расступился передо мной или для лучшего обзора.

Иван зашевелился, привлекая внимание. Его левый глаз полностью закрылся от отечности, но правый — видел. Что-то проговорил Бастард одними губами без звука, и я пропустила первый выстрел.

Вздрогнула от звука, раздавшегося среди ночной тишины слишком громко над ухом. И

по внезапному вскрику от Ивана и его сократившемуся телу поняла, что пуля достигла цели.

— Этой правой рукой он вчера тебя лапал? — я удостоверилась, что пуля застряла в правой ладони Бастарда, а Иван, скорчившись в позе эмбриона, лелеял рану.

Обернулась к Дмитрию? Что он имел ввиду?

— А этой левой полез к тебе в трусы? — взмах рукой по направлению к Ивану и вновь крик взорвал тишину на много беспорядочных звуков.

— С..стой, — попыталась сдвинуться с места, но амбал передо мной не давал, придерживал.

— Или может вот эти губы вчера настойчиво и долго облизывала, а Ананина? — я замерла, перестала вырываться. Не будить животное.

Незнакомец поднял за шкуру на ноги тело Ивана, без сил переминающееся. Дуло пистолета указывало точно в рот Ивана. Бастард смотрел то на Хаски, то на оружие, изредка на меня, по глазам его скатывалась кровь из рассеченной брови, хрипло дышал, боясь что-либо произнести.

— Стой, — повторила медленно. Подняла руки ладонями вперед. — Хватит. Я поняла. Прекрати, пожалуйста.

Площадка ждала результата, как и дуло пистолета. Палец на курке оружия подрагивал, то чуть сжимаясь, то разжимаясь.

— Иван не причем. Я сама поцеловала...

— Я видел, — внезапно лицо Хаски чуть изменилось за вечер. Улыбка озарила глаза и губы.

— Следишь за мной? — вырвалось удивленно.

— Раз... — начал отсчет. — Два...

— С...с. стой. Хватит! — взвизгнула от испуга и резко перебила на полуслове перед счетом три. — Слышишь — согласна. Если твое предложение еще в силе. Я...я... согласна. На всё... Только хватит...

— Принято, — убрал руку с пистолетом, прижал к груди. Долго смотрел вниз на Ивана, у которого облегченно задрожали губы от эмоций. Бастард всхлипнул, а я вздохнула, наконец, и отпустила ладони спокойно по бедрам.

— Только поздно, — рука выпрямилась в локте Аристократа. Из пистолета вырвался снаряд, в ту же точку, в какую целился до этого. Кровь оросила голую кожу конечности мужчины и пистолет.

Хаски обтер руку о ворот серой куртки Ивана. Незнакомец со шрамом расслабил хватку, и тело Бастарда упало безвольно на асфальт. Голова ударилась со звоном, если бы он был жив, то, наверное, умер от удара такой силы или получил сотрясение.

Плечи освободили. Я медленно подошла к Ивану. Быть не может... Чужаки расступились: кто вытирал руки, испачканные в крови, кто наблюдал, а я не могла поверить.

Из-за меня. Одно нажатие пальца и Ивана больше нет.

По обездвиженной грудной клетке поняла, что тот больше не дышал. На лицо не смогла посмотреть, не хватало смелости.

Рядом на земле накапала лужа крови, вытекшая из ран на теле. В стороне присела на корточки, а потом — на чуть высохший после дождя асфальт.

Не более секунды прошло, как Хаски перехватил меня одной рукой под грудью и поднял высоко вверх. Потом поудобнее перехватил передом к себе и перекинул через плечо.

Никак не реагировала на его действия, оставалась молчалива. Возле машины, где ждали

Глен и Глиста, в глушь тонированной, прошептала очень тихо спине.

— Ты обещал не трогать его...

— Нет. Не обещал. Это ты предложила себя. Я ничего не обещал в ответ, — прогоняла слезы, как могла.

Знала делишки отца. Знала, что он не святой, но в живую передо мной никто никого не убивал. Сама убивала по неосторожности. На ринге. Свернула челюсть девушке, но это были честные поединки, один на один без оружия. Но никогда еще передо мной — из-за меня не убивали безжалостно, как будто каждый день подобное совершали.

Эти руки в крови. Мои и его запятнаны навеки красной краской. И ничто не сможет стереть цвета, они ввелись под кожу.

Прижалась спиной к сидению вовремя езды в машине, молча, прокручивала вновь и вновь слова мужчины и кадры воспоминаний.

— Выходим! — озвучил громко возле университета на парковке. С какой скоростью ехали? Хаски вышел из машины, оставил с Гленом и Глистой на несколько секунд.

Дверь открылась, и Дмитрий подхватил меня под коленями. Спокойный, уравновешенный мужчина под спиной придерживал мое не слушающееся тело.

Ухом слышала сердце Хаски. Его билось, а Ивана больше нет. Руками, не осознавая того, вцепилась в мужскую жилетку. Стало трясти то ли от прикосновения теплых ладоней, эти пальцы в крови, и я тоже теперь. Выходил адреналин запоздало дрожанием пальцев, конечностей, зубов.

У убийцы искала тепла и спокойствия, прижимала щеку к мужской груди в поисках спасения, но найти не могла.

Аристократ нес долго. Когда увидела знакомые ступеньки общежития, опешила, ведь предполагала, что отнесет к себе, но нет. Зашли в хол, свет немного горел. Женщина-консьержка встрепенулась от звука колокольчиков на двери, заснула на посту, и выкрикнула:

— Кто нарушает комендантский час? — прозвучало очень громко, но ответа не последовало и больше ниодного вопроса.

Хаски прошел на лестницу, поднимаясь на третий этаж. Небольшой свет от ночных светильников горел по коридору, была абсолютная тишина ранним утром. И в нашей комнате, в которую Аристократ ввалился без стука, было темно и тихо. Свет из коридора освещал разобранную кровать, туда же меня достаточно аккуратно положили, не свалили мешком, а положили. Да. Ведь теперь это тело — его.

Ничего больше не сказал Аристократ ушел, прикрыв дверь. Но его грузные шаги слышала долго, звук каблуков на лестнице, затем перешедшие вприпрыжку тоже слышала.

— Ань, что случилось? — спустя некоторое время Кристина спросила очень тихо, боясь что нас услышат.

— Не спрашивай, — говорить нормально не могла. Зубы стучали, как будто по макушку угодила в ледяную воду.

Илив капкан попала, зажало ногу. Длинными шипами прорвало кожу, но не достало до кости. Кости целы, но и вырваться не казалось возможным.

Зацепленная шипами за кожу собственной ноги не могла спастись, если толькодополнительно принести себе боли, и вырвать мясо с силой. Тогда вырвусь из рук Хаски.

Выхода — нет, а позднее убью Ананину!

...

Спасибо за комментарии и лайки. Надеюсь, еще не замучила вас.

Важная информация. История Немии. Читаем!

Важная информация. История Немии. Читаем!

События происходят в вымышленном мире, название ему не давала.

С давних времен существовала огромная страна Немия, жители которой имели связь с источниками энергии, черпали отовсюду: из воздуха, из земли, откуда угодно. Если переводить на язык стандартного фэнтези — колдуны. Т.Е. Немийцы были колдунами.

Немийцы — никогда не болели, были не подвержены вирусам, никаких ангин, никаких соплей, слюней, венерических заболеваний.

Короче, утопия. Немийцы умирали приблизительно к девяносто годам от изнашивания внутренних органов. Как бы срок использования сердца или легких заканчивался и они спокойно умирали, каждый готовый к этому.

Немийцы — Аристократы.

Но вот как-то раз из-за моря объявилась новая нация — Баллийцы.

Существует три теории относительно появления первого Бастарда в мире:

1) Немийская женщина изменила мужу с Баллийцем, в результате появился первый в истории Бастард — ребенок, который был слабым, болезненным, подхватывал простуды и т. д. (Страдовцы приверженцы этой теории, у них даже осталась казнь за измену мужу)

2) вирус, который Баллийцы передали Немийцам при общении, из-за чего беды посыпались на их голову. (Я придерживаюсь этой теории, поскольку в родословной Ани никогда не было Баллийцев)

3) не охота повторять... ниче интересного. В книге описывала.

Аристократы вымирали, Бастардов становилось все больше и больше.

Т.Е. После появления первых Бастардов:

люди стали терять связь с энергией, к настоящему времени только половина населения использует одну энергию, другие не чувствуют совсем. Есть 23 полигена — человека с двумя энергиями. Об этом позже расскажу в одной из следующих глав.

Женщины теряли способность забеременеть. К настоящему времени окончательно потеряли, очень редки случаи когда получалось — и такие люди рождались Бастардами. Аристократов делали искусственным методом.

Люди стали болеть, становились хилыми, слабыми.

Вот за эти пункты Бастардов ненавидят, не считают за людей. Впервые за столько лет Бастарду разрешили учиться в университете и получить диплом, необходимый для нормальной работы. Это Вильмонт для дочери протолкнул закон.

А до этого Бастардов не пускали в приличные заведения, не давали учиться на права, не давали посещать учебные заведения, и не давали нормально работать. Есть варианты — либо как Волчица идти танцевать, либо официантка, для мужчин — грузчик, дворник, слуга.

Как-то так.

Примерно 2,5 тыс лет назад до описываемых событий в книге — Немия разделилась на две страны: Гнета и Страда. Говорят, что инициаторами разрыва были Хаски И Вильмонт, семьи, образованные примерно в тоже время.

Одна семья в одной главенствовала стране, другая — в другой.

Вокруг каждой семьи образовывались верные подчиненные и соратники.

Вильмонт(кстати Вильмонт, ударение на «и», так произносится ее фамилия) — все

семьи в фамилии имеют окончание — онт- «Яхонт, Шмонт»

Хаски + шесть семей на — ски-. «Польски, Трески».

В настоящее время Гнета и Страда объединились опять в Немию впервые за 2,5 т. лет. Их главой стал Френ Мерси. Кристина Мерси, как раз, невеста Хаски.

В описываемое время Аристократы ведут совершенно безалаберный образ жизни: нет риска подцепить какую-нибудь венерическую болезнь или забеременеть. Занимайся сексом в свое удовольствие.

Аристократы не подвержены вирусам, но это не значит, что внутри них — их нет. Т.Е. Аристократ, сам того не желая может заразить Бастарда, поэтому Бастарды такие тихие и пугливые. Например: подышит на них Аристократ, и те окочурятся от кори.

Аня этого никогда не боялась, потому что привита от всех подобных заболеваний, кроме венерических. Этого испугалась, когда они с Хаски не предохранялись.

Что касается Ани.

Для оплодотворения женщины проводится специальная очень дорогостоящая процедура, которая стоит примерно, как однокомнатная квартира, поэтому позволить себе могут немногие люди.

Не спрашивайте, как происходит процедура, не медик. Ребенок на первых же неделях в утробе конструируется, выбираются гены, выбирается внешность будущего человека. А какой родитель будет некрасивые черты лица выбирать для любимого дитятки? Поэтому Аристократы — все красивые, высокие и подтянутые.

На первом месяце в утробе также ставится вирусный барьер насильственно от болезней, для этого поднимают болевой порог. Для мужчин прекрасно, их бей, бей, а боли чувствовать не будут. А вот для женщин стало хуже, потеря сексуального влечения, если в молодости еще нормально сексом занимались, то ближе к сорока — всё капут, ничего не хочется и не может. Как раз по этой причине Алла Вильмонт — мама Ани постоянно делала различные процедуры, как я их назвала «опыления» чтобы вновь спать с мужем.

А у Бастардов все нормально с сексуальным влечением.

Аня — получилась незапланированно, т. е. процедуру зачатия родители не делали. Мама Ани забеременела нежданно, когда поняли в чем дело было уже два месяца в утробе, ставить барьер поздно, если не хотели рисковать ребенком, постарались конечно по возможности укрепить организм дитя.

Как только рождается в больнице Бастард, его отбирают у родителей и отдают в интернат на воспитание до достижения восемнадцати лет. Бастардам дают пластиковые карточки — документ, подтверждающий личность, с именем, порядковым номером и датой рождения.

Вильмонт, естественно, не отдал своего ребенка в интернат, денег отвалил, дал своему ребенку паспорт Аристократки и велел жить, претворяясь той, кем не является на самом деле. Конечно, многие знали или догадывались, что Аня — не Аристократка, особенно если в школе она начинала сопливиться или кашлять, тут не скроешь, но... Аристократы все молчали. Какой смертник будет перечить дочери Вильмонт?

Если что-то еще не понятно, спросите. Это важно для понимания поступков некоторых людей.

Глава 33 "Ночь, утро и день"

Глава 33 "Ночь, утро и день"

Всех благодарю за лайки, за сообщения и за внимание)

Всем спасибо! Приятного чтения.

А теперь сплошная эротика.

***

Не было сна. Лишь желтая стена перед носом, и ладонь, которую положила под щеку. Каждую секунду пока в комнате становилось светлее и светлее видела не моргающими глазами пустоту.

Дождь барабанил по карнизу настойчиво, монотонно, усыпляюще, но я не могла спать. Боялась закрыть глаза и увидеть лицо Ивана с пулей внутри. Раз за разом память услужливо повторяла взмах руки и пистолет в упор, рассекающий плоть человека. Заезженная пленка. Вперед — назад. Взмах руки и обратно. Нажатие на курок, отпускание пружины. Оглушающий выстрел звенел в ушах. Соседки вставали с кроватей тихо, боялись разбудить, ведь поздно пришла. Все равно придется — занятия никто не отменял. Перешептывались, будто не видели, как замерли мои плечи в одном положении.

Решила перестать ломать комедию. Встала в тех же вещах, что и приехала, не хотела краситься, уродоваться? Зачем теперь? В худшие руки попасть не могла.

***

Декабрь — месяц, который я полностью посвящал работе. Собирался ехать в город, но остановился возле крыльца пятого излюбленного корпуса. У Аристократов редко там занятия, но у Ананиной часто. И сейчас насколько известно должны быть.

Санек раздраженно бубнил на ухо, очень тихим голосом, даже интересно стало что?

— Ты меня слышишь? За каким Бастардом? — спросил друг неожиданно громко, на что я поморщился от сильного звука.

— Что за каким Бастардом? — отозвался. Сам остановился возле крыльца на углу, изучая толпу Бастардов. Что за сборище уродов на выгуле?

Другое дело — вот это пятно на их фоне, очень яркое. Из тридцати человек вычислил. Опять ее вчерашняя одежда, во что-то приличное одеть — конфетка.

Польски внезапно рукой схватил за локоть, причинил легкое неприятное ощущение, тем самым привлек внимание.

— Упал с кровати? — постарался не злиться, но очень доходчиво показать, что посторонние пальцы на теле не терпел никогда. Максимально сжал чужое запястье, почти до хруста костей.

— Я долго буду со стеной разговаривать? Слушай, может тебе отдохнуть? К Кристине съездить? — на полном серьезе спросил Санек, но убрал руки от меня.

— Я хочу бабу трахнуть, — подвел итог, а голос сделал грубее, только няnek не хватало.

— Ты за бабой бегаешь. Мало того, что «бегаешь», так еще и за Бастардом.

— Бред, — отмахнулся раздраженно.

Глазами возвращаясь к светлому пятну среди Бастардов. Миленькая девочка, потерянная. Она думала обо мне, пусть и в не очень хорошем ключе, и не могла перестать этого делать.

Почуввав мой взгляд, обернулась и испуганно отступила, на что я с улыбкой пальцем

поманил, как собачонку. Послушная девочка, наконец-то, вместо непокорного взгляда — послушание. Шла с тетрадкой под мышкой и ручкой. У нее что-то спросили, отмахнулась, спрятав глаза в земле, в газоне, по которому шла.

— Диман, я тебе реально говорю не надо давать власть бабе! Да...если б только знал... что твоя маниакальная мысль до этого доведет...убрал бы Ананину сразу...

Резко развернул шею в направлении друга. Впервые захотелось Саньку расквасить рыло, сжать шею и заставляя хрипеть, хрипеть, увидеть как эти зрачки от ужаса уменьшатся до одной черной точки.

— Я надеюсь — ослышался? — поинтересовался обманчиво тихим голосом. Когда я голос повышаю — это полбеды, а если говорю подобным образом — очень спокойно — жди неприятностей.

Не сразу заметил, как подошла Ананина, только, когда почувал на футболке взгляд.

— Иди за мной, — сказал, как можно тверже.

Санька оставил одного, а Ананину отвел за угол лестницы, за здание корпуса. На боковую часть, там почти никого не бывало, некое уединение без любопытных глаз. Дальше по курсу аллея, и она наглухо засажена деревьями, а здесь возле корпуса никто не ходил.

Подпер Ананину к стене, нависая сверху, глядя в эти ее синие бурно-закипающие от сопротивления глаза. Какая она маленькая, и по возрасту, и по росту, но только плевать и на эту разницу, и на принадлежность к Бастардам.

Что-то не так с ней. Всё рядом с ней необычно. Сейчас минута, что рядом с ней — необычна. Не такая, которая была рядом с Польски, пока просыпался один в кровати с утра.

Ананина спрятала непокорные глаза у меня на груди. Долго будет продолжаться бойкот?

— Давай. Держи слово, — приказал. Глаза подняла на меня, раздраженно блеснули и вновь спрятались на ткани футболки.

— Я не дотягиваюсь, — не послушная какая. Протянул руки, спуская с цепей своих похотливых демонов. Реально стал верить в наличие демонов, кто как не они, не оставляли в покое с этой неконтролируемой жаждой поймать Ананину.

В момент подхватил девочку под попку, весьма заманчивую в этих отвратных штанах, и прижал повыше к телу, чтобы прочувствовать близость. Навису удобно придерживал ладонями за эти упругие, такие приятные наощупь бедра. Отрастила себе, как проходит мимо поворачиваюсь вслед со стояком на пару, про себя мечтая разглядеть сквозь мешковатый материал эту округлую попку.

На разговоры не хотелось тратить время. Нужна подзарядка. Немедленно.

Мягкая грудь, без корсета наконец. Руки Ананиной против воли прикасались, сжимали мои плечи, от чего вся спина покрылась горячими языками пламени. Опять не контролировал жар, плевать...

Накинулся на желанные губы с напором.

Ананиной приходилось отвечать на поцелуй, против воли, вяло, с неохотой. Давала язык мучить, покусывать губы, но сама не ласкала.

— Отвечай, — шепнул, мягко вбирая ее губы в себя. Грешно родиться такой, Ананина, не достойна сама себя.

В голове стало еще жарче, когда Бастард ответила. Острый язычок соединился с его, тот который вечно противился — сейчас послушно ласкал.

А дальше инстинкты взяли контроль. Желание трогать, ласкать, брать, брать, брать...В

свою власть... Вот это всё его... Отныне.

Не переставал сжимать с силой ягодицы, упругие, которые хотелось оголить немедленно и потрогать мягкий шелк ее тела. Так и сделал.

Пробрался за одежду, за дурацкие штаны, чтобы погладить мягкую кожу. Мечтая вонзиться в теплую, нежную плоть. Везде, чтобы Ананина была его.

Сбоку мини-крыльцо заброшенное. Вот туда и посадил добычу за бедра, как раз рост идеально совпадал. Ананина теперь на возвышении перед ним и растерянно смотрела, глаза блестели, горели ярко, приковывая мой взгляд. Как бы ее целовать и видеть этот торнадо в ее зрачках?

Подошел ближе, идеальное крыльцо, бедра Ананиной напротив моих. Решительно взялся за ее штаны по бокам и потянул вниз до колен. Отметил про себя, как Ананина вздрогнула, когда посадил на прохладное крыльцо ягодицами.

Сейчас возьму тебя...

Еще ближе подошел, раздвинул ножки перед собой, и вновь возобновил поцелуй. Слишком большое искушение, чтобы противиться ему.

Черное нижнее белье, гладкое наощупь, провел по ткани двумя пальцами, чувствуя, как девочка вздрогнула опять. А ее поцелуй стал более горячим, то, что надо. Теперь она отвечала остро, так же как и я. Как тогда на отдыхе, с очевидным желанием.

Это белье лишнее, отодвинул мешающую ткань спереди, и притронулся к пикантному местечку. Два пальца спускались все ниже и ниже живота. По желанной тропинке, ощущая, как сокращались мышцы, как Ананина болезненно вздыхала. Словно ранил ее прикосновениями, не ласкал, а жег. Мне в сто раз больнее ждать.

Машинально девочка раскрыла бедра навстречу, когда мои пальцы совсем неприлично опустились до аккуратно выбритой кожи в каком-то подобии рисунка. Весьма увлекательное зрелище, нырнул со вздохом вглубь. Сам же, чувствуя пальцами до боли желанное тело внутри. Бастард побери! У меня недотрах.

Ананина жаждущая. Мокрая. Но почему отталкивала? Не смог удержаться вновь от покусывания мягких, припухших губ и от желания нырять в девочку хотя бы таким примитивным способом. Пальцами изучал нежную плоть. Может таким образом она будет думать обо мне еще сильнее? Убрал из влажной плоти пальцы, чтобы провести небрежно по самой эрогенной точке, и услышать отклик.

И ты этого нас лишала? Бедра были в моем распоряжении. Хочешь бери. Хотел этого. Жутко хотел. Так что думал, ширинка к Бастардам треснет по шву. Поймал осоловелый взгляд девочки, затуманенный пеленой, и довольно пальцами, покрытыми ее влагой прикоснулся к губам Ананиной. Нырнул во внутрь, преодолев преграду зубов. Язычок буйный встретил весьма умело ласкающий, как тогда на коленях в Белесье.

Дурацкие штаны, людное место.

Да... собственно... похеру... Никого нет.

Подхватил за бедра, снимая с крыльца девочку, чтобы не упасть она послушно впилась в мои плечи. Опять все тело закололо от ее прикосновений. Трусики надо стянуть с нее или проще отодвинуть? Вот так, лучше.

Девочка вся мокрая и в крайне отличной позе. Осталось только расстегнуть штаны и со всей силы войти в нее. Твердо. До конца, до основания. И так вновь и вновь от самого краяшка плоти до конца, чувствуя как она будет сжиматься и разжиматься, мягко обхватывать в тепле, а я начну гладить ее изнутри в ужасно медленном, изматывающем обоих

темпе.

Только начал доставать член, чтобы осуществить намерения, и не сразу понял шепот на ухо.

— Не надо, пожалуйста. Только не здесь... не так... не сегодня... — этот жалостливый шепот, просящий. Умоляющий. Достала. Попытался закрыть ей рот поцелуем, но Ананина отворачивалась. Какая настырная, а ведь такая же возбужденная.

— Дим, пожалуйста... — остановился со спущенными на половину штанами, с напряженным до боли членом, уже готов был войти в девочку. Всего лишь пару сантиметр до сокровенного, влажного местечка, в которое я хотел уже хрен знает сколько времени нырнуть. Смотрел в просящие голубые глаза и от этого ее «Дим» чуть там же не кончил. И сказать ничего не мог на ее мольбу. Едва хрипло спросить:

— Когда выполнишь обещание?

— Выполню. Время дай...немного...Неделю дай... — пальцами в последний раз провел по самым прекрасным и тайным ее местечкам. Погладил, как отныне принадлежащее исключительно мне, отчего Ананина куснула розоватую, нижнюю губу. Хотел тоже ее кусать, но упертая идиотка лишала нас обоих секса.

— Три дня. Завтра уезжаю в командировку на три дня, — поставил девушку на ноги. С напряженным членом наблюдал, как Ананина поспешно натянула штаны, скрывая мою любимую задницу. Обреченно поднял штаны обратно и напоследок сказал:

— А потом рассчитаешься по всем долгам. И включи телефон, наконец! — пока не передумал, отвернулся и ушел. Санек до сих пор ждал возле лестницы.

***

Дождь монотонно барабанил по карнизу, но в помещении аудитории было тепло. Я села возле открытого окна, а когда выглянула поняла, что внизу — то место, где он и я только что...где он меня чуть не взял на этом уродском крыльце.

Отвернулась от назойливых воспоминаний, пыталась взглядом вернуться к экрану. Мышцы внизу живота сводило, возбудил до скрипа зубов. Сжимала их насильственно. Как больно внутри жгло. Поерзала на холодном стуле, а его руки, которыми меня поддерживали были очень теплые, горячие, как яркое солнце летом.

Надеюсь тебе не лучше, чем мне. Ни на чем не могла сконцентрироваться ни на очистке интерфейса компьютера, ни на установке программного обеспечения. Это такая легкотня, а я не могла сосредоточиться на решении задач. Перед глазами плыли искажающие, сонные волны, голова болела по очередно, то в одном виске, то в другом.

Паршиво, как свинье, которую привели на скотобойню. В преддверии цунами боли, стояла перед палками, награждающими спину ударами.

От жизни в шкуре Ананиной, хотелось повесить веревку на шею и вздернуться. Подперли к стенке и подставили нож к горлу. И сопротивляться не могла, ведь нападающий заведомо имел преимущество и в росте, и в силе. Всего одна человеческая жизнь. Всего... Хмм... Дулю, смотрящее в открытый рот, таким запомнила Иван, в лужи собственной крови, распростертым на асфальте.

Я резко вскочила со стула. На меня удивленно уставилась преподавательница — госпожа зубрила в очках.

— Простите, можно выйти? — больше и не ждала ответа почти бегом преодолела расстояние до двери и побежала по коридорам к туалетам. Голова закружилась. При повороте дороги врезалась в бетонную стену плечом, потеряла кожу и продолжила бег.

Народу в туалете не было. Открыла кран с ледяной водой и виски опустила под струю. Не стоило себя жалеть.

Из-за гордости Вильмонт погиб человек, который помог, когда я нуждалась. В самый ужасный момент в жизни, оставшись одна на границе Страдовцев. Там он помог, а я отплатила подобным способом, предоставив участь пушечного мяса.

Дождь стучал по окнам, ветер завывал настойчиво. Погода отвратительная для Арзонта. Еще ниразу не видела за полгода у них такой погоды. Вчера и сегодня самые ужасные ночь, утро и день.

Захотелось до боли в руках закурить и сжечь губы, которых касался Хаски и это тело, которое ему внезапно понадобилось. Оно предало меня сегодня. Должно было оттолкнуть мужчину: убийцу, шантажиста, тирана, деспота, самовлюбленного наглого человека, но нет.

Едва-едва вернула разум в последний момент на грани полного падения.

Звонок прозвенел над ухом. Ну какого Бастарда!?! Я пропустила пару. Сегодня определенно самый неудачный день в шкуре Ананиной.

Я — не я, как верно подметил отец. Я — Ананина. Больше никто не должен пострадать из-за моей фамильной гордости, надо дать то, что мужчина желал.

А затем я убью себя. Убью Ананину, когда придет время вернуться в свое тело назад. ЭТО я выброшу из памяти.

Глава 34 "Барс"

Баллийские острова — райское место на планете, солнце более жарящее нежели в Немии. Кругом один песок и куда не глянь океан бесконечный, раскинутый по всему горизонту ровным полотном. Воздух свежий, но жара удушливая, которая утомляла в течение дня.

Баллийцы славились на весь свет курортами, шикарными отелями, воздушными, подводными и наземными. Надводные города, расположенные на высоких сваях — колоннах.

Не особенно меня вдохновлял отдых, пусть и трехдневный.

Итак: безмозглый паренек Вильмонт оказался полезным пронырой, доставил нам два билета на одну известную группу. И даже я не мог найти, а этот паренек — улыбашка ухитрился выбить два билета. Естественно, о нашем приезде разве что слепой и глухой не знал у Баллийцев, поэтому кроме концертов придется и работой заняться. Как предсказуемо...

Возле самолета встречала непримечательная машина для государственных нужд — черный седан с тонированными стеклами, такими не удивишь никого. Тонировали стекла в жарких городах почти все автолюбители. Сегодня с нами приехал и Макс Трески, не знаю, что у него за дела.

Двое мужчин от правительства Баллийцев во главе с кем вы думаете? С Барсом. Удача нам благоволит нынче.

Барс — это наша цель, пожилой мужчина медленно угасал. И это есть Барс? Семидесятилетний уже начинающий седеть старичок: узкого роста, примерномнепо грудь, борода посеребрилась от прожитых лет, волосы такие же. На закате дня.

Второй — премьер министр личной персоной. Какая честь. Баллийцы выказывали уважение, поэтому следовало подыграть. Натянуть свою самую рабочую улыбку и крепко пожать руки обоим мужчинам, что повторили коллеги по путешествию. Глаза синхронно сощурили от яркости слепящего солнца.

— Полет прошел успешно? — старик Барс по голосу был резвым, веселым и главное улыбчивым.

— Конечно, ваши авиалинии — мечта, особенно молодые леди, ухаживающие за нами, — прозвучала с моей стороны обычная попытка наладить атмосферу. Немного одобрительных смешков и вся делегация отправилась по стопам за проводниками.

— Каковы планы на ближайшее время? — обратился я непосредственно к министру — этакому длинному мужчине, выше даже меня.

— Для начала предлагаю обзорную экскурсию по подводным дорогам. Удивительное зрелище, — серьезным тоном поведал. Улыбок себе не позволял, скуп на слова. — Обсудим ближайшие поставки топлива. Пошлины. Конечно, договор.

А дальше телефон в шортах запиликал и отвлек мое внимание. Скорее всего, сообщение.

В последнее время всегда телефон поднимал, желая знать не только информацию об строящихся объектах и проблемах в связи с работой, но и чтобы узнать интересные вести об Ананиной. Министр вряд ли оскорбится. Разблокировал экран, проведя пальцем. Сообщение в Кликке от Глена. Так... Это скорее всего связано с Ананиной. Точно связано. Раскрыл

сообщение — ее глупая кепка и два длинных хвостика виднелась со спины.

Глен фотографировал позади девушки. Следующие фотографии — наклоняется к кому? Знакомое рыло. Ему видимо мало, Колдун, как его называла Ананина, прикурил ей, а она улыбалась, выдыхая дым, совсем распоясалась.

Ух ты! А Колдун действительно не воспринял угрозу всерьез. Пятерней руки обнял Ананину за спину и прижал к бедру. Ананина не сопротивлялась, не прошло и одного утра. Девочка расслабилась зря.

— ... еще предлагаю экскурсию по надводным аттракционам... — министр замолчал. Вильмонт в это время перетянул разговор на себя. Хотя на что-то мальчишка-весельчак способен.

— Да...да... мы согласны.

Присел я в машину на переднее сидение, пока вещи загрузили в багажник, пока расселись. Отправил всего одно сообщение.

От жары пальцы стали влажными. Кольцо с фамильным камнем незаметно спало на коврик под ногами. Нос туфли по неосторожности встал на блестящий свет, прикрыв его от всех.

***

— Что ты хочешь? — в голосе Ананиной прозвучали истеричные нотки, на грани слез. Едва сдерживалась. Яркий испуг. — Что? Что тебе надо? — начала опять кричать.

— Не истери. Не я виноват в твоём беспамятстве... — она сразу послушно замолчала, ая сбросил вызов.

Подводный мир Баллийцев, прекрасные красоты океана. Абсолютно голубая светлая вода, на много метров просвечивала обитателей мира, но меня почти не волновала эта красота, слишком обыденна, привычна.

А поведение маленького зверька было любопытно наблюдать, изучать. Осторожно раздевать и рассматривать, что хранилось внутри, ведь за личиной неотесанного существа скрывалась какая-то девушка. Дикарка, которая не знала, что лучше не сопротивляться. Чем больше упиралась тем, сильнее я жаждал многомиллионный контракт на ее услуги. Зря раздражила, глупая девчонка.

Ее запах впитался в обоняние, мерещился, действовал, как наркотическое средство. Или проблема в том, что никогда прежде не пробовал Бастарда? Умную мысль подкинул Трески. А ведь Макс предупреждал, что трахать Бастардов и Аристократок — разные вещи. Вероятно этим и заболел?

Отклонил вызов Ананиной. Сопли не нравилось слушать, хоть она и не начала плакать, но была на грани. Поставил в черный список после очередного звонка.

Следовало в программу минимума внести исправления. Пашок Вильмонт со мной согласился впервые за время общения. Стриптиз — бар идеален для приятного времяпрепровождения молодому поколению, а сын Барса вызвался показать лучшие заведения города. Отлично.

Вечер прошел потрясающе. Столько прекрасных женщин и все сосредоточены перед глазами, возбуждающе однако. Есть и Бастарды, следовало этим непременно воспользоваться.

Холодный бокал в руке, ледяной. Женщина показывала танец в темноте клуба. Очень неплохо, особенно когда задела член бедрами. Интересная девушка? Фигура очень стройная, все как любил...раньше... длинные ноги, узкие бедра, тонкая талия. Миниатюрная девушка

во всех местах, кроме ног. То, что всегда любил. Худенькие, светловолосые блондинки идеал любовниц.

Танцовщица коснулась ягодицами упругими, отлично помещающимися в ладонях вновь по твердо-набухшему члену. Трахнуть, что ли? Неделю секса не было, пускай и Бастард, сравнить было бы неплохо.

Подсунул руку между ее ногами и бедрами. Пальцами провел по разрезу, от начала до конца, раскрывая половые губы, скользя внутрь. Грубо. Не хотелось нежностей, прикосновений, исключительно секс и разрядка. Никаких поцелуев, объятий.

Расстегнул ширинку, нырнул в предложенное расщелье между ног, столь отчаянно жаждущее его, хотя в принципе не только его, а еще миллионы других. Вечно мокрое и широкое. Ощущение, будто ее несколько раз сегодня трахали задолго до меня. Жесть. Сколько там микробов должно быть?

Едва скрыл морщины, покрывшие лоб. Высунул член, приподнял блондинку за попку и стукнул с хлопком по ней.

— Иди, достань выпивку, — девушка не понимающе уставилась на него. Уходила неторопливо, поглядывала с удивлением на возбужденный стояк, а плевать. Лучше стерпит, чем с Бастардом. Можно конечно и с Аристократкой, но выискивать свой типаж было лень. Алкоголь справится с поставленной задачей. В конце концов, не так сильно возбужден. Как там Ананина?

Поправил одежду, ледяной напиток опрокинул в рот одним махом. А телефон, лежащий на столике рядом, мигал голубоватым огоньком, настойчиво. Сообщение? Одно от Глена. А другое — ммм?

Клик — социальная сеть, пользовалась спросом по всей Немии. Встречи происходили по приглашениям в программе. В ней создавалась группа, где четко оговаривался список гостей. Никаких звонков, смс, простые рассылки по всем друзьям. Пообщаться тоже было очень удобно. Фотографии, приватные беседы, передача видео.

На экране Клика значилась — красная цифра один напротив слова друзья. Хмм. Нажал с любопытством на цифру. Анна Ананина желала добавиться в друзья, хмыкнул довольно. Ее вроде не было в соцсетях? За один вечер зарегистрировалась, фотографию на заставку не поставила.

Ну добавляйся, Ананина, согласился, пока ждал алкоголь. Коллеги по путешествию развлекались в соседних залах. Кто где, а я пока предоставлен сам себе. И что дальше? Ух ты, как оперативно.

«Отпусти пожалуйста, Колдуна», — значилось в сообщении. Кто бы сомневался? Скучно.

«А что получу в замен?» — тупая девочка порой не осознавала, что ему требовалось. Или под дурочку косила? Что может понадобиться молодому мужчине от фигуристой девочки? Натянуть, Ананина, натянуть жестко, пока не надоест.

Молчание воцарилось на некоторое время.

— Дмитрий Сергеевич! — сквозь переливчатую трель камушков, висящих на выходе, появилось знакомое лицо. Дружок Барс младший, тот что за спиной папашки предложил мне контракт. Длинные темные волосы собраны в хвост и лежали на левом плече, руки мужчина спрятал в карманах брюк. Костюм подчеркивал худощавые черты тела, правая конечность выскользнула из кармана брюк, демонстрируя что-то.

— Как вы могли забыть? — при ближайшем рассмотрении стал виден сверкающий при

голубых огнях металлический кружок. Младший Барс улыбнулся и протянул кольцо.

Я принял кивком головы.

— Благодарю. Не заметил, — кольцо надел на мизинец правой руки. Барс, услышав, как повторно камушки звякнули при входе, кивнул головой и покинул помещение.

Вернул кольцо. Неужели, наследник трусливо поджал хвост и побоялся пойти против отца? И договора — предложения не видно. Сдрейфил, малыш?

Танцовщица принесла напиток, хотя это не входило в ее обязанности. Успел поулыбаться девушке, засунуть деньги в трусики и посмотреть очередной танец новой Аристократки. Периодически проверял лежащий на столике телефон. Может пропустил звук сообщения. Тупая Ананина. Что дальше?

Начал строчить сообщение. Выбирал между выражением «заказывай гроб для..» или «можешь спать и дальше Колдун сдох..»

Что сильнее напугает. В любом случае еще одна смерть. Как в тот раз жалобно умоляла взять ее, только не убивать Ивана. Поздно было, деточка. И сейчас вполне может оказаться поздно, если немедленно чем-то не развлечет.

Отправил сообщение и в ответ одновременно запиликал телефон. Открыл с неким нетерпением. Что там такое?

Фото. Белая майка на груди, заманчиво обрисовывающая каждый уголок ее тела. Увеличил очертания груди — возбужденные соски проглядывались через ткань, призывая к решительным действиям. А именно задрать майку и облизать предложенную красоту. Шортики джинсовые, расстегнутые приспущены вниз, приоткрывали вид на белое белье. Пальчики одной руки девочка держала, как раз, возле молнии шорт. Очень приглашающий кадр.

С намеком, готова впустить в себя? Лицо стыдливо скрыла кистью. Шея и губы — единственные видны. Плохая девочка, нужно больше. Больше...больше.

***

Я боюсь его. Он совершенно не управляем, не читаем. Съехавший с катушек придурок. Я была глупенькой дурочкой, согласившись поехать в Белесье, не задумывалась о последствиях. Вела себя как обычно, в теле Анны Вильмонт, это и сыграло со мной злую шутку.

В груди зияла дыра, которую заполнил яд сожаления и вины. Мой глупый, наивный поступок стоил жизни человека, ни в чем неповинного. Повинен только в том, что познакомился со мной и помог, когда сильно нуждалась.

А я сидела в комнате на кровати и не знала, чем помочь Колдуну. Осторожничала, старалась общаться с Бастардами, как можно меньше.

Утром попросила у друга закурить. Кто знал, что Хаски доложат о мелкой, не стоящей внимания детали. Почти не вылезала из общежития, прекратила общаться со всеми, кроме соседок.

Сидела здесь и без устали жалела себя. Себя любимую. Опять мой эгоизм. И думала, с том, как мне плохо.

Мне. А не Ивану.

Он больше не будет никогда сидеть на кровати и жалеть себя.

Царапала кожу на руках, коленях, образовывала красные борозды, таким образом пыталась отвлечься от бури внутри. Что сделать для спасения Колдуна?

Почему наследник пристал? Почему давил посредством других. Причинял боль другим,

желая ударить в первую очередь меня?

В своей жизни видела многих Аристократов, но никто не был настолько черств, сух к чужим мольбам. Никаких запретов не существовало для Дмитрия, лишь его желания — закон.

Жалеть могла себя долго, но Колдун находился в чужих руках несколько часов и только всевышние силы знали, что чудовище могло с ним сделать. Телефон Хаски заблокировал. Идея пришла найти Аристократа в Клике.

Аккаунт пришлось завести, немного провозилась с оформлением. Нашла наследника достаточно быстро, ни с чьим не спутаешь этот взгляд, как тогда... когда умоляла остановиться — не убивать Ивана. Нахмуренные брови, взгляд с высока вниз на нас верных рабов, упорство в массивном подбородке.

Мои слова — пустой звук. Мольбы, стенания, плач — все эмоции вызывали в мужчине холодное блюдо равнодушия.

Минут десять ждала ответ на вопрос «Что он хочет?». Молчал, может поздно? Сильнее начала царапать кожу рук и шею раздраженно. Аристократ прислал сообщение с предложением догадаться.

Что ему от меня надо? Унижения? Пожалуйста. Мольбы? Пожалуйста. Но я больше не хочу быть виновницей чьей-то боли. Мысль закралась ползучей гадкой змеей.

То, что отвлечет его, то, что меня унизит, а его завысит. То ради чего, он продолжал все это — унижение меня, пожалуйста. Я готова.

Отошла на кухню, у нас там неприкосновенный запас алкоголя. Сто лет не пила подобных высоко градусных напитков и налила большой стакан горячительной жидкости. Выпила, надеясь что не переборщу, и не станет тошно. Уже тошно, горечь во рту от осознания того, что буду делать и перед кем.

В комнате — никого: Волчица на работе, Маша с Кристиной в библиотеке готовились к реферату. Я — одна в общежитие.

Защелкнула дверь на замок в комнате на всякий случай. Одежда? Одежды минимум. Отворила дверцу шкафа, позаимствовала у Маши вещи, не обеднеет. Шорты джинсовые, самые что ни на есть мини-мини. Ткань до конца не закрывала ягодицы, приоткрывала кожу. Майка белая обычная, давно в таких не ходила с тринадцатилетнего возраста, как грудь появилась. Сойдет. Кровать. Покрывало.

Бастард, Хаски, подери!

Как остро ощущалось и трение покрывала под кожей то, что он увидит фото. Будет рассматривать мое тело и делать какие-то выводы. Не хотелось признаваться, но эта мысль заставляла тело через чур изящно выгнуться, грудь приподняться возбужденно навстречу его взгляду. Напрячься соски. Рука сама медленно скользнула к шортам, к замку, медленно повела вниз бегунок, чуть-чуть опустила ткань.

Сфотографировала, закрывая глаза ладонью. Сердце сильно забилося, нервно. Лица не видно, то, что нужно. Ни минуты не медлила отправила в личное сообщение, а то бы передумала.

Понадеялась, что своим друзьям не даст посмотреть и поржать над Ананиной, но я к этому готова. Пусть моя гордость сломлена, но смертей большей не хочу. Ему нужны унижения? Будут унижения...

Запиликало сообщение призывно на экране.

— Эй... Ананина... я хочу тебя, — мне показалось, я расслышала этот тихий тембр

голоса на ухо. Он говорил тихо-тихо, медленно, чтобы я поняла и приняла этот момент. Я его ощущала волной дрожи по всему телу, фраза блуждала эхом везде, в самых сокровенных уголках.

Теплое дыхание мужчины чувствовала рядом слышала слова здесь со мной. Будто я была не одна, а с Хаски вместе...

Глава 35 "Договор"

Глава 35 "Договор"

В 34 главе, где Хаски в стрип-баре я оказывается кусочек пропустила. Курсивом выделила.

Дальше у нас секс на сексе. Через него пыталась показать эмоции и отношения между героями.

К тому же, пока можем наслаждаемся, потому что во второй книге секса нет.

Приятного прочтения. Надеюсь, не разочарую, но дальше скажем так...для меня жесткач. Для вас-увидим.

***

Я боялась его приезда.

Мне три раза в жизни признавались в любви, серьезно, не банальные фразы — подкаты, а настоящие, искренние слова о симпатии.

Неподалеку от дома в Герберте находился интернат с Бастардами, мы с опаской всегда проходили, слыша неприличный свист из-за решеток огороженного серо-каменного, унылого здания.

Мальчики пялились на девочек — Аристократок и громко обсуждали нас. Ну ладно, не нас, а мою старшую сестру с подругами, потому что я тогда была плоской, маленькой девочкой и чтобы на меня позариться надо быть совсем лишенным женской ласки страшилищем.

Как не странно, в один день из-за решеток позвал юноша поговорить, чуть старше, лет четырнадцать-пятнадцать. Общение происходило через железные кольца забора.

Мальчик признался при всех в любви, так и сказал:

— Ты очень красивая, — при этом смущенно теребил рукав куртки. — Я давно за тобой наблюдаю. Каждый раз прихожу посмотреть на тебя.

— Посмотреть? — удивленно вырвалось в тот момент.

— Ну да. В одно и тоже время у тебя заканчиваются уроки, — вместо приятного ощущения пробрал озноб. Стало неприятно от мысли, что за мной следили. — Я кажется влюблен в тебя...

Наверное, это было нервное. Как я могла маленькая девочка по-другому отреагировать? Нервно рассмеялась и сказала, что такая как я никогда не обратит на него внимания и папа ему устроит сладкую жизнь, если тот не перестанет пялиться.

В результате, где-то через месяц я получила добротный урок на всю жизнь — следить за языком и не оскорблять малоизвестных людей. Бастард каким-то образом покинул пределы интернаты и подкараулил в дождливый день в темном переулке.

По несчастью и по детской глупости кольцо с Кириллом забыла в шкафчике школы. На всегда под грудью остались четыре маленькие, светлые дырочки от кастета. Чтобы я делала, если бы папа Шмонт — дядя Иосиф не спас в тот день, боюсь подумать.

Второй раз в жизни признался в любви одноклассник — Костик Нестонт, не наследник фамилии. Смеяться в этот раз не стала, пальцем покрутила возле виска, мол хватит выдумывать. Мы как бы с ним хорошо дружили, но любовь, какая там любовь? Грешно Костика рассматривать, как молодого человека, он — дурачок. Весельчак, дурак. Это как с плюшевым мишкой, мягко, тепло и весело, но куда с ним целоваться?

А вот третий раз, когда признались в любви я ощутила, что-то похожее на счастье. Теплые лучи этого чувства озарили мое лицо, заставили улыбку засверкать на поверхности, руки послушно распахнуть навстречу Леньке и прижаться в его теплые, спокойные объятия, которые, как щит последние несколько лет защищали от всех бед. В тот же момент я с легкостью тоже произнесла эту фразу, легко, как будто так и должно быть.

А теперь я лежала в кровати другого мужчины, и не в силах изменить что-либо готовилась отдаться ему. И прекрасно понимала, что этим самым сейчас перечеркну оставшуюся жизнь по диагоналям, никогда больше не смогу легко и без скрипа совести произнести эту фразу своему молодому человеку.

Прости, Лёнь, как бы я хотела сейчас прижаться к тебе, ощутить тепло глаз на себе и эту открытую улыбку.

Но этому не суждено сбыться, вместо этого куталась в чужом одеяле, достала из шкафа. Засни, Аня, засни. Настойчиво закрывала глаза и пялилась в подоконник, сквозь стекло виднелся фонарь, освещавший улицу. Только бы заснуть и перестать бояться приезда. Сердце колотилось от страха, его подгоняли палками.

Отпущенные дни закончились, настало время расплаты.

***

Приземлился в час ночи и первым делом отправил сообщение.

«Прилетел. Через час буду»

Наконец-то.

Расслабился. Столь долгое предвкушение, которое торнадом гоняло мысли последние несколько дней, завибрировало по максимуму. Зазвенело в ушах. Еще совсем немного, самую малость и цель будет в руках. Нетерпеливо подхватил спортивную сумку из багажного отделения и закинул за спину. Теплая ночь, а скоро будет жаркой.

Дорадо вылетел от Баллийцев по делам. Трески и Вильмонт спустились по трапу вслед, не так спешили, как я, плелись в развалочку. Знатно жужжали над ухом и не давали сконцентрироваться над работой в процессе перелета. И наконец, готовился избавиться от них.

Тяжелый человек Макс, не знаешь, что от него ожидать, непредсказуем. То улыбался как debil, то голодным львом на всех бросался и на меня иногда огрызался.

— Я поехал. Не буду вас ждать! — отсалютовал двумя пальцами. — У меня дела...

— Ага. Знаю твои дела! — перекрикнул насмешливо шум двигателя самолета Трески. — Шпилить Бастарда?

Стукнуть, что ли? Отвернулся и пошел в сторону застекленного помещения зоны прибытия.

— Какого Бастарда? — очень тихо, но расслышал любопытный голос Вильмонт.

— Да есть тут одна! — еще более насмешливо повторил Макс. Не оборачиваясь, поднял правую руку сжал четыре пальца в кулак, только один средний палец отогнул.

Трески ржал как человек, употребивший очень много психотропных средств для поднятия настроения.

— Влияние Ананиной на тебя губительно! — продолжал стебаться Макс в спину. Идиот.

Машина ретс обнаружилась припаркованная на стоянке перед аэропортом. Запах теплой нагретой за несколько дней кожи в салоне. Неприятный воздух не проветриваемого помещения, пыли в кондиционере.

Машинально вздрогнул при воспоминании об Ананиной в этой машине. Последний раз, как съездила с оттяжкой. Мощно. До сих пор рефлекс остался следить за чужими коленями в непосредственной близости.

Оглядел голубой сапфир на правой руке. Снял медленно кольцо, взял тремя пальцами и протянул над пустым, соседним креслом.

— Что разузнал? — спросил у воздуха, который стал рябить, исходить прозрачными волнами. Двигаться, приобретать медленно цвета, форму. Лицо, лысый череп, переломанная перегородка носа, шрам от левого глаза, уходящего вниз до подбородка.

В серой пятнистой форме КМД — ник, сложив руки, сидел на пассажирском сидении. Потом протянул ладонь, принимая голубое кольцо, сжал в пальцах и стал греть холодный металл.

— Ничего. Быстро обнаружили, — ответил Руслан — личный охранник с рождения.

— Кто засек? Младший Барс? — юнец предал или же нет?

— Нет. Охранник политика, Барс младший взялся передать вам кольцо лично.

Значит, не предал и это хорошо.

— Что-нибудь разузнал интересного?

— Слышал несколько фамилий, с кем политик и Барс старший вели переговоры, ничего более.

— Видео оставь мне и отцу, — отдал приказ и протянул руку вверх ладонью. Кольцо удобно легло на теплую мякоть, и я его одел вновь на мизинец правой руки.

Справа — больше никого не было, пустое, одинокое кресло.

Завел мотор автомобиля. Мой «мотор» давно заведен. Улыбнулся отражению в зеркале заднего вида. Фарами осветил припаркованные автомобили и покатыл по аккуратному дорожному покрытию. По автостраде, к университету.

***

— Доброй ночи, чужестранник! — Польски сегодня не один в зале. Быстро поднялся с дивана, опуская руку с плеча девушки. Та тихо сидела, пока мужчины обменивались рукопожатием.

— Ананина здесь? — я заявил первое, что интересовало. Она не ответила на смс час назад, когда приземлился, а я велел ей ждать здесь у меня в кровати.

— Наверху, — Санек кивнул в сторону лестницы сзади. — Вечером пришла. Может заснула? Не успел вернуться, не поинтересовался, как наш любимый «контракт» поживает? Слышал, опять пулю пустили охраннику на мосту?

— Слышал, — медленно разуваясь, ответил. — Что поделаешь, если охранники не способны защитить сами себя.

Мост, соединявший Арзонт и будущий остров X и W, постоянно подвергался незначительным предупреждениям от недоброжелателей. То склад взорвали, то охранников подстреливали. Постоянные домогания. Не зря Вильмонт сделал вывод, что кто-то мешает вести общие дела, угрожал, предупреждал, но не устранял. Кто этот третий? Барс старший? Нет. Не смог бы провести махинации с границы, кто-то суфлировал здесь...

Польски отступил с заметными раздражением назад на диван к девушке. Отчетливо, видимо понял, что с ним вести разговоры не собирались.

— Понял, понял, тебе не мешать. Виталика нет, я так уж и быть тоже свалю, — Санек приглашающе кивнул новой пассии в сторону двери с фразой. — Пошли.

— Ты очень понимающий друг.

— Еще бы, — хлопнул дверью недовольно Польски. Интересно, дела с Бастардом Иваном прикрыл? Или мне готовить задницу в тюрягу?

В коридоре на коричневых, крашенных стенах горел свет от бра, который помогал ориентироваться в пространстве. Легкими шагами двигался в направлении двери — второй слева. Достаточно тихо, телевизор не слышен, время близилось к двум ночи. Неужели уснула?

Дверь открыв, заметил укутанное в одеяло тело, головой отвернутое к окну. Лица не видел, плюс темнота. Волосы укрывали сзади, но каким-то шестым чувством понял, что девушка не спит, хоть и достаточно тихо открылась дверь. Ананина напряглась при моем появлении.

А я расслабился. Торнадо успокоилось внутри груди, осело приятным теплом. Почти равнодушно отвернулся от лежащей девушки. Долго будет притворяться? Сумку с вещами скинул с плеча и отставил справа от двери, ближе к ванной комнате, возле тумбочки. Там не будет мешаться. По идее, надо освежиться.

Запах Ананиной в комнате. Ее женский запах: это не духи, это тело, волосы, шея, бедра. Вкус темноватой, гладкой кожи. Это ее запах, который с некоторых пор стал знакомым, легко определяемым, если приблизиться на расстоянии метра. Странная особенность Ананиной.

Прошел аккуратно по ковру к кровати. Добыча в моей постели, готовая к употреблению, что еще могло высвободить торнадо из глубин, где казалось недавно успокоилось. Наклонился к ушку будущей любовницы.

— По счетам будем платить? Или передумала? — спросил, руку положил рядом с ее плечом и спиной. Покрывало смялось под давлением.

Ананина медленно легла на лопатки и подняла взгляд. Как у зверька, затравленный, испуганный, но надо отдать должное, приподнялась на ладонях и сама поцеловала. Хороший ход.

Обняв за голову потянул на себя добычу, поглаживая пальцами жестковатые, светлые волосы.

Вторую руку отправил туда, куда долго стремился и не мог добраться — по ее же вине.

Моя. Каждая частичка ее тела — теперь моя. Волосы, которые гладил. Глаза — с гневом, взиравшие открыто. Губы, которые терзал, как дикарь, забывший о прекрасной женской ласке.

Бедра — грубовато задернул подол сарафана, прихватывая за округлые ягодицы девушку. Ближе подвинул, как можно ближе, пусть отдаст во власть, в подчинение свое тело.

Ананина послушно встала на колени в кровати. Быстро подхватил и усадил на свои бедра. Хорошая девочка, погладил пальцем по губам, мягким, влажным от поцелуя. Провел языком медленно, наслаждаясь вкусом и запахом Ананиной. Сначала по верхней, потом по нижней — пухлой, сладкой губе. Изысканный фрукт, что непременно надо вкусить, чей вкус не в силах забыть несколько недель.

— Пойдем купаться? — прошептал на ушко, убрал мешающие пряди волос. Там скрывалась прелестная шейка и ямочка, которую можно поцеловать и услышать, как Ананина вздрогнет и вцепится в плечи. Запомнил эрогенную зону. Слишком сильно добыча реагировала на ласки возле шеи в ту ночь в Белесье.

Ананина задрожала, когда лизнул шейку. Такая страстная в проявлении эмоций, не наигранно, не преувеличенно кричала, как некоторые любовницы. Наоборот, иногда кусала

губы, чтобы не всхлипнуть. Миленькая девочка.

Захотелось погладить ее вновь там, где мог до конца осознать жаждала она меня или нет без афродизиака? Аристократки редко бывали настолько влажными. Приятная неожиданность — думал, это преувеличение, но нет. У Аристократок болевой порог выше, с ними приходилось стараться, десять минут обязательное условие предварительных ласк, в противном случае — будешь трахать наждачку.

Ананина от пары прикосновений стала влажная и явно готовая принять. Это наполняло уверенностью и желанием изводить девушку дальше и сильнее, доводя до преграды.

Почему она отказывала в удовольствии нам обоим? Неужели из-за тупого кретина Ивана? И все? Глупый мальчишка — Бастард? Жалкая помеха... Поздно о нем вспомнил, а то бы раньше убрал.

Какая тихая Ананина, на приглашение в душ не ответила.

— Язык проглотила от радости, пусти его вход, — на девичей шее выводил небольшие зигзаги, прислушивался к биению жилы, намеренно проводил по ней, чтобы ощутить бешеный пульс. Руки положил аккуратно на талию и на плечо Ананиной.

— Заключим договор, — оторвал губы и язык от девушки. Я ослышался? Глаза зверька необычно горели, темно-голубые, похожие на мои уверенные и не отступающие от цели.

— Договор? — смешно невольно от серьезной Ананины. Взяла и встала с моих коленей на паркет с важным видом, руки под грудью скрестила.

— Я сплю с тобой... — начала она, на что я резко перебил с насмешкой:

— А я с тобой...

— Я серьезно, — нахмурился мой приз, а мне стало вдруг непередаваемо весело, радостно. Постарался скрыть улыбку.

— Ну и?

— Если хоть один Бастард пострадает от тебя... — важно грозила указательным пальцем.

— Без надобности твои Бастарды. За людей их не считаю и никогда не трогал... — скептически посмотрела на меня. — Ну...если глупить не будешь и злить, то и я не трону никого.

— Пообещай, что остальным не дашь нас обижать? — Ананина неуверенно прикусила нижнюю губу. Умоляю, заканчивай бесполезный треп и позволь самому покусать твоё тело.

— Предполагаешь я способен тысячу человек контролировать? — спросил недовольно. Член-то давно стоял и требовал разрядки немедленной, а меня заставляли разговаривать.

— Они тебя боятся. Пообещай? — попросила. Ох, ладно, ладно, с девушкой никогда не заключал договора.

Легко встал с кровати и приподнял над полом ношу мягкую и аппетитную.

— Обещаю. Пойдем подписывать контракт, — девичьи бедра прижал к торсу, Ананина обхватила ногами за туловище, как удобно ее таскать однако.

Ее лицо напротив, прекрасное лицо. Не уставал любоваться глазами, которые смотрели куда угодно, но только не на меня, губами, изредка поджимающимися от недовольства, кожей невероятно притягивающе-нежной.

Какая маленькая девочка — почти четыре года разницы. Я совращал без пяти минут девочку, правда чихать на возраст.

Цель перед глазами. Анна — источник слепящего возбуждения, от которого силы бурлили фонтаном. После той ночи в Белесье, дня два ходил заряженной энергией,

периодически огнем палил особо достающих особей. Когда эмоции выходили из-под контроля энергия буйствовала у всех людей. Совсем позабыл о сне на два дня.

Ананина глаза отводила на уровень шеи или куда-то в бок. Что за выкрутасы? Тоже не любитель много говорить, я человек действия. Разговаривать не любил. Любил действие — то есть, секс, остальное могло подождать.

— Раздевайся, — скомандовал в ванной комнате. Мы в отражении белого кафеля по периметру помещения.

Послушная девочка раздевалась под внимательным взглядом. Это Ананина? Послушная Ананина? Во взгляде пустота. Игнор? Объявила бойкот? Ну что ж, пускай, тело от этого не станет менее сладким.

Помочь с нижним бельем посчитал за необходимость и непосредственную обязанность. Оторвал пальчики, которые потянулись к застёжке лифчика. Подошел сзади, повторил контуры тела девушки. Правой рукой ухватил за чашечку или лучше будет сказать за грудь, второй — щелкнул застёжку. Легко бюстгалтер упал на холодный, белый кафель, на нем спокойно можно разглядеть очертания друг друга.

Освободил девичью грудь и выглянул из-за плеча. Какая-то у меня слабость к ее груди. Обхватил двумя ладонями, мягко сжав, как сердце ее забилося в ладонях. А уж ее моментальный произвольный отклик, когда Ананина спиной нехотя ударилась об мою грудь. Тем самым дала понять, что потеряла контроль над телом. Как плавно глаза моей желанной добычи закрылись под наплывом возбуждающих волн.

При свете лучше иметь Анну в своей власти. Эмоции перед глазами. Опустил руку по ее животу вниз. Ниже... ниже... почувствовал кончиками пальцев аккуратные волоски на уровне бикини. Провел по нежной коже, чувствуя напрягшиеся мышцы, наконец, с легким неконтролируемым вздохом ухватил девочку между ногами. Скользнул пальцами по складкам, влажным и ароматно пахнущим. Запах возбуждения ощущался в ванной комнате.

Как животное, дышал им, предвкушал ощутить на губах, на языке, на теле, окунуться в водовороте, можно и утонуть в нем.

Ананина проиграла на секунду, потому что произвольно вобрала воздух в легкие и ухватилась за мою руку, которая игралась с ней. То ли хотела остановить, то ли помочь. Ммм. Пусть поможет.

Обхватил маленькую ладошку и повторил движение теперь девичьими пальцами внутрь глубоко. Почти не сопротивлялась, удивилась немного, растерялась. В некоторых вещах она невинной казалась.

Смотрел на лицо из-за ее плеча, но любовница предпочитала закрывать глаза. Щеки порозовели неожиданно, сама невинность, подумал бы, что невинна, но нет, девственницей Ананина не была.

Что за урод порвал ее?

Успела мелькнуть раздраженная мысль, отчего другой рукой резко приподнял подбородок Ананиной, запрокинув голову.

Целовал и целовал податливые губы, пока их пальцы доводили девочку до некоего порога, когда прекратит строить из себя великомученицу.

А Бастард подери, не выдержал! Десять дней без секса — это предел. Бедрями подпер к ванной, от неожиданности маленькая перестала себя ласкать, надавил на ее затылок. Привлекательный вид сзади, провел по позвонкам, пальцем, спускаясь по упругим ягодицам. Ухватил за полушария, примеряя на ладони. Раздвинул.

Ананина уперлась ладонями в ванную, но пикнуть не смела против. Член в сотый раз похоже за сегодня дрогнул в спортивных штанах. Приспустил ниже бедер ткань мешающей одежды и головкой уперся во влажное лоно, готовое принять меня стопроцентно.

Давно представлял в мыслях, особенно последние дни прокручивал, как медленно буду вновь наслаждаться, мать — за ногу, ее похотливым телом. Наслаждаться нервными вздохами, рванными вздрагиваниями.

Скользкая, жаждущая, нетерпеливо сжимающая плоть. Сначала пальцами раздвинул бархатные складки, удостоверившись, с какой силой сжимала мышцы от желания Ананина. Прекрасная девочка, машинально скрутил пышные волосы, обматывая вокруг правого кулака.

Одновременно сильным толчком ворвался внутрь ее тепла, и потянул пряди на себя. Анна прогнулась по возможности сильнее в спине и не удержалась, вскрикнула, когда я твердо до упора ворвался в нее, давя всем весом. Действительно немного маленькая, учитывая, что Анна невероятно возбуждена, но по-прежнему сильно сдавливала.

Заставляла самого сжимать зубы, лишь бы не кончить всего с одного захода.

До чего же ахуен...ое ощущение трахать Ананину. Отступил назад, полностью выходя из нее, на что она промычала неудовлетворенно.

— Не строй из себя равнодушную — не выйдет, — кулаки непроизвольно сжала, которыми упиралась в ванную передо мной.

Потянул волосы на себя еще ближе, языком обводя трепетно бьющуюся жилу. Хотелось как зверю вцепиться в шею добыче.

Член пульсировал, как сумасшедший от желания излиться. Вновь с рывка вошел сильнее, придавливая Ананину к ванной, придержал тело, которое готовилось перевернуться от напора вперед. Опять девочка застонала от боли, шикнула, как раненный зверек.

— Больно, — прошипела все-таки еле слышно. Бархатным голосом, мягким нежным. Как не сойдешь с ума? Мимо ушей прошли мольбы, выкинул из головы ненужным мусором. С такой же дикостью и также глубоко врывался в нее, как варвар, чувствовал вздрагивания, когда слишком сильно давил внутри. Но не останавливался, не прекращал.

Получал извращенное удовольствие от беспомощности девочки в объятиях. Пальцами легко сдавил грудь, мягко улегшуюся в мои ладони, большим и указательным пальцев потер напрягшиеся, возбужденные соски. Как Ананина вздрогнула, как сладко простонала едва мне не на ухо. Триумф победы, гонг, когда слышал эти сладостные звуки. Словно Ананина проигрывала в эти моменты, а я наслаждался победой и эротичными звуками. Быстрее. Хотел, чтобы и она кончила.

Пальцы в рекордные сроки довели до оргазма Анну — всего пару поглаживаний. Она в такие моменты не могла контролировать себя и какое удовольствие доводить ее до такого состояния, когда колючка Анна Ананина сильно вздрагивала и постанывала в моих руках.

Пока прошел собственный оргазм высунул член, развернул Ананину к себе лицом, настолько удивленного, испуганного лица не видел даже, когда вошел в комнату. Удивлена собственным откликом?

А мне хотелось зацеловать моего Бастарда до полусмерти, пока не покинут ее силы кончать.

— Ночь только начинается, — прошептал во влажные, припухшие губы. Сегодня необходимо еще пару — тройку раз довести ее до этой умопомрачительной грани, чтобы она задыхалась от возбуждения.

Глава 36 "Бриллиантовый ошейник с шипами"

Глава 36 "Бриллиантовый ошейник с шипами"

Я отпустила гордыню в далекое странствование, положила на колени перед мужчиной самолично и поэтому в горле жила горечь. Нонесмотря на этосмоглаотделить прошлую я и сегодняшнюю.

Волосы вытирала на сухо полотенцем. Хаски спустился вниз на кухню, а я заняла ванную, чтобы отдохнуть от всех частей Аристократа. Все бедра ныли, как будто какой-то садист-извращенец долго и упорно насиловал с особым рвением и скорее всего пилочкой для ногтей или пилой. Скорее пилой, по габаритам больше, чем пилочка.

Среди ночи, только я вознамерилась поспать, но позади мужское тело не желало успокаиваться. Глаза прикрыла, чтобы отвлечься от блуждающего в крови адреналина, удовольствия, будто недавно избежаланесчастливого случая и была рада до трясучки в конечностях, что осталасьжива.

— Эй...Ананина... — он ниразу за время общения не назвал Аней. Для него вечнс Ананина, к слову я тоже не разбрасывалась — называла всегда пренебрежительно Хаски. Он и есть Хаски. Больной на голову Хаски.

Почувствовала еще ближе мужское тело сзади, хорошо простынкой прикрылась и не остро ощущала присутствие. Шершавую руку Хаски положил мне на талию, но погладил аккуратно.

— Что? — спросила, но глаза не открывала, очень хотелось спать. Меня измучили, высосали энергию, готовилась отключиться.

— А кто тебя порвал? Этот твой жених? — перестало хотеться спать, как рукой сняло. Развернулась на лопатки, Хаски сбоку на одном локте голый, в отличие от меня, лежал на боку идолго смотрел, в ожидании ответа. А у меня губы не двигались и язык предпочитал улечься и не шевелиться.

— Еще бы раз убил, — услышала сзади.

— Ты больной! — вырвалось, прежде, чем поняла кому и что говорила. Приподнялась в кровати, на груди придерживала легкую простыню. — Это тебе кто-то мозг порвал в детстве или выковырнул из черепа. Как можно настолько равнодушно относиться к жизни, пусть и Бастард, но ты отнял...

Левая мужская рука надавила на ключицу, заставив упасть на подушку спиной, очень близко от шеи, будто с намеком. Я замерла, машинально руки сонула в локтях и распласталась. Восстанавливала привычное сердцебиение.

Мужчина схватился за краешек простыни, скрывавшей моетело, и мягко повел вниз, опустил до середины бедер.

Неожиданный порыв испугал.

— Не стоит говорить о нем так, мне хочется сделать что-то очень плохое, — скупо произнес Хаски.

Подтянув тело выше к изголовью, поудобнее устроился мужчина. Его левая рука, та что лежала на ключице медленно передвинулась ниже. Невероятно теплые прикосновения, пальцы намеренно прочертили линии на груди, очень аккуратно задели напряженный сосок и плотнее обхватили всей ладонью податливое полушарие груди, покальывающее от напряжения. Вторая рука правая льдом коснулась ниже пупка, отчего мышцы скрутило внизу

живота, а грудь еще сильнее подалась на встречу ладони Хаски.

Мужчина обвел маленькие усики бабочки по контуру едва заметно, но льдинки я прочувствовала. Обвел маленький рисуночек, который я делала не для него. Я делала его для Леньки на свое последнее День Рождения, хотела удивить любимого, а он не увидел. Небольшой рисуночек было легко поддерживать в первоначальном виде, сама не знала, зачем сохранила. Хаски самозабвенно водил по этим контурам, гладил аккуратные линии, по тельцу маленького насекомого.

— Ножки раздвинь, — приказ прозвучал, но что странное эти его приказы были особенные, с хрипотцой в голосе, будто он заболел в этот момент или ему больно. Видя, что замедлила с исполнением Хаски рукой раздвинул ляшки в разные стороны, заставив по максимуму освободить место, и только потом поняла, что для него.

Подал вес тела на ладони с этим немигающим темным взглядом, будто готовился ударить в самое больное место, но всего лишь спустился вниз по кровати. Мышцы игрались на его плечах, я прикрыла глаза, видя как любовник наклонился, с любопытством рассматривая мои распахнутые бедра. Слово зверь лизнул языком, облизал всю мою влажность, пробуя на вкус, я слышала как шумно вдыхал воздух повторяя маленькие но глубокие слизывания. По всем самым откровенным частям водил языком, заставлял загораться сильнее и мечтать о большем. Ощутить и внутри себя скользкие прикосновения.

И я дождалась. Язык как можно глубже раздвинул вход во влагу, куда он всегда стремился попасть, а теперь настойчиво оставлял будто свой вкус, напоминание. Будто клеймил, как самец самку.

А когда терпеть и изнывать стало невозможно, подхватил меня под коленями, и даже без рук смог с легкостью ворваться внутрь моего тела, настолько я была влажная и податливая для его действий. Хотелось сдохнуть, от позорного осознания.

Пыталась закрывать глаза и представлять образ Леньки, хотела, чтобы он меня брал, чтобы он так глубоко врывался в меня и ловил мои стоны. Но внешность любимого расплывалась как зажеванная пленка. Я не могла вспомнить его черт.

Здрав бедра Хаски начал глубокие, очень уверенные движения. И с каждым толчком внутри я словно слышала слова — подтекст.

До самого края впился внутрь моей жаждущей плоти, заставив схватиться за краешек подушки. Здесь

Отодвинулся, вышел полностью и вновь с легкостью прошел внутрь. Должен

Вышел вновь полностью, всей длиной члена провел по внутренним складкам, мокрым, страстно реагирующим на поглаживания. Быть.

Отвинул и несознательно под воздействием силы припечатал меня выше, заставив головой упереться в изголовье кровати. Только.

И на финальном толчке излился в меня. Я

Здесь. Должен. Быть. Только. Я

Держал меня приподнятую чуть выше кровати за ляшки, полностью в его власти. На груди любовника блестела цепочка, а капельки пота заливали его лоб и шею. Мужчина хрипло и глубоко дышал, восстанавливал ритм.

Он всегда уверенно дышал, никуда не торопился, а со мной — всегда торопился, и действовал как-то не обдуманно, эмоционально не стабильно. Хаски был такой спокойный, адекватный, немного милый на этих горках, я поверила, что он тот человек. Но, к сожалению, после отказа я познала вторую его страшную сторону. И она ужасна рядом со

мною.

Вернулась из глубин памяти.

Вздрыгнула от внезапного сквозняка по обнаженным позвонкам спины. В проеме приоткрытой двери стоял и смотрел Трески, пальцами постукивал по дверному проему. Улыбался и очень увлеченно рассматривал мое тело от шеи и ниже. Полотенцем быстро прикрылась и взвизгнула в полноту легких, будто жизнь зависела от того, насколько сильно закричу.

— Ой, не ори только, — недовольно прикрыл глаза и уши этот «человек». Не торопился исчезать.

— Пошел вон! — заорала на все помещение, указывая тому за спину в комнату Хаски. Пусть исчезнет, растворится.

— А если не хочу... — ладони убрал от ушей и плечом разлегся на двери, продолжал осмотр. Сзади меня, ведь нет зеркал, а то набросила полотенце спереди на тело?

Дверь в комнату открылась позади Трески и в нее ворвался, как порыв цунами Хаски, а за ним чуть медленнее вошел Польски.

— Что здесь собственно...? — Александр оглядел меня и обстановку возле, расстановку сил на поле боя. Дмитрий и слова не озвучил.

— Хаски, какого Бастарда этот имбицил пялится на меня!? — взвилась я на первого попавшегося. Он в ответе за них и правильно начала на него материться. Дмитрий взял за шкуру, как плешивого котенка Макса, и вытащил за дверь, Польски следом послушно исчез и прикрыл выход.

Через день после этого мы и переехали к Хаски на квартиру в город.

Это место. Никогда не думала, что окажусь здесь. Работа его матери. Выдающийся архитектор, ее дома созданы по всему миру, у нас в Герберте тоже. И Хаски ею гордился, это поняла со временем. Единственное существо, о ком тепло отзывался, на кого не повышал голос, а неизменно разговаривал вежливо.

После университета каждый день следовала сюда, в его дом в необычной форме, как пианино, или похожее на округлую летающую тарелку. А какой вид, на все красоты Арзонта! Здесь зеленая парковая зона.

Хаски никогда не жил в этом доме на постоянной основе, разве что на несколько дней оставался с ночевкой, как поведал Виталик в самом начале при переезде.

Для меня Хаски был деспотом, никогда не встречала подобных упертых мужчин.

Сильный? Сильный не спору, таскал как добычу везде и всюду. Сексом очень любил заниматься стоя, подпирая к стене, буквально впечатывал в нее. Зачеты помогал сдавать, с преподавателями договорился. Покупал вещи, всякие безделушки.

Мне!? Анне Вильмонт мужик покупал вещи! Теперь я в трусах с этикеткой «Х»!

Это начало списка тирании. За несколько недель Хаски ниразу не поехал в командировку. Ночи проводил дома, со мной в обнимку, а я те моменты отмахивалась мыслью, что это не я, а другой человек в моем теле.

Аристократ повесил поводок, хоть и красивый с бриллиантами, но с шипами. Едва делала шаг не правильно, иглы впивались в шею.

Приказы были повсюду, а я не привыкла к ним, ненавидела.

Душа бунтовала, гремела, буйствовала в бессилии, но я терпела. Когда-нибудь уйду навсегда или надоем, но с каждым днем сомнения терзали сильнее, будто назло мужчина приближался ко мне. Завтракал в обнимку с моей грудью, вдыхал носом мой запах, сажал на

колено и нюхал, нюхал, лапал, лапал.

В самом деле, как тигр ходил вокруг и облизывал. Станный ты, Хаски. Неужели по-другому с девушками не умеешь общаться? Лишь посредством силы и приказов? А уважать умеешь, слушать, ценить, ухаживать?

Правда, о чем речь?

Если бы тыне был сволочью, я бы, наверное, повелась на тебя... совсем капельку, наверное. Если бы не было всего этого... твоих унижений, насилия.

***

Чтобы как-то отвлечься, чем развлекалась? Правильно — тем, чем сто лет не занималась. Находила в интернете рецепт ужина и пол дня готовила. Нет, я не старалась для Хаски и в мыслях не было, просто таким образом летели быстрее дни, которые находилась в заточении и сокращался срок до вызволения из тюрьмы в облике Ананиной.

Немного необычно готовить для него.

Приближался стремительно Новый Год. Сегодня время за готовкой пролетело не заметно. Возле рабочей поверхности стола, сделанного уголком вздрогнула, когда услышала хлопок двери.

Пришел с работы. Этот звук всегда выбивал из колеи. Нож промахнулся мимо огурцов, которые дорезала в салат и чуть-чуть не задела кожу большого пальца, попала по ногтю, оглядела со всех ракурсов. Палец жив.

Шаги отдавались в груди гулко, звонко, будто по сердцу топтался тяжелыми башмаками. Аристократ не здоровался никогда. Только так. Его руки проскальзывали под моими и обнимали, на животе скрещиваясь. Не боялся, что порежусь.

Нож отложила в сторону. Ладонь Хаски всегда наглена, устраивалась поудобнее на моей груди, поддерживала, а большой палец поглаживал, проверяя наличие лифчика или его отсутствие. В лифчике, но ткань все равно кружевная и грудь мгновенно становилась отзывчивой, готовой для новых ласк.

Поцелуй в ямочку под ухом — излюбленная кара в его исполнении. Левая рука перемещалась мне на подбородок и настойчиво приподнимала чуть вправо и вверх.

Не смотри. Не смотри на него. Помнила об этом, но мне и не надо смотреть. Я могла итак чувствовать: что это его руки обнимали, что это его губы терзали, как зверь желанную кость.

Целовал с напором, будто я боялась подумать, поверить в нелепицу. Его одержимость не пропадала, а разрасталась сильнее и мощнее любого шторма. Дмитрий не оставил мое тело и после поцелуя.

— Смотри, — порылся в кармане брюк, задев при этом рукой и достал какую-то вещь. Кольцо!? Вот это новость. Внимательнее присмотрелась, приподнимая мужскую руку к глазам. С любопытством повертела из стороны в сторону.

— Скорпион!? — спросила удивленно. Кольцо с голубымсапфиром вместо глаз. Голубой камень, сомневаюсь, что он купил бы подделку — это их родовой камень.

— Что это!? — с подозрением обернулась к его плечу.

— Не находишь вы схожи чем-то, — подколот, но былой ненависти, как некогда, не почувствовала. Веселую насмешку, поэтому обижаться не видела смысла.

— Вы оба ядовиты, — добавил и взял мою правую руку, рассматривая пальцы. О силы великие! Что за маникюр? Обрубки.

Хаски взял кольцо и попытался примерить мне на средний палец. Маловато.

— Перестарался. Думал у тебя самый маленький размер из ныне существующих... — и тогда скорпиончик нашел прибежище на указательном пальце. Его хвостик обволакивал палец, а клешни смотрели в противоположную сторону.

Я ношу камень Хаски, Вильмонт надела на палец родовой камень Хаски! Папа казнит.

И где Хаски это чудо ювелирного гения откопал?

— Где купил? — не встречала настолько необычных украшений в магазинах.

— У сестры двоюродной. Нравится? — мужчина смотрел мне на лицо. Тяжесть тела немного давила на спину, но это было... наверное, приятно.

Я кивнула вместо ответа, любуясь на украшение. Оно ведь не виновато, кто его подарил и отмечу, что выбирал сам, а не велел кому-то купить. Значит, думал обо мне.

— Кхе! Кхе! — послышалось сзади, на что я встрепенулась. Здесь кто-то есть?

— А да! — Хаски по-прежнему обнимал, но больше не целовал, только раз чмокнул легонько в губы. — Польски со мной.

Бастард подери! Еще этого козла не хватало. Дима отошел, давая возможность вздохнуть. Ушел, а аромат одеколона впитался в ноздри, память сохранила ощущение рук на теле. Ну почему, почему этот человек так будоражил мысли? Почему менял их по своему усмотрению? Жесть. Сейчас бы ножиком потыкать по столу, чтобы скинуть возмущение от собственного тела.

— Ананина, поварешка! — Польски в костюме черном. Где бы записать? Кудрявый баран с нарисованной клоунской улыбкой. — Хозяюшка, ты наша. Не отравишь?

Ему в глаза смотрела сквозь плечо Хаски. Ответила такой же улыбкой, как и у него.

— Очень буду стараться. Можешь в принципе не есть. Тебе пусть твоя очередная длинноногая...леди готовит, — ответила и вернулась к тому занятию, на котором остановилась, на нарезании зеленых ингредиентов.

— Какая разница, какая блядь готовит: длинноногая, коротконогая. Так что давай жрать! — приостановила нож в руках, вновь проглатила жelaющие сорваться с языка слова, а Хаски промолчал, не делал замечаний. Согласен с ним?

Димапошел переодеваться. Польски вышел на балкон, с целью покурить, а я в полном молчании закончила нарезать салат. Поставила на стол.

Как раз вернулся Хаски, Александр не покинул балкона пока, не зашел его друг. Правильно. Так легче нам обоим не видеть друг друга.

В белой футболке обтягивающей и шортах, Дмитрий успел принять душ, волосы завивались после воды. Поспешно отняла любопытный взгляд, пока не застали за позорным процессом подглядывания.

— Готово! Чай там, — показала на стол, где готовились блюда. — Виски сам знаешь где.

Кто знает, что будут употреблять господа Аристократы. Решила уйти к себе в комнату, у учителя есть на сегодня компания.

— Сядь, — вычислил, что собиралась сбежать, пришлось отодвинуть стул и примоститься.

Пульт лежал сбоку стола, взяла и, не спрашивая разрешения, включила. Хоть на что-то отвлечься.

Эти двое пока приступили к трапезе, я ограничилась соком. На ужинающих не смотрела, зато слышала непрерывное бубнение Польски:

— Что за травка? Какая-то хрень. Это не для мужика. Это для животинки какой-то.

Сено бы еще предложила, — я молчала. Собственно, мне все равно будет есть или нет, предпочту, чтобы скрючился с голоду.

— Я это есть не буду. Ананина, слышала, что мужику мясо надо? — проигнорировала вопрос, пытаюсь прислушаться к новостям, а Хаски ел эту травку. Отвлеклась по возможности на новости. Что в мире творилось?

Новости закончились, и я вперилась глазами безотрывно в экран. Реклама купальников известного бренда и там на белоснежных камнях посреди моря валялась в солнезащитных очках моя родная Саша. Все тело загорелое, крупным планом виднелись капельки воды, покрывавшие кожу. Сестра изящно выгибалась, принимая солнечные ванны, лозунг рекламы на фоне, а я как дурочка едва рот не раскрыла. Очнулась, когда Польски воскликнул неожиданно бодро:

— Диман, Саша смотри!

— Очередное нижнее белье? — ответил Хаски как раз в этот момент поднял руку с бокалом сока, и я наблюдала как медленно по его запястью скользнула цепочка тоненькая, по венам, грубой коже. Руки мужчины, когда прикасались ко мне, были очень теплыми, почти огненными.

— Давно ее не было видно на камерах, — услышала замечание Польски и встряхнула головой, прогоняя мысли.

— Слушай, а почему ты ее бросил? — удивился не только Польски с бокалом в руке, но и Хаски, и я своему вопросу.

— Ты сейчас очень опасную тему подняла, — со смешком заметил Польски.

— Заткнись, — глухо пробурчал Хаски, вилокй возвратившись к поеданию пищи. Глядел на Польски, поэтому вероятно не ко мне относился грубый голос, а вот потом повернулся ко мне. — Откуда знаешь?

Думала уже ничего не спросит, но оказывается вопрос не проигнорировал.

— Что знаю? Что ты с ней зажигал? — улыбка никак не пропадала с лица. Дразнить мужчину было интересно. — У меня свои источники...

Хаски не торопился отвечать, рассматривал тарелку.

— У него табу на Вильмонт, — ладонью прикрыв половину лица, шепотом будто на ухо рассказал великую тайну Польски.

— Заткнись, а? — повторил более грозно Дмитрий, а я с улыбкой за ним наблюдала со стороны.

— Что за табу? — любопытство дело тонкое, в конце концов, здесь одна из представительниц этой породы. Мой кошмар не отвечал, вяло скреб вилокй по формору, зато Польски, как говорливая бабушка, понизил голос почти до шепота и выпалил:

— Он и Сашку-то трахнул, чтобы всем доказать, какой крутой и нет у Хаски большой любви к Вильмонт... — на последнем слове, Санек подскочил со скрипом стула по полу. Хаски повторил одновременно маневр, как два дурачка вспетушились, не думала, что увижумучителя шаловливым ребенком, которого дразнили, а он настолько ярко воспринимал подколы.

— Да ладно... — не удержалась от смеха, невольно спрятала глаза на столе и не могла перестать хихикать. — Ты заморачиваешься из-за этих слухов?

Забыла, что не надо смотреть на мужчину, встретила с ним взглядом, снизу вверх попала в плен его ярких, приковывающих глаз. А он протянул ладонь, а мне оставалось проглотить смешки и подать руку, на что мужские пальцы быстро выдернули из-за стола и

направили прочь из кухни.

— Эй! Эй! Что за наглеж? — донеслось до нас. Хаски вел за руку в направлении известном ему одному. — Я за это буду требовать стрип-бар, сегодня причем!

Расслышала, с испуганным сердцем на пару следила за массивной спиной спереди. Опять. Опять. Насилие.

Завел нас в его комнату, обернулся, держа меня за руку и привлекая к себе.

— Давай по-быстрому, пока Польски не разорался, — прошептал мне в губы, сминая их сжимая, владея. Провел по моему телу рукой, по бедрам, нежно, да не спорю, но это насилие. Против моего желания.

Я не двигалась, а на голове почувствовала ладонь. Вниз, вниз медленно давил вниз, давая понять, что нужно от меня, больше ничего.

Присела на колени. Свет включен, за окном темно и при желании можно разглядеть силуэты. Тебе всегда надо видеть меня, мое лицо, отчаяние.

Хаски настойчиво держал мою голову, не давал повернуться или дернуться назад. Легко спустил шорты, склонил мою голову к своему напрягшемуся члену. Мои губы к нему впритык.

Молча открыла рот и языком поигралась с головкой. Смотрела как ты подрагивал от моих действий. Это не я. Это все Ананина.

Провела языком по всей длине, взяла твердо в руку, но мягко погладила, а Хаски удовлетворенно расслабился, убрал руки от моей головы, но придерживал возле шеи за лицо.

И смотрел за моим движениями с висока.

Очень быстро довольный кончил, причем на открытую грудь, а я быстро подскочила и бегом в ванную комнату.

Когда вернулась, пряча глаза от мужчины, моего мнения как бы не спрашивали, вновь взяли в плен — объятие.

— Умница! — поцеловал как будто поощрял за действия, на что хотелось воткнуть раскаленный прут в сердце мужчины, за унижения, за пренебрежение моим мнением.

Сердце исколото вдоль и поперек, больше нет живого места. Но с каждым болезненным словом, с каждым действием с удивлением осознавала, что там был живой кусочек органа. Не умерший, хрипящий в предсмертных муках. И он причинял боль раненный.

Вернулись в кухню. И каждому из нас понятно, по довольному и крепко меня держащему за руку Хаски, и по моему в миг осунувшемуся телу, что сейчас было.

Процесс порабощения отчаянием не научилась контролировать. Он затапливал с головой в подобные моменты сильнее всего.

— Вообще не вежливо. Я может тоже секса хочу? — нет. Польски не злился, скорее прикалывался. — Ананина, побалуешь? — прокомментировал Польски. Рука Хаски сжала мою ладонь, но ответа не последовало.

А я и вовсе пожелала, чтобы крыша дома рухнула на голову и убила на смерть. Раздробила кости. И это не гипербола.

А я медленно высвободила плененную конечность, боясь сорваться. Чувствовала кровь от раненного органа поднималась, заполняла тело и бултыхалось.

— Да. Забыл сказать. Ананина, у нас выход в свет. Трехдневное плавание в открытом море в честь Нового Года, — не удержалась, изредка я все-таки заглядывала мужчине в глаза.

Развернулась, уже была готова покинуть пределы комнаты перед его фразой, а теперь

громко озвучила:

— У нас? — спросила, ткнув на себя пальцем.

— У вас? — одновременно поинтересовался Польски. — Шутишь? Твоя маман в обморок упадет? А как же Кристина?

— Привыкнет, — отмахнулся Хаски, а я смотрела не переставая. — Устал от любопытства. Пытаются в гости наведаться, чтобы полюбоваться на моё «чудо», — сказал главный ночной кошмар.

— Приду через пару часов, — сообщил перед тем, как я покинула комнату и с трудом расслышала в спину.

Вознамерился вывести в свет? Это намек на более долгое пребывание здесь, чем я рассчитывала. Если познакомлюсь с высшей Аристократией Страдовцев... Как? Как потом жить в облике Вильмонт, если это когда-нибудь произойдет.

Понимал ли Хаски, что причинял боль, скорее всего нет. Потому что для него я — Бастард. Глупое животное без права голоса.

Прочь отсюда.

Хотя бы к себе, во временную комнату, отдельную от его. В полную темноту, во мрак, где спокойно, не видно страшных кошмаров, где можно претвориться, что это не мое тело. Чужое, ненавистное.

***

Заснула, но прежде долго ворочалась с боку на бок. Одинокая холодная кровать. Обычно Хаски приходил в эту спальню, если успевала сбежать перед сном. В остальное время ночевала в его комнате, на огромной мягкой постели, где почти уютно тепло. Аристократ купал в мягкости пуховых одеял, порой очень долго целовал. Мог делать это долго, травя любопытство, и сжигая постепенно ту преграду, которую воссоздавала из пепла при каждом его появлении.

Я не должна так себя вести с ним, должна бороться.

Но как? Как это сделать? Когда-нибудь найду ответ на вопрос, но только не сегодня.

Сегодня вновь проснулась от мужских прикосновений, балансируя где-то на крае реальности и забытья, ища спасения у темноты.

Не стал включать свет, когда пришел, спасибо хоть на этом.

Глава 37 "Новый Год"

Глава 37 "Новый Год"

— В честь чего одеваемся? — Мелисса встретила в бодром настроении. Это женщина, что подарила великолепного скорпиона, двоюродная сестра Дмитрия по отцу. Взрослая женщина за тридцать, уверенная в себе брюнетка с прической под каре. Маленькая сравнительно по критериям Аристократии, и разрез глаз узкий, больше присущий Баллийским представителям. Но когда женщина улыбнулась на лице красиво образовались ямочки, как и у Хаски. Семейная черта?

Торговый центр под логотипом X, куда еще Дмитрий мог притащить Бастарда на подготовку? Мелисса встретила возле фонтана напротив салона одежды. Хаски при параде в черном костюме от дорогого кутюрье. У него сегодня фотосъемка.

Я не смотрела на мужчину, как впрочем и всегда. Максимум в шею или на подбородок. Акт бойкота. Если только нечаянно встречалась взглядом.

— Мелисс, больше никому не могу ее доверить, полный треш сегодня.

— Тебе нужен инструмент для подписания договора? — в горле сжались стенки, трудно стало дышать. Какой инструмент?

— Нет. Мне нужна любовница, которую не стыдно в обществе показать, — тиски в горле разжались, я успокоилась, выравнивая плечи.

— А не проще невесту взять? Ее точно не стыдно показать, — мысленно согласилась. Хоть болезненный укол и задел нервы, но радость от возможности на один вечер избежать насилия над телом превысила. Почти возненавидела это тело.

— Мелисс, делай дело. Ананина, заеду, будь на связи, — не посмотрела в ответ на приказ.

А Хаски привык к бойкоту, видела, как поднялся и молча удалился. Только тогда смогла выпрямиться, разжать сгорбленную спину и посмотреть на Мелиссу.

— Забыла спросить. А ты знаешь куда вы намереваетесь, насколько дней? — обратилась, как к статуе, которая не разговаривала и не умела думать. Не могла до конца почувствовать симпатию к женщине, все же она двоюродная сестра учителя.

— Насколько поняла трехдневное путешествие на яхте до острова Брис и обратно.

— Все-таки умеешь разговаривать. А перед братцем тихоня? У тебя стиль быть тихой и послушной? — Мелисса направилась ко входу в помещение. Я за ней. — Скажу по секрету. Не помогает. Кристина тихая и послушная, а он ее как Ик-а сторонится...

Ик — вирус, которым усыпляли Бастардов пятьсот лет назад. До сих пор при смертельном заражении каким-либо вирусом нас таким образом убивали.

— Я не стремлюсь понравиться ему, — оборвала ее речь. — Не желаю с ним лишний раз разговаривать.

— Неужели!? — обернулась она с широкой улыбкой во все щеки, приравниваясь к моему вялому шагу. — Что-то новенькое. Ты обиделась и показываешь характер? А он что?

— Ничего. Не реагирует. Его не волнуют мои чувства, — после непродолжительной паузы мы остановились в эпицентре бутика, вокруг куча блестящей одежды. Сутками можно выбирать шмотки.

— В этом весь Дима. Он не очень ласковый человек. В большинстве своем его интересует личное благо, а ты должна воспользоваться шансом, который тебе предоставила

судьба.

Шанс!?

Горько усмехнулась, в уголках глаз навернулись слезы. Чертовы слезы, заморгала, прогоняя их. Почему столько рыдала? Психика подвергалась нереальным перегрузкам.

— Приступим? — улыбнулась Мелисса прекрасными ямочками. Обаятельные они представители рода Хаски.

Дмитрия ожидали к пяти вечера. Мелисса посматривала на меня сквозь ароматный, густой пар от кофе, а я отвечала полным игнором.

Этот столик напротив ее магазина очень удобен, с него виден первый этаж, эскалатор, на который отвлекалась в процессе молчания.

— Не смажь грим, — Мелисса недовольно провела рукой по моему лицу, стерева капельку воды со щеки. Я заставила себя успокоиться, не протестовать против стороннего вмешательства. Отвернулась сразу.

— Необычная ты, Ананина, — заметила женщина, убрав руку. Ответом было молчание. Разговаривай сама с собой, Аристократка. — Что у вас за отношения? Мне жутко любопытно?

Не удалось до конца представиться равнодушной каменной статуей, я дрогнула на этих вопросах, в чем сестра зверя мгновенно распознала — интерес. Мои подведенные глаза сильнее сузились от недоверия.

— Что рассказывать? Твой брат пользуется вещью, — с громким стуком поставила чашечку кофе на блюдце, чуть не расплескала горячий черный напиток.

— И получается у него? — задала собеседница непонятный вопрос, который заставил посмотреть на нее вопросительно, с долей удивления.

— Втаптывать в грязь у него получается идеально... — и я, и Мелисса замолчали, не зная, что должны сказать и сделать. Вздогнула, когда услышала:

— Поднимайся, — не хотела его видеть, слышать. Исчезни, но я послушно поднялась, как монумент распрямила гордо плечи и спину.

— Мелисса, ты чудо, — Хаски наклонился через мое плечо и поцеловал сестру в щеку. Он способен на подобные проявления эмоций? Неожиданно. — Сочтемся!

Рука была пленена и ее повели в направлении просторного хола, где спускался эскалатор.

Всю дорогу Хаски посматривал незаметно на преобразование своей любовницы. Больше не было страшных гримов, уродской одежды, татуировка и белые волосы скрывали настоящий облик Вильмонт. В красивом платье с квадратным вырезом и на огромной шпильке.

В машине Дмитрий устал от молчания и озвучил:

— Как день? — ниразу за двадцать минут не посмотрела в его сторону.

Я мастер игнорирования людей. Никогда не предполагала, что смогу не смотреть на человека в течение целого дня. Хотела, но ни за что не посмотрю.

Дмитрий сегодня особенно великолепен, как назло, приковывал ничтожный взгляд к себе.

— Нормально, — запоздало ответила и максимально отвернулась к окну, чтобы даже боковым зрением не зацепить мордашку Аристократа. Нельзя было рождаться с прекрасной моськой... и с черствой душой, насквозь отравленной гнилью.

К семи вечера прибыли на пристань. Дима нервничал? Забыл телефон в машине. Хаски

ничего не забывал и никогда, поэтому этот факт говорил о раздвиге чувств.

Хммм. Странно. Точно. Там будут его родители и весь высший свет... Весь свет!? Стоп. Я забыла о такой важной вещи — Гнетовцы. Там вполне могли оказаться верховьи наших рядов.

Слишком расслабилась, Вильмонт! Будь на чеку.

Прекрасная синева и заходящее ярко-красное солнце на небосклоне. Солнце в Арзонте садилось рано, так необычно. Теплый день — но очень короткий. У нас у Гнетовцев холодный день — но долгий.

На чеку, Аня.

Глаза в пол, побольше белых волос на лицо. Хаски держал за руку сбоку и направлял через людей. Иногда я пыталась спрятаться за его широкой спиной, хоть для чего-то полезен мужчина.

— Здравствуй, Дмитрий, — глаза б мои ослепли. Отец Трески. Давно не видела его на телевидение, постарел, морщинки под глазами испещряли сильно. Шестьдесят насколько помню, а это не возраст заката.

Стояла сзади Дмитрия, пока мужчины крепко пожимали руки.

— Какая необычная девушка, — Хаски отступил в бок, давая меня рассмотреть. А Трески пришлось подойти и ласково взять ладонь, чуть-чуть прикоснувшись губами к ней. Хотелось выдернуть, но я устояла. Мы не знакомы напрямую, не должен узнать, пришлось улыбнуться натянуто.

— Добрый вечер, — согласно кивнуть, возвращая дань уважения на галантный жест. Отпустите уже мою руку.

Дмитрий оказался полезным, взял мою ладонь в свои знакомые пальцы, крепко сжав.

— Чувствуйте себя, как дома, — кивнул Дмитрий, и мы продолжили путешествие по палубе сквозь толпу. Где-то останавливались, а я старалась прятать глаза вниз под ногами. Не должны узнать Аристократы.

Зачем Хаски постоянно держал за руку, боялся выброшусь под плывущий корабль. Пусть расслабится. Как бы ужасно не было — я никогда не опускала рук.

Отплытие узнала — в девять. Хаски останавливался каждый раз, а я с испугом выглядывала из-за крупной спины и думала, вот-вот кто-нибудь узнает и пальцем ткнет.

Неосознанно прижималась к руке Хаски телом, ища поддержки у своего же учителя. Возможно, почуяв опасения, мужчина приобнял за плечи в знак поддержки.

— Не бойся, — наклонился к плечу, поддел носом левое ухо и затем уткнулся в волосы. — Со мной тебя никто не тронет.

Я боялась не твоих Аристократов и террариума полного змей. К ним привыкла. Боялась, что маскарад раскроется. От приближения к уху и щеке теплого дыхания почуяла желание вырваться, что и проделала. Не сильно, но настойчиво вывернулась из объятий.

Хаски вознамерился что-то сказать, судя по вмиг поджатым губам не очень ласковое, но разгорающуюся ссору прервало появление Польски.

Мы находились возле перил с боковой части корабля, малоллюдно, тихо, то что необходимо. Отсюда открывался шикарный вид на закат солнца, только бы не мужские объятия, которые портили хорошее настроение.

Польски со своей новой пассией. Которая она по счету? Сто миллионная? Аристократы одним словом. Видела неделю назад эту представительницу с искусственной грудью. Для Александра прогресс в отношениях, больше семи дней с одной и той же девушкой спать.

Виталик не любил приводить девушек и знакомить с нами. Нами!? Я себя причислила к ним?

Польски обожал себя, Нарцисс идиотский. Начал бесить еще хлеще Хаски, в последнее время мы поравнялись в ненависти друг с другом, также как и с Трески. Почему друзья Дмитрия меня ненавидели?

— Здорово, Диман, — Саша намеренно опустил обращение ко мне, посчитав за пустое место. Мужчины здоровались, а я лопатками оперлась о перила и постаралась расслабиться. А если вечера и два дня провести здесь или в каюте, удастся избежать возможного разоблачения?

— Привет, Аня, — Виталик улыбнулся, я ответно ему. Единственный человек, которому дарила улыбку. — Тебя не узнать, истинная Аристократка!

Хотел сделать комплимент, я приготовилась что-то ответить, но Польски перебил:

— Ага. Конечно. Как обезьяна похожа на человека, — заржал Санек, его смех поддержала пассия. Я и этому удоуду улыбнулась, что должно было навести на подозрения, в завершении показала конфигурацию из одного пальца. Четко прямо в лицо. Замолк.

— Она меня достала, Диман. Как только закончишь с ней, я ей пальцы вырву, клянусь, — убрала палец и спрятала руки на груди.

— Ананина, прекрати, — скомандовал Хаски тоном, которым обычно намекал, что ночью будет полное подчинение, многократное и на коленях. Я посмотрела мужчине в кадык, где подрагивала жила и промолчала. Заметила, что Виталик подошел к перилам и достал пачку сигарет.

— Можно? — поинтересовалась, на что Аристократ согласно наклонил пачку, предлагая взять. Я зажала губами светлую сигарету. Дорадо хотел дать прикурить, но не успел. Сигарета выскочила при помощи энергии ветра из моего рта. Захотелось гаркнуть громко. Чтоб тебя!

— Не кури на корабле, хотя бы три дня или боишься сдохнешь от недостатка никотина?

— Я кажется соглашалась спать с тобой, — первый раз за день так и быть посмотрела в глаза тирана, чтобы передать ненависть сквозь прищур. — А не исполнять приказы, Хаски!

Каждое мое слово всегда наполнено богатым смыслом, просто так с ним не говорила. Дмитрий замолчал после отповеди, а я отошла от перил и направилась куда-нибудь подальше отсюда, чтобы восстановить сухость в глазах и спокойствие на сердце.

— В туалет пошла, — сказала напоследок, чтобы не смел идти за мной. Где уборная не знала, но искать не собиралась. Хорошо Хаски не предложил услуги по сопровождению до объявленного места.

В груди что-то терзалось, мучилось и не знала чьи руки это делали. Мои или Хаски?

Прошла через палубу, полную людей. Наблюдали, встречая по пути, пялились на татуировку, переговаривались, а я смотрела вниз под ноги, там не так грязно, как на их лицах и руках.

Для них — я грязь. Шла, не разбирая направления. Вправо — начался точно такой же закуток длинный с расположенными каютами, где было малоллюдно. Одну компанию молодых людей заметила и постаралась, не мешая им, замереть скромно у перил.

Отсюда видно тень от корабля на воде и отблески рыжих всполохов заката, отбрасываемых на океан и на небо.

Вскоре компания молодежи покинула пристанище, и я осталась одна в уединении. Стала свидетельницей, как на улицы забрался мрак. Как загорелись огни на пристани и как

заработали винты на воде, готовясь к отплытию. Уходить не хотелось, понимала, что Хаски ищет, но не могла уйти. Вернуться в террариум и ждать пока меня будут кусать и жалить. Я буду вздрагивать от укусов, пытаться ответить чем-то, но покорно придется их принять. Потому что так пожелал великий наследник, желая наказать за отказы. Он всегда добивался намеченной цели. Всегда, и я не соперник.

— Девушка, а вам одной не скучно? — развернулась боком к говорившему. Привыкла к темноте, сквозь нее различила два мужских силуэта. Определенно. Раскаленные прутья вогнали под кожу со звуком этого голоса. Глаза широко раскрылись от удивления, что делать? Соображай. Ногтями впиалась в ладони. Соображай быстрее.

— Вы не хотите с нами выпить? — мужчина протянул бокал с беловатой жидкостью. Я плохо видела черты лица, но голос ни с чем не спутаешь. Ангельский. Ангельский — сын Баллийского алмазного магната. Богатейший человек из крупнодобывающих корпораций в мире.

Ничего не придумала лучше, пока они достаточно не привыкли к темноте, сорвалась с места резким шагом, но мою ладонь мгновенно заблокировали.

— Девушка, не пугайтесь, мы не насильники, — второго не узнала голоса. Достаточно дружелюбный, но дело не в этом. Я настойчиво выдернула руку и перешла на бег, на каблуках громко стуча по деревянным полам.

Меня не преследовали. И надеюсь не станут и надеюсь не запомнили платье и внешность. Надо бежать отсюда.

Выбежала из-за поворота и благодарно окунулась в террариум ползучих тварей. Придется потерпеть яд еще немного, здесь проще затеряться. Сердце никак не желало успокаиваться, билось, как в последний раз.

Ангельский не должен был узнать. Внезапно схватили, от удивления врезалась в знакомое плечо. Запоздало признала мучителя, но поздно — успела посмотреть ему в глаза. Второй раз за день, слишком много для него. Спрятала взгляд на его шее.

— Ты где была? Заканчивай шляться без меня, — голос обдавал кипятком, ошпаривал, но я сдерживалась, проглатывала ожоги. Хаски сжал ладонь крепче, требуя ответа.

— Плохо себя почувствовала, — врать так жалостливо.

— Тебя укачивает? — купился!? ХА! Неужели купился?

— Немного, — пожалала плечами. Руку положила демонстративно на желудок, там где желто-белый поясик завязывался на бантик, почти под ребра, указывая на источник боли.

— Пойдем, каюту покажу, — куда вел, надо было запомнить на всякий случай. Может сегодня оставит в покое? Побольше жалостливого личика, соплей, и возможно купится.

По центральной лестнице вверх. Каюта с номером семь в отдалении. Изысканная элегантная обстановка, это яхта его семьи.

Хаски прислонил часы на левой руке циферблатом к считывающему устройству справа на стене. Красный огонек сменился на голубой и впустил внутрь.

— Твои вещи здесь, — щелкнул свет.

Окно слева большое на половину комнаты. Кристально-белый шкаф, отливавший светом от люстры. Кровать огромная, застеленная покрывалом с рюшечками, занимала основную площадь каюты. Глазами переместилась на другое место, лишь бы не на мягкую, горизонтальную поверхность. Тумбочки по обеим сторонам кровати, телевизор на одной из стен, и дверь из комнаты вправо, видимо душ с туалетом.

— Вызову врача, — развернулся Хаски, чтобы покинуть комнату.

— Нет! — вырвалось с ужасом. Остановился послушно, а я глаза сразу опустила. — Со мной нормально. Просто полежу...

Прошла к кровати стала разуваться из этих ужасных капканов на огромном каблуке, отвыкла от десяти сантиметровых шпилек.

— Значит к вечеру надеюсь на жизнеспособную любовницу, — дверь громко захлопнулась. Вот и вся арифметика. Он заботился о моем здоровье только для себя — чтобы я была полезна ночью. Только для этого.

Да что же его заклинило? И как долго будет наказывать? И так, восемнадцать долгих, мучительных дней я пленница его эгоизма.

Лежала в мягкой кровати. В ней хотелось утонуть, нырнуть с головой и забыться безмятежным сном, но это не про меня. Сны не снились в последнее время. Мало спала. Ночью сколько позволял господин, а днем не могла — не засыпала, пялилась в потолок.

В каюту зашла молоденькая официантка — Бастард очень настойчиво пыталась уговорить меня покушать, видимо, наказ сверху. Я заказала зеленый чай с жасмином, любила в прошлой спокойной жизни его запах.

Нашла пульт от телевизора в тумбочке и сидела посматривала по интернету некогда любимый сериал, а сейчас хотелось смеяться над слюнями главных героев.

И вот на третьей серии в начале видео пошла рекламная пауза шампуня. Девушка и парень на фоне океана, бегали по песку, держались за руки, плескались в воде. Юноша улыбался, как с картинки мальчик, и в груди сердце на долю секунды потеплело, будто его накрыли уютным коконом и согрели заботливо. Шмонт Леонид.

Шмонт нашел меня умершей и до сих пор уверен, что я мертва. Поставила на паузу и поднялась с кровати, пытаюсь разглядеть в любимом отличия.

Легкая сексуальная бородка, которая вечно коялась, с Ленкой не возможно было долго целоваться, оставлял на коже покраснения. А уж молчу, когда он пупок целовал, смеялась знатно, прямо вовремя секса, помню он тогда психанул, и мы поссорились на несколько дней. Мой волосатый брюнетик — полная противоположность Хаски. Подвеска покачивалась на голой груди друга, ту которую подарила на последний Новый Год.

Заставить рекламу крутиться дальше не могла — этот маленький кадр связал меня и семью. Ту некогда Анну Вильмонт и сегодняшнюю девушку, подарив радость от мысли о семье. Того, чего у Бастарда Ананиной нет и никогда не было.

— Заинтересовал? — как так бесшумно опять подобрался? Я посмотрела на щеку мужчины, куда-то потом на телевизор. До сих пор на паузе стояла реклама, быстро выключила и швырнула пульт на кровать.

Хаски отвернулся и начал скидывать футболку:

— Помнится твой бывший жених тоже брюнет, теперь это пугало?

Прошел к кровати и присел на краешек мужчина, а я отвернулась от обнаженного тела перед глазами.

— Ананина я заколебался, выжат и мне нужна подзарядка. Иди сюда, — не получив ответа на предыдущее замечание по поводу Лёни, Хаски заговорил уставшим обычным голосом, которым всегда разговаривал. Безэмоциональным, бесчувственным, отдающим глухие приказы. Опять. Опять. Я надеялась, хотя бы сегодня пожалеет.

— Я не была в ванной, — с небывалой скоростью пролетела в соседнюю комнату, чтобы Аристократ не успел воспрепятствовать действиям по бегству.

А теперь буду тянуть время до бесконечности, может заснет. Очень медленно

раздевалась для душа и... Я в жизни не радовалась месячным, считала проклятыми днями. Забыла, что такое регулярный цикл и как назло за время плена с Хаски их не было, а тут счастье привалило на блюдечке. Настроение резко вильнуло вверх, как будто подарили долгожданный подарок — иксовую вешку, замечу, что ее еще не закончили конструировать.

Мистер чистюля, господин недотрога не станет трогать такую. Редко, кто готов. Быстро напялила платье обратно и решила сообщить приятную новость. Хаски обнаружился на кровати полураздетый, в джинсах, но без футболки. Не смотреть. С планшетом в руках, весь в работе. Третий взгляд за сегодня подарила Дмитрию, а улыбка непроизвольно вырвалась на уста, на что Хаски отреагировал, явно заметил. Запоздало попыталась скрыть радость.

— Эммм, — замялась. — Не получится сегодня.

— Почему? — хороший вопрос. Большой мальчик должен понять, долго созревала с ответом.

— Ммм месячные, — очень медленно Дмитрий отложил планшет на покрывало и привстал.

— Тогда переместимся в другое место. Раздевайся, — его голая грудь напротив моих глаз. Перекатывающиеся мышцы при ходьбе и движениях приковывали затравленный взгляд.

— Что? — не поняла. — Я не могу...

— Можешь... — не подготовилась к такому ответу. Рукой Дмитрий пережал мою шею сзади приобнимая и приближая к себе явно с целью завладеть губами. Второй рукой бахнул по двери в ванную, от чего она распахнулась послушно. Дополнительный свет озарил нас.

Теперь до конца сообразила, что произойдет с минуты на минуту. Вырвала лицо из поцелуя плена, подтолкнула мощную, мужскую грудь прочь, но тщетно. Слишком тяжелый, не шелохнулся от легкого удара. Наоборот как волк, которого цапнули решительно рыкнул и подхватил меня под попой и потащил добычу в розовое предательское в цветочек убранство ванной. Опять под контролем.

— Нет, нет, — забарабанила легонько по его плечам. Но в решительно смотрящих прозрачно-голубых глаза не было милости или сомнений. — Отстань от меня. Нет, говорю.

Поставил на холодный пол босыми стопами возле душевой кабины. Одной рукой расстегнул ширинку джинсов. Мои слова как бесшумный ветер не имели силы и эффекта воздействия. Ноль изменений. Глухая к чужим мольбам решительность.

— Быстро, Ананина, не беси, — полыхнули его глаза неприятным холодком. — У меня плохое настроение, не сопротивляйся.

Обреченно опустила руки, вспомнив такую же пылающую решительность в момент смерти Ивана. Не послушными руками развязала бантик под грудью. Очень медленно стала снимать платье, пряча глаза. А мужчина обнажился полностью и зашел в душ, включая воду.

Глаза Хаски сжигали кожу, всюду куда смотрели оставляли немедленные ожоги. Не видные, но ощутимые внутри. Мужчина, в чьих объятиях я горела. Маленькая картонка под прикосновениями, полыхала ярко-ярко каждый раз, проклинала бессильную судьбу, что свела нас.

Скоро ли я перестану полыхать для него?

Ты ненормальный. Больной. Так не должно быть. Между нами родилось что-то необычно- ненормальное, болезненное. И оно причиняло всегда изнуряющую муку и иногда бешеное удовольствие, не сравнимое ни с чем. Не похожее ни на одно из ощутимых прежде радостей в жизни. Ни радость любви, ни радость секса, ни радость богатства, ни радость силы, ни радость успеха.

Это не то. Это гораздо сильнее. И оно внутри нас обоих.

Мое тело не мое, оно чье-то другое. Больше не мое. Ненавидела и себя, и мужчину перед собой. За то с какой легкостью через сопротивление и не желание заставлял кончать, крепко сжав челюсть, чтобы не простонать. Ненавидела эти оргазмы, мощные, не контролируемые, от которых глаза прятались за пленкой предательских слез. Хаски заставлял всегда вовремя секса смотреть в глаза, чтобы прочесть что-то. Читай.

Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

Ненавижу тебя, мой мучитель.

Хаски не заснул, пока не упала рядом на кровать, отвернувшись на бок. Привычно за восемнадцать дней подтянул дрогнувшее тело к себе.

Почувствовала и желание избавиться от тяжести сзади, и посильнее спиной вжаться в его живот и грудь.

Мужчина рукой обнял мою грудь, не сжал, а опустил на нее ладонь. Носом уткнулся в шею, и дышал в ухо равномерно. Между нами нет слов, абсолютная тишина, ни доброй ночи, ни пожелания хороших снов.

Мы незнакомцы, никто друг для друга. Любовники, какое холодное слово, бесчувственное. Люди, которые занимаются сексом и любви между нами не было и быть не может. Никогда.

***

— Подъем, полдень. Вставай, — за плечи потрепали слегка не сильно, чтобы прогнать сонное состояние.

Глаза с трудом открылись, было темновато в помещении.

Обнаружила рядом с кроватью мучителя, поправила простынь, стремясь скрыть за тканью тело. Слишком много смотрела ему в глаза за выходные. Не успела проснуться, а недовольство прочитала.

— Путешествие проспичь. Я хотел показать тебя особенно важным людям, чтобы не было вопросов. Приводи себя в порядок.

— Я не могу, — ответила. Волосы хотела поправить, после сна они, как калтуки обычно. С трудом соображала, но голова с самого пробуждения ломилась. Мигрень. Слишком много переживаний на мою долю. И ноги, бедра, живот — клубок оголенных нервов, запутанных и искрящихся, при движении, без движения ныл низ живота.

Завалилась спиной обратно на подушки.

— Я разве спрашивал твоего могу или не могу? — пренебрежительно вздернутая бровь. — Подъем!

Хаски сдернул покрывало, которые скрывало наготу.

Что за отношение? Он никогда не станет обращаться ко мне как к человеку. Извечная слуга, рабыня. Я не знаю, как это обозвать ощущение, которое он дарил постоянно. Тысячи ударов в грудную клетку не сделали бы мне больнее, чем делал он.

— Я сказала — не могу! — повысила голоса. Чуть ли не впервые за девятнадцать дней позволила себе закричать на него после Ивана. Терпение превысило любые лимиты, выдернула одеяло и обратно себя прикрыла.

— У меня все болит. Сдохнуть хочется из-за твоего насилия. Это ты виноват. Если бы оставил хоть на один день в покое, я бы смогла подняться. А сейчас не могу! — поставила точку, перевернулась на другой бок, где не видно мужчины и накрылась по плечи.

Спать не хотела, но и встать не могла. Сил не было, их до дна иссушили. Сжалась,

предчувствуя, как Хаски дернет болезненно за руку, не боясь что может вывихнуть из сустава. Не рассчитывал силы при общении.

Но в ответ расслышала тихие шаги. Приподнялась на локте в сторону двери. Странно. Замерла от беспокойства, но услышала хлопок двери.

Хаски впервые оставил одну, послушал отповедь. Неужели у него нет настроения для пререканий?

***

Один день позади, остался еще один день и ночь. Выдержать бы. Хаски ушел и больше не возвращался. Ему стыдно? Нет. Не похоже. Таким мужчинам не бывает стыдно за содеянное.

Уборщица с сомнением посмотрела на заляпанное белье, вынося из помещения. Я не девственница. Щеки заалели маковым цветом, пришлось сбежать в ванную, пока женщина заправляла новые простыни.

Начало вечереть, солнце садилось быстро за горизонт. Яхту мерно покачивало. Сонное настроение завладело телом, но валяться в кровати больше не хотелось. Пошла на выход подышать свежим морским воздухом, изнывать от страха быть разоблаченной бессмысленно.

Вряд ли я сильно важная личность, которую каждый знал в лицо.

Палуба оставалась пустой. Вышла на корму, здесь никого не было. Ветер завывал в ушах, жестко игрался с волосами, но это приятно, когда пряди касались плеч и щек. Непрошенная ласка от природы.

Не сразу расслышала неподалеку тихий разговор, скорее шепот. Слева и справа стеклянные возвышения, в которых находились капитан и иной важный персонал, осуществляющий командование небольшим кораблем.

Сами кабины находились подо мной на первом этаже, здесь на втором — небольшие отверстия-окна, которые я заметила. Казалось, корабль заканчивался ими.

Немного наклонилась влево и вперед через перила над шумящей водой. Любопытство дело тонкое. Ветер закрыл лицо волосами, настырно убрала и вновь посмотрела в ту сторону, откуда слышались голоса.

За одной из стеклянных кабин разглядела профиль человека в красной рубашке и джинсах с волнистыми шоколадного цвета волосами. Сердце подскочило тревожно в груди. Без сомнения Ангельский, вчерашний парень — сын Алмазника.

Быстро оторвалась от перил назад, чтобы не застукали за подглядыванием. Сквозь стекло кабины-преграды уловила опять странное, смутное очертание еще одного человека — собеседника Миши. Знакомое что-то было в этом втором облике.

Прищурилась, а парень мимолетно скользнул взглядом по мне, быть не может. Узнавание промелькнуло в голове. Наверное, померещился этот облик — тоже брюнет смутно напомнил Ивана. Ивана — Бастарда.

Не правда он же...он...ну нет. Не он. Жесты, мимика, оскал, как у разъяренного зверя. Они ругались с Ангельским. Нет. Не Иван. Мне не хотелось испытывать чувство вины, поэтому выдумала схожесть мужчин. Пора уходить, пока Ангельский не словил.

— Ананина-Ананина! — обернулась и насторожилась, как птичка при виде кота, мог сожрать и пера не оставить.

Трески всегда настораживал. Интуиция подсказывала, кричала сигнальным красным маячком в голове. Это не читаемый человек, в нем что-то странное, озлобленное на мир.

Макс ни к кому не питал теплых чувств: друзья были скорее названием, ни девушки, никогда не слышала, чтобы приятно отзывался о родных. Одиночка по жизни — озлобленный кот, если его обидеть, уйдет без сожаления.

Сложила руки под грудью в акте защиты. Макс присоединился спиной к перилам, сверкал, как полуденное солнце, которое сегодня проспала в каюте. Опять Трески оглядел меня с ног до головы, лазером просканировал.

— Почему тихая? — ткнул пальцем в локоть. — Ты не устала Хаски развлекать? Может мы с тобой...

Сделала многозначительную паузу. Я вместо ответа бросила снисходительный взгляд в его сторону и тыкающий палец.

— Ты и я... — провел линию от своей груди к моему локтю и просвистел звонко, намекая на секс. — Обещаю, Хаски ничего не узнает.

Смешинки разбежались корявыми линиями в уголках глаз. Вот, урод же. Таких еще поискать надо, я лично не встречала. Повела бровью вверх и посмотрела в другую сторону, бесполезные клопы не интересовали и разговаривать с ним не желала.

— Ну будет тебе, детка, — насмешливо повторил. Детку засунула бы ему в гланды. Вынырнул по центру напротив меня и прижал бедрами к стоячим ограничениям. Ладони опустил по бокам на перила, а я в ловушке рук.

Не сбежать. Не дать понять, что боялась, потому что ползучие твари чувствовали страх и могли задушить при удобном случае.

— Макс, не интересно, — разговаривали мы тихо, чтобы не было свидетелей позора. А этот «человек» наклонился с очевидным желанием облобызывать.

Вот еще, чтобы твой поганый рот прикасался к моему?

Отвернула лицо. Оперлась руками в мужскую грудь, не как у Хаски, меньше гораздо. Мышцы не подрагивали под моими пальцами, сердце не билось громко.

— Иди кого-нибудь еще полижи, — озвучила в лицо. Не понимал намека, наклонился с намерением. — Макс! Отвянь!

Когда притронулся к моим бедрам, насторожилась всерьез. Здесь малоллюдно, кто его знает, не понимал человек слов.

Попыталась совершить обычный маневр — коленкой в пах, но не успела. Макс отгадал, даже Хаски не отреагировал, а этот поймал летящее колено и вздернул вверх. Хорошо, я была в джинсах.

— Ладно, ладно, Макс, утихомирься, у меня месячные, — со зверьми надо потише, лишь бы не взбрыкнулись. Нельзя отказывать, как поняла в случае с Хаски.

— Слышишь, — чуть настойчивее подтолкнула в грудь. Трески выпустил ногу наволю и немного отступил назад, оставляя в покое. — Когда приедем — поговорим, — пообщала лишь бы отстал. Тьфу. С удовольствием бы плюнула ему в глаза и в насмешливую ухмылку. Стервец.

— Отлично, детка, — и он меня хлопнул по заднице. Шикнула на него недовольно. — Договорились!

Громко сказал и ушел в том направлении, откуда и прибыл. Я подождала несколько минут, показала фак скрывшемуся за поворотом Трески и двинулась следом. Замерла напротив знакомой каюты, дверь была чуть приоткрыта. Хаски вернулся? Дала деру оттуда, куда угодно, подальше от мучителя.

Весь вечер путешествовала по многолюдному кораблю. На взгляды не реагировала,

больше они не трогали, как вчера, мысленно огораживалась от них.

Новый год? Как мои будут праздновать? Каждый в своей компании? В нашей семье нет привычки собираться часто вместе по праздникам. Незнакомцы и те чаще встречаются на узких улочках города. Мы слишком далеки друг от друга, но я знаю, что если позвоню сейчас — все, как один, перевернут землю, соединив точки на карте, лишь бы встретиться.

Когда мы увидимся?

Глава 38 "Влиятельный сукин сын"

Глава 38 "Влиятельный сукин сын"

— Здравствуйте! — Кирилл, приглашенный в кабинет секретарем, вежливо поблагодарил кивком головы и уселся за стул напротив начальника. Документы аккуратно положил на стол.

Я устало взлохматил волосы на голове, отстраненным взглядом изучил обстановку перед собой в кабинете, как слепой.

— Сергей Андреевич, попозже зайти? — на вопрос не ответил, разве что встал со стула и отошел к окну.

Сырое сегодня небо: грозное, зловещее, ожидалась минута, когда прольется дождь стеной на землю Герберта. Но тучи чего-то ждали покорно, не проливались, находились на грани. От погоды настроение у Гнетовцев было соответствующее, мрачное.

— Выпить не хочешь? — повернулся ко столу письменному, но ответ на вопрос мало интересовал. Прошел по мягкому ковру мимо стола рабочего для переговоров к стеклянному шкафу, где хранился алкоголь, как раз для важных встреч.

— Я за рулем... — попытался Кирилл отговориться от употребления дозы спиртного.

— От одного стаканчика не поплохее, — вернулся с бутылкой алкоголя и рюмками. — Алла опять попала в больницу. Последствия после «опыления» Всю ночь ее полоскало!

Грузно приземлился в кресло, схватил наполненный бокал, жестом показал собеседнику повторить действие.

— С Новым годом, Кирилл!

Охранник поднял бокал из темного стекла и опустошил одним глотком напиток.

— Могу приступить к отчету? — я как раз пил. В этот момент сощурился от крепкого напитка, но кивнул согласно.

— Расследование у Баллийцев ни к чему не привело, — подытожил собеседник, а я равнодушно воспринял ответ. Что-то подобное ожидал. — Слежку почти сразу обнаружили. У Дмитрия сразу, у Паши чуть позже. Баллийскую границу теперь запрещено пересекать высокопоставленным лицам, исключительно по специальным разрешениям.

На ответ я едва улыбнулся, дела хуже некуда. Кирилл продолжил монолог:

— Помните список людей, которые способны в наших базах стереть любую информацию о звонках, — я коротко кивнул. — Благодаря Пашиному охраннику удалось скачать информацию у Барса с телефона, о его связях. Именно из-за этого, нас в хвост и в гриву отчехвостили. Одна фамилия проскользнула и там, и там. Конечно, это слабая зацепка, но у меня предчувствие, что неспроста. Ангельский...

— Алмазник? — удивленно спросил я. — Смысл? У него денег, почти как у меня. Зачем ему разделять Хаски и Вильм...

Возникла очень верная мысль.

— А причем Ангельский и скрещенные линии? — задал вопрос и сразу потянул руку на переговорное устройство, расположенное на столе неподалеку. Нажал кнопку, тем самым включил громкоговоритель. — Ирина, принесите пожалуйста лимон...

— Лимон, Сергей Андреевич, я правильно поняла?

— Желательно порезанный... — кнопку отжал переговорного устройства. — Секретарша подумает, что я спиваюсь. Продолжай.

Устроился поудобнее глубоко в кресле, руки сцепил в замок перед лицом.

— По поводу шпаг пока не пойму, может быть это бренд какой-нибудь... — ответил Кирилл, а я на отчет не реагировал, смотрел в сторону стены и картины, стучал пальцами по деревяшке полированного стола. Стук настраивал на определенный ритм раздумий.

— Еще одно, Сергей Андреевич, — отвлекся от стены, поднял взгляд, когда вошла Ирина с улыбкой на лице и лимоном на тарелке.

— Прошу прощения! — отвлекла нас от разговора, мы одобрительно покивали, поблагодарили. — Что-нибудь желаете, господа?

— Нет. Всё хорошо, спасибо, — отчеканил грубо с намеком, что заняты работой. Женщина поняла и удалилась, оставив тишину для меня и Кирилла. — Что хотел сказать?

— Мы в очередной раз разговаривали с Леонидом по поводу того случая, вы знаете, он всегда охотно отвечает на мои вопросы о том последнем дне. И одна зацепка у нас возникла — кольцо ведь было в машине у Леньки. Аня потеряла его в тот вечер, психовала много, размахивала руками и как результат осталась без защиты. А если вспомнить предыдущие случаи — Аня всегда без кольца. Так может это не желание разделить две семьи, а желание владеть... Аней?

— В смысле? — спину резко выпрямил из кресла, локти поставил на стол, собираясь с мыслями. — Что ты имеешь в виду?

— Попытки похищения, ее убивать ведь не собирались. Вспомните, в машине малый заряд был? Ее бы не убило. Только зачем? У Ани вроде бы приставучих поклонников никогда не было, тем более настолько влиятельных, способных пойти против вас?

— Кирилл... — неуверенно начал. Не хотел, чтобы кто-то знал. Будь моя воля в могилу унес бы эту информацию, но если открылись новые факты, вероятно следовало открыться.

— Давно надо было сказать тебе, но я хотел помешать распространению слухов, как можно дольше. Год назад у Ани проявилась способность к управлению второй энергией, — ответил, тщательно следя за реакцией личного охранника дочери.

— Может это ничего не значит? — неуверенно поинтересовался. Я резко отбрил:

— Значит. Возил ее в больницу, все женские процессы сохранены в первозданном виде. Способность к самовоспроизведению себе подобных развита в полной мере.

— Что хуже быть изгоем, как Бастард или донимаемой всеми, как полигеном? Вы ее в список надеюсь не вносили? — поинтересовался Кирилл, на что мне захотелось по его гладко-выбритой голове чем-нибудь тяжелым ударить, можно стопкой документов. Начинал нервничать, выводы которые делали не нравились.

— Я на идиота похож, отдать самку на растерзание голодным львам?

Оба замолчали, холод ледяным порывом пробежал по спине и рукам, а в груди завертелся..

— Ты хочешь сказать... что я оставил дочь без своей и твоей защиты, — мягко раскачивался, формируя в мыслях ответ, пальцем ткнул в Кирилла на последнем слове и вновь продолжил озвучивать. — А в это время какой-то влиятельный сукин сын пытался все это время добраться до нее и обрюхатить? Я правильно понял?

Пока наливал повторно в бокалы горячительный напиток, Кирилл ответил на мои вопросы:

— Это, конечно, одна из многих версий, но... похоже так...

***

Больше не разговаривали и не спали целых шесть дней. Я поверить не могла, ну ладно,

четыре дня месячные, но два дня Аристократ не смотрел на меня и не появлялся ночами. Вот это странно. Неужели, я наконец-то надоела? Отчего же не выгонял из своего родного дома в форме пианино?

Я должна быть рада. Когда встречались в университете ненароком ждала с легким нетерпением или волнением, что сейчас расскажет о скуке. Что мое тело больше его не волновало, достаточно наказана и толку от меня ноль.

Я буду безмерно счастлива вновь оказаться в общежитие, видеть подруг. Буду рада от него освободиться... наверное...я не боялась услышать слова о скуке рядом со мной. Я ждала с нетерпением, честно...наверное...

***

Подумать только, я ночевал в общежитие, когда Ананина у меня дома в пианино. Неделю здесь зависал, прячась то ли от нее, то ли от себя.

Как будто пушку подставили к виску и сказали прыгать с отвисной скалы.

Выхода нет, перед глазами пустота и безграничная тьма.

Не выбраться, под прицелом пушки.

Охранника рядом нет, только ствол, я, и эта скала, с которой если не прыгнешь — тебе помогут.

Последние шесть дней это странным образом и испытывал. Мучительные ощущения, они терзали мысли, раздирали на жалкие лоскуты.

И сейчас смотрел в планшет, по идее надо было изучить подробно договор, представленный младшим Барсом. А мысли, разорванные в голове, не собирались в нормальное привычное состояние, слишком растревожены.

Не мог сосредоточиться на словах, заковерканных, сложных предложениях. Барс максимально запугал договор. Придется юристов натравлять, единственное понял.

Барс отправил договор неделю назад, а я молчал, сегодня только открыл. Барс написал смс сейчас поздно ночью.

«Посмотрел договор? Что-то не устраивает?»

Если бы был уверен в себе и в выгодности сделки не торопил. Очевидно, боялся отца и своего раскрытия. На ответ негласно давалось две недели от партнера, у меня в запасе неделя, значит Баллийцу нужна скорость.

«У меня будет условие» — отправил ему послание.

Теперь понятно, Барсу этот контракт необходим, как воздух, убьют в буквальном смысле без него.

«Какое?»

«Яхонт? Ты не находишь, что это будет честно? Кому конкретно не удружил на вашей территории? Поверь, ложь я пойму сразу. Имя назови, ты должен догадываться, кто его убрал.»

Больше ответов от Барса не было, значит, решался, или в ускоренном темпе заметал следы.

Я ничем не рисковал, не считая мнимой выгоды, которую получу в случае заключения договора, а Барс шел на огромный риск против отца.

Дверь в кухню отворилась.

— Прюевееттт, — насмешливо поднял руку Макс, входя в кухню. Что ему здесь понадобилось в два часа ночи? Должен быть у себя в квартирке ну или на худой конец у девушки.

Не услышав взаимного приветствия, Макс выразительно посмотрел на чашку в моих руках:

— Кофе? Бодряк на ночь?

Этот Аристократ причина тянущего ощущения в груди и в мыслях. Пушку держал Макс возле виска. Почему-то хотелось, чтобы возле отвисной скалы стоял этот мудака не в силах вырваться.

У меня никогда не было ненависти к людям, но вот это создание мира человеческого стало самым уродливым, противным персонажем в моей жизни. Как раньше, был равнодушен, сейчас негатив скопился вокруг «друга». Элементарно сказать привет не мог выдавить из себя.

— Что понадобилось здесь? — очень не дружелюбно спросил, подхватил чашку и отошел к умывальнику. Не стремился скрыть в голосе раздражение, слишком мерзко в груди, но смешок расслышал.

Этот человек посмеялся надо мной? Резко опустил чашку на стол и повернулся в его сторону.

— Ты меня ненавидишь? За что это, Хаски? Я думал у нас партнерско-дружеские отношения? В конце концов, я охраняю твою задницу и задницы твоей семьи? — хорошо промолчал, что на его защиту давно не надеялся, доверяй, но проверяй.

— Дай догадаюсь, — поднес палец указательный к губам и жизнерадостно объявил. — Это из-за Ананиной? Да?

Ну его нахрен, собственно. Пусть трахает Бастарда сколько влезет, делиться девочками принято в нашем обществе. Будущая жена потеряла девственность с этим уродом, и я не парился. Пусть и любовницу трахает, не жаль.

Взял планшет, засунул под мышку. Весь настрой рабочий сбил, прошествовал в сторону двери. Макс стоял рядом в проходе.

— Да ладно, не злись? Что поделаешь, Бастарды? Им главное кошелек побольше и х*й потолще. А ты почему расстроился, как она тебя привязала к се...

И этот мудака начал ржать, как долбанутая на голову, взбесившая, соженная пергидролемовца.

Выдернул планшет из — под мышки положил на ладонь, взвешивая, и со всего размаху экран переместил в лицо вдруг изменившегося парня. Улыбки стер поганец за секунду до столкновения со стеклом.

А я держал, прислонял плотно к роже Трески планшет, вдавливал в его нос, чтобы сдох. Сжимал другой плечо Макса, а тот пытался сопротивляться, бесполезно.

Но не отпускал, давил. Давил. Крошил экранную матрицу. Чуть наклонил планшет прислоняя со всей силы уголок электронного устройства в челюсть «друга». Не удовлетворенный полученным результатом, переместил планшет боковой стороной, тоненькой к горлу парня. Перекрыл кислород в глотке.

— Засунь свои поганые мысли к себе в штаны, мудило!

Надавил сильнее в заключительный раз, услышал как захрипел Трески, и только тогда отпустил планшет. Посмотрел на то, что произошло с гаджетом, видимо были трещины на нем до удара. Разбитое стекло, сотни изуродованных полосок. Ничего не видно. Слабо изуродованное гневом лицо смотрело на меня из темноты. Отвратная рожа!

Подкинул предмет на стол и удовлетворенно вышел за дверь.

Пусть мне не трахают мозг. Ананина — моя добыча, ни больше ни меньше.

Глава 39 "Предательство"

Глава 39 "Предательство"

В тот день я его не ждала, целых шесть дней молчания. После университета готовила ужин сама наверное для себя, смотрела телевизор. Почему Хаски молчал? Почему не отпуская, если надоела ему?

Целый месяц — чуть меньше мы были вместе. Это должно быть срок для Хаски.

На улице давно стемнело, но сегодня была пятница и город будет гудеть долго до утра.

Около восьми вечера слушала новости по телевизору. Сделала чуть погромче, мясо отбивала как раз молоточком, чтобы оно было помягче и повкуснее.

Информация по телевизору терялась, когда я начинала усиленно колотить по деревяшке, поэтому приходилось отвлекаться и периодически прочитывать бегущую строку.

«...девушка проходила реабилитацию после...» — я приподняла кусок мяса, проверяя насколько тоньше стало мясо, почти просвечивалось. Отлично. Говядина, вообще, слишком жесткая на мой вкус, но Хаски вроде нравилось. По-моему он всеяден, но кого я обманывала, сегодня его не будет. Как и вчера, что-то не так между нами после яхты.

«напоминаю нападение произошло незаконной организацией ПБ в августе прошлого года. В результате девушка получила раны и весь последний год Анна Сергеевна...»

Подняла медленно глаза на экран, разглядывая женщину в ярко-зеленой студии с мужчиной рядом. Они и вещали передачу.

«проводила в реабилитационном центре. Сергей Вильмонт приносит конечно же извинения нам с вами за инсценировку»

Улыбнулась женщина.

«Ведь он хотел защитить дочь и одновременно зачистить незаконную организацию.»

В голове бурно зашумела кровь, словно ее толкали, раскачивали из стороны в сторону. И только этот звук остался в ушах. Все остальное не имело значения: ни голос телеведущей, ни мужчина в кадре.

Видела бегущую строку. Мне вложили в руки пистолет перед финальным забегом и когда начнется старт отец отдал право решать самой. Могла держать пистолет еще долго, или громким выстрелом объявить финальный забег начатым. Конечный пункт.

Но издеваясь, раздался звонок мобильного телефона на всю кухню. Вздрыгнула от неожиданных звуков и нечаянно обронила кусок мяса, который отбивала молоточком.

«Хаски», — надпись на телефоне.

Бастард подери! Слышала звуки мелодии, но руки грязные в ошметках мяса, и я боялась взять трубку. Пальцы дрожали возле телефона.

Могла ведь сейчас плюнуть и позвонить домой. Один звонок, и я бы сняла бриллиантовый ошейник с шипами. Отец разрешил вернуться, дал пистолет, право выстрелить самой.

Тогда почему под проточной водой смыла грязь с рук. Взяла телефон в руки, смотря как вызов закончен и вопреки ненависти вместо отца или матери отправила исходящий звонок на тот же номер, который недавно звонил?

— Да, — произнесла коротко, но в ответ — равнодушный приказ, как и прежде.

— Через полчаса за тобой заедет шофер, будь готова, — и ни слова больше, но и этого достаточно, чтобы вызвать реакцию извержения вулкана в сердце. Горячая магма разлилась

по крови.

***

Это последний раз... последний раз... когда могла видеть его.

Поэтому постаралась выглядеть, как можно прекраснее, ведь последний раз увижу его. А больше никогда не попадусь на глаза.

Всего один раз позволила себе немножко поддаться обаянию, иначе буду проклинать всю жизнь, что не воспользовалась. Так, наверное, считает смертник или суицидник, перед шагом в неизбежный конец, пытается сделать все, что не успел.

Красиво накрутила волосы, пусть и накладные, несколько часов продержатся пышной, волнистой копной, легкий макияж, подчеркивающий голубые глаза, их широкий разрез. Каблуки очень высокие добавляли рост и голубое, воздушное платье, подол порхал при ходьбе.

Очень удивилась, когда спустилась из дома на парковку при входе обнаружила черный, заведенный ретс, вроде говорил, что шофер приедет.

Сердце дрогнуло в груди, больно ударило об ребра, я не приготовилась к встрече с ним, с трудом заставила отворить пассажирскую дверь, скользнуть в прохладное помещение. Кондиционеры работали на полную мощь, любил Хаски холод, а я мерзлявая.

— Привет, — пришлось выдавить из себя и даже посмотреть на мужчину на водительском сидении. Встретились глазами и надо было как-то реагировать, а не пялиться друг на друга. На мое приветствие не отреагировал, отвернулся, обычно я его игнорировала, а он пытался разговаривать. Например, спросить, как прошел день, я хоть и злилась, но отвечала, что нормально.

В голубых джинсах, обтягивающих массивные бедра, и белой рубашке с коротким рукавом. Подстригся и больше не было мешающих волос, которые после душа кучерявились, почти лысый смотрелся, но от этого почему-то лицо казалось массивнее и еще... сипатичнее. Не злым, а приятным.

— Пристегивайся, — скомандовал, прежде чем успела это совершить, машина с ревом мотора стартанула. Что за манера вождения, иногда молилась, чтобы не помереть во цвете лет.

Начали дорогу молча, пока ехали по этим их непрерывным дорогам, взмывающим то вверх резко, то вниз. Окно приоткрыли в салоне.

Хаски о чем-то сосредоточенно думал, готовился меня кинуть? Я ему надоела? Я готова, пусть побыстрее это скажет, устала быть в неведении. Со спокойной совестью уеду завтра, позвоню отцу.

Не сразу поняла, когда на трассе машина плавно затормозила возле обочины и мы остановились. Оглянулась по сторонам. Эта дорога соединяла с центром Арзонта. Вопросительно повернулась к водителю, он поставил автомобиль на аварийку, значок настойчиво мигал на табло.

Хаски смотрел на меня:

— Иди сюда, — это не совсем то, что ожидала услышать.

Всего один раз.

Сердце ударами подгоняло быстрее перелезть на соседнее сидение, оседлав мужчину. Скинула прежде туфли на огромном каблуке.

Сегодня впервые не прятала глаза — внимательно изучала последний раз Хаски перед собой.

Впервые сама по доброй воле обхватила его голову на затылке.

Сама потянула на себя, желая приблизить его губы к себе. И целовать, целовать эти губы, дурацкие губы «уточкой», над которыми столько смеялась, над его смазливой рожей. А сама не могла остановиться, целовала нескончаемо долго, прижималась к горячему телу мужчину и чувствовало, как руки сильно обнимали мою талию.

Мне необходимо было запомнить, что такое добровольное быть с ним, оставить это обоюдное желание в памяти, а не то насилие, что прежде. Которое отчаянно ненавидела.

Какого это не прятать глаза, не скрывать эмоции, дрожать, когда его руки едва не рвали платье, сжимали ткань пальцами. Бегунок на платье резко расстегнули, достали из ворота грудь и принялись играть с нею.

Оторвался мужчина ради того, чтобы яростно перейти поцелуями на шею, на открытую грудь, готовую хоть миллиарды раз принимать эти болезненные ласки-укусы на себе.

Мучить нас долго не стал, я едва не застонала, когда услышала звук открываемой молнии. Пальцами едва заметно Хаски dokonсулся до белья между ног. А когда отодвинул мешающую ткань и с рывка посадил мои бедра на себя я все-таки вздохнула протяжно.

Больно до скрежета зубов сжала челюсть. Дима положил руки на талию, чуть приподнял мое тело и вновь насадил вниз, будто приказывал двигаться немедленно. С чем я не стала спорить.

Впервые сама двигалась, подбадриваемая лишь его руками, которые каждый раз хотели ускорить процесс. Быстрее и быстрее.

А мне нравилось, что мужчина не двигался, находился в моей власти, ждал, когда опущусь резко на него или наоборот очень медленно буду аккуратно приседать, покачивающими движениями. Как это приятно заставлять его нетерпеливо приподнимать бедра ко мне навстречу.

И поцелуем я управляла, могла наградить, дать свой язык ему, а могла медленно едва прикоснуться губами к его приоткрытому рту, жаждущему.

И Дима позволял командовать, это наполняло эйфорией, небывалым удовольствием. Владеть сильным мужчиной, которой вздрагивал и, кажется, оставлял синяки на моих бедрах, до того каждый раз пытался глубоко посадить на себя.

Тело задрожало в предвкушении оргазма, не переставало конвульсивно биться, пока волнами накатывали нескончаемые потоки бури, во мне, внутри, в соединенных тела.

Любовник остановился почти вместе со мной, ловя губы языком и изливаясь в меня. Давил изнутри пока сжимался и разжимался, а я не хотела отрываться от этих губ.

Всего один раз, последний раз, уговаривала себя, пока мы целовались, так как никогда раньше. Будто между нами не было не понимания, проблем и главное насилия.

Всего на один день забыла об этом.

***

Перех входом остановились на обочине возле Рая, успело стемнеть пока добирались. Отстегнулась, остаток дороги провели с Хаски в гнетущем молчании. Едва слезла, как опять стойкое молчание, кажется еще хуже, чем обычно. Даже я иногда с подозрением поглядывала на водителя. Почему он медлил? Не говорил о том, что вдоволь насладился мстью?

— Ананина? — хотела открыть дверь, но остановилась на вопросе. Собралась с мыслями, с четким сердцебиением, превышающим обыкновенный ритм ждала продолжения. Он сейчас ведь скажет, что больше меня не желает? — Есть, что сказать?

Мысленно остановилась и не поверила в то, что услышала. Что имел ввиду? Всевышние силы, не говорите, что мой кошмар узнал, кто я? Отец вроде не давал моих фоток и новость сегодня разошлась по средствам связи. Только бы раньше времени не узнал, прежде чем исчезну.

— Нет. Нечего, — дрогнувшим голосом ответила, смотреть в глаза не могла, убрала на панель перед нами. Тишина идеальная в салоне.

— Уверена? — странным тоном уточнил мужчина, как будто на что-то подталкивал. Еще сильнее подозрения закрались. Только бы не знал.

— Уверена, — тихо ответила. Мужчина кивнул, ключ от машины забрал из подстаканников сбоку, где обычно ставил воду, туда же и телефон со всякими необходимыми предметами бросал.

— Пошли, — спокойно подитожил и мы не спеша пошли по лестнице, куда я когда-то поднималась одна, когда готовилась встать перед ним на колени, где накачали афродизиак и Трески лапал. А Хаски необычно для него взял меня не за ладонь, а приобнял со смешком за плечи. Смутное воспоминание всколыхнулось на границе сознания — когда он вел меня к пушке и Ивану.

Прогнала плохие мысли.

В бокале плескалось рубиновое темное вино, немного кислое, но в горле создавало приятный привкус. Горечь.

Она впиталась живым организмом, привыкла к ней.

Она на моей коже, в запахе, в теле, в дыхании.

Только я ее ощущала, больше никто: ни он, ни его друзья, ни обслуживающий персонал. Они существовали отдельно и плевать им на Бастарда.

А Хаски тем более. Его рука в очередной раз показала, кто здесь хозяин. Она ни на минуту не выпускала из плена, утверждала место. Правая ладонь аккуратно легла на колено, вызвала боязливую дрожь кончиками пальцев. Вновь. Пальцы шершавые, большие и теплые. Несколько горячие скользили, поглаживали по коже.

Он зол. По какой причине не поняла?

Пальцы не стали задерживаться, уверенно подобрались под подол юбки, которая была легкой, воздушной и приподнималась вовремя движения. Высоко задрал. Остальные прихвостни на диванчиках — верные дружки смотрели на юбку и руку, одновременно поедали взглядом откровенное зрелище. А Хаски заводило, что я в его власти.

Пальцы остановились, немного задрав юбку и легли чуть ниже трусиков, оставили простор для мужской фантазии. На противоположном диване валялся Макс подпирал подбородок рукой и очень внимательно смотрел мне между ног, где покоились пальцы Хаски. На лице Трески блуждала загадочная улыбка, уголок губ подернут вверх. Неожиданно поймал мой взгляд и подмигнул с явным подтекстом.

Я совсем забыла об этом ходячем недоразумении. Я же пообещала ему встретиться после корабля как-нибудь. Хорошо, Макс забыл и больше не приставал, а вот сегодня решил подразнить. Может Хаски рассказать, а он тому в глаз даст? Или не даст?

Поздно, это последний день, когда я здесь находилась.

— Что такого в трусах Ананиной, что ты с нее не слезаешь? — от мимики на лице Трески становилось не приятно, холодно. Не понимала, что от того ожидать.

Пальцы на ляшке не дрогнули. Трески курил сигарету протяжно с наслаждением, выдыхал дым изо рта, и попутно смотрел на нас, сидящих напротив.

— А тебе все расскажи. Клад, Трески, клад, — не часто слышала в голосе Хаски веселые нотки. Смешки в очередной раз избили спину и уши.

— Дырка, она и у Баллийцев дырка, — повторил Макс прием с повтором, как и Хаски улыбаясь. Смех стих постепенно.

Трески нагнулся перед маленьким, стеклянным столиком, где располагались напитки. Взял один из бокалов пустых. В другую руку бутылку холодного напитка. Налил. За его действиями наблюдали в полном молчании.

— Расскажи какими приемчиками наделила природа Ананину? Мне тоже любопытно... — я почувствовала предупреждающий сигнал от Хаски. Он машинально сжал мою ляшку, на что не сдержала удивленного вздоха. Это совершенно точно было не специально, потому что сразу Дима расслабил руку и убрал. Поднял спину от дивана, локтями упираясь в колени.

— А ты, Трески, не лезь в мою кровать, а то подумаю что ты педиком стал... — смешки убрал из голоса. Любые намеки на смех.

Облил душный поток от этого голоса. Это как тогда в спортзале при знакомстве, это как тогда рядом с Иваном. Это как...

— Да лучше педиком быть, чем как ты за Бастардом на лапках бегать, — Макс с улыбкой изобразил пса: подставил две руки перед собой, закручивая ладони вперед и высунул язык на бок. Послушная животинка.

— Да ладно, брат, — внезапно Трески приподнялся с дивана, наклонился над стеклянным столиком и хлопнул с силой по плечу Хаски. От этого мини-удара я вздрогнула.

— Я тебе сочувствую, так унижаться ради Бастардовской дырки... — Макс поднял стакан с белой жидкостью кивнул в нашу сторону, будто выпьет за нас.

Движение повсюду. Люди повскакивали с диванов и кресел. А потом я сама вскочила с места, когда холодный алкогольный напиток вылился под ноги с осколками стекла от разбитого стакана. На щиколотку попали капли напитка.

— Спокойно, Диман, — Польски стоял по одну сторону, по другую — Виталик. И держали ребят за плечи, туловище, локти, что первое попадалось.

Рука, которая гладила меня, теперь с силой сжимала горло Трески. Вены вылезли на висках и горле пленника.

— Щенок, о чем пицишь? — даже мне Хаски еще не говорил свистящим шепотом угроз, думала познала все оттенки злости и ненависти в его исполнении.

— Что слышал, — прохрипел Макс, за что хватка на шее сжалась сильнее. Польски дернул Дмитрия за руку, пытаясь оторвать, но Хаски обошел стол и поравнялся с Трески, держал животное за шею и готовился вспороть брюхо. На голову возвышался над соперником.

Но шепот врезался выстрелом в мозг, и мы запоминали. Слышали и внутри оставляли, как правило. Не перечить.

— Твой язык давно подбешивает, давно бы убрал, но ты бываешь полезным пронырой. Поэтому пока жив, — я видела, что Трески почти на носочках стоял, поднятый силой Хаски. Голос Виталика просил остановиться. Друг был испуган, обычно не встречал в разборки.

А я стояла неподалеку, меня это не касалось, но впервые радовалась, что гнев направлен не на меня, а на кого-то другого. Упивалась радостью — не я мишень.

— Трески, а ты случаем не втюрился в Ананину? — смотрела на крепкую спину, массивную руку, держащую Трески за горло, и мне казалось что эти пальцы сейчас

направлены не на шею Макса. Они перемещались по направлению ко мне с намерением задушить. Теперь голос Хаски не шептал, говорил со смешком:

— Постоянно слюни пускаешь по еезаднице и сиськам, думаешь я слепой? Мне собственно, плевать куда ты пялишься, только дружочек, не ровняй всех по себе. Мечтаешь к ней в трусы залезть — валяй, — внезапно отпустил горло «друга». И с размаху обнял, хлопнув по спине, также как тот ранее.

И они оба обернулись ко мне. На лице Хаски эта страшная улыбка. Трески тер шею и пытался восстановить дыхание, пока на меня не смотрел, потом поднял взгляд, а я внутренне вздрогнула.

Удар Хаски был направлен все равно на меня. Он никогда не забывал, кто главный враг.

Словно услышал меня, Хаски повернул голову, остальные присутствующие проследили за взглядом.

Он улыбнулся. Нет. Не нормально улыбнулся, а как тот кто готовил смертельно опасный выстрел, и я не знала на кого направлено дуло пистолета.

— Иди сюда, Ананина. Какую цену заплатишь? — поманил пальцем, но обращался к Трески. На веревке потянул за кончик, и я двинулась в его сторону. Обреченно, как собака на поводке. Под ногами хрустнули осколки стекла, но я не смотрела на них, а на поводыря.

— Цену назови, Макс, не думаешь же, что бесплатно отдам клад? — засмеялся, а я вздрогнула. Будто копье вошло в грудь с одного удара в самое болезненное место. Не смела показать свое состояние, заставляла держаться ровно, как Вильмонт. Гордая спина и осанка.

— За твоего Бастарда? Дай подумать, — Трески насмешливо почесал подбородок. Они по-прежнему, как друзья, обнимались. — Как насчет тысячи кредитов?

Примерно среднестатистическая зарплата служащего в месяц.

Удовлетворенный моим послушанием, Дмитрий говорил строго в глаза, мне, мы будто наедине.

— Развлеки друга по полной катушке. Как ты умеешь, может поймет что за клад в тебе зарыт. Деньги переведи на карточку, — последние слова относились к Максy. Махнул приглашающим жестом в мою сторону. — Надеюсь на тебя, маленькая, не разочаруй.

Подмигнул и схватил за ладонь, потянул ближе, передавая в руки своего друга. Теплая рука препроводила в чужие, холодные, незнакомые когти.

— А мне пора восвояси встреча с маменькой, как понимаете это немного более важно, чем оргия с Бастардом.

Никто не проявлял активности жизни. Один Хаски.

Я опустила внезапно взгляд. Впервые за долгое время покорно спрятала на полу. На красном ковре под ногами, на осколках стекла от бокала, на пятна прозрачной жидкости. Мелкие соринки, пепел. Мусор под ногами. Видела мелькающие подошвы кроссовок Хаски.

Приостановился мучитель. Под подошвой увидела осколок, который звучно хрустнул, когда на нем развернулись.

— Чуть не забыл, — начал вполне миролюбивым голосом. Из джинсов достал кошелек, оттуда вытащил аккуратно белую, небольшую карточку. — Пользуйся в свое удовольствие!

Передал карточку Максy, а тот прочитал и расплылся в неожиданной улыбке.

— Ха! Ты сохранил? — Максим показал на бумажку и отдал мне в руки.

Белый фон, наверху золотистым курсивом логотип «Амиак».

Хаски развернулся вновь на треклятом куске стекла. Он вдавливал, вдавливал его с каждым разом сильнее и сильнее вглубь. Не удовлетворившись выражением лица, вкручивал

медленно по кругу осколок, вспарывал кожу, тело, круговерть мыслей. И наконец, дошел до сердца, вогнал осколок и туда. Никогда не думала, что острое доберется дотуда.

«Анна Ананина № 58687. Бастард. Первый владелец — Дмитрий Сергеевич Хаски
Право использования не ограничено. Срок открытый. Право продажи и передачи закрепляется за владельцем.»

Опустила руку с карточкой по шву, смотрела за ногами которые перемещались по ковру грязному, испачканному. Топтали, топтали грязь под ногами.

Стало тихо и одиноко, один на один. Никто не пожелал стать свидетелями позора. Подняла взгляд пьяный, блуждающий, но выпила я мало. Нет. Не один на один, трое на одну.

Макс на меня смотрел, и я не знала, что от него ожидать. Страх, боль? Его знакомые ребята остались скорее всего для компании, вряд ли для развлечения над Бастардом.

Нет слов, да и к чему, если итак ясно. Прихоть аристократовская, а я рычаг управления — забава одного и место отмищения другого.

Макс. Смотрела на его закрытые глаза перед собой, на лоб и прикрытые глаза. Сама не закрывала, с трудом уложила тело на диван, холодный, не привычно ледяной. Захотелось съежиться, сдвинуться с места, но не могла прикованная тяжелым, худощавым телом Аристократа и взглядами двух других сбоку.

Они смотрели на нас. С удовольствием бы выплюнула язык Трески обратно ему в рот и затолкала подальше. Пальцы, которые забрались под юбку отрезала по фалангам. Там где были шершавые, большие пальцы Хаски скользнули ледяные, от которых ком в груди разросся, как снежный шар. А я не двигалась, пыталась закрыть рот, но не давали сделать, засовывая язык внутрь. Мне больно. Больно. Больно.

И не понимала источник боли. Трески не бил, не лупил. Наоборот, пытался возбудить, а мне тошно и больно. От беспомощности, от собственной глупости.

Это конец, прикрыла глаза, расслабилась. Устала бороться. Хватит. В конце концов когда-то была Вильмонт. Анной Вильмонт. С ней так не обращались.

Рука медленно опустилась на пол беспомощно повисла сломленной веткой. Пальцы коснулись пола — а именно осколков.

Я отстранилась — но лишь на секунду, а потом погладила холодное острие. Большой осколок. Как раз можно вспороть шею, до того сильно ненавидела их. Всех и каждого. Желала им смерти.

Нащупав осколок взяла в ладонь, кожей ощутила неровные, битые края и сжала с силой, пытаясь придти в себя. Проснуться. Боль пронзила ладонь, пальцы отчетливыми бороздами. Разила, пока стиснув зубы чувствовала чужие руки, которые задирали юбку и слышала шепот на ухо.

Усилила сжатие. Проснись. Проснись, Вильмонт...Проснись! Еще сильнее сжала, наслаждаясь вспышками боли на коже и слезами, что появились, наконец, на глазах.

Предупреждающе подошли два наблюдателя. Один из них отрицательно покачал головой, запрещая использовать осколок. Подумал, что пушу в ход? Просчитался...

Усмехнулась, перемещение губ ощутил Трески. Приподнял голову, молчаливо вопрошая об улыбках.

Макс оторвался от поцелуя, а я с силой сделала замах насколько позволяло пространство и лбом, точнее лобными дугами ударила в нос Трески, с целью разбить хрящ.

Сокращение мышц почувствовала и отползшее тело назад. Вскочила, с подозрением глядя на прихвостней Трески.

— Ананина, сука... — сквозь зубы процедил Макс. Я приготовилась ко всему, что могло последовать. Самое главное, чтобы они воспользовались силой, но нет.

— Знаю, Максим, — один дернулся в мою сторону к дивану через столик.

Я отпрыгнула в другую, под ногами захрустело стекло.

Подняла за край стеклянный стол и перевернула на бок, ставя барьер и отпугивая нападающих..

Еда, напитки, пепельница посыпались на ковер горсткой мусора. Трески сбоку приходил в себя, придерживал нос, его не следовало списывать со счетов.

Еще один мужчина с удивлением и медленно закипающей злобой в глазах протянул руку. А я машинально отскочила в бок, словно она была ядовитая. С другой стороны очнулся Трески

Быстро насколько могла рванула кшторке, но голову дернули назад вместе с волосами. Потерялась, едва не рухнула.

Где-то на грани сознания и реальности взяла себя в руки.

Проснулась от кошмара под именем Хаски. На ощупь определила голову мужчины, держащего меня. С задраным лицом видела только потолок и яркую раздражающую люстру, которую ненавидела в последнее время. С силой сцепила пальцы на затылке мужчины и потянула вниз. Колено вновь согнулось, разбивая хрящ на носу второго соперника.

Волосы освободили.

Темный коридор, на память бежала. Каблуки мешали.

— Придушу! — орал в след Макс, разбавляя тишину в клубе. Готовились к открытию Рая, официанты и обслуживающий персонал занимались делами, пока никого не встретила по темному коридору.

Из туфель на бегу удалось избавиться.

Мимо прошел официант, проводил взглядом.

— Хватайте ее. И ты Тифон! — орал Трески, покуда я бежала через танцпол по направлению к выходу. Там могли быть охранник и менеджер. Нет, вроде никого не было.

В спину ударила волна боли, заставила навзничь упасть лицом в пол и жалобно проскулить. Не переставая тело дергалось от удара электрических токов, дрожали конечности и дышать не могла.

Финиш. Теперь я подняла пистолет, который приготовил отец, навела мысленно курок.

Рукой с трудом хлопнула по холодному полу, вспышки боли перестали колоть, голубые прожилки энергии отпускали тело, отрывались от кожи. Сильнее. Сжала ладонь на ледяном полу, высвобождая поглощаемую энергию из воздуха.

Рикошет. Сила, направленная на меня прямо пропорционально той, которую я в ответ отдавал им. Теперь плевать, пусть знаю, что у меня две энергии.

Ток взорвался по полу, прополз страшной змеей и ворвался в тела Тифона и Трески, мужчины упали без движения. Видимо, сильный заряд Макс направил в удар.

А я немедля, невзирая на покалывающее до сих пор тело прибавила бегу, голыми ногами по скользкому полу. Лишь бы не упасть на их отполированном кафеле черном-красном.

Хватаясь за ручку двери сердце обрадованно сжалось, запрыгало в груди. И остановилось трусливое, когда сильные руки перехватили поперек туловища, а я завизжала в отчаянии.

— Нет. нет... Тифон отпусти...отпусти, — как заведенная повторяла, горло сковал

спазм, с трудом видела перед глазами слезы.

— Отпусти, — отдираала руки от себя. — Отпусти! — но Тифон не слышал, поставил на землю, когда один из официантов равнодушно дошел до нас.

— Поймал? — поинтересовался у Тифона, а я сжала челюсть и заморгала, отчаянно прогоняя эмоции.

Предприняла последнюю попытку спастись, пока слезы не сделали окончательно слепую. Ногу опустила с размаху на мужскую, эффект неожиданности должен был помочь.

Хватка ослабла, стала просторнее, чем я и воспользовалась. Нырнула вниз под руки держащего Тифона.

Выхватила у официанта поднос с бокалами и, встав на цыпочки, опустила на голову мужчине. Град осколков красиво заблестел на плечах.

Мне все равно останутся у него шрамы или нет. Официант попытался схватить запоздало за руку, но я успела отворить дверь и еюударить в лоб обслуживающему персоналу.

Тьма. Фонари горели ярко над головой. И я, как слепая, бежала по лестнице по памяти, молясь чтобы никого не встретить. Глаза жгли слезы и этим слезам было позволено выкатиться из глаз.

Бежал за мной кто-нибудь или нет, не знала, не слышала, а только просила неизвестные силы помочь мне.

Один единственный последний раз. Всего один раз, о большем не просила. Бежала очумело по горячей мостовой, от которой жгло ноги, лицо покрылось испариной от быстрого бега.

Только бы спрятаться подальше отсюда. Подальше от его клуба. Подальше. Дальше. Дальше.

Сначала бежала, слушая свое дыхание и страх, который бился в груди от возможности быть пойманной. Хаски, наверное, успел уехать. Где могла спрятаться в Арзонте?

Это далеко, но я бежала. Иногда переходила на шаг, когда становилась невмоготу. Несколько раз казалось, что след наблюдали, тогда оглядывалась и переходила на бег. Забывала, как под сердцем колело. Одни тротуары и дороги.

Где район Асгары? Там возле дома Ирины по фоткам я видела фонтан красный.

Машина наперерез остановилось. Сердце испуганно спряталось за ребрами когда я увидела тонированные стекла. Дверь отворилась на пассажирском сидении и оттуда раздался знакомый голос Имины. Ее не было в клубе. Откуда она здесь?

— Садись, — на приглашение нырнула в прохладное помещение, жадно дышала, на помощницу не смотрела. — Куда тебя?

— Район Асгары, — тихо ответила. Отвернулась к окну, чтобы не показать Имине предательские ничтожные слезы, которые ненавидела за слабость. Я почти никогда не плакала. По пальцам можно пересчитать количество раз, когда позволяла себе быть слабой.

— Ань... не плачь... это что-то странное..

— Прошу не надо, — резко оборвала попытки что-либо объяснить. Какие объяснения? Больше не надо ничего знать, пора забыть, как я и хотела. И вернуться.

Наконец-то. Завернули в первый попавшийся сквер, уходящий внутрь от основной дороги и наткнулись на кирпичный дом. Один из коттеджей улицы Асгары, черные огромные ворота, шпилями уходящие в небо.

— До свидания, Имина, — дала понять, что прощалась по-настоящему. Девушка не спешила уезжать. Пускай, скоро многие узнают, кто я такая.

Домов вокруг красного фонтана было три и который из них Ирина пока не понимала. Определить на память не могла, они копия друг друга. Наобум подошла к дому по середине.

Позвонила в домофон, но на улице стоял охранник и намеривался подойти. Я замолотила по кнопке вызова, отчаянно оглядываясь по сторонам. Никого вроде нет. На звонок никто не отвечал, а охранник приближался, с явным намерением выгнать. Босая Бастард с улицы и я бы выгнала.

— Девушка, что вам надо? Это частная территория! — громко цокая по асфальту каблуками лакированными, предупредил охранник. Приоткрыл дверь, желая прогнать чужака. Я не отступала.

— Здесь проживают Ирина и Алексей?! — от испуга стала кричать. В любой момент могли найти.

— Эмм. да... только, я вас пустить не могу, — мне повезло, повезло с радостью вздохнула.

— Пожалуйста, позовите Ирину или Алексея! — жалобно попросила, не было другого выбора, только молить помочь.

— Не положено. Вы нарушаете неприкосновенность частной территории! — мужчина взял за руку с явным намерением выпроводить подальше от ворот. — Иначе я вынужден буду применить электрошокер!

Не знала, что предпринять. Мужчина не воспринимал Бастарда за личность, поэтому не стал говорить или пытаться понять. Неожиданные помехи, совсем тихий голос.

— Да...Алло!? Что вы хотели? — невероятных усилий стоило вырвать локоть из рук охранника и подбежать к домофону.

— Ирина, это я Аня. Помоги мне...помоги... — протараторила. Молчание вместо ответа и я вспыхнула. — Открой дверь! Я сдохну, если ты мне не поможешь!

Ударила со всей силы ладонями по шпильям двери. Охранник насильно заломил руки за спину, так что я согнулась. Не хочу возвращаться.

— Ирина, твою мать... — простонала, но не от боли, а от слез, которые наносили больше вреда.

— Отпусти, Олег. Пусть девушка зайдет... — охранник замер, запоздало отпустил руки Бастарда. Я в очередной раз оглянулась по сторонам — Имины не было больше. Ноги дрожали пока шла по дорожке из камня, ведущей в незнакомый дом.

Асфальт невероятно жег стопы, и я это поняла только сейчас. Ни когда бежала, а сейчас, когда осторожно ступала и чувствовала каждый неровный камушек.

Аккуратный симпатичный домик, как и раньше, дверь деревянная. Зашла грязными ногами внутрь дома, встала на коврик, где разувались. Нечего снимать, обуви нет.

Никто не встречал, и не нужно встречать. Налево коридор и две двери, ведущие в огромный зал, распахнула их.

Понимала, что испачкаю ковер и их полы, но что делать?

Ирина. Моя Ирина сидела на диване, не отводила глаз от телевизора. Не изменилась, фигура как и до беременности, халат приоткрывал длинные ноги, молочно-белая кожа, курносая. Единственное, что изменилось — округлость щек. Волосы по плечи, шатенка.

Ломинат заканчивается под моими ногами, я опустилась на него перед самым ковром на колени и оперлась спиной о стену.

Пусть здесь такой видят. Пусть здесь меня видят разбитой, несчастными осколками некогда Анны Вильмонт.

Долго разбивали, с каждым днем пробивали трещины всё новые и новые. Более глубокие, длинные. Они исполосовали от ног вплоть до горла, вспороли брюхо и изрезали мое настоящее лицо.

Ирина подседа, пытаясь приподнять за локти.

— У меня не вымолишь прощение глупым концертом. Я не куплюсь больше на твои актерские способности, Вильмонт! — она пыталась отнять мои руки. Но я не могла подняться, хотелось сидеть и не вставать никогда больше. Валяться внизу.

Ирина оставила попытки поднять нежелающую девушку и присела рядом. А явзглядом скользила мимо ее плеча в направлении темно-коричневого дивана. Как будто он самая важная деталь в жизни.

Бастард, подери! Из глаза по носу и на темный ковер упала капля слез, разбивась в дребезги. Вторая, третья.

— Успокойся, — Ирина постаралась пальцами стереть влагу под моими глазами. Я вырвалась раздраженно.

— Не смей жалеть! И я ни в чем не виновата перед тобой и перед другими! Я не виновата! Отец сказала бежать! — голос замолк, да только внутри по-прежнему рвалось от крика в груди. И я беззвучно сидела.

— Пойдем, — ее руки тонкие на локте. — Вставай. Не сиди на полу, а то заболеешь.

Хотелось сдохнуть от ее заботы. Я отвыкла от этой заботы над глупым Бастардом. Забыла, что такое жалость, ведь Хаски научил одной важной вещи — не стоит себя жалеть. Жалость никому не нужна.

Теплая ванна, наполненная до краев. Слезы смешивались с теплом воды, отчего остывала гораздо быстрее, но холода я больше не чувствовала. Ирина стояла сзади на коленях и пыталась разговорить, а я молчала на попытки.

— Я даже не знаю, как реагировать на тебя, Вильмонт. Я попросилась с тобой, — сестра гладила по волосам, расчесывала их мокрой расческой. — А ты здесь оказывается, правда все равно ни жива ни мертва. Я не буду ни о чем спрашивать. Я лучше поговорю, так же быстрее успокаиваешься, правда?

Разговаривала, как с глупеньким ребенком. Как когда-то в детстве, когда я ударялась нечаянно, получала синяки и ссадины по неуклюжести, сдерживала слезы, а она меня успокаивала.

Засмеялась нервно, сквозь слезы, вспомнив тоже несколько таких инцидентов.

— Ты же ни сама это выдумала? Правда? Значит отец тоже знал... давай снимем тебе волосы, они не расчесываются, — я пожалала плечами неопределенно.

Ирина привстала, пошебуршала на моей голове и легко повела рукой назад. Я чувствовала, как голове становилось просторнее, настоящие волосы выпрямлялись от былой тяжести.

— Пожалуй стоит всю голову помыть. Закрой глаза. И переставай уже плакать. Это не ты... — правильно, я Ананина. Анна Ананина и кажется я умирала здесь в этой комнате. Один на один с Ириной. Не повезло Ане и мне.

Обе умерли под одной фамилией. Когда волосы грязной кучей свалились на пол, я почувствовала облегчение. Совсем небольшое. В груди сердце не билось в цепях, оно спокойно рухнуло вниз.

Эпилог или "Что-то не так"

Эпилог или "Что-то не так"

Какая жара, не реально. Мое тело научилось поддерживать температуру, гораздо выше, чем привычное состояние, чтобы в случае необходимости поделиться теплом с той... с Бастардом. А теперь никак не мог вспомнить, как понизить эту температуру. Бесило.

Нашел мяч небольшого диаметра и все утро стучал им по стенам и полу. Что-то не так. Рука порой вздрагивала, и я промахивался. Не прикасаясь к мячу водил ладонью, представлял, как отбиваю его в направлении — сейчас, например, в сторону стены рядом с телевизором. Махнул ладонью резко вбок, стараясь попасть ниже телевизора примерно на уровень розеток. С вибрацией лицо неизвестного политика пошло рябью пониже середины экрана. Сам телевизор покачнулся, но продолжил работать в прежнем темпе. Опять промахнулся.

В обратном жесте по направлению к себе подал ладонь. Мяч, скакавший на полу послушно нырнул в руку. Сжал твердо округлый предмет и прислонил ко лбу. В этом положении и застал Польски, как всегда появившийся, когда его не ждали.

— Диман! Тут? — нет, я сдох и летал на облаках в виде ангела. Тебе так ответить?

Скептически олядел веселящуюся рожу, потом занялся подкидыванием мяча. Так по крайней мере меньше раздражающих факторов. Подкидывал мяч вверх и ловил внизу на расстоянии пары сантиметров от носа.

— Долго будешь валяться и ничего не делать? — а что я должен еще сделать? Покорить мир? Заработать очередной миллион и очередную головную боль? За каким спрашивается счастьем? — А игнорировать долго будешь?

— На тупые вопросы не отвечаю, поэтому приходится молчать.

— Ты опять не в духе, — подвел итог Санек, глядя на меня.

— По делу или херней пострадать?

— По делу. Взорвали мост. Охрана Вильмонт стояла в тот час, у нас был пересменок. Может начнешь напрягаться? — ого. У Санька раздраженный голос, даже прекратил чеканить мяч об потолок, приподнялся с дивана на локтях и улыбнулся.

— Прикольно. Ты злишься, — прокомментировал и улегся обратно на лопатки. — Давно не видел у тебя таких эмоций. Я тебя раздражаю?

— Нет. Твоя секретарша, прелестный одуванчик с пирожками и горячим чаем... — усмехнулся про себя. Сарказм из него пер. — Поехали, КМД-ники нас ждут. До тебя видите ли не дозвонишься, как до твоего папашки, когда он трудится на благо своего члена. Я подумал и ты занят, — продолжительное молчание. Если не слепой, то сделает вывод, что я здесь один, не считая Гретты. А о той грешно подумать в подобном русле даже самому прожженному убийце и извращенцу. Нечестивец заплачет у нее на коленях, стоя и моля о прощении за помыслы грешные.

— А без меня никак? Результат сообщишь по телефону. Я не спец по уликам...

— Поднимай свой зад и поехали на мост. Заколебал. Ты в прошлый раз так говорил. Я повелся, а потом три дня не мог найти тебя нигде, — Польски обнаглел сделал я вывод, когда друг взял за руку и попытался поднять. Силач нашелся. Может ударить ему в уголки глаз для быстреего прихождения в норму? Руку вырвал, но приподнялся.

— Как вы мне надоели! — пробубнил с тяжелым вздохом, поднимаясь в полный

рост. — Надоели ваши долбанные звонки. Выключил телефон, — указал гневно на столик маленький, прозрачный, где лежал телефон серебристый. — Чтобы вы не доставали! Знакомиться с будущими родственниками не желаю! Выбирать обои для нового жилья — не собираюсь! — голос повышал силу. — Твои сранные звонки Польски — заебали! Твой вид, твоя рожа. Отцовская рожа — Виталик — вы все отвалите от меня. Почему от меня столько всего хотят? Почему Я должен?! Да пошло оно нахер!

Взмахнул раздраженно руками, наверное, хотел в чью-то шею вцепиться. Ветер пронесся из рук в направлении телефона и столика, оттуда пролетел торпедой в окна из трех стеклопакетов.

Грохот, звон, заглушил мою дальнейшую речь. Столик, перевернутый вверх ногами, с треском разбил окна. Одно за одним как карточный домик стали рушиться. В окно улетел телефон, в другое пепельница. И в кабинете только наступила секундная тишина — как следующий звук — тяжелый грохот вновь привел меня в мысли.

Черный пятнадцатикилограммовый тонкий телевизор от удара мяча, не сползший со стены, теперь же рухнул вниз экраном, а сверху на него упали осколки от лампочек на потолке.

Что-то тут не так.

— Ее труп нашли на том мосту... — развернулся на ходу. Осколки посыпались на спину и плечи. Откуда столько колющих предметов и меня не задевали, хотя ветер сильный бил в окно на таком этаже.

— Дмитрий Сергеевич, на вас напали? — вошла секретарь, окидывая взглядом необычную обстановку.

На весь кабинет и здание заорала сирена, сигналившая о нарушении безопасности здания корпорации X.

Что-то определенно не так...

***

С пристани или откуда-то с уровня берега океана хорошо виден мост, один из крупнейших в мире, но пока не достроенный до конца. В длину он более двадцати километров, практически завершен. Его строили не один год и поначалу умалчивали о истинной цели — соединении острова Хаски и Вильмонт с Арзонтом.

Мост почти достроен, огромный, в высоту достигал нескольких километров, стальная конструкция, прочная, предназначенная для проезда самых разных видов транспортов. Ярким сегодня горели фонари на самом верху ферм — стальных тросов, удерживающих всю тяжелую махину. И океан становился не прозрачно-бирюзовым, а в темноте приобретал оттенок необычно-фиолетовый, не естественный цвет воды.

С берега это новое явление в Арзонте считалось одним из самых романтичных, парочки со всего города лежали на пляжу, наблюдали за необычным океаном, предаваясь любовному лепету на ушко и нежной ласке. Но сегодня цвет сменился.

Сначала, лежа на гамаке, пара молодых людей увидела странное. Резко прочный стальной канат на середине моста оторвался откуда-то сверху и упал вниз на воду. Подняв брызги. Затем прошло дрожание по земле, и даже пара, лежавшая на вису в гамаке, почувствовала вибрацию от деревьев.

Наблюдатели успели приподняться в удивлении.

— Ты видел, Дань? — спросила девушка, не отнимая взгляда от произошедшего на горизонте, боясь что-то произойдет. И оглушительный взрыв вдруг накрыл звуковой волной.

Девушка зажмурилась от громкости, закрывая глаза. В голове произошел беспорядок, стало очень звонко и громко, захотелось эти звуки убрать из себя, выкинуть, но в голове по-прежнему звенело. Когда стихла какофония шума, глаза можно было раскрыть и увидеть вместо прежнего приятного фиолетового оттенка океана столп сероватой пыли распространился по всему мосту. А опора по самому центру, не сдерживаемая стальным канатом, без поддержки рухнула на мост, пробивая асфальтовую конструкцию. Белое полотно летало по воздуху, а последствия шума, эхо еще немного времени раздавались вокруг.

Тишина на миг. А потом сигналы автомобилей на многие километры, движение заблокировано на мосту точно по середине.

Мост раскололся на двое.

Говорят всевышние силы не желают объединения рода Хаски и Вильмонт. Сама Немийская земля против перемирия двух врагов...

Больше книг на сайте — Knigolub.net